

Природа

ЖЕСТОКОСТИ

Л. Х. КОСВЕЙ

ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ • КНИГИ О ЛЮБВИ

Независимый современный любовный роман о любви, ненависти, жестокости и прощении. Жизнь Ланы не проста. Она больна, но не позволяет болезни управлять ею. Девушка влюбилась с первого взгляда в брата-близнеца своей лучшей подруги, однако влюбленный порыв длился недолго. Этот парень пропитан ненавистью, и сделал её несчастной. Лучший день в жизни Ланы — тот, когда он уехал в Лондон шесть лет назад. Его зовут Роберт. Он нападает на тех, кто любит его. Ему всегда нравилось играть с Ланой, и наблюдать, как далеко это зайдет. Он получал удовлетворение от её боли и не более того. Сейчас Лана собирается в Лондон, чтобы пожить летом с его сестрой, и на этот раз в планах у Роберта стать её другом, а не мучителем. Но прошлые издевки травмировали Лану, и у неё нет причин доверять ему. Когда двое встречаются под одной крышей, они заключают перемирие. Это лето изменит их жизни, ведь Лане и Роберту придется забыть свою историю и заново узнать друг друга. Когда страх берёт верх, мы используем жестокость как маску. Но любовь Роберта и Ланы откроет их истинные лица.

Оригинальное название: *The Nature of Cruelty by L.H. Cosway*

Л.Х. Косвей «Природа жестокости»

Автор перевода: *Настя А., Анна М., Марина Б. (с 8 главы)*

Редактор: *Ольга С.*

Вычитка: *Алёна Д.*

Оформление: *Катя З.*

Обложка: *Ирина Б.*

Часть первая

Жестокость редко прощается

Глава первая

Июнь 2012 год

Иногда любовь и ненависть выходят из одного чрева.

Саша и Роберт Филипс жили со мной по соседству, когда мне было двенадцать. Они — близнецы, на два года старше меня, высокие и красивые, с тёмными глазами и волосами. Я думаю, что влюбилась в них с первого взгляда. Но вскоре от моей любви к Роберту и след простыл.

А вот Саша всегда заслуживала мою симпатию. Она одна из тех девчонок, кто заставляет чувствовать себя круче, просто потому, что тебя видели с ней. Она мой лучший друг.

Родители близнецов развелись, их мать — ирландка, а отец англичанин. Поэтому мама Лиза вернулась на родину, в дом, который рядом с моим. Папа Алан остался жить и работать в Лондоне. Так я получила новую подругу и её брата, который либо игнорировал моё существование, либо активно меня пытал.

Соседская семья приехала ещё в сентябре, но когда начались школьные каникулы, дети уезжали к отцу. Алан Филипс владел одним из самых успешных звёздных рекламных агентств в Британии. Можно сказать, что он баснословно богат.

Меня всегда интересовало, как Алан и Лиза смогли сойтись, не говоря уже о том, чтобы пожениться и родить детей. Они полные противоположности. Алан — холодно очаровательный и яростно амбициозный, в то время как Лиз — тёплая и нежная, с замечательным чувством юмора. Видимо, что Саша пошла в мать, а Роберт в отца.

Так, почему же я акцентирую на этом? Казалось, что весь мой мир вращался вокруг Саши и Роберта с тех пор, как они вошли в него со своей изысканной красотой и странным английским акцентом. Саша подарила мне лучшее время в моей жизни, а Роберт — худшее.

Я даже не уверена, понимал ли он, как жутко смотрел на меня, когда мы были младше. Думаю, что ему оставалось несколько шагов до полной социопатии как Патрику Бейтману, но без убийств. Слыша имя Роберта каждый раз, когда Саша о нём упоминала, я чувствовала, как мой желудок сжимался.

То же самое, что я испытываю прямо сейчас. Находясь по ту сторону телефонной трубки, в Лондоне, Саша рассказывает мне о последнем «подвиге» своего брата — обольщении замужней женщины, чей муж избил его до полусмерти, когда всё раскрылось. В этой истории не было ничего нового для меня. Даже когда ему было пятнадцать, Роберт впутывался в прискорбные ситуации с женщинами.

Саша работала уже год в газете, в колонке о звёздных сплетнях, и так развивала свои журналистские навыки. Было ужасно находиться без неё целых двенадцать месяцев. Но скоро мы возобновим наше общение, потому что я собираюсь отправиться к ней на лето. Когда я вернусь домой, то начну учиться на доктора философии по древнегреческой мифологии, поэтому это лето станет «Летом Ланы в Лондоне».

Не считая подработки в ресторане итальянского вина и сыра, я была свободна как птица, и могла наслаждаться собой.

Как бы там ни было, меня можно было назвать многолетней студенткой. Я обожала учиться, и исследовать то, что будоражило меня, не смыкая глаз столько, сколько могла, пока не отключалась прямо на рабочем столе. В принципе, я немного ботаник. Также у меня была мечта — петь на сцене, но я никогда никому об этом не говорила. В смысле, я не хотела быть мега знаменитой поп-звездой как Бейонсе. Это просто то, что хочется попробовать однажды. Всего лишь пункт из большого списка, если понимаете, о чём я.

— В любом случае, — говорит Саша, — Роберт вернётся следующей ночью зализывать свои раны. О, Боже, Лана, ты должна была видеть его плачевное состояние и огромные чёрные глаза.

Я хихикаю:

— Чёрт, я так раздражена, что это пропустила. Он *возненавидел* бы меня, если бы я стала свидетелем того, что он весь избит.

— Я знаю! — смеётся она.

Саша понимала, что Роберт и я всегда были в ссоре, и то, что её брат — негодяй, но раз уж они семья, она всё равно его любила. Худшая вещь — то, что я не присмотрела себе парня за шесть лет, как они уехали. Но моя неприязнь осталась. Полагаю, это показывало, как сильно мы ненавидели друг друга. Не говоря уже о том, что Саша всегда была готова рассказать парочку новых скандалов с его участием. Будто он продолжал присутствовать в моей жизни, хотя это не так. Своего рода пытка.

Будучи подростком, я была настолько худой, насколько возможно. В придачу с брекетами и ярко-рыжими волосами. Роберту открывалось бесконечное множество способов задеть меня, чтобы я почувствовала себя дерьмом. С тех пор я округлилась и сняла брекеты. И пришла к выводу, что рыжие волосы, которые превращали тебя в детства в изгоя, на самом деле, становились предметом зависти, когда ты повзрослеешь.

— Короче, хватит о члене моего брата. У тебя всё готово для большого путешествия на следующей неделе? — спрашивает Саша.

Я разваливаюсь на своей кровати и тяжело вздыхаю:

— Да-а-а, мама и бабушка создали ажиотаж вокруг меня... Это так раздражает... Но мы обо всём договорились.

Я жила в доме среди женщин: моей сестры Элисон, моей мамы Фионы, моей бабушки Пенни и, собственно, себя. Мама и бабуля очень оберегали меня. Думаю, они представляли, что я гораздо более хрупкая, чем на самом деле. Вот, что происходит, когда ты — единственный человек маленького роста в семье среди исключительно высоких людей. На тебя вешают ярлык малыша. Элисон только шестнадцать, а она уже переросла меня.

Саша заливается смехом по телефону:

— Да, Лиза сказала, как Фиона волнуется за тебя. Просто к твоему сведению, она планирует дать сигнал об изнасиловании, прежде чем ты уедешь.

— Нет!

Боже, моя мама иногда бывает такой нудной. Вы решите, что мне двенадцать лет вместо двадцати двух, судя по тому, как мама обо мне заботится. Она женщина-полицейский, так что ещё больше осведомлена об опасностях, чем большинство мамочек. Не так много девочек — дочерей матери, которые обучают их самообороне с пяти лет, как это было в моём случае.

— Она такая. Лиза всё это передала мне, когда звонила на днях.

Саша предпочитала называть свою маму по имени. Я всегда находила это немного странным, но, эй, каждому своё. Наши с Сашей мамы — лучшие подруги. Это укрепляло нашу связь. Наши дома рядом вдоль берега в маленьком пригороде под названием Гормэнстон, где вы найдёте примерно два бара, один интернат, железнодорожный вокзал, крошечный продуктовый магазин и армейские казармы, которые создавали эклектичный микс. Мне не в новинку встречать повсюду парней в форме.

Ладно, мне также не в новинку суетливость, как у нервного маленького ягнёнка, когда я вижу их.

Лиза и моя мама так хорошо поладили, что теперь их водой не разольёшь. Они сошлись на своей разочарованности в мужчинах. Лиза потеряла свои иллюзии насчёт Алана, а у моей мамы был мой папа, который сам бросил нас, когда мне было пять, и мама была снова беременна. Не могу сосчитать, сколько раз вот уже много лет я слышала реплику: «Да кому вообще нужны мужики?».

Возможно, это и была причина, почему у меня не было большого опыта общения с сильным полом. Моя мать была так негативно настроена против мужчин, что заставляла меня бояться их. Не могу не сказать, что с шестнадцати лет я слышала от мамы страшилки о местах преступления, где она была — про изнасилования, в частности.

У неё не было фильтра, который диктовал бы ей, что стоило, а что не стоило говорить своей дочери-подростку. *Ведь* в результате таких решений, у дочки мог остаться или не остаться шрам на всю жизнь. Неудивительно, что мысли об отношениях с парнем доводили

меня до холодного пота. Ну, и плюс тот факт, что Роб был первым мальчиком, которого я нашла привлекательным. К сожалению, он взял и размазал мои чистые намерения, втоптав их в грязь.

Я — та, кого вы могли бы назвать вызывающе застенчивой. Другими словами, я пыталась изо всех сил побороть свою стеснительность и быть более уверенной в себе. Чтобы высказывать своё мнение, даже когда так мучительно это делать. Я не хотела позволять этой дряни управлять мной, но большую часть времени я словно черепаха в панцире, что физически ограничивало мою свободу. Иногда я думала, что это всё из-за противостояния Роба. Он постоянно меня запугивал, а я постоянно пробовала демонстрировать ему свой иммунитет к этому, хотя, по правде, умирала внутри.

Что ж... Пожалуй, некоторая застенчивость — просто неотъемлемая часть моей личности, но я уверена, что он привнесёт ещё немного.

Одни мысли о нём навевали неприятные воспоминания. Мне было тринадцать, а Роберту — пятнадцать. Он знал, что нравился мне, и решил посмеяться надо мной. Мы трое тусовались в Сашиной спальне, потому что девочка болела ушной инфекцией. Когда она ушла в ванную за лекарством, я осталась одна в комнате... с Робертом.

Тогда я была не достаточно мудрой. Даже наблюдая, как Роб при любой возможности придумывал мне прозвища, я всё ещё (говоря по секрету!) оставалась безумно влюблённой в него. Когда ты ещё «зелёная», тебе, как правило, даже больше будет нравиться мальчик, если он дрянной по отношению к тебе. Это одна из необъяснимых болезней разума.

Роберт похлопал место рядом с собой на Сашиной кровати, сказал мне подойти и сесть. Я сделала, как он попросил. Роб положил руку на моё бедро и спросил, нервничала ли я. Я потрясла головой, моё сердце бешено стучало в моей груди. Он передвигал свою руку выше по моему бедру, и потянулся губами к моему уху. Я тихонечко вздохнула, как раз перед тем как парень прошептал:

— Ты, Лана, самая уродливая девка, которую я когда-либо видел.

Потом он пересел от меня и начал громко смеяться.

Я знаю, что большинство читателей сейчас думают, что он мелкий грёбаный *придурак*. Но это совсем не то, что я думала в тот момент.

Хотя я послала его, и, сдерживая слёзы, выбежала из дома, и заперлась в своей спальне, где плакала дни напролёт. Будучи ребёнком, я была гиперчувствительной к мельчайшим деталям, и меня можно было легко расстроить. Это только один пример из сотен других. Странно, как люди, которые встречаются нам на пути, могут превратить нашу жизнь в ад.

Без него я успела вырасти и обрести уверенность за эти последние шесть лет своей жизни. Вообще-то я не уверена, нужно ли мне ехать на лето в Лондон, чтобы пожить с его сестрой, ведь я неизбежно буду наткаться на него в какие-то моменты. Проблема в том, что Роберт являлся и навсегда останется для меня «посмотрите-какая-крутая-у-меня-жизнь» человеком. Понимаете, это такой тип из вашего прошлого, с кем вы мечтаете столкнуться, когда выглядите великолепно, просто чтобы показать, насколько вы лучше его в действительности.

Я знаю, это неправильно и тупо, но хочу, чтобы Роберт увидел меня сейчас, с моей чистой алебастровой кожей и фигурой «песочные часы». Хочу, чтобы он знал, несмотря на то, что постоянно называл меня глупой и страшенькой, что теперь я привлекательная взрослая женщина, начинающая свою докторскую, и с отличными отметками в дипломе.

В противовес мне, Роберт бросил школу в восемнадцать, прямо перед получением

аттестата. Он был везунчиком, тем не менее (или испорченным, это зависит от того, с какого угла посмотреть), потому что прямоком отправился на работу в PR, предусмотренную его драгоценным папочкой. Роб — идеальный работник подобных агентств, ведь как и его отец, парень может заставить любого поверить в то, что он самый надежный и честный парень, но под этим скрывается только эгоизм.

— Уже поздно, — говорю я Саше, которая всё ещё висит на линии, — я пойду спать.

— Окей, тогда поговорим завтра, малышка.

Я закатываю глаза от этого прозвища. Она видимо думает, что если старше меня на два года, то уже намного взрослее меня.

Я кликаю красную кнопку, чтобы завершить разговор, и упираюсь головой в подушку, пока воспоминания о жестокости Роберта дрейфуют через мой разум, учащая сердцебиение.

Пока я прогуливаюсь через ворота в «Хитроу» неделей позже (сигнализация на случай изнасилования надежно закреплена в мою сумку), мои глаза мгновенно замечаю Сашу, которая бежит ко мне с улыбкой до ушей. Она сгребает меня в свои длинные и крепкие объятия.

Саша ростом метр восемьдесят, если не больше, что заставляет меня чувствовать себя коротконожкой, потому что мой рост — сто шестьдесят один. Её длинные тёмно-русые волосы остались в отрочестве, а сейчас они короткие и крашенные в медовый оттенок блонда. Они с братом выглядят так, как я люблю называть одним словом — «вау», и когда ты заходишь в комнату, они те, кто наиболее приятен, чтобы на них уставиться. Конечно, Саша среди тех немногих, кто красив и внутренне.

Мы с ней противоположности не только во внешности, но и в стиле одежды. Саша предпочитала мальчишеский стиль: джинсы, сапоги и кожаные куртки, в то время как я себя называла «бабушка чикса». Я кайфовала от старых шмоток в секонд-хендах в комплекте с чем-то современным. Претенциозно, да. Но я не делала это, чтобы быть хипстером или какой-то особенной. Это всего лишь то, что я находила потрясным. К примеру, прямо сейчас я в кремовом вязаном кардигане с поддельными перламутровыми пуговицами, длиной до голени, в юбке с цветочным принтом и зелеными конверсами.

— Не могу поверить, что ты, наконец-то, здесь, — Саша в восторге. — Пошли, давай я помогу тебе с сумками.

У меня с собой чемодан, большая сумка, сумка для ноута и рюкзак. Мы с Сашей идём к её машине, где она набивает моими вещами багажник и заваливается на водительское сиденье.

— Ой, мне нужна сигаретка после всего этого, — говорит она с улыбкой, делая вид, что вытирает вспотевший лоб.

— Если ты так долго не курила, тебе должно быть легче таскать тяжести. — Я смеюсь и закрепляю свой ремень безопасности.

— НЕ ВА-ЖНО, — проговаривает Саша громко, выхватывая свою пачку лёгких «Мальборо». Я наблюдаю, как она смакует свою первую затяжку перед тем, как кладёт руку на спинку моего сиденья и отъезжает с парковочного места.

— Итак, — говорю ей по дороге, — что случилось с Тимом? Или это был Джим?

Саша ходит на множество свиданий с уймой мужчин. Тим (Джим) был последним.

Она кривит рот.

— Тим. Он нормальный, я думаю. Он фотограф там, где я работаю. Хороший парнишка, в целом, но не затронул меня.

— Ещё один повержен в прах, так? — улыбаюсь я, а она улыбается мне. Потом врубает громкость радиоприемника на песне «Changes» Дэвида Боуи. Мы обе смеёмся, съезжая по автостраде.

Когда мы доезжаем до Сашиного дома в Финчли, я внимательно всё осматриваю. Это место — фантастика, с большой буквы «Ф». Для тех, кто привык к нему, оно не кажется настолько чудесным, но не для меня.

Оно полностью оснащено четырьмя спальнями из красного кирпича времён короля Эдуарда, с эркерами. О, и тут кругом можно увидеть старинные здания. Здесь нет разве что круглого окна, хотя это не отнимает у него красоты. Саша прожила тут последний год. А это место принадлежит её отцу.

— Не могу поверить, что твой отец владеет этим домом годами, но никогда не жил в нём, — восклицаю я.

Саша пожимает плечами:

— Он видит в недвижимости инвестиции, или какое-то дерьмо в этом духе. Порой он покупает дома и держит их, пока не появится подходящее время продать, в этом отец профи. Не спрашивай — эта чепуха мне непостижима.

— Могу вообразить. Ты точно не из Менсы, — отвечаю я в шутку, пока Саша вставляет ключ во входную дверь, и мы входим.

Она ухмыляется:

— Заткнись, нахалка.

Мы оставляем мои сумки в холле и отправляемся на кухню за чашкой кофе. И тут моё сердце почти перестаёт биться, потому что прямо напротив, кусая сэндвич, стоит Роберт.

В последний раз я видела его два года назад, да и то издалека, когда выглянула в окно и увидела его, навещающего свою маму. Я видела его так давно, что сейчас он кажется почти ненастоящим. Синяки под глазами после избиения фактически зажили, а его тёмные каштановые волосы выглядят небрежно. На нём мятая чёрная рубашка, слабо завязанный серебристый галстук и серые брюки. Он растрёпанный, но красивый, будто только что вернулся после ночи вне дома.

— Какого чёрта ты здесь? — раздражённо спрашивает Саша.

Она знает, что в присутствии Роба мне будет некомфортно. Так что подруга явно злится, что он позволил себе войти в её дом, не говоря уже о бутерброде.

Несмотря на то время, когда я представляла себе, как снова увижу Роберта, и какой буду уверенной и свежей, столкнувшись с его высокомерным взглядом, я обнаруживаю своё возвращение в черепаший панцирь. Мои щёки заливают краска, и я опускаю глаза в пол, как только его тёмные глаза стреляют в меня. В них читается расчёт, будто он придумывает несколько новых издёвок. Только сейчас Роб взрослый, и его оскорбления будут в разы изощрённее.

— Так, посмотрите, кто это, — декларирует он. — «Тампон» совсем выросла!

Роберт злобно ухмыляется, выпуская куски хлеба из своих рук, и ощупывая своими глазами всё моё тело. Его лоб немного покрывается морщинами, когда он задерживает взгляд на моём лице.

«Тампон» — это одно из грубых прозвищ, которые Роб придумывал мне на протяжении многих лет. В том числе были «Имбирь Минге» и «Фанта штаны».

— Назови её так ещё разок, и ты — нежилец. Я говорила тебе, что Лана приезжает сегодня, — дерзко напоминает ему Саша, — ты не должен быть здесь.

Я поднимаю взгляд сразу после того, как Роберт переводит взгляд от меня к своей сестре. Он скалит зубы.

— Да, кстати. Ты знаешь, как Кара перебралась в пентхаус пару дней назад? — спрашивает он.

Саша нетерпеливо кивает и показывает жестом, что ждёт продолжения.

— Ну, мы подрались, решили разойтись, а сейчас она заперлась в квартире. Это ближайшее место, о котором я мог вспомнить, чтобы прийти.

Кара — долгосрочная, но непостоянная девушка Роберта. Я так понимаю, что у них перерыв в отношениях, потому что Роб был с замужней женщиной. Хотя никогда не знаешь, что у него на уме. Саша рассказала мне всё о Каре, и как она с Робертом прожила в этих напряжённых драматичных отношениях. Они всегда дерутся и обманывают друг друга, а потом наслаждаются страстным воссоединением. В голове не укладывается, как люди просто не могут влюбиться и быть счастливыми в паре.

— Что за херня, Роб?! Это *твоё* жильё, а не её. Если вы поссорились, то это ты должен был выпшвырнуть её оттуда.

Он делает паузу и запускает руку в свои короткие волосы, колко завершая собственное высказывание:

— Я не нуждаюсь в этих разборках прямо сейчас.

Роберт ставит на то, что я думала о его выходках на протяжении многих лет, так как делает «щенячью мордочку», которая, пожалуй, покорит Сашу.

— Я бы выпер её из дома, но она вела себя как истеричный психопат, разбрасывая дерьмо повсюду. Я решил, что будет лучше оставить девушку, пока она не сварит моего кролика. О, пожалуйста, Саш, просто позволь мне остаться здесь на несколько ночей.

Он складывает свои ладони вместе в умоляющем жесте.

Саша ухмыляется комментарию про кролика в котле.

— А что с местом в Финсбери Парке? Ты не можешь пойти туда?

— Нет. Папа заселил туда строителей. Они ставят трубы или что-то там ещё.

Роберт скрещивает руки на груди, со слабым самодовольным блеском в глазах. Вы не признаете это, если вам не придётся наблюдать за ним самостоятельно, как мне. Он знает, что сестра в двух секундах от того, чтобы сдаться.

Саша смотрит на меня с извиняющимся выражением лица. Я пожимаю плечами. Возможно, жизнь в одном доме с Робертом несколько дней, наконец, поможет исчезнуть его влиянию на меня, которое сохранилось до сих пор. У меня огромное желание победить свою зависимость. Показать ему, что он ничего не значит для меня, и не заставит меня больше ни на секунду чувствовать себя дерьмом от одного его снисходительного взгляда.

Саша подходит и кладёт свои руки мне на плечи. Она приседает так, что становится на уровне моих глаз, и искренним голосом спрашивает:

— Ты не возражаешь, если он останется, малышка? Скажи слово, и я пну его отсюда под зад.

Я пытаюсь быть безразличной, будто мысль о делении жилплощади с Робертом — просто точка на моём радаре, хотя, на самом деле, это гигантская красная лампочка, заслоняющая всё вокруг меня.

— Нет, мне всё равно. Это твой дом, Саш.

Её карие глаза пронзают меня. Они такие же, как у Роберта, но, даже если они идентичные близнецы, всё равно её глаза не заставляют меня чувствовать себя такой

незначительной.

Саша делает глубокий вдох, всё ещё сомневаясь. Кажется, она уже приняла решение.

— Так, — она поворачивается в сторону Роберта, — можешь спать в дальней спальне. И если ты устроишь беспорядок, тебе лучше всё убрать.

Роберт дьявольски усмехается.

— Спасибо, сестрёнка. Ты же знаешь, я тебя люблю.

Я сопротивляюсь искушению саркастически хихикнуть. Роберт не узнает любовь, даже если та окажется прямо перед его глазами. Секундой позже, когда Саша отходит включить кофеварку, он смотрит на меня со странной смесью вызова и замешательства в глазах. Возможно, моё одобрение насчёт того, чтобы он остался здесь, удивило его. В голове я прокручиваю мантру: *«Ты сильная двадцати двухлетняя женщина, Лана Суини. Ты сможешь сделать это. Роберт Филипс — пустое место. Он не стоит ни гроша»*.

Пока Саша достаёт чашки из буфета, возникает небольшая неудобная пауза. Роберт продолжает есть свой бутерброд. А я сижу на табуретке другого конца мраморной столешницы. Роберт создаёт иллюзию заполненного пространства своим присутствием, будто всасывая весь воздух. Его глаза неприятно вспыхивают, глядя в мои, и я вынуждаю себя удерживать пристальный взгляд. Я не позволю ему запугать себя.

— Что случилось? Ты хочешь войти в стену или что? — спрашиваю я, изображая беспокойство, и кладу потные ладони поверх своих бёдер. Мне нужно показать сильную и уверенную женщину, если я планирую пережить эти несколько дней, находясь рядом с ним. То есть, оставаться вменяемой.

Его выражение сильно меняется.

— Нет, вообще-то моя подружка избивает меня. Надо бы набрать телефон доверия, — его сарказм не знает границ.

— Хмм, в другой ситуации я была бы шокирована, но почему-то верю, что ты прогнал бы даже святую силу.

Роберт хихикает и встряхивает головой. Он доедает свой бутерброд и направляется сполоснуть тарелку в раковине. Когда парень разворачивается, то улыбается мне своими белоснежными зубами. Окей, я никогда не осознавала, какой жуткой может быть его ухмылка.

— Чему ты скалишься? — спрашиваю я, пытаюсь игнорировать «гусиную кожу» на своих руках.

Саша подаёт мне чашку с кофе и вопросительно смотрит на нас обоих.

— Думаю, я наслажусь твоим обществом, Лана, — говорит Роб низким голосом. Это странно. Он никогда не называл меня по имени, а только придумывал унижительные прозвища.

— Роб, тебе лучше не начинать какое-то свое дерьмо в адрес Ланы. Она здесь, чтобы расслабиться перед учёбой. И не нуждается в твоих играх, — Саша указывает пальцем на него. — Серьёзно, я, чёрт побери, прикончу тебя, если ты начнёшь корчить назойливого щенка.

Роберт смотрит на меня и приподымает одну свою тёмную бровь:

— Ты учишься на доктора философии?

Я смотрю в сторону и снова на него:

— Ну-у, да, когда вернусь домой.

Он смеётся:

— Так, кто бы мог подумать, что в этой маленькой головке есть мозг?

Мужчина хлопает ладонями:

— Пошли, сестрёнка, покажем Лане её новую комнату.

— Исчезни, Роб. Мы пьём кофе, а потом *я всё покажу* Лане. Тебя даже не должен быть здесь, так что можешь сделаться невидимкой.

Я делаю глоток своего кофе, как только эти двое утихают. Спустя секунду Роберт скользит ко мне, и опускает руку на моё плечо.

— Ой, да ладно. Я не видел мою старую подругу Лану здесь целые годы. Хочу остаться и в догонялки поиграть.

Мои лёгкие немного холодеют. Его тёплая, мускулистая рука на мне, и я не знаю, как чувствовать себя при этом. Какой новый трюк он затеял? Роб — хороший, что впервые, но я не считаю, что это искренне. Парень не мог так сильно измениться за последние шесть лет, так ведь? Честно, я даже заинтригована его неожиданным поведением. Не поймите меня неправильно, я не падка на это, но хочу увидеть, куда всё приведёт.

Саша кажется раздражённой из-за него. Она смотрит на меня:

— Ты не возражаешь, если он останется с нами?

Я пожимаю плечами и отвечаю:

— Я в порядке.

Роберт сжимает мои плечи и пристально смотрит вниз на меня со злой усмешкой:

— Ты уверена?

Саша подходит к нему и отталкивает его от меня:

— Не начинай, Роб, это последнее предупреждение.

Мужчина поднимает руки, сдаваясь.

— Хорошо, хорошо. Я буду вести себя хорошо, — говорит он, подмигивая мне за спиной сестры. Я презрительно смотрю на него.

Саша несёт наши чашки с кофе и показывает мне жестом следовать за ней наверх, чтобы показать мою новую комнату. Роберт плетётся сзади. Моя комната находится в передней части дома, и я улыбаюсь от восторга, потому что в ней есть окна, выходящие наружу. В своей голове я уже представляю, как сижу в уголке и читаю.

Здесь также есть ванная комната и двуспальная кровать. Мгновение спустя начинает звонить мобильный Саши, который она оставила в кухне.

— Дерьмо, это, вероятно, с работы. Я скоро вернусь, — говорит она, и убегает из комнаты.

Я стою, теребя подол рукава кардигана. Роберт падает на кровать. Он поднимается на локтях, широко расставив ноги, и смотрит на меня, подняв уголок губ. Я отворачиваюсь и подхожу к окну, чтобы посмотреть на другие дома, которые находятся на этой улице.

— Так, что думаешь об этом месте? — спрашивает он.

Повернув к нему голову, я честно отвечаю:

— Здесь... очень высоко. Весь остальной мир скатился вниз на фоне этого дома.

— Только ты могла такое сказать. Мои родители происходят из совершенно разных слоёв общества. Честно говоря, не знаю, что папа увидел такого в маме.

Это характерные жёсткие фразы, которыми славится Роберт (и иногда мне кажется, что он использует их только для того, чтобы взбесить людей). Его мать — одна из самых приятных женщин, которых я только знаю. Её происхождение ни на что не влияет.

— Знаешь, ты — самое жалкое оправдание для самого человечества. Тебе повезло иметь

такую мать как Лиз. Она сильная. Твой отец, может быть, и богат, но ветреный.

Ладно, может, мне и не следовало такого говорить, но это правда. Алан — то, что вы называете «отец настроения». Он любит находиться с детьми, пока это весело и интересно, но когда происходит что-то плохое, вы и следа его не увидите.

— Ветреный? — Роберт повторяет слово, будто задавая мне вопрос, смакуя его звучание.

— Ты знаешь, что так и есть, Роб. Помнишь, когда Саша сломала ногу во время игры в баскетбол, и ей пришлось делать операцию? Он ни разу не пришёл проведать дочь и даже не прислал открытку.

— Теперь ты, безусловно, отрастила себе яйца за эти последние несколько лет. Кто знал, что ты действительно можешь выражать своё мнение, Лана?

Когда я была младше, то делала всё возможное, чтобы оскорбить Роберта точно так же, как он оскорблял меня, но большую часть времени парень причинял мне такую сильную боль, что у меня не хватало сил ему отвечать. В конечном итоге я оставалась со слезами на глазах и красными щеками, а потом бежала домой, прежде чем он это замечал и докапывался до меня.

Один такой случай был, когда мама подарила новый велосипед на моё тринадцатое день рождения. Когда я оставила велик во дворе, то Роберт украл его, проколол шины и бросил в море на пляже, который находится прямо за нашим домом. Лиз посадила его под домашний арест на месяц, когда узнала, что он натворил, а у него была наглость обвинить меня в том, что я всё наговариваю на него.

— Я больше не маленькая девочка, Роберт, — говорю я твёрдым голосом.

Он улыбается, как питон на пути к своей добыче, если бы у рептилий была возможность это показать.

— Нет, — говорит Роб. — Конечно, нет. Не хочешь провести несколько раундов на этой кровати? — спрашивает он, похлопывая матрас рядом.

То, как мужчина смотрит на меня, пускает странную дрожь, которая идёт по моему позвоночнику. Он на что-то намекает?

— Ты отвратителен, — я сжимаю руки, которые сложены на груди в оборонительной позе. Уверена, что Роберт замечает это. Люди, как он, замечают каждое слабое место в броне человека.

— А ты выросла из своих нарядов. Я был бы не против проверить, что под этой ужасной, Богом созданной, одеждой.

— Отвратителен и жалок, — добавляю я. Небольшое чувство победы проходит через меня от осознания того, что он заметил, как я перестала быть тощим подростком, даже оскорбив мой вкус в моде. Думаю, я сама немного жалкая.

— Послушай, Лана, мы теперь взрослые люди. Почему бы нам не стать друзьями, хотя бы ради блага Саши, и ничего больше?

— Меня не интересует твоя дружба, — отвечаю всё ещё твёрдым голосом.

Он кладёт руки на кровать и потирает ими одеяло. Мне не нравится, что он касается постельного белья, на котором я собираюсь спать. Кажется, мужчина знает это и именно поэтому делает так.

— Хорошо, тогда, возможно, не друзьями, но мы могли бы быть вежливыми?

Я пожимаю плечами.

— Конечно. Не я здесь постоянно грублю.

Роберт смеётся.

— Ты только что назвала меня отвратительным и жалким.

— Это была констатация факта. Нет ничего грубого в констатации факта.

— Есть, если этот факт является оскорбительным.

Я смеюсь над этим.

— Твоё эго настолько хорошо отточено, Роб, и я не думаю, что ты способен обижаться на критику.

— Это только потому, что ты не можешь критиковать совершенство, — отвечает он и остро, как бритва усмехается.

— *Задели*, — закатываю я глаза, когда Саша возвращается в комнату.

— *Звонили* с работы, — говорит она. — Очевидно, какая-то поп-певица сошла с ума, и начала тусить с друзьями по городу. Они хотят, чтобы я осветила это, — выдыхает подруга, выглядя нервной. Понятное дело, что неуверена, оставляя меня в доме с Робом.

— Ты иди, а я буду распаковывать вещи, так или иначе, — говорю я ей.

Она улыбается.

— Ладно, тогда позвони мне, если тебе что-то понадобится. Я привезу ужин, когда закончу. Китайская еда подойдёт?

— Китайская еда будет замечательно, сестрёнка, — говорит Роберт.

Она слегка шлёпает его по голове.

— Тебя никто не спрашивал, сволочь, — она смотрит на меня, ожидая ответа.

— Мне нравится китайская еда. Просто убедись, что возьмёшь то, что я смогу съесть, — говорю я уклончиво.

Саша — один из немногих людей, которые знают, что у меня диабет второго типа. Это не совсем то, что я хочу афишировать, потому что мне не нужна ничья жалость. Но это значит, что я всегда должна быть осторожна с едой.

Роберт озадаченно смотрит на меня. Он никогда не знал о моей ситуации, и я предпочитала оставить всё как есть. Зная его, я опасаюсь, то он может попытаться украсть мой инсулин в качестве шутки.

— Хорошо, увидимся через два часа, — говорит Саша, прежде чем исчезнуть на лестнице.

После того, как захлопывается входная дверь, Роберт гогочет и потирает руки.

— Теперь ты полностью предоставлена мне, Лана.

— Убирайся из моей комнаты.

— Этот дом принадлежит моему отцу, так что технически это больше моя комната, чем твоя.

— Ты должен знать, что я расскажу Саше всё, что ты сказал мне, когда она вернётся. Лучше веди себя прилично.

Господи, я слышу дрожь в своём голосе, как и Роберт. Он умело может превратить меня в испуганную маленькую девочку. «Может, это уже и не такая хорошая идея, находиться рядом с ним всё это время. И, может, моя мама была права, когда рассказывала об изнасиловании», — мрачно вспоминаю я.

Он изучает меня долгое время, а затем встаёт с постели.

— Хорошо, если ты собираешься пойти и поплакать, тогда я пойду.

— Я не плачу.

Он смотрит на меня почти сочувственно, когда оборачивается, стоя у двери, но я могу

быть не права.

— Конечно же, нет.

Дверь закрывается, и я бросаюсь на кровать, пряча лицо в ладонях.

Глава 2

Распаковав свои вещи, я иду и принимаю долгую ванну. Так как я сегодня встала в пять утра, чтобы успеть на самолёт, то сейчас очень устала и собираюсь немного поспать.

Спустя несколько часов, меня будит стук, и я медленно протираю глаза, прежде чем открываю их. Когда я это делаю, то чуть не падаю с кровати от страха, потому что на меня смотрит пара тёмно-карих глаз.

Роберт сидит в кресле, которое он пододвинул к моей кровати, и стучит ногтями по ночному деревянному столику. Это затягивается, и я чувствую, что краснею. Я заснула на кровати в шортах и обтягивающей майке, не накрывшись даже одеялом. И Роберт поедает меня взглядом.

— Какого чёрта? — бормочу я, пытаюсь понять сон это или нет. Хотя после того, как я поморгала кучу раз, Роберт всё ещё сидит здесь, но теперь улыбаясь.

Я пристально смотрю на него, на то, как он берёт на себя наглость прийти сюда, пока я сплю, но мужчина ничего мне не объясняет.

— Отличная работа, Роб. Ты преуспел в том, чтобы напугать меня до чёртиков, но теперь можешь уходить.

Уголок его губ дёргается, но он продолжает стучать.

— Напугать тебя? Не понимаю о чём ты.

— Ты знал, что тебе нужна помощь? Не удивительно, что твоя подружка выперла тебя из твоей же квартиры, особенно, если ей приходилось мириться с этим поведением.

На долю секунды он вздрагивает, а затем начинает смеяться.

— Ты всегда такая огненно-опасная в эти дни, да? — Роб смотрит на мои волосы, которые спутались из-за того, что когда я заснула, они были влажными. — Полагаю, эти дреды сейчас в самый раз. — Его глаза двигаются ниже и останавливаются. — Теперь этот наряд сидит на тебе намного лучше.

Я презрительно смотрю на него, не понимая, на что он намекает, пока не опускаю глаза вниз и вижу, что я без лифчика. Чувствуя смущение, я отвечаю:

— Неужели груди? Надеюсь на это. Как бы женщинам положено иметь пару.

Он делает что-то неопределённое, похожее на ухмылку, но не совсем.

— И соски тоже.

— А? — смущённо говорю я, потирая затылок.

Две секунды в компании Роберта, и я уже чувствую подступающую головную боль.

Он наклоняется ближе, и я инстинктивно отодвигаюсь назад. Но Роб продолжает наклоняться. Его дыхание напротив моей щеки, когда мужчина наклоняется достаточно близко, чтобы сказать:

— Женщинам также положено иметь соски, и я вижу твои.

Хорошо, это последняя капля. Я со всей силы отталкиваю его. Затем встаю, толкаю Роба к двери, а потом в коридор.

— Держись от меня подальше, Роб. Я серьёзно. У меня нет времени на твои игры.

Он смеётся.

— Саша внизу. Она сказала мне позвать тебя к ужину. Китайская еда, помнишь?

— Да, я помню. И смотреть на меня, постукивая пальцами, это не то же самое, что и позвать.

Он пожимает плечами и внезапно спрашивает:

— Помнишь, однажды на Хэллоуин ты оделась как ведьма?

От его вопроса по мне пробегает холодок. Я знаю, какой именно Хэллоуин он имеет в виду. Мне было пятнадцать, а ему семнадцать. Саша и я пили бутылку вина в её комнате, а Роб веселился с друзьями внизу. Их мама уехала, чтобы навестить родственников. Хотя я и не напилась, как Саша, до потери сознания, но подумала, что пришло время идти домой.

Спускаясь вниз по лестнице, я наткнулась на Роба. Прежде чем я успела отреагировать, он толкнул меня к стене и начал целовать. Его руки были везде, возбуждённо поглаживая меня. Тем не менее, это был медленный романтический поцелуй, и губы Роба нежно целовали мои. Я не знала, что делать, поэтому оттолкнув его, и заметила, как парень засмеялся. Когда я спросила, почему он так сделал, тот ответил, что почувствовал жалость ко мне и подумал, что хоть раз в своей жизни мне нужно поцеловаться.

Возвращаясь к реальности, я смотрю на него и резко спрашиваю:

— И что?

— Прости, что сделал так. Я поступил, как настоящий придурок.

— Да, ну, придуркам суждено поступать как придурки, поэтому в этом есть смысл.

Он игнорирует мой комментарий и задаёт мне вопрос всерьёз:

— Это был первый раз, когда тебя поцеловал парень?

Да. Я не переставала думать об этом неделями. Вспоминая момент надежды, когда его губы прикоснулись к моим, я подумала, что, может, действительно, нравлюсь ему, но потом возникло тонущее чувство отчаянья, когда я осознала, что всё было только шуткой.

Я смотрю в сторону.

— Я не хочу говорить об этом. Скажи Саше, что я спущусь через минуту.

Я поворачиваюсь и отхожу, чтобы закрыть дверь, но Роб останавливает меня, хватая за локоть. Он смотрит на меня в упор.

— Это было очень жестоко с моей стороны, — говорит Роб. — Прости.

Я не знаю, что ответить. У меня никогда не получалось отличать, искренен ли он или нет, прямо как сейчас. Я слегка киваю и начинаю снова закрывать дверь. Он убирает свою руку в тот момент, когда дверь захлопывается.

Ладно, до этого времени я рисовала себе Роберта в довольно-таки неприятном свете. Всё, что я говорила о нём — правда, и хоть он не заслуживает моего сочувствия, но на каком-то сумасшедшем уровне мне правда жаль его. Иметь Алана Филиппа в качестве отца принесло немало бед в жизни обоих: Роберта и Сашу. Он такой человек, который ожидает каких-либо достижений от своих детей, постоянно сгибая их под давлением. Также у него язык как складной ножик — жестокий и резкий.

Однажды мне пришлось утешать несчастную Сашу после того, как в один из своих редких визитов он сказал ей, что, хотя бы иногда нужно носить только платья. В то время я не понимала, почему она так расстроилась из-за такого незначительного комментария, но это было не один раз, а повторялось год за годом. Не говоря уже о том, что мужчина редко появлялся на её днях рождениях и других праздниках, так что она была не уверена, любит ли он её вообще или нет.

То же самое с Робертом. Тем не менее, пока Саша пыталась разобраться со своей

неуверенностью, Роб чувствовал себя отлично, будучи идиотом. Единственное, что они разделяли и отрицали, если их об этом спрашивали — борьба за одобрение их отца. Я наполовину убеждена, что единственной причиной, по которой Саша выбрала звёздный аспект журналистики, так это, чтобы угодить Алану. Точно также и Роберт заработал для своей задницы место пиар-специалиста в агентстве Алана, дабы заслужить его уважение.

Стараясь не думать об этом, я достаю свой инсулин из сумки, иду в ванную и закрываю дверь. У меня диагностировали диабет, когда мне исполнилось семь, так что даже ребёнком я была сосредоточена на заботе о себе и своём здоровье. Мне нужно принимать инсулин три раза в день перед едой и постоянно контролировать уровень сахара в крови (обычно тоже несколько раз в день). Теперь это стало моей второй натурой.

Я стараюсь не заикливаться. Это всего лишь хроническое и неизлечимое заболевание, но лучше, чем потерять конечность, а то и того хуже. Однако от этого моя жизнь стала сложнее, чем у большинства. В отличие от других двадцатидвухлетних, я не могу пойти потусоваться на выходных и напиться до беспамятства, потому что получу не простое похмелье, а такое похмелье, которое меня убьёт. По сути дела, если я буду неосторожна, то могу легко заболеть. Мне потребовались годы, чтобы оставаться здоровой как можно дольше.

Я поднимаю майку и выбираю новый участок кожи. Я вообще-то всегда ввожу себе в одной и той же области живота, но не два раза в одно место, так как это может привести к инфекции. Когда я была маленькой, то ужасно боялась игл, но теперь я к ним привыкла и едва чувствую боль.

Закончив, я снимаю пижаму и одеваю свои зелёные конверсы вместе с голубым платьем. Я заплетаю волосы в косу и замечаю корзинку, стоящую в дальнем углу. Когда я подхожу, чтобы посмотреть, то понимаю, что это набор кремов для ухода за ногами.

Люди-диабетики уделяют особое внимание своим ногам. Саша знает об этом и поэтому купила мне набор, чтобы я соблюдала свой режим.

Внизу она вместе с Робом сидит за столом и ест.

— Привет, Лана, твоё в пластиковом контейнере, — говорит Саша.

Я киваю и открываю его. В нём находиться курица, лапша и тушёные овощи. Я кладу всё на тарелку и ставлю на стол, прежде чем неожиданно и слегка обнимаю Сашу.

— За что это? — удивлённо спрашивает она с набитым ртом жареного риса.

— Я видела набор, — говорю с улыбкой. — Спасибо.

Она пожимает плечами.

— Не за что. Знаю, он тебе понадобится.

— Что за набор? — задаёт вопрос Роберт, хмурясь.

— Не твоё собачье дело. Просто ешь, — говорит Саша.

Роберт пожимает плечами и возвращается к запихиванию еды в свой рот.

— О, забыла сказать, — говорит Саша. — Некоторые ребята придут сегодня.

— Круто, мне бы хотелось увидеть их снова.

Я только однажды встретила с друзьями Саши из Лондона, когда приезжала на выходные пару месяцев назад. В то время Роберт был с Карой во Франции. Это единственная причина, по которой я согласилась приехать: у Саши и Роберта одни и те же друзья. Они мне напоминают немного актёров из сериала «Золотая молодёжь Челси», не будучи такими преувеличенными богатыми молодыми английскими людьми.

Вообще-то, друг Саши, Алистер, скоро станет мой новым боссом. Когда Саша сказала

ему, что я снова приеду и мне нужна работа на неполный рабочий день, то он предложил взять меня к себе в «Баккино». Ему только двадцать пять, но он уже начал управлять заведением два года назад, когда его отец — владелец нескольких различных итальянских ресторанов в Лондоне, отошёл от дел. Забавно, но мне казалось, что его семья даже не из Италии.

Словно прочитав мои мысли, Роберт усмехается и говорит:

— Слышал, ты собираешься работать в ресторане Алистера. Тот, что за углом папиного офиса на Найтсбридж. Я всегда хожу туда обедать.

— Замечательно, — бормочу я, но в то же время, опасаясь, что буду видеть Роберта намного чаще, чем планировала. По крайней мере, это только на лето. Я поднимаю глаза и вижу, что он смотрит на меня. Мужчина выглядит взволнованным перспективой увидеть меня работающей. Хм, возможно, он планирует стать трудным клиентом.

Я отворачиваюсь от него, чтобы поговорить с Сашей.

— Так что же случилось с поп-звездой сегодня? Она сделала что-то нереально сумасшедшее?

Саша качает головой.

— Не-а, не совсем. Она бросила окурок от сигареты в папарацци в приступе ярости. Я должна была собрать воедино её мотивы такого поведения. Это удручает. Девушке только восемнадцать, а ей уже преподнесли и славу, и богатство на серебряном блюде. Что они от неё ждут? Покупку дома в пригороде и портфельные инвестиции? (*прим. пер.: инвестиции в ценные бумаги с целью получения дивидендного дохода и дохода от прироста капитала*).

Роберт указывает вилкой на свою сестру.

— Я говорил это однажды и повторю снова — в тебе слишком много сочувствия для такой работы. Журналисты должны быть безжалостными. Они не могут заботиться о звёздах, не ранив собственными словами. В то время, как ты, сестра, заботишься. Это твоя природа. Ты не Перис Хилтон.

Вот это, да. Я удивлена, что Роберт вообще знает значение слова «сочувствие». Но опять же, у него, вероятно, зуб на журналистов, пишущих сплетни. Ведь они являются его главными врагами, когда дело доходит до конфликта со своим клиентом.

— Не все журналисты жёлтой прессы такие злые и омерзительные люди, — утверждает Саша. — Некоторые из нас также пишут положительные истории.

Роберт фыркает.

— Ага, положительные истории о том, как актриса из Голливуда потеряла вес после родов. Это реально в корне меняет дело.

Саша со стуком опускает руки на стол.

— Достаточно, Роб. Хочешь, чтобы я вышвырнула тебя отсюда, прежде чем ты успеешь пережить одну ночь здесь?

— Ладно, ладно. Всё, я молчу. — Он делает вид, что застёгивает свои идеальные, скульптурные губы.

Они всегда так себя ведут: спорят и ссорятся. Думаю, это дело близнецов, хотя я никогда так агрессивно не спорю со своей сестрой. Возможно, это из-за разницы в шесть лет между нами. Я где-то читала, что братья и сёстры спорят чаще, если разница в возрасте маленькая. Кажется, это значит, что близнецы, скорее всего, больше всех предрасположены к спорам, так как они *одного* возраста.

Во время ужина Роберт смотрит на меня так, как будто я болячка в воде, кишасей акулами. Кстати, акула — это он. Я замечаю, что он принял душ и переоделся в одну из старых футболок Саши и пару джинсов, так как у него ничего здесь нет. Саша намного худее Роберта, у которого одни мышцы, поэтому джинсы ему немного жмут. Но так как все её вещи в мальчишеском стиле, то вы никогда не сможете сказать, что они принадлежат девушке.

Я помогла убрать посуду, когда мы доели. Роберт старался изо всех сил гарантировать прикосновение наших тел, пока мы убирали чистую посуду, после того, как её помыла Саша. Излишне говорить, что его действия озадачивают меня. Я с облегчением вздыхаю, когда всё сделано, и могу вернуться к себе в комнату, чтобы позвонить маме. Когда я достаю телефон из сумки, то вижу несколько пропущенных звонков от неё. Должно быть, она звонила, пока я спала. Когда я устаю, то сплю как убитая. Даже если бы была пожарная тревога, я бы не сдвинулась ни на миллиметр.

Я нажимаю на «звонок» и она практически сразу же отвечает.

— Лана! Мы ждали твоего звонка. Как твой перелёт?

По эху через телефон, я могу сказать, что он стоит на громкоговорителе, и вероятно, она пьёт чай с бабушкой и сестрой в гостиной, и они параллельно слушают.

— Привет, мам. Всё нормально. Саша забрала меня из аэропорта и привезла к себе домой. Это невероятное место, должно быть, стоит миллионы.

— Этот Алан — показушник.

Я слышу, как бормочет Лиз на фоне. Теперь она всегда проводит вечера у нас дома, так как Роберт и Саша уже не живут дома.

— Привет, Лиз, — говорю я, смеясь над её голосом, который она всегда использует при упоминании своего экс-мужа.

— Привет, милая. Надеюсь, моя дочь относится к тебе хорошо.

— Так и есть, как всегда, — замолкаю я, прежде чем продолжаю. — И Роберт тоже здесь.

— Что он там делает? — перебивает моя мама жёстким голосом.

Она знает, что у нас с Робертом проблемы, хотя не знает истинный уровень моих смешанных чувств к нему. Она думает, что я терпеть его не могу, но не знает, что мне жаль его, хотя это кажется странным. Она также считает его настоящим братом. И, конечно, никогда не признается в этом Лиз.

— Он поцапался со своей подружкой, и она выперла его из собственной же квартиры. Саша позволила ему остаться здесь на пару дней.

— Мне никогда не нравилась это девочка, Кара, — говорит Лиз. — Они едва могут продержаться неделю, не поругавшись.

— Он же не доставляет тебе неприятностей? — обеспокоенно спрашивает мама.

— Мы больше не подростки, мам, — говорю я, не желая, чтобы она волновалась. — Он здесь всего на несколько дней.

— Всё такой же, — говорит Лиз. — Я знаю своего мальчика, и он всегда наслаждался, показывая Лане свою плохую сторону. Если Роб начнёт заново свои старые трюки, то позвони мне, и я поставлю его на место, слышишь?

— Слышу, — говорю я. — Слушайте, я позвоню вам в понедельник после того, как закончу первую смену в ресторане и дам знать, как всё прошло.

— Хорошо, милая. Люблю тебя, будь осторожна.

Лиз, моя сестра и бабушка попросились, и я повесила трубку.

Я слышу стук во входную дверь, который быстро сменяется звуками голосов, заполняющих дом. Друзья Саши и Роберта прибыли. Немного нервничая, я спускаюсь вниз, чтобы, по крайней мере, поздороваться.

В гостиной стоит Алистер с длинными тёмными волосами, собранными в хвост, и в слегка причудливой одежде, и его девушка Сандра со светлыми волосами. Также присутствуют светловолосые и голубоглазые братья Виктор и Джейкоб. У Саши и Роберта есть и другие друзья, но это четвёрка входит в так называемый «приближённый круг».

Саша видит, как я вхожу в комнату, и сразу же кричит:

— Эй, вы же все помните Лану, да?

— Конечно, помним, — отвечает Алистер с тёплой улыбкой и подходит, чтобы пожать мне руку. — С нетерпением жду, когда ты присоединишься к команде ресторана.

— Ну, я с нетерпением жду самого присоединения, — отвечаю я вежливо.

— Привет, Лана, — говорит Сандра, целуя меня в обе щеки. — Вау, твои волосы выглядят великолепно, и мне нравится это платье.

— Спасибо, — тихо говорю я.

Я всегда находила этих людей пугающими. Просто они так уравновешены и уверены для своих лет. Большинство моих друзей, которым по двадцать, понятия не имеют, кем собираются стать.

Я обмениваюсь приветствиями с Виктором и Джейкобом после того, как Сандра перестаёт рассыпаться комплиментами, хотя сложно понять, правда это или лесть. Хотя Джейкобу, кажется, нравится моя внешность по-настоящему. Я вспоминаю, как он флиртовал со мной в прошлый визит сюда, но из этого ничего не вышло.

— Привет, красивая ирландская девушка. Не мог дождаться встречи с тобой снова, — говорит он, чмокая меня в щёчку. Да, вы посмотрите на меня! Я получаю все поцелуи этим вечером.

— Да, тебя сложно забыть. Я, кстати, остаюсь здесь на всё лето.

Он радостно кивает, когда Саша приносит бутылку белого вина и начинает наливать каждому в стакан.

— Ты будешь пить, малышка? — спрашивает Саша, искоса поглядывая на меня.

— Нет, вероятно, мне не стоит, — отвечаю я, заметив, что Роберт внимательно слушает наш разговор. Есть огромное количество вещей, которые ухудшают мою ситуацию с диабетом, и алкоголь — одна из них. Даже если я и пью, но мне нельзя больше двух стаканов за один раз. И я *очень легко* напиваюсь, так как моё тело не приспособлено к этому.

— О, давай же, Лана, выпей. Немного расслабишься, — говорит Роберт и смотрит на меня в упор.

Я качаю головой и отвечаю:

— Я обычно не пью.

— Тогда пусть этот вечер будет исключением.

— Роб, — говорит Саша, предупреждая.

— Что? Я просто убеждаю её выпить бокал вина. Даже не издеваюсь.

— А она сказала, что не хочет, так что оставь её в покое.

— Она — взрослая женщина. Тебе не нужно говорить за неё, — острит он в ответ.

Чувствуя неудобство за то, что они грызутся, я вставляю:

— Может, один маленький бокал.

Роберт одобрительно улыбается мне.

— Ты уверена? — спрашивает Саша. — Он — задница. Не позволяй ему запугивать себя.

— Я в порядке. В любом случае, я же должна отпраздновать свою первую ночь в Лондоне.

— Вот это я понимаю, — говорит Роберт, протягивая мне бокал и забирая бутылку у сестры. Я держу, пока он наливает и когда заканчивает, делаю глоток. Саша забирает у него из рук бутылку и идёт налить Сандре и Алистеру.

— Это «Шардоне». Что ты думаешь? — спрашивает Роберт, подходя поближе. Его близость вызывает во мне волну тревоги.

Я смотрю в его глаза секунду, и, кажется, ему интересно услышать, что я отвечу.

— Неплохо. Так или иначе, в нём нет остроты дешёвого вина. Насколько мне позволяют судить мои знания, — отвечаю я. Интересно, почему он уделяет внимание мне, когда рядом его друзья?

Роб смеётся.

— Приятно слышать. Ты же немного провинциалка, да, Лана?

Несмотря на то, что его слова звучат обидно, но тон полностью противоположен. Он мягок и почти нежен. Это, определённо, неизведанная территория для нас.

— Лучше уж быть провинциалкой, чем городским снобом, — отвечаю я, сохраняя веселость в голосе.

Он низко смеётся.

— О, значит, я — городской сноб?

Я делаю ещё глоток. А вино действительно неплохое.

— Не знаю... а как ты считаешь?

На его лице медленно растягивается улыбка.

— Мне очень нравится повзрослевшая Лана. Она всё ещё немного стеснительна, но в ней присутствует дерзость.

— Не могу поверить, что ты только что сказал, что во мне есть дерзость. А ты стал дряхлым к своим годам, Роб?

— Что? — ухмыляется тот. — А ты дерзкая в эти дни. Обычно ты была такой обидчивой. Я всегда веселился с тобой или, даже когда ты убегала дуться.

— Ну, теперь мне не шестнадцать, — говорю я жёстче на этот раз. Вдруг я не вынесу того, что все издевательства для него были «весельем». Да, какое же это веселье, делать из меня жалкую.

Он хмурится, когда я ухожу от него и присаживаюсь к Саше и Сандре, которые разговаривают в столовой. Пару минут спустя слышится ещё один стук в дверь. Увидев, что никто не шевелится и не открывает дверь, я решаю взять это на себя.

Открыв дверь, я нахожу по-настоящему красивую женщину с блестящими волосами, окрашенными в цвет тёмной сливы, стоящей на крыльце. И такой же красивый мужчина рядом с ней. Он проходит вперёд мимо меня и ставит два чемодана на пол в коридоре у подножия лестницы.

— Ты кто? — спрашивает женщины, оценивая меня взглядом.

— Я — Лана, — отвечаю я, и её темные глаза загораются в знак того, что она уже слышала моё имя. Странно.

— Лана, — улыбается она. — Я много слышала о тебе. Я — Кара, — говорит она, предлагая мне руку.

Ох. Подружка Роберта Кара? И она много слышала обо мне? Хм, ладно.

Я слегка сжимаю её руку, и она входит в дом. Парень-регби следует за ней.

Глава 3

Я не успеваю выйти из коридора, как голос Роберта звучит из ниоткуда:

— Что, чёрт возьми, ты здесь делаешь?

Я осторожно вхожу в комнату и вижу, как все собираются вокруг, молча наблюдая за стычкой. Кара перекидывает свои тёмные прямые волосы через плечо, а парень-регби стоит позади неё. Воздух возле него насквозь пропах защитой.

— Гари и я пришли, чтобы оставить твои вещи. Они в коридоре. Так что тебе нет необходимости появляться в квартире, чтобы забрать их. — Она делает паузу и кусает губу. — Ох, Господи, ты носишь одежду Саши? Это так нелепо, Роб.

Он смотрит на неё взглядом, говорящим: «*Мне плевать, что ты там думаешь*», и отвечает:

— Ты принесла *мои* вещи? Могу я напомнить тебе, чьё имя стоит на договоре об аренде?

Кара указывает на него своим ухоженным пальчиком с французским маникюром.

— А могу я тебе напомнить, что мы вписали туда моё имя на прошлой неделе, прежде чем я переехала? Тебе даже не нравятся пентхаусы, поэтому я не понимаю, зачем устраивать скандал по этому поводу.

— Хм, я устраиваю скандал, потому что ты появилась здесь с грёбанным Франкенштейном, трахнутым Джонни Уилкинсом, когда я наслаждался тихой компанией моих друзей. *И* потому, что ты упаковала мои вещи и перевезла без моего разрешения.

Алистер даёт Роберту пять за комментарий о «Франкенштейне, трахнутым Джонни Уилкинсом». Гари двигает желваками и сжимает руки в кулаки. Ой-ёй-ёй.

Кара усмехается как кошка, и кладёт руку на бицепс Гари, как бы успокаивая. Я стою рядом с Сашей, которая поворачивается ко мне и хитро подмигивает. Мы обе понимаем, что это лучшее, чем мыльные оперы по телику. Саша всегда рассказывала мне истории о драмах Кары и Роберта, но это первый раз, когда я стала их реальным свидетелем.

— Ты ведёшь себя так, потому что ревнуешь? Они тоже мои друзья и я бы хотела остаться, и выпить с ними пару бокалов, — говорит Кара, надувая губки.

— Тебе здесь не рады, — жалит Роберт, скрестив руки на груди.

Кара скользит своими миндалевыми глазами по Саше, прежде чем спрашивает её:

— Ты не возражаешь, если я останусь здесь, Саш?

— Будь моим гостем, — радостно отвечает Саша, поворачиваясь к своему брату, и широко улыбаясь. Очевидно, это и есть месть за то, что он вёл себя как придурок на ужине.

— Что за чёрт, Саша? — шипит Роберт. — Не веди себя как сука.

— Что? — спрашивает Саша невинно. — Кара — наш друг. Я не собираюсь её выгонять из дома, только потому, что ты не можешь справиться с тем фактом, что она переехала.

Роберт смотрит на сестру, прежде чем говорит:

— Кстати говоря, — он смотрит на Кару, а затем на Гари. — Ты быстро нашла мне замену. Едва прошёл день.

Кара выпускает громкий смешок.

— Ты серьёзно собираешься играть жертву здесь? Но судя по счёту, я думаю, мы оба знаем, кто больше шлюха в наших отношениях, и это не я.

Несколько тихих «охов» разносятся по комнате. Я потягиваю вино, одновременно наслаждаясь тем, как Роберт обжигается, но также боюсь за него. Экс-девушка, появившаяся в доме твоей сестры с блондинистым качком после вашего разрыва — точно не будет приятным опытом.

— Разве не в этом суть отношений: быть шлюхой по отношению друг к другу? — шепчу я Саше, которая хихикает и толкает меня локтем.

Роберт смеётся без особого веселья и потирает ладонью челюсть.

— Тебе что заняться нечем, что ты притащила его сюда? Знаешь, что я скажу, почему бы тебе и Гари не пойти на заднее кресло машины и не познакомиться поближе? Тебе всегда нравилось трахаться в общественных местах.

Я съёживаюсь от его грубых слов, но Кара просто продолжает упрямо улыбаться, словно ей нравится, когда её унижают или она считает его грубость признаком того, что успешно докапывается до него.

Роберт смотрит на Гари.

— Повеселись с этими фальшивыми сиськами. Кстати, я был тем, кто за них заплатил. Она бы так и осталась плоской как десятилетний мальчик, если бы не я.

Наконец, Кара разозлилась, и суровая линия появляется вокруг её рта. Она не возражала, что Роберт рассказывал всем, как ей нравилось заниматься сексом в общественных местах, но открыть секрет её сисек — и девушка сразу же выпустила когти.

Она хватает бокал вина из рук Сандры и кидает его в Роберта. Тот отступает в сторону, но некоторая часть жидкости попадает на него, прежде чем бокал разбивается об пол. Он ядовито смотрит на Кару.

Саша кладёт мне руку на плечо.

— Думаю, настало время для моей реплики, — говорит она, прежде чем встаёт между Карой и своим братом.

— Ладненько, вам двоим нужно сейчас же остановиться. Господи, драки уже устарели как шесть месяцев назад. Вы не работаете вместе, так что сократите свои потери и двигайтесь дальше. Чёрт побери, это ведь субботний вечер и мы все пытаемся расслабиться. Кара, ты можешь здесь остаться так долго, насколько будешь вежливой. И Роб, если ты хочешь сказать что-то Каре, то попридержи язык за зубами, потому что начнётся новый спор.

Кара неохотно кивает ей, а Роберт раздражённо качает головой.

— Это всё херня, — говорит он, прежде чем наклоняется и начинает собирать осколки разбитого бокала с пола. Закончив, мужчина уходит из комнаты, покинув всех, кажется, немного в неловком состоянии.

— Скажем, может нам открыть ещё одну бутылку вина, а, Саш? — предлагает весело Алистер и хватается за бутылку. Когда он возвращается, все разговоры снова возобновляются, а предыдущий инцидент забыт — почти.

Саша и я сидим на диване, пока я медленно работаю над одним стаканом алкоголя, который позволяю себе сегодня вечером, когда к нам присоединяется Кара. Она присаживается рядом с Сашей, приглаживая короткое чёрное платье по стройным бёдрам.

— Я сожалею о том, что произошло, — говорит Кара, положив руку на плечо Саши. —

Надеюсь, что ты и я сможем остаться друзьями, несмотря на то, что мы с Робом расстались.

Саша неопределённо смотрит на неё. Из того, что я поняла, эти двое никогда по-настоящему не были тем, кого называют «друзьями». Они просто терпят друг друга ради всех остальных.

— Конечно, — отвечает Саша, глядя на меня «*Что за чёрт?*» взглядом. Я приглушаю свой смех глотком вина.

Кара облежённо вздыхает и слегка приобнимает Сашу.

— Спасибо. Это много значит для меня, — говорит она искренне своим аристократическим английским акцентом.

Затем неожиданно девушка поворачивается ко мне. Она изучает меня секунду, как будто впитывая. Не смогу сказать, одобрила ли она увиденное или нет, но кажется, вы никогда не сможете угадать с такими женщинами. Они слишком хорошо обучены проявлению вежливости и изысканности манер. Хотя, она не была особо изыскана в метании бокала в голову Роберта.

— Значит, ты — Лана, — говорит девушка, расчётливо улыбаясь. — Роб много о тебе рассказывал.

Я насильно выпускаю смешок.

— Ну, не верь всему, что он говорит.

Она хмурится и пристально смотрит на меня.

— Почему нет?

Я чувствую себя неудобно под её пристальным взглядом.

— Просто он не самый мой большой фан, вот и всё, — бормочу я.

Она ухмыляется.

— У меня сложилось не такое впечатление. У Роба всегда была слабость к слабым миленьким девушкам. Почему же ты исключение?

Несмотря на комплимент, её слова похожи на остриё ножа.

— Последний раз, когда мы виделись, мне было шестнадцать, и я выглядела совсем по-другому.

— Ох, да ерунда это, — упрекает меня Саша.

Я смеюсь.

— Ты обязана была сказать это. Ты же моя лучшая подруга.

— Да, да, сама скромность. Ты же знаешь, что ты изумительна, — говорит она.

Кара пьёт свой напиток, скреживая свои загорелые ноги.

Нас прерывает подошедший Гари.

— Детка, у тебя ключ от машины? Я просто хочу захватить шесть упаковок пива из багажника.

Кара встаёт, улыбаясь ему.

— Конечно, милый. Держи. — Она роется в сумочке и протягивает ему ключи.

Я делаю передышку, чтобы подняться в туалет наверх. Я едва выпила пол бокала, но уже чувствую себя немного пьяной.

Когда я пихаю дверь в ванную, то сразу же отступаю, потому что перед зеркалом стоит Роберт топлес и пытается схватить упаковку бинта.

— Ох, дерьмо, прости. Я не знала, что ты здесь, — извиняюсь я и поворачиваюсь, чтобы уйти, стараясь не смотреть на его загорелые мышцы.

Ему, кажется, совсем не стыдно, потому что он просто смотрит на меня, спрашивая:

— Не могла бы ты открыть эту упаковку? Я не могу... — замолкает он, указывая в отчаянье на кровь в раковине.

Тогда я замечаю порез на руке от разбитого в гостиной стекла.

— Ауч, — выдыхаю я, проходя внутрь и закрывая дверь за собой.

Я беру упаковку и открываю её.

— Вот, садись на край ванны, а я завяжу. У тебя сильно кровоточит.

Вид крови не пугает меня. Я вижу её каждый день, когда проверяю уровень сахара. Я смачиваю вату, чтобы промыть порез, а затем сажусь рядом с ним. Так странно чувствовать руку Роберта в своей, чувствовать его кожу, и заботиться о нём. Между нами обычно никогда не было особой теплоты. Мужчина всасывает воздух, когда я прикладываю вату к порезу. Он длинный, но не глубокий, так что нет необходимости ехать в больницу.

— Я немного поговорила с Карой внизу, — говорю я, пока прочищаю его руку, опуская ватку в антисептик.

— Ах да, и что же она сказала? — спрашивает он, глядя на меня сверху вниз.

Мы так близко друг к другу, что вряд ли в помещении остаётся воздух.

Я отвожу от него глаза и отвечаю:

— Она сказала, что ты много рассказывал ей обо мне.

Рот Роба дёргается от веселья, а веки опускаются. Когда он выдыхает, я чувствую, как его воздух ударяется о мою щёку.

— Продолжай.

— У неё не было шанса объяснить, — отвечаю я. — Нас прервал Гари.

Он перемещает взгляд к потолку огромной ванной, а головой прислоняется к стене позади себя.

— Ах, спасённый регбистом, — размышляет он.

Я стараюсь не заикливаться на части «спасённый» в его предложении. Что именно он *говорил* обо мне?

Я усмехаюсь.

— Не думаю, что он играет в регби. Я слышала, парень рассказывал Алистеру, что он — брокер.

— Ну, тогда, он, должно быть, играет по выходным. Это или бокс, не важно, нет другого варианта, как у него вышло такое избитое лицо.

— Или невероятно горячее тело, — добавляю я, дабы досадить ему.

— Ты считаешь, что он горяч? Давай же, Лана, признай, мы оба знаем, что я выгляжу *лучше*.

Ха! В жизни этого не признаю (даже, если это и правда). Роберт и Саша обладают «ничего себе» чертами, помните?

— Ах, самолюбие! Внешность не всегда играет главную роль. Может, Каре понравился Гари из-за его личности, — предполагаю я.

— Внешность *всегда* играет главную роль для Кары. Эта женщина едва ли позволит себе дружить с уродом. Если думаешь, что я несу брехню, то подожди, пока узнаешь её получше.

— Ну, она очень красивая, — признаю я. — Может быть, поэтому у неё такие высокие стандарты на тех, кто её окружает.

Роберт смотрит на меня в упор.

— Тебе кто-нибудь говорил, что твоя наивность освежает? Хотя, ты ошибаешься на счёт Кары. Она не красивая. Это всё краска и освещение. Хотя, с другой стороны с тобой... —

говорит он, а затем останавливается, бродя взглядом по моему лицу.

— Что со мной? — спрашиваю я, зная, что Роб собирается сказать.

Мужчина протягивает не порезанную руку и проводит кончиком пальцев по моей щеке.

— Ты всегда была особенной, но сейчас ты и в правду превратилась в лебедя, не так ли, Лана? — шепчет он.

Его слова оставляют меня бездыханной, словно я в ловушке пузыря, наполненного эмоциями, которые мне не понятны. Этот момент затягивается до боли, и, Господи, мне действительно нужно изменить тему разговора.

— Она напоминает мне об Афродите, — выпаливаю я.

Всякий раз, когда я нервничаю, то начинаю болтать о греческой мифологии. Вероятно, потому, что это я знаю лучше всего.

Роберт роняет свою руку и слегка ухмыляется.

— Афродита? — спрашивает он.

— Да, она — греческая богиня страсти. Одна из самых красивых богинь. Кара мне напоминает её. Красота женщины означает, что мужчины всегда должны бороться за неё. Вот почему отец — Зевс, выдал Афродите замуж за Гефеста, чтобы уменьшить конкуренцию среди богов. Хотя у неё были любовники: Арес — бог войны и Адонис — бог красоты.

Роберт улыбается.

— Значит, Гари и я — это Арес и Адонис, так? — он делает паузу. — Из нас двоих я, несомненно, Адонис.

Я игриво качаю головой, не соглашаясь.

— Нет, ты больше похож на Нарцисса.

— Хм, думаю, где-то здесь есть оскорбление. Он был богом чего?

— Он не был богом. А был героем одного мифа. Рождённый сыном бога и нимфой, он был очень красивым молодым человеком и привлекал внимание многих дам. Тем не менее, мужчина никогда не отвечал взаимностью ни на одну привязанность. К несчастью для него, Немезида — богиня возмездия, взяла это на заметку. Она решила проклясть Нарцисса, заманив его в пруд с водой, где он наткнулся на собственное отражение и в итоге влюбился в него. Так он и провёл остаток своих дней, любуясь собой.

Я заканчиваю историю лёгким взмахом руки.

Роберт начинает хихикать.

— Ты обосрала меня?

Я пожимаю плечами.

— Ты всегда любил себя больше, чем остальных.

— Что ж, это, безусловно, было оскорбление, хотя я согласен с частью о красивом молодом человеке, — коварно улыбается он мне.

— Я просто базируюсь на том, что знаю о тебе, — смущённо добавляю я.

Резко Роб становится серьёзным.

— Ты не знала меня целых шесть лет, Лана. Я больше не тот упрямый подросток.

Я тяжело дышу.

— Хорошо, признаю, ты не такой плохой, каким был раньше. Из того, что я могу сказать — ты повзрослел.

Роб игнорирует меня и спрашивает:

— Как ты узнала обо всех этих вещах: богах и богинях?

Я вытираю его руку.

— Это то, что я изучаю в докторантуре: древнегреческую мифологию.

Это, кажется, его забавляет.

— И чем же занимается человек с такой квалификацией?

— Много всего. Я хочу читать лекции и писать книги на эту тему. Хотя это и займёт кучу времени, в конечном итоге я этого добьюсь.

Роберт корчит рожицу.

— Я никогда не был фанатом учёных. Предпочитаю выделиться в мире и сделать что-то над собой.

Медленно я начинаю завязывать его руку.

— Ну, думаю, мы все хотим разных вещей от жизни.

— Так, о чём будет твоя диссертация? Пожалуйста, скажи, что о сексе между богами. Мне бы хотелось увидеть, как ты это будешь представлять.

Я поднимаю брови.

— Хм... почему?

— О, ну же, это было бы весело. Кто-то застенчивый как ты, говорит о похотливых богах и о том, как они любили забавляться. Я помню, как видел фреску в Британском музее спортсмена с огромной эрекцией. Да, там половина вещей были абсолютной порнографией. — Он надувает губы, словно обижается, но я слишком хорошо знаю Роберта, и вряд ли его ранят несколько неприличных фресок.

Я хохочу. Наконец, успокоившись, я говорю:

— Это, вероятно, был Приап — бог плодородия. Отсюда пошло слово «приапизм». Ну, когда мужская... эм... штука... не хочет опускаться.

Тут Роберт выпускает восхищённый смешок.

— Его штука? Ты когда-нибудь видела мужскую штуку во плоти, Лана?

Я смотрю на него предупреждающим взглядом, и он останавливается.

— Признаю, секс занимает большую часть мифов, — продолжаю я. — У этих греков действительно были очень грязные мыслишки. Но, нет, ты будешь разочарован, я не буду писать диссертацию на эту тему. Вообще-то, я ещё не решила что выбрать. У меня есть несколько идей, которые одобрил мой научный руководитель, но не знаю, ни одна из них не ощущается... правильной. Это расстраивает, потому что я чувствую, что хочу написать о том, что вертится у меня на языке. Иногда мне почти удаётся это уловить, но затем я снова это теряю. Ты понимаешь, о чём я?

Тут я понимаю, что жестикулирую руками, когда смотрю на Роберта. Его глаза смотрят на меня в упор, поглощая. Я всегда чувствовала перебор энергии, когда начинала говорить о своём предмете. Ничего не могу с собой поделаться. Эти вещи восхищают меня.

Роберт прочищает горло, кашляя, а потом говорит:

— Да, я понимаю, о чём ты.

Наступает тишина, когда я заканчиваю с повязкой. Завязав узел, я отрезаю ненужные концы. Затем встаю и иду к раковине, чтобы вымыть руки. Когда я возвращаюсь к Роберту, он всё ещё продолжает сидеть на краю ванны, глядя на меня.

— Думаю, мне лучше спуститься вниз и позволить тебе... эмм... захватить чистую рубашку. Кстати, Гари оставил два чемодана с твоими вещами в коридоре.

Роберт вздыхает.

— Да, понимаю. И спасибо... за повязку.

Я киваю, взглянув на него последний раз, а затем выхожу из комнаты. Ну, это было по-

другому. Мой желудок бьётся в мелкой победе, когда я слышу его слова, эхом прокручивающиеся в моей голове: «Ты всегда была особенной, но сейчас ты и в правду превратилась в лебедя, не так ли, Лана?»

Если я всегда была особенной, то почему он заставляет меня чувствовать себя уродиной? Не понимаю.

Но мне становится лучше от того, что Роб видит во мне красивую девушку, которая эволюционировала из неуклюжего, застенчивого, рыжеволосого подростка. К сожалению, победа не ощущается так, как я ожидала: желательное разочарование во всей его красе. Теперь совершенно новое чувство появляется в моём животе — *желание*. Я не могу отрицать того, как он смотрит на меня, и хочу большего. Больше мягких слов и жарких взглядов.

Господи, из того, что я знаю — это может быть уловкой. Возможно, он ведёт себя хорошо, чтобы сломать мою защиту, после чего сможет вести свою основную игру. Игру, которая разобьёт моё сердце. От этой мысли в горле становится сухо.

Я решаю держать дистанцию от него эмоционально, если нельзя физически. Позволить Роберту войти в мою голову (и не дай Бог, в сердце) закончиться катастрофой. Так было всегда. На протяжении многих лет у нас была пара коротких моментов, когда мы ладили (и всё благодаря Саше), но он всегда портил их, либо, унизив меня перед своими друзьями, либо говоря исчезнуть, устав от моей компании.

Когда я спускаюсь вниз, все сидят в столовой за ультрамодным стеклянно-стальным столом. Я занимаю место рядом с Сашей, которая оживлённо спорит с Виктором и Джейкобом о каком-то голливудском актёре, который был номинирован в прошлом году на «Оскар», но не победил. Я тихо сижу и слушаю, пока медленно перевожу к Каре.

Она сидит между Гари и Алистером, смеясь над тем, что только что сказала Сандра. Спустя где-то десять минут, Роберт входит в комнату и несёт стакан с виски. Разговоры утихают, всем интересно, набросится ли он снова на Кару. Он этого не делает, а просто садится на единственное пустое место, которое случайно оказывается рядом со мной.

Я замечаю, что он сменил одежду Саши на рубашку и брюки. Верхние пуговицы расстёгнуты, открывая его ключицу. На мгновение мои глаза задерживаются там, прежде чем я отворачиваюсь.

Когда все понимают, что Роберт будет вести себя прилично, напряжение в комнате спадает. Молча, он потягивает свой напиток, смотря иногда в сторону Кары или закатывая глаза на всё, что говорит Гари.

Спустя некоторое время, он наклоняется ко мне так близко, что его локоть трётся о мою руку.

— Ты есть на «Фэйсбуке», Лана? — спрашивает Роб низким голосом.

Я поворачиваюсь и вижу, что он держит в руке свой айфон.

— Эм... да. Есть. Зачем тебе?

— Я хочу тебя добавить. Ты подписана Лана Суини или как-то по-другому?

— Лана С, но нет никакой необходимости добавлять меня. Я почти никогда не бываю онлайн.

Он набирает моё имя на экране и ухмыляется.

— Это не важно. Я просто хочу посмотреть твои фотки.

Я смотрю на него.

— Ты хочешь посмотреть мои фотки?

Его улыбка превращается в ухмылку.

— Ага. О, вот и ты. Ох, посмотри на фотку своего профиля. Такая... невинная. Мне нравится.

Я смотрю через плечо на свою фотографию. Моя мама сделала её около года назад на пляже. Мой взгляд направлен вдаль, а ветер обдувает мои волосы. Под светом солнца мои голубые глаза выделяются. Это одна из любимых фотографий Саши, поэтому я её и выбрала.

— Итак, я добавил тебя, — говорит Роберт. — В следующий раз, когда будешь онлайн, примешь мою дружбу.

— Хорошо, но только после того, когда ты скажешь мне, зачем тебе смотреть на мои фотографии.

Роб засовывает телефон обратно в карман и смотрит на меня.

— У тебя... довольно привлекательное лицо. Надеюсь получить кучу твоих фотографий, потому что я планирую смотреть на тебя со всех разных углов, — на поверхности его слова звучат безвредно, и я могу ошибиться, но то, как он говорит, звучит сексуально.

— Это и, правда, странно, Роб. Вообще-то, мне не нравится то, что ты будешь смотреть на все мои фотографии. Я не приму твой запрос.

— Ох, ну же, Лана, не порти удовольствие.

— Я не приму его, Роберт. Теперь оставь меня в покое.

Нас прерывает Кара, которая спрашивает через стол:

— О чём это вы оба шепчитесь?

— Не твоё грёбанное собачье дело, Сиська-сосиска, — отвечает Роберт невзначай, допивая остатки виски и ставя стакан на стол со стуком. Думаю, он уже немного пьян.

— Ой, что-то не так, Роб? Злишься, что ты заплатил за них, и теперь не сможешь больше с ними играть? — говорит Кара, сузив глаза.

О, мой Бог! Не могу поверить, что она это сказала. Несмотря на то, что комментарий не имеет ничего общего со мной, я краснею.

Роберт смеётся.

— Да, потому они такие замечательные. Твёрдые как два больших камня. И ты удивляешься, почему я ушёл к Оливии? Может, она и на десять лет старше тебя, но грудь у неё что надо.

Ладно, я понятия не имею, кто такая Оливия, но, судя по части «на десять лет старше», полагаю, что она та замужняя женщина, про которую мне рассказывала Саша.

— Роб, ты переходишь границы, — говорит Саша с неодобрением на лице.

— Что? Она это начала. Разозлилась к чертям, потому что я говорил с Ланой.

— Ха! Я не разозлилась. Можешь говорить со своим питомцем, когда пожелаешь. Мне плевать, — парирует Кара, прежде чем смотрит на меня. — Вероятно, ты не знаешь этого, милая, но у Роберта грёбанная одержимость на счёт тебя. Держись от него подальше. Думаю, что стоит тебя предупредить.

— Не слушай её, — тихо говорит мне Роберт, когда Саша спрашивает у него:

— О чём она говорит, Роб?

— Ни о чём. Она придумала это, потому что я изменил ей с Оливией.

Думаю, у него и Кары не было периода расставания во время фиаско с замужней женщиной. Теперь я понимаю, почему она выгнала его из квартиры. Я даже могу ей посочувствовать, так как в прошлом Роберт причинял боль и мне. Но что она имела в виду под «грёбанная одержимость»? Знаю, Роб всегда получал удовольствие от моего унижения. Это она имела в виду?

Несколько долгих мгновений Кара и Роберт продолжают смотреть друг на друга. Взгляд Роба жестокий и непоколебимый, что на секунду, кажется, что Кара вот-вот разрыдается. Она моргает, хотя на лице нет никакого выражения.

— Всё, мы уезжаем. Пошли, Гари, — говорит она, быстро поднимаясь с места.

— Скатертью дорожка, — бормочет Роберт, когда входная дверь захлопывается.

Глава 4

Вскоре после того, как Кара уходит, я прощаюсь с друзьями Саши и иду спать. Я чувствую себя неловко на счёт того, что Кара сказала об одержимости Роберта мной. Я вообще не в восторге от чьей-то одержимости, особенно от кого-то, столь напористого как Роберт. В частности, когда он склонен причинять боль окружающим.

Учитывая то, как я провела день, у меня не занимает много времени, чтобы уснуть. Следующим утром я просыпаюсь в восемь, но Саша и Роберт всё ещё спят. Я решаю воспользоваться возможностью узнать местность получше, составляю список продуктов, одеваюсь и отправляюсь на улицу. Я не могу сдерживать своего жалкого волнения, когда натыкаюсь на «Вэйтрос» — разновидность крутых продуктовых магазинов. Я взволнована большей частью потому, что дома у нас нет никаких «Вэйтросов».

Сегодня очень солнечно, а я знаю, что на заднем дворе дома Саши есть барбекю, так что решаю сделать несколько гамбургеров для нас позже. Мы сможем провести воскресенье, отдыхая в её саду.

Я выбираю долгий путь домой, осматриваю достопримечательности и чувствую атмосферу этого места. Вернувшись, я раскладываю покупки и поднимаюсь в свою комнату, чтобы послушать музыку и порыться немного в интернете. До сих пор нет никаких признаков Саши. Как всегда, я спала как убитая прошлой ночью, так что не знала, как долго все оставались в доме, вышивая.

Вставляю наушники в уши, выбираю список аудиозаписей на своём айпode и увеличиваю громкость. Затем притягиваю ноутбук на кровать, я проверяю почту. Я также захожу на «Ежедневные оповещения» дабы проверить, не появились ли какие-нибудь статьи от Саши. Я всегда читаю то, что она пишет, потому, что мне нравится поддерживать её, но также мне кажется забавным то, с чём она обычно сталкивается. Похоже, что она становится другим человеком, чтобы соответствовать вкусам читателей. Давайте просто скажем, это намного обиднее, когда осуждается в реальной жизни.

Прокручиваю вниз и нахожу статью, которую она закинула вчера о новой поп-звезде, имя которой Молли Уиллис. Заголовок жирным голубым шрифтом гласит: «Новая девушка — тусовщица Молли провела дикую ночь в Камдене». Она сопровождается фотографиями поп-звезды, которая бросает окурок в парня с камерой. Наряд на ней просто ужас, но я своего рода уважаю это сумасшествие. Он состоит из фиолетового парика, коротких джинсовых шорт, ковбойских сапог и светящегося розового лифчика. Что ж, видимо, она там задала жару.

После этого я ищу вечера «свободного микрофона» в Лондоне и записываю некоторые даты и места. Пение перед толпой — то, что я хочу сделать долгое время, но до сих пор имею наглость делать это только перед зеркалом, когда дома никого нет. Когда я записалась на такую встречу, то добравшись до клуба, у меня не хватило смелости завершить начатое. Возможно, анонимность в таком большом городе как Лондон, будет лучше для меня и моей

скромной маленькой певчей мечты.

Закончив свою обычную рутину действий в интернете, я вспоминаю, что Роберт добавил меня вчера в «Фэйсбуке». Я никогда раньше не заходила на его страницу, и любопытство взяло вверх. Обычно я вижу его странные комментарии на странице Саши, но на этом всё.

Когда я вхожу в свой аккаунт, его запрос в друзья появляется вверху справа, и я не знаю, что с этим делать. Приняв запрос, я смогу заглядывать на его страницу, но есть и другая сторона, он тоже сможет подглядывать на моей. В моей жизни нет ничего захватывающего. Я в основном переписываюсь только с Сашей и моими новым друзьями из колледжа. Чувствуя неуверенность от того, что Роберт узнает, насколько скучна моя жизнь, я отклоняю запрос и для полной безопасности удаляю его. Знаю, меня не должно заботить то, что он подумает обо мне, но я не могу. Ничего не могу с собой поделаться — меня всегда это заботит.

Через пару минут после того, как я прокомментировала некоторые статусы моих друзей, я слышу, как открывается дверь в конце коридора и шум твёрдых шагов по деревянному полу, которые становятся громче с приближением к моей комнате. Моя дверь распахивается и входит Роберт.

Я смотрю поверх экрана ноутбука, чтобы увидеть его. Стильные волосы Роба растрёпаны, но одет он неплохо: в красивую рубашку и дорогие джинсы. Мужчина падает на кровать передо мной, почёсывая свою однодневную щетину.

— Ты отклонила мой запрос, — раздражённо заявляет он.

Я вытягиваю наушники и смеюсь, а затем спрашиваю:

— Чем ты занимался? Ждал в онлайн, пока я приму твой запрос или что?

Он закатывает глаза и ухмыляется.

— Нет, я был онлайн как раз, когда увидел твой жестокий отказ. — Роб останавливается и драматически кладёт руку себе на сердце. — Как ты могла, Лана?

Теперь моя очередь закатывать глаза.

— Переживёшь.

Он наклоняется вперёд и тянет край моего носка.

— Я сейчас вернусь в комнату и снова добавлю тебя. На этот раз не будь сучкой и прими запрос, хорошо?

Я задумчиво смотрю на него, а затем с удовольствием отвечаю:

— Э... дай-ка подумать. Всё равно нет.

Он смеётся.

— О, Господи, ты наслаждаешься этим, Лана?

Я бесстрастно смотрю на него и продолжаю печатать.

— Возможно.

Роб хватает мой айпод, выдёргивает наушники и начинает листать мою музыку. Его лицо кривится от отвращения, когда он начинает произносить имена певцов:

— Ани ДиФранко, Кейт Буш, Пи Джей Харви, Реджина Спектор, Тори Амос. Боже Лана, есть хоть один мужчина в этом чудовищном плейлисте?

— Э... да. Смотри дальше. Но мне больше нравится, как поют женщины, — отвечаю я.

— Ну, ясно. Бьюсь об заклад, у тебя есть мечта — в один прекрасный день попасть на «Ярмарку Лилит» (*прим. пер.: фестиваль, где выступают певицы и женские группы*), — говорит он, словно констатирует факт. Вообще-то, пугает то, с какой лёгкостью он может прочитать меня, особенно после стольких лет, потому что, да, однажды я хочу попасть на

«Ярмарку Лилит». — А, вот и они, у тебя есть альбом «The Frames», который, откровенно говоря, такой же ужасный как и все эти женщины.

— «The Frames» — замечательные. А ты знал, что я и Саша как-то раз встретили Глена Хансарда, когда он получал деньги на Графтон-стрит? Он был прекрасен.

Роберт смеётся над этим.

— Мужчина выглядит так, словно нуждается в хорошей ванной и стрижке. Ох, ещё и расчёске.

— Не всех беспокоит внешность как тебя. Но, в любом случае, если я загляну в *твой* плейлист, какие самоцветы я там найду?

Он поднимает руку, сгибая палец с каждым произнесённым названием.

— «Mumford & Sons», «Kings of Leon», «Kasabian»...

— Тьфу, остановись прямо сейчас. Я поняла. Тебе нравятся раздутые инди. В таком случае я не приму твой комментарий на счёт моих вкусов близко к сердцу.

Он негодуяюще смотрит на меня.

— Раздутые инди? Думаю, нет. Хотя это, безусловно, лучше, чем причудливый женский сексизм.

— Я не сексистка.

— Сексистка. Ты — музыкальная сексистка. Худший вид. — Роб довольно смотрит на меня, что говорит о том, что он наслаждается спором.

— Хорошо, отлично. Я — музыкальная сексистка. Теперь можешь идти. — Я наклоняюсь и выхватываю свой айпод из его рук.

Он смотрит на меня с огнём в глазах.

— Ты примешь запрос на мою дружбу?

Чувак реально не собирается сдаваться.

— Посмотрим.

Вскочив с кровати, Роб потирает ладони.

— Значит, да.

— «Посмотрим» не значит да, Роб, — кричу в ответ я.

— Нет, значит, — кричит он и идёт по коридору в свою комнату.

Две минуты спустя возникает совершенно новый запрос. Интересно, сколько раз ты можешь добавлять человека, прежде чем сайт блокирует тебя от очередной попытки? Может, мне просто самой нужно заблокировать его. Однако сделай я это, мужчина подумает, что победил. Роб знает, что мысль о том, как он смотрит на мою страницу, выводит меня из себя и поэтому так сильно давит. А может мне просто показать, что мне всё равно? Будет ли это значить, что я победила? Господи, посмотрите на меня, я играю в его игры снова и снова, несмотря на то, что запретила себе. Он просто таким способом заманивает меня.

Мне нужно перестать заботиться о нём, и об осуждениях, которые у него появятся после того, как он посмотрит мои фотки, так что, закрыв глаза, я нажимаю «принять», и молюсь, что делаю правильный выбор. Сразу же всплывает окно чата.

Роберт Филипс: «Привет, секси. Что на тебе надето?»

Лана С: «Очень смешно. Ты меня уже видел».

Роберт Филипс: «Справедливо. Какой цвет твоего нижнего белья?»

Лана С: «Пока, Роб».

Роберт Филипс: «Обломщица!»

Я выхожу раньше, чем он успевает мне ещё что-то написать, и иду в комнату Саши. Я нахожу её лежащей на кровати в топе и пижамных брюках с телефоном, приставленным к уху. Она произносит одними губами: «Лиз», и я киваю. Саша и её мама стараются общаться так часто, как возможно. Насколько я знаю, Лиз пытается делать также и с Робертом, но всё усложняется настолько, насколько возможно.

Думаю, у него есть невысказанная враждебность по отношению к матери из-за развода с Аланом. Самое смешное, что Лиз словила Алана в постели с его секретаршей, так что развод больше по его вине, чем по её. Иногда лучше не пытаться понять действия другой семьи. Думаю, для этого нужно стать её полноценной частью, чтобы всё понять.

Саша, похоже, в похмелье, но старается рассказать Лиз обо всём. Больше о работе. Я сижу на другой стороне её двуспальной кровати, когда она заканчивает разговор со своей мамой.

— Привет, детка. Хочешь, чтобы я заплела тебя? — спрашивает она, зевая.

Я пожимаю плечами.

— Конечно, как скажешь.

Саша любит делать людям причёски, но самое странное, что ей приходится прилагать усилия, чтобы сделать их себе. Так или иначе, волосы достаточно короткие, чтобы с ними что-то делать. Она хватает резинку с комода, и делит мои волосы, прежде чем начинает плести косу.

— Твой цвет прекрасный, Лана. Такой яркий.

Я смеюсь.

— Да, к сожалению, как маяк для придурков. Даже не могу сосчитать, сколько раз меня спрашивали: «Соответствует ли ковёр к шторам?»

Она вздыхает.

— Что ж, видимо, такой тип мужчин создан для тебя.

— Действительно. Я же говорила тебе, как сильно меня раздражает твой брат?

Её руки замирают.

— Что он сделал на этот раз?

— О, ничего плохого. Вообще-то, он вёл себя дружелюбно. Вроде как. Это сводит меня с ума.

— Я сказала ему перестать изводить тебя, поэтому, может быть, впервые он принял мои предупреждения к сведению.

— Да, возможно.

— Хотя ты знаешь Роберта. Он всегда переходит границу, чтобы показать, что не сдался полностью. Может быть, поэтому он ведёт себя супер мило. Вот такой вот он извращённый мерзавец.

Этим он занимается? Пытается быть супер дружелюбным, чтобы поиздеваться над соглашением с Сашей?

Саша заканчивает с моими волосами и завязывает резинку на конце.

— Теперь ты красавица.

— Спасибо, Саша. О, ты не против, если я воспользуюсь барбекю, что стоит на заднем дворе? Я утром рано сходила в магазин и хочу сделать гамбургеры на обед.

— Звучит отлично. Вперёд!

Она сползает с кровати и подходит к шкафу, чтобы найти какие-нибудь шорты и майку.

— Пойдём, я покажу тебе, как его использовать. Просто убедиться, что ты не сожжёшь

сама себя, — говорит она с усмешкой.

Я вздыхаю, и, улыбаясь, следую за ней в сад. Она показывает мне, как включить его и заставляет попрактиковаться, чтобы удостовериться, что я всё поняла.

Минутой спустя, Роб выглядывает из окна своей спальни, и кричит:

— Во что это вы там, две дурёхи, играете? Я тут пытаюсь немного вздремнуть, но слышу ваш постоянный трёп.

— Лана хочет использовать барбекю, чтобы приготовить гамбургеры. Было бы глупо не воспользоваться преимуществом погоды, — говорит Саша. — И это твои проблемы, что ты устал. Не надо было полночи заниматься любовью с той бутылкой виски и унижать Кару с Гари перед Алистером, который имел самую незавидную работу, выслушивая твоё дерьмо.

Он злобно смотрит на свою сестру, а затем поворачивается ко мне.

— Бургеры — отличная идея, Лана. Я буду два.

— Не помню, чтобы я предлагала тебе, — говорю я, возясь с кнопкой. Поворачиваю её в сторону, и пламя разгорается.

— Господи, — восклицает Саша, убирая мою руку с барбекю. — Может, мы повременим с твоей готовкой, а я всё приготовлю сама, мм...?

Я пожимаю плечами.

— Ладно.

Роберт посмеивается из своего окна.

— Я же говорил, что ты *горячая*, Лана.

Саша качает головой, и показывает двумя руками в сторону Роберта.

— Леди и джентльмены, мой брат — король дерьмовых шуток.

— Ох, сестрёнка, не стоит острить, — отвечает Роберт и издаёт звук собирающихся слюней. — Я в идеальной позиции, чтобы скинуть хороший такой плевок на твою голову.

Саша берёт шпатель с барбекю.

— Сделай это и я поднимусь к тебе, чтобы засунуть это тебе в горло.

— Господи, что за насилие! — говорит Роберт, изображая потрясение. — А я только оправился после ужасного нападения.

— Нападения, которое ты заслужил. Если бы я пришла и увидела такое дерьмо как ты, трахающее мою жену, то я бы дала тебе больше, чем два подбитых глаза.

— Ты имеешь в виду *мужа*, Саш? — говорит Роберт с лукавой усмешкой на лице.

— Заткнись, ты знаешь, что я имела в виду, — обиженно отвечает она.

Я решаю оставить их одних для битвы умов и захожу внутрь дома, чтобы начать готовить салат. Кухня в этом доме выполнена в арт-стиле, так что я готова приступить к работе. Я хочу сделать картофельный салат с зелёными перьями и луком, листьями капусты и смешать всё с оливковым маслом, бальзамическим уксусом и измельчёнными грецкими орехами.

Через пару минут после того, как я начала, Саша заходит и достаёт мясо для бургеров из холодильника. Мы стоим бок о бок возле столешницы, слаженно работая, пока Роберт не спускается вниз и не начинает допрос с пристрастием обо всём, что мы делаем. Он задаёт раздражающие вопросы, как «Что это?», когда я чищу лук или «Почему ты разбиваешь эти орехи?», когда я занимаюсь грецкими орехами.

Конечно, он знает ответы на все вопросы, просто ему нравится меня нервировать.

— Роб, бросай вести себя, как надоедливый двенадцатилетний пацан, или мы ничего не дадим тебе поесть, — небрежно говорит Саша и несёт поднос с гамбургерами на гриль

наружу.

— Мне скучно, — стонет он, ещё более усугубляя. — Дайте мне что-нибудь поделать.

— Ты можешь пойти и подготовить стол в беседке, если хочешь, — предлагает она и исчезает в задней двери.

Роберт усмехается во все тридцать два зуба и идёт, чтобы взять вилки с ножами. Ящик с ними находится прямо там, где я сейчас стою, так что я быстро ухожу с его пути. Улыбка Роба становится расширяется.

— Я не грозный волк, красная шапочка. Ты не обязана уходить в сторону, когда я собираюсь укусить тебя.

Я сглатываю и бормочу в ответ:

— Лучше перестраховаться, чем потом страдать.

Он берёт столовые приборы, тихо посмеиваясь.

— И даже, если бы я это сделал, — продолжает Роб, — то я бы сказал, что мои укусы были бы... приятными.

— Просто иди и подготовь стол, — говорю я, стараясь не смотреть в его направлении. В присутствии Роба мне кажется, что меня окружают десять человек, вместо одного.

Я смотрю, как он понимающе улыбается, а затем выходит во двор со столовыми приборами. После того, как салат, наконец, приготовлен, я бегу наверх, чтобы проверить уровень сахара в своей крови, и принимаю инсулин. Спустившись вниз, я несу салат в фантастическую беседку на улице, где сидит Роберт, постукивая своим телефоном по столу.

Саша подносит гамбургеры, и мы разбираем их. Я справляюсь только с одним, но близнецы уже едят по второму. Остатки мы ставим в холодильник, затем Саша и я берём большое покрывало, чтобы полежать на траве и понежиться под солнечными лучами, пока наши животы набиты едой.

Скинув сланцы, я ложусь на мягкое покрывало, вытягиваю ноги и закрываю глаза. Саша делает то же самое, надев пару солнцезащитных очков. У меня типичная белая ирландская кожа, поэтому, в отличие от близнецов, я больше сгораю, чем загораю. Хорошо, что я нанесла утром крем с защитным коэффициентом пятьдесят, прежде чем пошла в магазин.

Роберт всё ещё сидит в беседке, кажется, что-то страстно обсуждая по телефону. Вот что я ненавижу в его работе — ты всегда должен быть на проводе, когда они скажут. Здесь совсем не до отдыха. Работа Саши точно такая же, подругу могут вызвать на работу в любое время. Её телефон постоянно гудит от звонков людей, заинтересованных в разных историях.

Я слышу, как Роберт заканчивает телефонный разговор, и даже не открывая глаза, чувствую его приближение. Затем я слышу, как он садится на край одеяла, где лежат наши ноги. Я приоткрываю один глаз и вижу, как он разлёгся на покрывале, греясь вместе с нами.

— Проблемы с клиентом? — спрашивает у него Саша.

Он не открывает глаза и отвечает:

— Ничего серьёзного. Всё уже разрешилось. Меня уже бесят эти звонки Джимми по воскресеньям. Я сказал ему, что не работаю по выходным, но у него всегда, кажется, есть чрезвычайная ситуация, требующая срочного решения. Парень хуже чайника.

Думаю, Джимми — это один из сотрудников в агентстве Алана. Не завидую ему, что приходится работать с Робертом, так как он не особо терпелив.

Саша смеётся и поднимается на локти, чтобы посмотреть на Роберта.

— В таком случае передай Джимми, что я сказала, что он замечательный. Я восхищаюсь теми людьми, которые могут втирать тебе всякую фигню.

Роберт хлопает меня по лодыжке.

— Посмотри, как она задирает меня. Сначала Кара, а теперь и моя сестра. Почему женщины так наслаждаются моими страданиями? — говорит он игривым тоном, подняв уголок рта.

Я ничего не отвечаю, пытаюсь понять, почему он так бесцеремонно прикасается ко мне.

— Что ж, я не могу говорить за Кару, — говорит Саша. — Но могу сказать, что ты заслуживаешь все неприятности, которые преподносит тебе Джимми, так как ты сам выбрал путь быть проблемой для остальных.

Роберт счастливо улыбается, словно слова Саши для него комплимент.

— Но сейчас это уже не правда.

Саша фыркает в знак несогласия, и ложиться обратно на покрывало.

— Говоря о Джимми, — продолжает Роберт. — Помнишь его на рождественской вечеринке отца в прошлом году?

— Тот, что лысый или толстый?

— Лысый как слива.

— Да, я помню. Он был вылитый Росс Кемп.

Роберт посмеивается.

— Тогда находишь ли ты Росса Кемпа привлекательным?

— Боже, нет, — отвечает Саша, вздрогнув.

— Я так и думал. Значит, ничего не перепадёт бедняжке Джимми. Когда я упомянул, что проведу со своей сестрой несколько дней, парень чуть со стула не упал от волнения.

Саша выразительно смотрит на Роберта и вздыхает.

— Роберт, пожалуйста, ближе к делу.

— Откуда ты знаешь, что он чуть не упал со стула, пока ты говорил с ним по телефону? — спрашиваю я.

Роберт изумлённо смотрит на меня.

— У меня отличный слух. В любом случае, бедному лысому как слива, Джимми удалось сдержать свою эрекцию так долго, чтобы спросить меня, свободна ли ты на следующих выходных и может ли он получить номер твоего телефона.

— Ты можешь сказать ему, что я буду занята, и нет, он не получит номер моего телефона. И пожалуйста, больше ни слова об эрекции. Я только поела.

Он снова прикасается к моей лодыжке.

— Скажи ей, Лана, что женщины любят хорошие большие эрекции на десерт?

Я не могу сдержать смех.

— Хм, не то, чтобы я знаю.

Моя проблема с Робертом заключается в том, что иногда он может быть таким смешным и очаровательным, что порой я забываю о его отношении ко мне в прошлом.

Саша снимает очки и кидает их ему в голову.

— Ох, больно же, — стонет он.

— Заткнись, Роб. Мы тут пытаемся отдохнуть.

— Ладно, ладно, — говорит он, бросая очки обратно в Сашу. — Я буду молчать... словно принял обет молчания.

Я закрываю глаза, и, впитывая тепло солнца, стараюсь не думать о Роберте, который лежит перпендикулярно моему телу на другом конце покрывала, а его голова покоится на моих ногах. Проходит полчаса, и я могу сказать, что Саша спит, потому что она дышит

слишком глубоко для бодрствующей. Я чувствую, как подол моего платья движется. Должно быть, это насекомое или сильный ветер, но открыв глаза, я ничего не нахожу. Я снова это чувствую, но открыв глаза ещё раз, снова ничего не нахожу.

В третий раз, когда это происходит, я злюсь, мои глаза распахиваются и находят Роберта, который поднимает край моего платья и смотрит мне в глаза. Я подавляю крик, не желая будить Сашу, мгновенно сажусь, поджав под себя ноги.

Я ожидаю, что Роберт разразится смехом, но он просто продолжает лежать, уставившись на меня с серьёзным лицом.

— Что, чёрт возьми, ты творишь? — шиплю я, потянув край платья вниз к коленям, чтобы, по возможности, прикрыть большую часть своих ног.

Саша двигается, но не просыпается.

— А на что это похоже? — спрашивает он, садясь лицом ко мне. Его уверенность сводит меня с ума. Только Роберт может быть оправданным за подглядывание под женское платье.

— Ты... ты не можешь просто взять и сделать это! Это неприлично.

— Мне нравится твоё нижнее бельё. Из какого оно кружева? — спрашивает он, наклоняясь ближе и полностью игнорируя моё возмущение.

— О, Боже, ты — извращенец, Роб.

Я встаю и несусь в дом. Он следует за мной.

— Ну же, Лана, это была шутка, — зовёт он меня.

Я поворачиваюсь лицом к нему. Мы стоим в прихожей.

— Похоже, что я смеюсь?

— Очевидно, ты не поняла шутку, — невозмутимо отвечает он, подняв бровь.

— Что ж, прости меня, что я не понимаю шуток с изнасилованием, как эти.

Роб смеётся.

— Ох, не будь такой мелодраматичной. Я не насиловал тебя. Изнасилование требует действий. А я просто наслаждался видом.

— Ты поднял моё платье. Это действие, Роб.

Он почёсывает челюсть.

— Ладно, тут ты меня словила. Но разве ты не польщена? Я знаю некоторых женщин, готовых полететь на луну, лишь бы быть изнасилованными мной.

— Ты — невероятно тупой придурок. Почему бы тебе не пойти и не найти одну из тех женщин, потому что я определённо не этот тип.

Моё сердце бешено бьётся, когда я поворачиваюсь и бегу по лестнице. На этот раз он не следует за мной.

Я останавливаюсь и вздыхаю, подзывая его.

— Иди и разбуди Сашу. Она может сгореть, если продолжит там лежать.

Я слышу, как он смеётся, а затем его голова возникает между перил.

— Ты же понимаешь, что только что разрушила эффект от своего офигенного ответа, не так ли?

— Да, я пожертвую этим ради здоровья твоей сестры.

— Так благородно, красная шапочка.

— О, даже не смей придумывать мне новое прозвище, — раздражённо говорю я ему.

Он поднимает руки и ухмыляется.

— Это не прозвище, а ласковое обращение.

Я сужаю глаза.

— Давай не будем притворяться, что ты мил ко мне, Роберт. Теперь просто иди и разбуди Сашу.

На этом я продолжаю подниматься по лестнице, вхожу в свою комнату и бросаюсь на кровать. Дело в том, что он не имел право делать то, что сделал. Но, как бы мне не хотелось это признать, самое страшное, что я не могу отрицать покалывание, которое почувствовала, пока он лежал на моих ногах, глядя на меня и спрашивая из какого кружева моё нижнее бельё. Одно его прикосновение, и я не могу перестать дрожать. Проблема в том, что когда я начинаю дрожать, то он ещё больше хочет ко мне прикоснуться.

Интерлюдия 1

Роберт

Август. 2002 год

Горманстон, графство Мит, Ирландия

Я уставился в окно такси, которое сорок минут назад забрало нас из аэропорта в Дублине. Я уже хотел домой. Это мой первый раз в Ирландии и до сих пор я видел только поля, автомагистрали и несколько промышленных предприятий. Мы проехали город, прежде чем приехали в самую деревню, где выросла моя мать, которая, сама по себе, уже раздражала: большая и старая школа-интернат, разбросанные домики, в основном, дерьмовые бунгало.

Моя сестра Саша сидела рядом со мной на заднем сиденье. В ней было почти столько же энтузиазма от переезда, сколько и во мне. Мама трещала с таксистом о своём путешествии в Англию, когда ей было двадцать, о свадьбе с нашим отцом и о том, как она жила там семнадцать лет, так и не став моделью. Тот кивал и вёл себя так, словно был заинтересован в её истории, но могу сказать, что ему глубоко насрать на её проблемы. Кажется, словно она рассказывала всем у кого были уши о том, как папа изменял ей за её же спиной с секретаршей. Также она любит подчеркнуть в качестве сочувствия, клише данной ситуации.

В глубине своего сознания я знал, что она не виновата, но не понимал, зачем ей надо было отправлять нас совершенно в другую страну только потому, что они развелись с отцом. Она могла просто переехать в другой дом в Лондоне и позволить нам видеться с ним на выходных. Теперь я должен оставить всех своих друзей в прошлом и видеться с папой только на летних каникулах.

Таксист свернул направо на песчаную дорогу, которая вела к огромному зелёному полю, чуть ниже которого находился золотой пляж. Пока погода солнечная, это место выглядело привлекательным, но я мог себе представить, как будет ужасно здесь в холодную и дождливую зиму.

Наш новый дом — небольшое белое бунгало, напротив которого стояло такое же бунгало, как и у нас. По крайней мере, у нас будут соседи, и мы не будем полностью изолированы. Хотя, учитывая расположение, сосед, вероятно, будет стариком-отшельником с собакой, которая выходит из дому, чтобы только сесть на крыльце и подозрительно осматривать людей, проходящих мимо.

После того, как автомобиль остановился, я выбрался из него и неохотно помог маме достать чемоданы из багажника. Через пару дней к нам приедет грузовик с нашей мебелью и остальными вещами.

— О, мой Бог, как же странно! — воскликнула Саша. — Посмотрите на пляж. Да там же целая толпа народа.

Я смотрю вниз и вижу огромную толпу. Всё то же самое, и её восхищение ощущалось как предательство. Если мы хотим убедить маму уехать обратно домой, то нужно быть на одной стороне.

— Это только летом, — ответила мама. — Обычно зимой там почти никого нет.

Что ж, мои подозрения на счёт депрессивных и одиноких зим подтверждены. Мама заплатила водителю, и тот исчез на песчаной дороге. Мама открыла входную дверь, когда я занёс два огромных чемодана и первое впечатление об этом месте — оно пахло плесенью. Я сжал нос от отвращения.

— Немного проветрим, и всё будет в порядке, — сказала мама, заметив мою реакцию.

— Надеюсь, ты права, — ответил я мрачно, оставляя чемоданы в коридоре, и вышел, чтобы забрать остальные вещи.

— Умерь свой пыл, молодой человек.

Мама позвала меня, и я проигнорировал её.

Саша стояла возле передних ворот, возбужденно глядя на пляж.

— Ты вообще собираешься мне помочь, ленивая ты корова? — крикнул я ей.

Она обернулась и нахмурилась, как только смех с пляжа послышался в нашем направлении. Похоже, это семья. Там очень старая женщина с седыми волосами, одетая в тёмно-синий купальник с длинным парео (фу-у-у) и другая рыжая женщина примерно возраста мамы с двумя рыжеволосыми девочками. Одной из них примерно пять или шесть лет, а другая немного младше меня, может, где-то двенадцать или тринадцать. Она смеялась с младшей девочкой, когда била мяч ногой, поднимая пыль от песка. Но, самое главное, что я заметил в ней — это насыщенные голубые глаза, которые я когда-либо видел. Тёмные и светлые одновременно.

— Мамочка! — крикнула самая младшая девочка. — Смотри! Это наши новые соседи.

— Хорошо, Элисон, успокойся, — сказала мать, забрав мяч у неё, чтобы она больше не поднимала пыль.

Девочка Элисон подбежала к Саше, сунув свою руку в её в знак приветствия. Саша засмеялась и сказала ей «привет», когда старшая девочка подошла и тоже представилась. Моя сестра сразу засветилась от счастья, восторгаясь, вероятно, её рыжими волосами и акцентом.

Саша заводила дружбу с определённым типом людей и, очевидно, эта девочка подходила под него.

Они сразу же находят общий язык, общаются у ворот, в то время как её мама и (полагаю) бабушка шли с её маленькой сестрой в дом. Я поставил чемодан и пошёл, чтобы забрать Сашу. Несмотря на то, что у этой девочки красивое лицо, я не мог перестать злиться на неё. Я не хотел, чтобы Саша заводила друзей, потому что если это случится, то она будет счастлива, а значит не уедет отсюда.

Она замечает, как я подошёл.

— Эй, Роб, иди и познакомься с Ланой. Она живёт в доме через дорогу. — Саша повернулась к Лане. — Это мой брат-близнец — Роберт.

Лана осматривает меня, затем её глаза округляются и щёки покрываются румянцем. Да, можно сказать, что я её понравился. Многим девушкам дома я тоже нравился.

— Привет, Роберт, — застенчиво говорит она низким голосом.

Мне никогда не нравился ирландский акцент мамы, честно говоря. Он слишком громкий и шумный, постоянно ноющий, но к акценту Ланы я бы смог привыкнуть. Он мягкий и сладкий, словно музыка. Хочется ударить себя от таких мыслей. Я не смогу себе ничего здесь позволить, особенно с девочкой.

— Эм... да, всё равно, — ответил я, закатив глаза, показывая, что я совсем не впечатлён. Затем я схватил Сашу за край свитера и потащил обратно к дому.

— Я позову тебя потом, — сказала Саша.

Девочка кивнула и улыбнулась. Когда она посмотрела на меня, то её улыбка пропала, словно она была расстроена тем, как грубо я себя повёл с ней. Ей остаётся только пережить это и всё.

Когда мы вышли из поля её зрения, Саша ударила меня в живот за моё поведение с Ланой.

— Ты не должен был так себя вести. Она была милой, — раздражённо сказала она.

Я старался восстановить дыхание, и потом, для девочки у Саши очень хороший удар.

— Тьфу! Тебе нравится здесь, не так ли?! Ты что забыла наш план убедить маму уехать обратно в Лондон? Мы только приехали, а ты уже заводишь друзей.

— Слушай, Роб, тебе нужно выбросить идею о том, что мама когда-нибудь простит папу за то, что он сделал. Это может и не похоже на наш прошлый дом, но мы сейчас живём здесь. Не знаю как ты, а я собираюсь наслаждаться всем этим.

Сестра перекинула волосы через плечо и ушла в гостиную к маме. Я посмотрел назад и увидел Лану, которая шла по траве к своему дому. Её присутствие заставило Сашу думать, что это место могло ей понравиться.

И за это я её ненавижу.

Часть вторая

Жестокость трудно простить

Глава 5

Остаток вечера мне удаётся провести в своей комнате, перечитывая «Илиаду», по сути дела, чтобы избежать столкновения с Робертом. Саша уехала, чтобы встретиться с одним из своих «информаторов в области звёздных сплетен» или как там его, и не вернётся допоздна.

Следующим утром я готовлюсь к своему первому дню на работе. Моя смена начинается в десять, так что мне снова удаётся избежать встречи с Робертом, который уезжает на работу в семь тридцать. Я убедилась, что у меня есть карта метро и карточка «Оустер» (*прим. пер.: карточка, позволяющая передвигаться любым транспортом в Лондоне*), которую я заказала онлайн, и она надёжно спрятана в портфеле, точно также как мой обед и инсулин.

Я запоминаю свой маршрут, пока иду к станции метро. Мне нужно пересечь на северную линию до «Кинг-Кросс», а затем на линию «Пиккадили» до «Найтсбридж». Когда я прибываю на станцию, там полно людей, идущих в разные стороны. Это абсолютно новый опыт для меня, так как я привыкла к спокойно тихой жизни. Последний раз, когда я была здесь, Саша всюду меня возила сама, поэтому мне не нужно было ездить на метро. На мгновение я останавливаюсь, пытаюсь понять в какую сторону идти до правильной

платформы, когда женщина больно ударяет меня, бормоча раздражения под нос.

После ещё одной маленькой паники, когда я думаю, что потерялась, я, наконец-то, благополучно добираюсь до «Баккино» без пяти десять. Саша сказала, что мне нужно надеть чёрную юбку-карандаш, чёрные балетки и белую блузку в качестве униформы, поэтому на прошлой неделе я купила несколько нарядов. Я натягиваю юбку вниз и открываю дверь, которая сделана из стекла. Здесь также есть столики, расположенные на улице.

Алистер — первый человек, которого я вижу. Я прихожу к такому выводу, что у него необычный характер, особенно когда он представляет меня девушке с короткими тёмными волосам и кольцом в носу по имени Данни, но вместо устного ответа, он всё поёт. Данни говорит мне, что он постоянно поёт, когда в хорошем настроении. Я отвечаю ей, что это сделает мою работу интереснее. У неё великолепный восточно-лондонский акцент и она очень разговорчива, а также девушка знакома со всеми сортами сыра и вина.

После часа или два работы я поглощена тем, сколько сортов сыра могут влезть в мою голову: «фиоре сардо» (светлый сыр с тёмной кожицей), «каприно» (белый), «горный горгонзола» (бледный с голубыми крапинками), «пармижано реджиано» (бледный и рассыпчатый), «босина рабиола» (светлый и белый сверху) и так далее.

Я стараюсь запомнить, что из них что, но некоторые так похожи, что я не знаю, смогу ли когда-нибудь наловчиться и различить их. Хорошо, что здесь я проработала официанткой первые пять лет моего обучения в колледже, а так всё остальное казалось для меня обычным.

— Это придёт с практикой, — успокаивает меня Данни (про сыры). — Можешь взять небольшой перерыв, прежде чем здесь станет людно.

Я иду в ванную, а затем в комнату для персонала, где перекусываю, прежде чем возвращаюсь. Сейчас ресторан переполнен и Алистер стоит у дверей, приветствуя группу бизнесменов. Затем мои глаза двигаются к окну, где я вижу прогуливающегося Роберта. Он одет в рубашку и чёрные очки, а также держит пиджак в руке. Я вздрагиваю, когда понимаю, что с ним его отец.

Пока я убираю и освобождаю один из столиков, эти двое заходят в ресторан. Прошло пару лет с тех пор, как я видела Алана, но он по-прежнему остаётся одним из самых пугающих людей, с которыми я только сталкивалась в жизни. Он немного напоминает мне Хью Гранта. Точнее его героя — Дэниэля Кливер в фильме «Бриджит Джонс». Такой же обаятельный. Такой же придурок. Душа чёрная как смола.

Алистер весело приветствует их и проводит к столику. Как только они усаживаются, глаза Роберта начинают искать меня, и я тут же отворачиваюсь и начинаю усерднее работать. Следующая вещь, которая происходит — кто-то касается моей руки. На секунду я думаю, что это Роберт, но повернувшись, обнаруживаю Алистера.

— Роб и Алан просят тебя, — говорит он с улыбкой. — Ты можешь взять их столик?

Я улыбаюсь в ответ, а внутри отвечаю ему саркастическим тоном «*О, замечательно!*».

— Лана Суини, — объявляет Алан, когда я подхожу к их столу с двумя меню и кувшином воды. — Ну, разве ты не загляденье. Когда-то ты была ничем, одна кожа да кости. Как пару лет могут творить чудеса, а?

— Точно. Рада видеть Вас, Алан, — отвечаю я, стараясь быть как можно вежливее.

— Ах, ты это слышал сын? — говорит он, наклоняется к столу, чтобы прикоснуться к руке Роберта. — Каждый раз, когда я слышу её ирландский голосок, то всегда вспоминаю твою мать. В своё время она была ещё тот огонёк.

Мне становится забавно от того, как по-разному говорят друг о друге Лиз и Алан. Алан

говорит о Лиз с долей задумчивой ностальгии, а Лиз говорит об Алане только с ядом и отвращением. Думаю, словив своего мужа в постели с другой женщиной, вы бы делали тоже самое.

— Пожалуйста, пап, я не хочу думать о своей матери, как об огоньке. Это неправильно. Алан смеётся.

— Что ж, тогда ты счастливчик, потому что я не говорил, какая она было ого-го...

— Папа! — восклицает Роберт, широко распахнув глаза.

— Какой обидчивый, — говорит Алан с кривой усмешкой. — Говоря о матерях, как Фиона, Лана? Она по-прежнему штурмует в форме полицейского?

Я забавно усмехаюсь ему.

— Хм, да. С тех пор, как стала полицейским.

Алан продолжает улыбаться, глядя вниз на меню.

— А я думал, у неё был фетиш, — бормочет он весело.

Роберт давится водой и начинает кашлять. Иногда я задаюсь вопросом, на самом ли деле он похож на Алана или просто пытается ему подражать. Если это так, то у него явно искажённое представление о качествах, которым стоит подражать. Но люди часто становятся слепыми, когда дело доходит до родителей. Интересно, есть ли в Роберте порядочность под всей его бравадой?

— Так что я могу принести вам двоим? — спрашиваю я, стараясь сохранить нейтральное выражение лица, дабы показать, что шутка на счёт профессии моей матери не оценена.

— Я бы съел баклажаны с пармезаном, а выпил вина на твоё усмотрение, — говорит Алан перед тем, как начинает звонить его телефон. Он достаёт его из кармана и вступает в то, что я называю «деловым разговором».

Я смотрю на Роберта, ожидая, что он закажет. Тот хлопком закрывает меню и улыбается мне.

— А что ты мне порекомендуешь?

— Я здесь только три часа. И у меня не было шанса попробовать хоть что-нибудь простое, и ты это знаешь.

Он кривится и качает головой.

— Это плохо. Мне нравятся официантки, которые могут предложить что-то из меню. Я должен пожаловаться Алистеру.

Я вздыхаю.

— Прекрати выпендриваться и просто сделай заказ, Роб. Ты говорил, что приходишь сюда постоянно. Поэтому должен знать меню как свои пять пальцев.

— Ага, но это не моя работа всё знать, а твоя.

Данни проходит мимо меня, идя к одному из столиков.

— Ты в порядке, Лана? — спрашивает она.

Я улыбаюсь ей и киваю, и она продолжает идти. Глядя обратно на Роберта, я хмурюсь.

— Это мой первый день. Пожалуйста, не усложняй, — шепчу я.

Удивительно, но его лицо смягчается и он наклоняется, чтобы схватить меня за запястье. Его ресницы слегка опускаются, когда мужчина тянет меня к себе.

— Я всё ещё думаю о кружеве, в которое ты была одета вчера, — шепчет он мне на ухо, и я рывком отстраняюсь от него.

Полностью игнорирую то, что он только что сказал, и спрашиваю:

— Так ты уже решил, что будешь?

Он кусает нижнюю губу.

— Конечно, я буду то же самое, что и отец.

Вздыхнув от облегчения, что он, наконец-то, приказал, я записываю и поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Ох, и Лана, — говорит Роберт, прежде чем мне удаётся отойти.

Я оборачиваюсь.

— Что?

— Мне правда нравится твоя юбка. Она такая... обтягивающая. — Его глаза задерживаются на моих бёдрах.

Сделав глубокий вдох, я воздерживаюсь от каких-либо комментариев и ухожу, чтобы поставить их заказ на очередь. Вернувшись с двумя стаканами вина, я понимаю, что Алан уже закончил свой деловой разговор.

— Слышал, ты остановилась у моей Саши, — говорит он. — Тебе понравился дом?

— Он прекрасен. Вчера у нас было небольшое барбекю в саду, — отвечаю я ему, ставя бокалы на стол.

— Восхитительно, — говорит он, поднимая бокал и делая глоток. — Ох, и прежде, чем забуду, я устраиваю вечеринку в честь моего пятидесятилетия в «Дочестер» через две недели. Ты приглашена и должна прийти с парой.

— С радостью приду. Спасибо за приглашение, — отвечаю я и думаю, как я, чёрт побери, найду для этого пару. Я не особо знакома с лондонскими отелями, но «Дочестер» звучит довольно-таки модно.

— Тебе не нужно приводить пару, — резко перебивает Роберт. — Саша и я тоже будем там, так что ты можешь поехать с нами в лимузине.

Я киваю.

— Отлично. В любом случае, я больше никого не знаю в Лондоне, кто бы смог меня подвезти. Вернусь через пару минут с вашей едой.

Вау. Что это было? Действительно ли Роберт волнуется о том, что я приведу пару или это просто было обычное замечание? Через несколько минут их заказы готовы, и я несу их к столу. Отец и сын ведут разговор о работе, так что я ставлю перед ними тарелки, не прерывая. После этого я сильно занята, бегая и помогая Данни обслуживать обеденную толпу. У меня осталось полтора часа до конца смены, так как у меня неполный рабочий день, но надеюсь, они пройдут быстро. Общение с Робертом изрядно выматывает.

Только я возвращаюсь к их столику, как они сразу же требуют чек. Алан уже поднимается, держа пиджак одной рукой, а второй телефон, приложенный к уху. Он машет на прощание Алистеру и выходит, пока Роберт расплачивается. Я надеялась, что он оставит деньги на столе, но он этого не сделал. Он подходит прямо ко мне, пока я расставляю бокалы в баре.

— Вот, — говорит он, улыбаясь и протягивая пластиковую карточку.

— О, точно, — говорю я, дотягиваясь до сканера и проводя через него карточкой Роберта. Всё это время он стоит близко ко мне, практически укрывая собой.

Я неловко двигаю плечами.

— Ты обязан так близко стоять?

Уголки его рта поднимаются.

— Да.

— Вот, теперь ты должен ввести пин-код, — говорю я, отдавая ему на сканер.

Он забирает его, задев мою руку своими пальцами, и набирает цифры. Я обратно принимаю его и нажимаю распечатку чека. Роберт достаёт кошелек из кармана и вытягивает пятидесяти фунтовую банкноту. Он приближается ещё ближе, и прежде чем я осознаю, мужчина скользит рукой в карман моей юбки.

— Это слишком много, — говорю я, когда он достаёт руку. Моя кожа горит под тканью.

— Не правда, — отвечает он, и прежде чем у меня возникает шанс вернуть деньги, уходит через двери ресторана.

За все дни, которые я проработала официанткой, ни разу не получала таких больших чаевых. О, как долго я буду пытаться понять, во что играет Роберт.

Остальная часть моей смены быстро пролетает. Я снова еду на метро, чтобы добраться до дома, и ложусь на диван, дабы посмотреть телевизор.

Около пяти тридцати я ужинаю цыплёнком и салатом, когда открывается дверь. Зная, что Саша не вернётся с работы до семи, я полагаю, что это Роберт. Я сразу же жалею, что надела одну из своих старых маек и шорты для йоги, но потом ругаю своё подсознание за постоянное желание произвести на него впечатление. Моё подсознание — мелкая сучка.

Я поднимаю ноги на диван, располагая салат на коленях, и продолжаю смотреть «Званный ужин» по четвёртому каналу. Я слышу, как звенят ключи Роберта, прежде чем он заходит в комнату и начинает опрашивать меня.

— Ну, ты конечно, уже дома, — весело говорит он, бросая пиджак вниз на кресло и расстёгивая вторую пуговицу на рубашке.

Тем не менее, вместо того, чтобы сесть на одно из кресел, он толкает мои ноги вниз и усаживается на диван рядом со мной.

— Саша тоже это делает. Никогда не понимал, — заявляет он, разглядывая мой салат.

— Что? — спрашиваю я, пережёвывая некоторые из листьев.

— Смотрит кулинарные шоу, пока сама ест.

Я усмехаюсь.

— Ага. Мы любим это делать. Нет смысла в том, чтобы смотреть про еду, а в это время самому голодать.

— Ну, может, в этом и есть смысл, — отвечает он, наклоняясь к миске, и берёт ложку в рот.

— Эй! Иди и сам приготовь себе ужин, — протестую я, отодвигаясь подальше от него.

Роб смеётся.

— Так тебе понравился первый день работы?

— Он прошёл отлично. Пока один из посетителей не начал всё усложнять, а затем случайно дал мне на чаевые пятидесяти фунтовую купюру не за что, — говорю я, глядя на него с любопытством.

Это заставляет его улыбнуться.

— Странно. Тогда почему ты не вернула деньги, если чувствовала себя неловко?

— Ни за что. Я приняла это как компенсацию за все те годы, когда ты обзывал меня, словно подросток.

— Лана... — начинает он, но замолкает, и его глаза смотрят на мои ноги. — Я уже говорил тебе, что извиняюсь за то, что вёл себя как придурок тогда.

— Ты всё ещё придурок, — вставляю я.

— Ох, правда? И с чего ты взяла? — он двигается ближе, и я отодвигаю ноги, чтобы они

не коснулись его бёдер.

— Ну, не говоря уже о том, что ты сделал вчера в саду, а также изменил своей девушке с замужней женщиной. Если это не поведение придурка, тогда я не знаю, что это.

— Ах, но ты же не знаешь всю историю, Лана. Кара изменяла мне с Гари целый месяц, так почему бы ей не попробовать вкус собственного предательства?

Я выпускаю небольшой выдох.

— Правда? Но я думала, что она его только встретила.

Он качает головой, складывая руки.

— Не-а. Она до сих пор думает, что я не знаю. Друг моего друга рассказал мне про неё. С тех пор в наших отношениях было столько грязи, что меня не волновала её измена.

— Так, почему вы оставались вместе, если уже изменяли друг другу?

Пожимая плечами, Роберт отвечает.

— Секс был достаточно неплохим.

Закончив салат, я ставлю тарелку на журнальный столик.

— Не думаю, что смогла бы быть с кем-то, если бы он изменил мне. Даже если бы мы занимались самым лучшим сексом в мире.

Он слегка касается пальцами моей тарелки.

— Значит, у тебя явно не было хорошего секса.

Он делает паузу, раздумывая, а затем шепчет:

— Хочешь, я покажу, почему такая шумиха вокруг него?

Едва ли он знает, что у меня не было вообще никакого секса: хорошего, плохого или обычного. Но, надеюсь, никогда и не узнает. Да, быть двадцатидвухлетней девственницей позорно. Саша всегда говорила мне не волноваться об этом, потому что в реальности секс — это восемьдесят процентов обмана, девятнадцать процентов разочарования и один процент острых ощущений. Тем не менее, я бы хотела попробовать. Ну, вы понимаете, скоротать там медленную субботу, если больше нечем заняться.

Для меня это больше боязнь, чем отсутствие возможностей. Думаю, я обязана за это поблагодарить свою мать. Я знала, что она заботилась, но слушая каждый день об опасности быть подвергнутой сексуальному насилию, в конце концов, сделала что-то не так со своим мозгом. Когда какая-нибудь ситуация движется к сексу, я становлюсь человеческим воплощением нервов и убегаю, как испуганная маленькая монахиня. Добавьте к этому факту то, что в виду своей болезни и больничных посещений, у меня особо-то и не было времени для парней, и таким образом, всё это стало одним пожизненным сухим периодом.

Интересно, это вообще реально бояться потерять девственность?

Да.

Я загуглила.

Это называется «примейзодофобия».

Мне до сих пор не удаётся это выговорить. Или моему испуганному влагалищу.

Я смотрю телевизор, где женщина угощает гостей ужином, одетая в костюм Бетти Буп.

— Не делай этого, — говорю ему спокойно я.

— Не делать что?

— Не притворяйся, что флиртуешь со мной.

— Кто сказал, что я притворяюсь?

— Притворяешься или нет, просто прекрати, ладно?

— О, чёрт возьми, — ругается он, а затем наклоняется надо мной, упёршись руками по

обе стороны от моей головы. Думаю, я начинаю учащённо дышать. Глядя мне прямо в глаза, он говорит:

— Я хочу, чтобы ты забыла, как я относился к тебе в прошлом. Это было бессмысленное дерьмо. Я вёл себя как грёбаный подросток, каким и являлся. Ты не должна носить это как пожизненную корону на своей голове, от которой страдаешь.

— Почему? Ты чувствуешь вину, когда я тебе напоминаю о тех вещах, которые ты сделал?

— Конечно, напоминает! — восклицает он. — Никто не хочет, чтобы парень запугивал невинную девочку, живущую по соседству.

— Так значит теперь ты не чувствуешь вину, когда делаешь это?

Это что-то новенькое. Я никогда не понимала насколько мощно ощущается спокойный человек в паре с Робертом, который открыто показывает свои эмоции.

Он отталкивается, проводя рукой по волосам.

— Потому... потому, что единственный способ, когда я могу почувствовать хоть что-то, так это вызвать реакцию у других, а боль легче всего спровоцировать.

Он сам выглядит удивлённым от того, что сказал.

— Это ответ серийного убийцы в процессе становления, Роберт, — говорю я ему с удовольствием.

— Получилось не так, как я предполагал, — объясняет он.

Я фыркаю.

— О, конечно, нет.

Когда Роб понимает, что я балуюсь, то усмехается.

— Ты ведёшь себя подло, — говорит он мне, переводит свой взгляд к моим губам и останавливается на них.

— Я просто возвращаю тебе ту подлость, которую ты мне дарил все эти годы.

Вдруг он становится серьёзным. Мужчина снова наклоняется и хватается мой подбородок, прежде чем проводит пальцем по моей нижней губе. Я жалею, что не ушла из комнаты раньше, потому что теперь я приросла к месту.

— Твой рот, — говорит он низко и глубоко, — Он так двигается, что мне хочется...

— Закрыть его? — нервно перебиваю я, не желая знать, что он скажет дальше. Поцеловать его? Поглотить? Ни с одним из этих ответов я не могу справиться. Господи, если бы Саша узнала, что назревало между мной и Робертом последние дни, то, вероятно, ударила бы мне в лицо, чтобы вернуть немного здравого смысла. А я, скорее всего, поблагодарила бы её за это.

Хитрая улыбка возникает на его губах.

— Нет, — выдыхает он, наклоняясь к моему уху, и шепчет: — Трахнуть его.

Слова едва слышны, но слышу я их так же чётко, как музыку в усилителе. И думаю, что не смогла бы сдержаться, скажи он, что *хочет меня поцеловать*.

Я сильно отталкиваю его, краснея.

— На время ты убедил меня, что изменился, Роберт, но я ошиблась. Ты стал ещё хуже.

Я забираю свою пустую тарелку и выхожу из комнаты.

— Кто, чёрт возьми, твой самый лучший друг в мире? — напевает Саша, и, вальсируя, входит в комнату, держа в руках билеты.

Я до сих пор не отошла от того, что произошло с Робертом ранее, поэтому у меня

занимает пару секунду, чтобы ответить:

— Ты?

— Ты, чёрт побери, угадала. Угадай, что мне удалось сегодня достать?

— Э... какие-то билеты, — говорю я, словно стараясь *изо всех сил* угадать.

— О, нет, не просто какие-то билеты. Я достала нам билеты ни на что иное, как на церемонию закрытия Олимпийских игр.

Она садится на край моей кровати, и моя челюсть падает.

— Лучше бы так и было! — практически кричу я, выхватывая билеты из её руки (всего четыре) и разглядывая их.

Этим летом Олимпийские игры проводятся здесь, в Лондоне. Сложно пройти десять минут по улице, чтобы тебе не напомнили, например, по телевизору или на рекламном щите. Не только это, все знают, что билеты на любое из мероприятий стоит на вес золота. Не говоря уже о церемонии закрытия, где самые знаменитые музыканты в британской истории, вероятно, будут выступать.

— Конечно же, так и есть. Моя подруга Натали достала их для меня. Не стесняйся целовать мои ноги в качестве благодарности, — шутит она.

— С радостью. Кому ты собираешься дать два оставшихся билета?

Саша хитро улыбается.

— Мне нужно увидеть, кто лучше сможет меня подкупить, чтобы ответить на этот вопрос.

— Что за крик ты тут устроила, Саш? — звучит голос Роберта, когда он случайно заходит в мою комнату. Он стоит здесь всего секунду, сама невинность.

Мужчина ведёт себя так, словно ничего не произошло между нами ранее. *Не могу поверить*, что он ведёт себя так, словно ничего не было.

Саша поднимает билеты и радостно показывает их Роберту, у которого рот открывается от удивления.

— Ну, ты и счастливица! — восклицает он. — И у кого ты отсосала, чтобы получить эти билеты?

Она морщит лицо с отвращением.

— Я ни у кого не отсасывала, ублюдок.

Она резко забирает билеты из рук Роберта, прежде чем у того появляется шанс украсть один.

— Хорошо, тогда *откуда* они у тебя?

— Девушка с работы дала мне их в качестве благодарности за то, что заменила её пару недель назад. У неё есть дети, так что она не ходит на концерты или что-то подобное.

— Тогда тебе повезло, — говорит Роберт, опускаясь на кровать рядом с Сашей. — Как прошёл день?

Я съёживаюсь от его близости, не произнося ни слова.

Саша вздыхает.

— Занята, как всегда. Кстати, я получила письмо от Джимми. Ты сказал ему, что мне это неинтересно?

Роберт смеется.

— Конечно, сказал. Но он, должно быть, настойчивый.

— Отлично. То, что надо.

— Ты ему ответила?

— Нет. Я хотела, пока обедала, объяснить ему, что ничего не будет, но потом Алистер позвал меня, чтобы спросить, что я думаю на счёт поездки в Брайтон в субботу. Он сказал, что будет чертовски жарко, ведь это идеальная погода для пляжа. Ох, он, кстати, попросил меня спросить тебя.

— Я был у него на обеде. Почему он сам не спросил?

Саша пожимает плечами.

— Должно быть, вылетело из головы, — она делает паузу, подозрительно изучая своего брата. — Что ты делал сегодня у Алистера?

— Папа захотел пойти. Ты же знаешь, мы вместе обедаем по понедельникам.

Саша поворачивается ко мне.

— Ты же работала сегодня, так, Лана?

— Ага, — отвечаю я, глядя на Роберта пару коротких секунд, прежде чем снова начинаю избегать его взгляда.

— Этот ублюдок доставлял проблемы? — спрашивает она, одновременно пиная Роберта в колено.

— Ау! — ноет он, и когда Саша не смотрит, произносит мне одними губами «Мне жаль».

Не могу сказать, извинялся ли он за своё странное поведение в ресторане или за то, что сказал мне в гостиной, а может сразу за всё. Он не тот тип людей, который извиняется, так что это застаёт меня врасплох.

Я улыбаюсь Саше, и лгу:

— Не особенно.

Она улыбается в ответ.

— Чёрт. Я надеялась, что ты скажешь «да», таким образом, я смогла бы надрать ему задницу.

Роберт фыркает.

— Ну, попробуй.

— Это вызов? — спрашивает Саша, поворачивая к нему голову.

Роберт встаёт с кровати, затем ныряет вперёд, выхватывая билеты из рук Саши, и убегает из комнаты.

— Козёл! — кричит она, вскакивая с места, и несётся за ним.

Я встаю и подхожу к двери, чтобы прокричать:

— Господи, вам сколько лет?

Я слышу, как они дерутся в комнате Роберта. Заходя туда, я вижу, как они выбивают дерьмо друг из друга: Саша прижимает лицо Роберта к матрасу. Она выдёргивает билеты из его рук и садится ему на плечи.

— Кто-нибудь когда-нибудь вам говорил, что вы странно себя ведёте? — спрашиваю я, прислонившись к дверному косяку.

Роберт поднимает лицо, чтобы вдохнуть.

— Помоги мне, Лана, моя сестра — маньяк. Она постоянно бьёт меня. Вот откуда у меня на прошлой неделе появился тот фингал. Она сказала, что если я расскажу кому-нибудь, то убьёт меня.

Саша смеётся.

— Бедный Роберт. Девушка его победила.

— Ну, прости меня за то, что я отказываюсь бить женщин. Разве не очевидно, что я

позволяю тебе бить меня?

Я не могу перестать хихикать, когда он высовывает язык как собака, и смотрит на меня измученным взглядом.

— О, оставь этого жалкого беднягу в покое, Саш. Пойдём, «Жители Ист-Энда» начнётся через минуту.

— Ладно, — усмехается она и спрыгивает с Роберта, но перед этим даёт ему сильный шлепок по заднице.

— Ах, ты ж сучка! — скулит он, наполовину смеясь. — Расплата тебя уже ждёт.

— Да, да, да, уверена, что так и будет, — кричит Саша, прогуливаясь по комнате и спускаясь по лестнице вниз.

Я продолжаю стоять там, сложа руки на груди.

— Должна признать, это было жалкое зрелище, Роб.

Мужчина перекатывается на спину, и я не могу не заметить, как хорошо он выглядит лежащим на кровати со спутанными волосами.

— Саша невероятно сильна, правда?

Я смотрю на дверь, из которой она только вышла.

— Ох, Лана, у меня всё болит. Иди сюда и сделай мне массаж, пожалуйста?

Я поднимаю бровь.

— Ты и, правда, думаешь, что у тебя будет на это шанс даже в аду?

— Бог любит давать второй шанс, — усмехается он.

— Как и дьявол, — вставляю я.

— Ах, да, мой старый друг. У нас запланирован с ним ужин на этой неделе.

— Ты такой забавный.

— Спасибо.

— Это был сарказм.

— Ты собираешься пойти к Алистеру на пляж Брайтон? — спрашивает он, не обращая внимания на моё предыдущее высказывание.

— Да, если Саша пойдёт, тогда и я тоже, — я делаю паузу и возникает тишина, прежде чем я спрашиваю: — А ты?

Не знаю, зачем я спрашиваю об этом. Думаю, мне нравится, когда он рядом в своём самоубийственном образе. Даже не осознавая, я уже простила его за то, что он сказал мне ранее.

Роб потирает руки.

— Конечно, пойду. Не могу дождаться, когда увижу тебя в бикини.

— Я не ношу бикини.

Это правда. Мне не нравится выставлять свой живот, который весь в шрамах от уколов.

— Ага, значит, ты — нудист. Это даже ещё лучше.

Я закатываю глаза и слышу звуки «Жители Ист-Энда», доносящиеся снизу.

— Мыльная опера началась. Пожалуй, под этим предлогом, я и уйду.

Я поворачиваюсь и спускаюсь по лестнице, пока Роберт кричит вслед мне.

— Но беседа только-только стала интереснее!

Мне не нужно идти в ресторан на следующий день, так как я работаю только по понедельникам, средам и четвергам. Поэтому я планирую пойти и взять велосипед напрокат, чтобы покататься по городу. Я также очень хочу посетить Британский музей на несколько

часов.

Саша дала мне свою кредитную карточку, прежде чем уйти на работу, потому что для того, чтобы взять велосипед, видимо, нужно постоянно жить в Великобритании. Она сказала, что с этим всё в порядке, а то я могла бы сильно разочароваться. Я разрабатываю свой маршрут заранее, планируя остановиться на Ковент-Гарден после обеда в музее, а затем поехать в Гайд-парк.

Я складываю всё необходимое в маленький рюкзачок и ухожу.

Я осматриваю столько работ в музее, сколь могу. Это самый странный и одинокий опыт. Никто не подходит ко мне и не говорит, хотя тут много людей и туристов. Я чувствую себя окружённой, но одинокой. Это не обязательно плохое чувство, просто необычное.

Пообедать я иду в маленькой кофе, где заказываю бутерброд и какой-то травяной чай. В Гайд-парке я иду смотреть на уток, бросая кусочки чёрствого хлеба, который взяла с собой. Одна вылезает из воды и идёт ко мне. Не могу понять, она либо храбрая, либо просто наглеет. Я называю её Джерем (конечно, в честь Джереми Кайла) и отдаю последний кусочек хлеба из своего рюкзачка.

Когда я подхожу обратно к велосипеду, то замечаю вдалеке большую группу людей около ста человек, которые собрались в одном месте. Чем ближе я подхожу, чем громче становятся их голоса, все они о чём-то бурно говорят. Это похоже на дебаты, только вместо одного человека, они говорят все вместе.

Я сажусь и подъезжаю к ним, замечая, что несколько маленьких групп, обсуждают что-то между собой. Никогда не видела такого раньше. Группа, возле которой я встаю, казалось, обсуждала то, что написано в Библии. Они все выглядели... э-э... увлечёнными. Один парень, похоже, слишком увлёкся, что, кажется, будто он ударит в лицо человека, с которым спорит.

По другую сторону от меня стоит чернокожий старик с длинной седой бородой. Он не принимает участия в обсуждениях, только слушает.

— Что это за место? — спрашиваю я, опираясь на руль велосипеда.

Он смотрит на меня секунду.

— Это уголок ораторов, милая. Никогда не была здесь раньше?

Его акцент напоминает чем-то карибский и лондонский.

— Нет. Здесь немного шумно. И что это такое, уголок ораторов?

Он небрежно пожимает плечами.

— Люди устраивают дебаты на открытом воздухе. Ты можешь говорить на любую тему. Хотя, здесь много дураков и хамов. Они, как правило, унижают умных людей. — Он останавливается и кивает в сторону бездомного парня, который держит в руках бутылку вина. — Вот, возьми этого шутника, к примеру.

Я не слышу, о чём говорит этот парень, но люди, стоящие вокруг, в основном, смеются. С каждой минутой он становится агрессивнее (и пьянее). Мне жаль его. Он старается высказать свою точку зрения, но люди смотрят на него как на выступающий кусок дерьма.

— Не думаю, что он пытается быть шутником. Думаю, он просто хочет, чтобы его услышали, но никто по-настоящему не слышит, — выпаливаю я, прежде чем успеваю подумать.

Старик с бородой смотрит на меня.

— Ты смотришь на мир сочувственными глазами, девочка. Моё имя Фарид. — Он протягивает руку для пожатия.

— А я — Лана. Приятно познакомиться с Вами, Фарид.

— Так, что привело тебя сюда? — спрашивает он, обводя руками парк.

— О, я просто катаюсь. Я здесь в Лондоне на лето с подружкой. Сама я из Ирландии.

Он смотрит на меня так, словно я сказала, что у меня рыжие волосы.

— Пф, это я уже понял. Она сказала мне, что ирландка, словно я не узнал её по акценту. — Он качает головой и поворачивается к группе, что стоит рядом с нами, чтобы продолжить слушать. Думаю, я наткнулась на чудака.

Я замолкаю, прислушиваясь к голосам вокруг себя, которые становятся громче и затем затихают. Я завидую тем, кто уверен в себе, чтобы появиться в таком месте и начать спор со случайных человеком. Это один из навыков, который нужен профессору, но я пока не могу сказать, что владею им в совершенстве. Я знаю, как исследовать, и знаю, как писать, но не знаю, как слаженно и уверенно говорить на темы в комнате, полной людей, не смотря на то, что все факты я знаю как свои пять пальцев.

Заставьте меня подняться на сцену и мой ум сразу же куда-то исчезает. Думаю, поэтому я хочу спеть, хотя бы раз перед толпой, я не особо люблю петь, но ведь это лучше, чем говорить. Возможно, потому, что музыка заполняет невыносимую тишину между словами.

Я стою ещё здесь некоторое время, немного общаясь с Фаридом, прежде чем еду обратно на велосипеде. Я останавливаюсь у станции рядом с парком, решая поехать на метро, так как я слишком устала, чтобы ехать весь путь обратно. Когда я иду по улице, ведущей к дому Саши, то замечаю, как кто-то вылезает из серебряного «Мерседеса».

Когда я подхожу ближе, то понимаю, что это Роберт. Он хлопает дверцей со стороны водителя и нажимает на кнопку на своём брелке, устанавливая сигнализацию.

— Эй, разве ты не поехал на метро сегодня на работу? — спрашиваю я, пока иду к главному входу.

— Это было утром, — отвечает он, — но мне нужно было пойти и забрать свою машину у квартиры.

— О, точно. Кара тоже там была?

Он качает головой.

— Она была на работе.

— А чем она занимается?

— Декорирует витрины в «Селфриджис».

— Ммм, — бормочу я, открывая дверь и заходя первой.

Его сегодняшнее настроение на удивление какое-то спокойное. Он несёт большую спортивную сумку, вероятно, в которой все остальные вещи из его квартиры. Ну, это как бы теперь квартира Кары.

Он скидывает сумку перед подножием лестницы и использует ключи, чтобы почесать себе шею.

— Могу я с тобой поговорить минуту? — спрашивает он.

— Конечно, о чём?

Роб проводит меня на кухню, и я сажусь на стул, пока он прислоняется к стойке, скрестив руки на груди.

— Я нашёл квартиру, в которую могу переехать, — начинает он.

Его заявление удивляет меня.

— О, правда? Это же хорошо.

— Это великолепно. Идеально для меня. Совершенно новое, рядом с Темзой и всем

остальным.

— Звучит невероятно, — говорю я, кивая, и не знаю, зачем он мне об этом рассказывает.

— Единственная загвоздка в том, что нынешние арендаторы не собираются съезжать до начала сентября.

— А это уже далеко от «хорошо».

— Точно.

— И...? — я вдруг понимаю, к чему он ведёт.

— Так, что я подумал, что мог бы остаться здесь вместе с тобой и Сашей до конца лета. Но я хотел обсудить эту идею сначала с тобой, — он засовывает руки в карманы.

— Ты пытаешься быть внимательным, Роберт? — спрашиваю я, шокированная. При нормальных обстоятельствах, он бы просто объявил об этом и всё.

— Слушай, я знаю, что тебе не совсем комфортно жить со мной под одной крышей, и ты считаешь меня воплощением зла, что не правда, но мы не будем в это вдаваться. Я клянусь, что делаю это не для того, чтобы быть жестоким. Несмотря на то, что мы с тобой постоянно ссорились, мне нравится жить с моей сестрой, и я хочу остаться, пока не перееду. Но, очевидно, тебе нужно согласиться, потому что мы оба знаем, что Саша сделает всё, что ты скажешь.

Я кусаю губу, рассматривая его предложение. Может, он и прав. Если бы я сказала Саше, что не хотела бы, чтобы Роберт здесь находился, то она бы ему сказала об этом, и это было закончено.

В его глазах какой-то намёк на грусть. Он не хочет жить один, по крайней мере, сейчас. Возможно, для него сейчас это было бы одиноко из-за расставания с Карой. Я действительно не видела его таким раньше. В любом случае, не часто.

— То, что ты сказал мне прошлой ночью, поставило меня в тупик, — говорю я ему тихим голосом.

Он снова чешет шею.

— Я знаю... Я просто... ну..., — замолкает он с легкой усмешкой на лице. — Из своего опыта, женщинам нравится, когда я говорю им подобные вещи. Я не думал, что ты отреагируешь так... негативно.

Я почесываю нос, не веря в то, что спрашиваю дальше:

— Правда?

Он смеётся.

— У некоторых женщин фантазии грязнее, чем у мужчин.

Я убираю прядь волос с лица. Роберт явно считает, что я на одном уровне с теми женщинами. Он действительно не имел понятия о моём отсутствующем опыте, и от этого мне становилось ещё более неловко. Я понимаю, что он имеет в виду. Полагаю, занимаясь сексом годами, такие вещи уже не шокируют, ты к ним просто привыкаешь.

Глядя на него, я говорю:

— Тогда почему бы нам не заключить перемирие? Мы можем быть друзьями, но ты должен прекратить делать «сведём бедняжку Лану с ума» вещи. Если ты с этим согласен и согласен быть приличным, то я не против, чтобы ты остался здесь. Так что ты считаешь?

— Я и не думал, что делаю такие вещи, — отвечает он, хихикая.

— Ага, именно.

— Хорошо, я буду вести себя хорошо. — Он останавливается и улыбается, потом

подходит и берёт меня за руку.

О, Господи, во что я себя втянула? Пару дней — это одно дело, но целое лето вместе с Робертом — самый сложный тест, с которым я только сталкивалась. Если он и, правда, будет вести себя прилично, тогда, возможно, только возможно, мы сможем стать друзьями. Настоящими друзьями.

Вот тут я надеюсь, что у него всего лишь антисоциальное расстройство личности и он не психопат.

— Давай пожмём друг другу руки, — говорит он.

Я принимаю его руку ижимаю так твёрдо, как только могу. Если всё пойдёт не так, то, вероятно, у меня появится сумасшедшая история, которую я однажды расскажу своим внукам.

Если я и Роберт не закончим лето убийством друг друга.

Глава 6

Мы ухитряемся сохранить наше перемирие до конца недели. Роб приходит по средам в «Баккинос» на ланч, и хотя я копаюсь, обслуживая его, он не пытается смутить меня или сделать что-то странное.

Саша удивилась, что я не возражала против того, чтобы он с нами остался. Она задала мне кучу вопросов типа: «Тебе что, сделали трансплантацию мозга?» или «Роберт тебя шантажирует?» Потом она, наконец, убедилась, что я сказала правду и ничего плохого не происходило.

Я не виню подругу за то, что её смущает наше внезапное решение поладить. Но я продолжаю напоминать себе, что теперь мы взрослые люди. И это совместное проживание не должно закончиться слезами, как это случилось, когда мы были подростками.

День в Брайтоне быстро приближается. Саша невольно проговаривается, что Кара и Гари собираются на пятничный вечер. Роберт сжимает челюсти от такой новости, но не комментирует.

В этот день он повезёт нас с Сашей к остальным, кто приедет к Алистеру. Путешествие займёт около двух часов, поэтому я убеждаюсь, что упаковала кое-какие закуски.

В субботу утром я надеваю купальник под своё кремовое хлопковое платье, чтобы избежать переодевания перед всеми на пляже. У меня простой чёрный купальник с обольстительным винтажным вырезом в стиле пятидесятых и вшитым бюстгальтером. Упаковывая полотенце и некоторые необходимые вещи в сумку, я спускаюсь вниз, где Саша наполняет сумку-холодильник напитками.

Я выхожу и бросаю свою сумку в багажник, прежде чем запрыгиваю на заднее сиденье. Роберт уже сидит впереди с открытыми окнами и оглушающей «Uprising» от «Muse» через довольно впечатляющие динамики. Он фокусирует на мне свой взгляд и отбивает ритм на приборной панели. Всё это в сочетании с песней вызывает у меня мурашки на коже.

— Прекрасно выглядишь, Красная Шапочка! — говорит он мне, поворачивая звук на секунду вниз перед тем, как переключает его обратно.

Я наслаждаюсь его замечанием, но не желаю, чтобы он знал об этом, поэтому закатываю глаза и смотрю в открытое окно. Это первый комплимент, который он делает мне со вторника, и я бы солгала, если бы сказала, что не заметила его.

Наконец, когда Саша появляется, расставляет последние вещи в багажнике,

проскальзывает на пассажирское сиденье рядом с Робертом, и мы отправляемся в путь. Заднее сиденье полностью предоставляется мне, и я стягиваю свои босоножки, вытягивая ноги вверх. Я замечаю, как Роберт смотрит на меня в зеркало заднего вида, но никак не комментирует. Как я и ожидаю, он не отводит взгляда, пока момент не становится достаточно напряжённым.

Через некоторое время мы выезжаем на шоссе. Спустя несколько минут позади нас шумно сигналил автомобиль. Я оборачиваюсь и вижу Алистера и Сандру, сидящих на передних сиденьях чёрного минивена. Они ускоряют движение и оказываются с другой стороны от автомобиля Роберта. Теперь я могу увидеть, что Виктор, Джейкоб, Кара, Гари и блондинка, которую я не знаю, сидят на задних сиденьях.

Через минуту звонит телефон Саши. Видимо, это Алистер, так как я вижу, что он держит свой телефон около уха. Другая его рука расслабленно лежит на руле. Моя мама сошла бы с ума, если бы увидела его говорящим по телефону во время вождения. Она всегда ловила таких людей, когда возвращалась домой с дежурства.

— Эй, Ал, ты — маньяк, — отвечает Саша по громкой связи, смеясь.

Он смеется вслед и отшучивается:

— Разве вы не слышали о группе преследования? Это такая новая штука. — Его голос чётко доносится через Сашин айфон последней модели.

Я замечаю Кару, которая сидит у окна и её глаза метают молнии в сторону Роберта. Кажется, он игнорирует её, нажимая кнопки на док-станции айпода, которая находится в приборной панели. Саша всё ещё общается с Алистером, когда начинает играть знакомое вступление к песне «She Fucking Hates Me» группы «Puddle of Mudd» (*прим. пер.:* «*She Fucking Hates Me*» — «*Она, блин, ненавидит меня*»). Я смотрю на Кару и вижу, как расширяются её глаза, когда она понимает, что это за песня. Когда доходит до припева, Роберт поворачивает громкость вправо и начинает петь во всё горло. А у него на самом деле не плохой голос. Он высовывает руку в окно и показывает ей палец, а затем прибавляет скорость и сигналил, проезжая мимо машины Алистера и нахмурившейся Кары.

Он смеётся, когда Саша вешает трубку и пихает его в плечо.

— Это было грубо, — говорит она, делая ему замечание.

Роберт продолжает петь, но теперь уже отворачиваясь от дороги на секунду, и поёт Саше в лицо. Мои губы дрожат, так как я стараюсь не рассмеяться.

— Фу, прекрати своё чёртово пение, Роб. Это ужасно.

Это вовсе не ужасно, но я не собиралась показывать, что не согласна с ней. Он продолжает петь ей в лицо, пока она, наконец, не сдаётся и смеется.

— Ты — идиот.

Он доходит до второго припева и стучит головой о спинку сиденья, выкрикивая тексты вместе с Эдди Веддером и подражая ему.

— Пой со мной, сестрёнка. Ну, ты знаешь, тебе этого хочется, — ободряет он её.

Саша пожимает плечами и начинает петь, сдержанно улыбаясь. Роберт встречает мой пристальный взгляд в зеркале.

— И ты, Лана. Мне нужна вся поддержка, которую я могу получить, если собираюсь провести день с этой стервой и её комнатной собачкой.

Моё сердце замирает в ответ на его просьбу. Иногда я не пою в присутствии других людей, так как это совсем не то, что мне хочется делать. Я стремлюсь сменить тему и говорю:

— Не могу поверить, что эта песня есть в твоей коллекции. Как не стыдно, Роб. — Я игнорирую его замечание о стерве Каре и Гари — её комнатной собачке.

— Что? Это классика.

Он подмигивает мне. Я слабо ему улыбаюсь и мычу вместо того, чтобы запеть, как следует. Он одобрительно кивает, и мы отправляемся вниз по дороге к пляжу, высовывая руки из окон и чувствуя, как ветер проносится сквозь наши пальцы.

Как ни странно, Алистер и остальные, в конечном итоге, приехали в Брайтон на пару минут раньше нас. Он звонит Саше, чтобы сказать, что они уже припарковались и спускаются к пляжу. Роберт видит их чёрный автомобиль и припарковывается на соседнем месте, и мы идём доставать наши вещи из багажника. Увидев, как я вытаскиваю свою сумку, Роберт отнимает её у меня и закидывает себе на плечо.

— Я понесу, — говорит он мне, подмигивая. Очень благородно.

— Хм, ладно.

— Ой! Как это мило, Роб. В таком случае ты можешь понести и мои вещи, — говорит Саша, нахально толкая сумку-холодильник и свой рюкзак ему в руки.

Она берет меня под руку и направляет в сторону пляжа, щёлкая пальцами Роберту.

— Шевелись, братишка. Мы не хотим упустить все хорошие места.

Захлопывая багажник, Роб включает сигнализацию и идёт следом за нами. Он выглядит слегка раздражённым, но, кажется, не испытывает никаких трудностей с тем, что несёт все сумки.

Хотя было только пол-одиннадцатого, пляж был набит людьми. Думаю, потому что хорошая погода. Я достаю телефон, чтобы сделать несколько снимков красочных теней в районе пляжа. В это время Саша фотографирует остальных и собирается присоединиться к ним.

Через несколько секунд я чувствую чьё-то дыхание на затылке.

— Что ты задумала? — спрашивает Роберт, нежно кладя руку на моё бедро.

— Просто несколько снимков, — отвечаю я, констатируя очевидное. Дрожа, я щёлкаю ещё пару кадров и убираю свой телефон в передний карман платья.

— Не хочешь помочь мне с этими сумками?

— Нет, мне и так хорошо, — отвечает он и идет дальше.

— *Freunde! Willkommen!* (прим. пер.: Друзья! Добро пожаловать!) — Алистер машет нам с того места, где стоит на песке, одетый в яркие шорты-бермуды. У него очень волосатая грудь, но я стараюсь не глазеть на неё.

— Наверное, это самый дерьмовый немецкий акцент, который я когда-либо слышал, — говорит Роберт, прикрывая рот рукой.

Через минуту мы присоединяемся к компании. Кара, одетая в крошечный персиковый бикини, вскакивает со своего полотенца на песке и дефилирует в сторону Роберта.

— Ты забрал DVD-проигрыватель из гостиной. Я хочу его назад, — вопит она, показывая на него пальцем.

При пронзительном звуке её просьбы пара любителей солнца поблизости вытягивают шеи, чтобы увидеть, что происходит. Роберт тянет время, пока ставит сумки, а потом тяжело вздыхает.

— Иди ты со всем этим дерьмом, Кара. Я не в настроении. Я его купил, поэтому он мой.

— Не разговаривай с ней так, приятель, — предупреждает его Гари, который сидит на одном из складных шезлонгов.

На нём только узкие синие плавки, а его мускулы выглядят *громадными*, не говоря уже о э-э... кое-чём ниже. Я удивляюсь, что складной шезлонг может его выдерживать.

— Держи её на поводке, и я буду только рад уступить, — жалит в ответ Роберт, разглядывая Гари, когда тот проходит мимо Кары. — Ах да, и почему бы тебе не вытащить свернутые носки из штанов? Ты этим никого не обманешь.

Все тихонько хихикают над шуткой Роберта. Гари краснеет, но больше от злости, чем от смущения. Роберт хватает наши вещи и ставит на пустое место на песке.

— Тьфу, ты этого не достоин, — говорит Кара, спеша подарить Гари страстный поцелуй, на мгновенье усаживается к Гари на колени и поглаживает рукой его грудь.

Как только она заканчивает уверять своего бойфренда в его мужественности, то ложится обратно рядом с Сандрой и блондинкой, которую я не знаю. Она загорает в таком же крошечном бикини, как и у Кары.

Саша закатывает глаза и качает головой в сторону Кары, как бы говоря Роберту игнорировать её — *«она просто ищет внимания и поэтому обрушивает свою жестокость тебе на плечи»*. Они могут долго спорить, но когда доходит до дела, Саша и Роберт всегда поддерживают друг друга. Это штучки близнецов.

Я скидываю сандалии и опускаюсь на колени в песок, чтобы распаковать сумку, достать большое полосатое полотенце и расстелить его. Саша делает то же самое перед тем, как стягивает с себя футболку, под которой у неё надета майка. Она остаётся в ней и коротеньких джинсовых шортах, втирая лосьон для загара в руки. Я понимаю, что она не собирается надевать купальник, и немного смущаясь, нерешительно стаскиваю платье через голову.

У меня глаза на лоб лезут, когда я слышу тихий свист и хихиканье. Когда оборачиваюсь, то понимаю, кто свистит — либо Виктор, либо Джейкоб, потому что оба выглядят крайне веселыми.

Девушки тоже улыбаются, но слегка различимо. Выражения их лиц трудно разглядеть за массивными солнцезащитными очками. Я рассеянно размышляю, что это за повальное увлечение крошечными бикини и массивными солнечными очками. И действительно не понимаю их развлечений, но, наверное, что-то есть в том, что мой скромный купальник показывает лишь небольшой кусочек ложбинки на груди.

Когда я смотрю в сторону, то замечаю горящие глаза Роберта. Я кашляю, чтобы дать себе возможность собраться с мыслями. И мне кажется, я слышу, как он ругается себе под нос, но не совсем уверена в этом. Есть ещё тихие бормотания двух братьев, пока Саша не прикрикивает на них.

— Вы оба, закройте свои рты, пока я их вам не закрыла.

Оба сразу бледнеют от её угрозы и успокаиваются. Румянец окрашивает мои щёки, потому что я, очевидно, и есть тема их разговора.

— О чём они говорят? — шепчу я Саше, нанося лосьон на ноги, и она отвечает: — Глупости, не о чем беспокоиться.

Ладно, теперь я знаю, что это было что-то плохое.

— Ну же, просто скажи мне, — настаиваю я с лёгкой дрожью в голосе. Саморазрушение — это моя ужасная часть психики, которая заставляет меня узнать даже те вещи, которые я на сто процентов уверена, больно ранят мои чувства.

Я всё ещё чувствую на себе взгляд Роберта. Он был настолько поглощён разглядыванием

моей груди, что я не думала, что он тоже слышал, о чём говорили Виктор и Джейкоб. Этого факта уже самого по себе было достаточно, чтобы почти заставить меня забыть текущие проблемы.

— Лана, курочка, они просто пара мудаков. Не обращай на них никакого внимания, — говорит она мне, и её взгляд смягчается.

Я смотрю ещё раз на братьев, не понимающих своей низости. Они ничего, воспитанные и вежливые, как и в прошлые два раза, когда мы с ними встречались. Виктор замечает мой изучающий взгляд и краснеет от стыда. «Иногда люди говорят гадости от неуверенности», — напоминаю я себе. — «Саша права, мне не стоит беспокоиться».

Я сдаюсь, вздыхаю и тихо отвечаю:

— Ладно, тогда.

— Эй, что с тобой? — спрашивает меня Роберт, вдруг отрываясь от рассматривания моего тела. — Ты так побледнела.

Саша смотрит на него и качает головой, как бы показывая не вмешиваться в это дело. К сожалению, Роберт не понимает её молчаливого предупреждения.

— Что? Я что-то пропустил? — громко спрашивает он.

— Ничего, — говорит Саша, когда я поворачиваюсь к нему, отворачиваясь от всех остальных.

— Виктор и Джейкоб сказали что-то грубое обо мне, а Саша не хочет говорить, что именно.

Я говорю таким тихим голосом, чтобы никто кроме него не слышал. Роберт смотрит на меня долгим изучающим взглядом своих карих глаз, прежде чем склоняет голову к парням и кричит:

— Эй, долбанутые, если у вас есть, что сказать Лане, сначала скажите это мне. Всё ясно?

Братьев смущает внезапная агрессия Роберта, но они не отвечают ему. Вместо этого, парни кивают и возвращаются к предыдущему разговору. Ощущение тепла проносится сквозь меня. Роберт защитил меня, к чему я совсем не привыкла. Обычно он тот человек, от которого меня нужно защищать.

— Обо всем позаботился. Теперь ты можешь наслаждаться пляжем, — говорит он, накрывая тёплой ладонью мою руку. Несмотря на жару, меня бросает в дрожь. Надеюсь, Роб не заметил.

Он располагается на полотенце, но ещё не снимает джинсы и футболку. На его фоне я чувствую себя голой. Я сажусь, а Роб встает на колени возле меня, и это значит, что я могу заглянуть ему в глаза. Так близко, что чувствую запах Роберта. Мужчина пахнет чистой кожей с нотками лосьона после бритья. У меня появляется внезапное желание узнать, какой маркой он пользуется.

Ещё я хочу пробежаться руками по мышцам его шеи, просто чтобы понять каково это. Я никогда не чувствовала такого сильного желания. На мгновение, мы остаёмся наедине, глаза в глаза, и это странным образом романтично. Когда мы были маленькими, я осознавала, насколько он был привлекателен, но сейчас это нечто большее — в нём было что-то первобытное. Каждый, даже самый крошечный волосок на моём теле в том месте, где Роб касался меня, вставал дыбом. Возможно, я ошибалась, но мне показалось, что он тоже это заметил.

Внезапно, у меня пересыхает в горле, и я судорожно сглатываю.

— Да, эм, спасибо.

Он убирает руку, и я перестаю ощущать прикосновение и эту связь. Затем он снимает рубашку через голову и футболку. И хотя я видела его без рубашки в ту первую ночь в ванной, грудь Роба в этом золотистом солнечном свете выглядит ещё великолепно. Когда он берётся за пряжку ремня, я отворачиваюсь.

В следующий раз, когда я смотрю на Роберта, он только в чёрных плавательных шортах. Боже, я чувствую румянец, который расплывается у меня по щекам. Я должна постараться не пялиться на него. Тело Роба такое... идеальное. Для меня, во всяком случае. Грустно осознавать, что он — единственный человек, от которого я совсем потеряла голову. Конечно, я находила других парней привлекательными, но ни от одного из них у меня не сжималось всё в животе от смеси бабочек и томительного страха, как это было с Робертом. Это не совсем приятное ощущение, но оно такое непривычное.

Я всегда выбирала его. Даже, когда ненавидела, глубоко под этим чувством была зарыта любовь. Теперь, когда казалось, он искренне хотел быть моим другом, любовь поднималась на поверхность. Мне нужно найти способ, чтобы держать её там глубоко зарытой.

— Эй, Саша, пойдём, поиграем во фрисби со мной, — зовёт Алистер, — никто из этих ленивых придурков не хочет играть.

Саша вскакивает на ноги.

— Конечно, Ал.

Они находят участок на песке, чтобы можно было играть, и начинают бросать фрисби друг другу. Роберт достаёт дорогую на вид цифровую зеркальную камеру из сумки и начинает делать снимки каждого. Я думаю, возможно, он делает это, чтобы позлить Кару, потому что мужчина включил вспышку, хотя мы находимся на улице и когда снимает, звук щелчка очень громкий.

Через минуту он шлёпается рядом и забрасывает свою руку мне на плечо.

— Скажи «сыр», — говорит он мне и улыбается во весь рот, поднимая камеру вверх и снимая нас вместе.

— Хм, — говорю я, не зная, как реагировать. Наверное, у меня глупое и смущённое выражение лица на этом фото.

В пику Роберту с его шумной фотосъёмкой, Кара берёт свой телефон в руки и включает очень громко танцевальную музыку, прежде чем продолжает загорать.

— Боже, я никогда не замечал какой дерьмовый у неё вкус, — тихонько бормочет мне Роберт, доставая бутылку с солнцезащитным кремом из своей сумки и втирая его в свою голую грудь.

Я пялюсь на его пальцы, прежде чем перевожу взгляд на лицо Роба.

И с лёгкой улыбкой отвечаю:

— Да, но ты считаешь дерьмовым вкус любого, кроме твоего собственного.

Он усмехается.

— Неправда.

— Очень, даже, правда. Ты разгромил всю мою коллекцию, когда просматривал мой айпод.

— Я всего лишь пытался разозлить тебя. Я совсем не считаю твой вкус дерьмовым. На самом деле, он восхитительно оригинален.

— Это сарказм сейчас?

Его ухмылка становится шире.

— Не-а, иногда мне нравится набрать пенную ванну и врубить что-нибудь из «Тори Амоса» примерно начала девяностых, особенно, если это раз в месяц.

Я ухмыляюсь и пихаю его в плечо.

— Иди ты.

— Что? Я серьёзно!

— Конечно.

Он смотрит на меня, улыбаясь, и заканчивает втирать остатки крема себе в грудь. Затем начинает делать вид, будто не может дотянуться до плеч. Я игнорирую его. Проходит пара секунд, прежде чем Роб просит:

— Ой, Лана, ты ведь не будешь против того, чтобы намазать мне спину, не так ли?

— На самом деле, я против.

— Ну же, я не хочу обгореть.

— Тогда надень футболку.

— Я думаю, мы оба знаем, что ты не хочешь, чтобы это произошло, — лукаво говорит он.

Я прищуриваюсь.

— Что?

— Я видел, как ты смотрела.

— И?

— И если я прикроюсь, ты не сможешь больше смотреть.

Я глубоко вздыхаю.

— Ну, и нахал же ты.

— Жутко сексуальный, — парирует он.

— Ох, твою ж мать, дай мне этот крем, — говорю я, доходя до предела.

Роб протягивает мне бутылку, довольный собой, а потом отворачивается, чтобы подставить свои плечи. Я брызжу немного на ладонь и слегка втираю в одно плечо.

— Ах, как хорошо, — говорит Роберт с преувеличенным стоном оргазма.

Я немедленно убираю руки.

— Эй, почему ты остановилась?

— Больше не издавай таких звуков, — решительно говорю я ему.

Он слегка поворачивает ко мне голову.

— Почему? Неужели это тебя возбуждает?

Я изо всех сил зажмуриваюсь на секунду.

— Нет, просто, просто помолчи, ладно?

Он весело смотрит на меня.

— Тогда ладно.

В конце концов, я начинаю нервничать, заканчивая с его спиной. Кожа Роба удивительная на ощупь, а его плечи такие сильные и рельефные.

Я почти заканчиваю, когда вдруг он хватает мою руку, тянет через плечо и кладет себе на грудь, прямо на сердце. Я ошеломлённо молчу, когда Роб шепчет:

— Мне нравится, когда ты смотришь.

Вдвоём мы тяжело дышим несколько секунд. Затем он отпускает мою руку, и я занимаю себя, роюсь в Сашиной сумке-холодильнике в поисках бутылки сока.

— Хочешь, чтобы я намазал тебе спину? — предлагает Роберт, несколько минут спустя.

— Нет, я нанесла крем для загара утром перед нашим отъездом, — спокойно отвечаю я.

— Хорошо, — говорит он, — дай мне знать, если тебе нужно будет добавить.

Всё, что я могу сделать — это кивнуть. Если я положила руки на Роберта — это одно, но если он положит на меня руки — это совсем другое. Кто знает, где его пальцы могут странствовать.

Глотая свой сок, я обращаю внимание на Сашу и Алистера, играющих в фрисби в отдалении, и стараюсь забыть про стройное тело Роберта, который лежит рядом со мной.

Глава 7

— Не смей меня снова обрызгивать, — кричу я Саше, когда она выныривает передо мной из солёной морской воды.

Клубок тёмных водорослей трётся о мою ногу. Он мягкий и пушистый, а не скользкий и мокрый, как можно себе представить. Мы — единственные, кто хочет плавать, но честно говоря, вода настолько забита людьми, что нет никакой возможности нормально поплавать. Вместо этого мы шлёпаем по воде, балуемся и брызгаемся, окуная друг друга с головой, в общем, ведем себя, как парочка пятилеток. Это заставляет меня ностальгировать по тем старым добрым временам, когда мы ходили плавать на пляж возле дома.

Она готовится поднять огромные брызги и засовывает руки под воду ниже своего тела. Я мирюсь с неизбежным и зажмуриваюсь, как вдруг подруга выскакивает, широко раскинув руки в стороны, и брызги летят мне прямо в лицо.

— Ах! — верещу я, и ухожу дальше от неё, на случай, если она снова это сделает.

— Прости, я не смогла удержаться.

Улыбнувшись, Саша падает в воду, чтобы поплавать на доске для сёрфинга Сандры. Я присоединяюсь к ней и наслаждаюсь ярким светом солнца. Когда я впервые зашла в море, то подумала, что вода только кажется тёплой, но теперь, привыкнув к температуре, оно ощущается, как бассейн с подогревом.

— Почему бы тебе не рассказать мне, что сказали Виктор и Джейкоб? Обещаю, я не буду злиться, — небрежно предлагаю я.

Да, я всё ещё хочу знать. Иногда мне кажется, что мой собственный рассудок может быть такой стервой, у которой единственная цель — заставить чувствовать меня дерьмово, цитируя Малькольма из «Малькольм в середине»: «почему бы моему рассудку не позволить мне быть счастливой?»

Саша плещет ногами в воде, толкая нас. В это время какой-то ребёнок бросает большой пляжный надувной мяч у нас над головами. Она приподнимает одну темную бровь, цвет которой, как ни странно, очень идёт к её крашеным светлым волосам.

— Ты действительно хочешь знать?

— Да! — восклицаю я. — Знаю, это плохо, но лучше мне узнать.

Она громко выдыхает.

— Отлично. Виктор пошутил, что вероятно, ты позаимствовала свой купальник у бабушки. А Джейкоб сказал, что ты хочешь скрыть свои... тьфу, господи, не заставляй меня это говорить.

— Говори, — требую я, чувствуя, как стучит сердце.

— Чтобы скрыть свои густые волосатые рыжие заросли.

— Гады!

— Ага, — соглашается Саша с сердитым лицом, продолжая грести.

— И я не позаимствовала его у бабушки. Это винтаж. Боже, почему люди никогда не могут отличить винтаж? — говорю я наполовину грустно, наполовину с сарказмом.

— Они просто придурки. Ты когда-нибудь слышала поговорку: «Средняя школа никогда не заканчивается?»

— Да, и это правда. Почему ты вообще с ними дружишь? Алистер крутой, но остальные ни о чём.

Она пожимает плечами.

— Ты не понимаешь, что общего у каждого человека, кто пришёл с нами сюда, не так ли?

Я приподнимаю бровь.

— Эм, нет. Что у них общего?

— Богатые родители. Конкретно, богатые родители, которые дружат друг с другом. Люди из круга общения моего отца никогда даже случайно не отдаляются от собственного круга. Поэтому мы все друзья с детства. Мы с Робом немного отдохнули от этого, когда мама увезла нас в Ирландию. Но, в принципе, в основу всего положена смесь снобизма, элитарности и страх того, что простолюдины пытаются украсть — наши деньги, — последний кусочек она проговаривает шикарным голосом королевской особы.

Я смеюсь вслух.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Что ещё хуже, так это неуверенность и злословие, происходящее в нашем кругу. Каждый хочет быть лучше, чем все остальные. Владеть ещё парой домов или загородных вилл. Иметь самую лучшую сумочку от дизайнера или более дорогие туфли. Поэтому я ношу простые джинсы и футболки, чтобы они знали, что я не участвую в соревновании.

— Да, но твои джинсы и футболки все дизайнерские, — возражаю я, смеясь.

Она широко улыбается.

— Ну, я должна идти на некоторые уступки.

Я ухмыляюсь.

— Что? Я люблю качественные вещи, хорошо?

— Хорошо, — отвечаю я, поглядывая на загорающих на пляже.

Похоже, что Роберт и Кара затевают ещё одну ссору, и мне не хочется присутствовать при этом. Они сидят лицом к лицу, а Гари выглядит так, словно готов ударить Роберта в живот.

— Кто эта блондинка? — спрашиваю я Сашу. — Та, которая сидит рядом с Сандрой.

— Это Мишель.

Выждав момент, она смотрит на неё, решая, что может мне рассказать.

— Не обманывайся её скромностью и тихим поведением. Она — полная сука и лучшая подруга Кары. Просто Кара ещё не знает, что в прошлом году она ухлёстывала за Робом на дне рождения Алистера.

— Правда? И что сделал Роб? — с интересом спрашиваю я.

— Он сказал ей, что так не пойдёт. Знаю, для меня это большое потрясение, что Роберт отказался от симпатичной девушки, которая предложила ему себя на блюдецке. Полагаю, он думал, что с Мишель получит больше проблем, чем оно того стоит. Если бы она всё рассказала Каре до конца, то вызвала бы драму. Это было не так очевидно, когда мы были

моложе, но всегда между девушками была большая конкуренция, чтобы подцепить Роберта. Я сама не могу этого понять, но всё же он — мой брат.

Саше этого не понять, но совершенно понятно мне. Роберт — один из тех парней, которых больше всего хотят заполучить девушки. Думаю, из-за смеси красоты и шарма, вы можете сказать, что он — мудака. Хорошие ребята и всё хорошо, но есть что-то в женском мозгу, заставляющее нас терять голову от мудаков. Эти девушки получают то, что плохой мальчик куражится над ними. Да, сейчас я использовала фразу «плохой мальчик куражится». Убейте меня сразу.

— Я собираюсь найти место, чтобы сделать себе инсулин, — говорю я Саше. — Что у нас с ланчем?

— Полагаю, мы найдём ресторан где-нибудь в городе. Я возьму ключи от машины Роберта, и ты сможешь сделать это в ней, что думаешь?

— Звучит хорошо, — отвечаю я, пока мы выходим из воды.

Когда мы подходим к группе, слава богу, Роберт и Кара больше не спорят. Роберт лежит на песке, и его мускулистая грудь блестит от пота под летним солнцем. Он выглядит великолепно, и мне хочется, чтобы это не волновало меня, но нет.

— Роб, — зовёт его Саша. — Лана кое-что оставила у тебя в машине. Можно она возьмёт ключи, чтобы забрать это?

Он открывает глаза, заслоняя их рукой.

— Конечно.

Дотянувшись до сброшенных штанов, Роб достаёт ключи из заднего кармана. Я поднимаю полотенце, оборачивая его вокруг себя, и вытираю влажные кончики волос, которые начинают завиваться.

— Держи, Красная Шапочка, — говорит он, протягивая мне ключи.

Я беру их и замечаю, как Кара стреляет в меня взглядом, делая брезгливое выражение лица.

— Красная Шапочка? — спрашивает она.

— Прости, разве я тебе что-то сказал? — сдержанно отвечает Роберт.

— Э-э-э, нет. Просто я удивилась, почему ты её так назвал, — раздражённо отвечает она.

У Виктора и Джейкоба широко раскрываются глаза от предвкушения новой ссоры. Радостно переглянувшись, они снова сосредоточиваются на Роберте и Каре. *«Боже, старшая школа никогда не закончится, не так ли?»*

Когда они обращают на меня свое внимание, я получаю шанс швырнуть им в лицо то, что они раньше обсуждали обо мне. Как я уже говорила, они мне не нравятся, так как думают, что я тупая и не обращаю внимания на их мужскую стервозность.

Я наблюдаю за ними, пока отвечаю на вопрос Кары.

— Это потому, что у меня был маленький волосатый рыжий кустик, который я прикрываю старым бабушкиным купальником, будто я никогда прежде этого не слышала. А купальник винтажный, вы правы, — выпаливаю я.

Этот единственный момент определяет мою индивидуальность, как вызывающий скромность. Каждое слово для меня как глоток стекла, но я должна была сказать это.

Кара хихикает. Очевидно, она слышала то, что они говорили, и Роберт сразу это понимает.

— Вы и правда, пара ублюдков. Это то, что вы говорили о ней? — спрашивает он.

— Это была всего лишь шутка. Мы не хотели никого обидеть, — объясняет Джейкоб.

— О, конечно же, нет, — сердито бормочу про себя.

— Чтобы этого больше не повторилось, — предупреждает их Роберт, поднимаясь.

С подозрением уставившись на брата, Саша тянет его в сторону и спрашивает:

— Чего это ты вдруг ведешь себя, как рыцарь Ланы в сияющих доспехах?

Он смотрит на неё, изображая непонимание.

— О чём ты?

— Ты что-то задумал. Не так давно ты говорил Лане всякое оскорбительное дерьмо, а теперь ты её защищаешь. Извини, бро, но это просто не похоже на тебя.

Пока я вытираюсь полотенцем и снимаю насквозь промокший купальник, внимательно слушаю разговор Саши и Роберта.

Роберт поворачивается ко мне.

— Скажи ей, Лана. Мы заключили сделку, что поладим, не так ли?

Я киваю.

— Да. Роберт обещал уважительно относиться, если я соглашусь не поднимать шум из-за его пребывания летом.

Роберт не отводит с меня взгляд, пока я пытаюсь под полотенцем надеть чистое сухое бельё, не показав тела. Я отпускаю полотенце на долю секунды, и его жаждущий взгляд упирается в верхнюю часть моей груди.

Он вытягивает шею, чтобы получше рассмотреть, но я быстро прикрываюсь, и его взгляд тухнет.

— Ну, я полагаю, в этом есть смысл, — говорит Саша, глядя куда-то между нами.

— Не могли бы вы оба отвернуться на секундочку? — прошу я. — Я тут пытаюсь переодеться.

Саша одаривает меня раздраженным взглядом, как бы говоря: *«Ничего что я видела это больше миллиона раз»*, но, тем не менее, она отворачивается. А Роберт, наоборот, остаётся лицом ко мне.

— Ой, а мне хочется посмотреть, — и он с вождением разглядывает меня.

— Просто отвернись, Роб, — раздражённо говорю я.

Он отворачивается, а я застёгиваю свой бюстгальтер и натягиваю платье через голову так быстро, как могу.

— Хорошо, теперь вы можете повернуться, — говорю я им. — Я собираюсь сходить к машине и забрать то, что я в ней оставила.

Я засовываю вещи в сумку и перекидываю её через плечо.

— Хочешь, чтобы я пошла с тобой? — спрашивает Саша.

— Нет, я помню дорогу. Я позвоню тебе, если заблужусь.

— Ладно, увидимся.

Роберт молчаливо смотрит мне в след, когда я ухожу через толпу людей на пляже. Спустя несколько минут я добираюсь до машины. Я забираюсь на заднее сиденье и открываю молнию на сумке, чтобы достать упаковку инсулина. Увидев себя в зеркале заднего вида, я гримасничаю. После купания в море мои волосы влажные и волнистые, а на носу и щеках солнечными брызгами выделяются веснушки. Меня поражает контраст между тем, как молодо и свежо я выгляжу, и какой усталой себя чувствую.

Эта рутина, которая длится изо дня в день, оказывает негативное воздействие на человека. Иногда мне хочется вдруг вылечиться, как те бабульки, которые паломничают в

Лурд с огромными опухольями, исчезающими чудесным образом. Тогда я могла бы поступать, как все молодые и бесшабашные — жить свободно, не беспокоясь о последствиях пропуска приёма пищи или неверно рассчитанной дозировке.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Убедившись, что никто не крутится около машины, я отдергиваю платье, откидываюсь на сиденье и устало вздыхаю. Странно, как отсутствие одного маленького гормона может означать разницу между жизнью и смертью для кого-то вроде меня.

Спустя пару минут я убираю всё в сумку, как вдруг раздаётся стук в окно. Подпрыгнув от испуга, я поворачиваюсь и вижу Роберта, который смотрит на меня сверху вниз. У меня бешено бьётся сердце, пока он обходит с другой стороны, открывает дверь и проскальзывает внутрь.

— Что ты здесь делаешь? — нервно спрашиваю я его.

— Тебя долго не было, поэтому я пришёл убедиться, что ты в порядке, — отвечает он мягким голосом.

— Как долго ты стоял там?

— Достаточно долго.

— Итак, ты видел.

Знаю Роберта — он остановится и будет смотреть, вместо того чтобы постучать в окно, когда подойдёт к машине.

— Да, видел. Что ты себе колешь? — спрашивает Роб.

Неожиданно, но, кажется, он расстроен и даже обеспокоен.

— Героин, — невозмутимо отвечаю я.

— Серьёзно, Лана. Что это было?

— Это просто лекарство, Роберт, — отвечаю я, вздохнув и позволив своей голове упасть на спинку сиденья.

На несколько мгновений мое тело становится жёстким как доска.

— Ты больна?

Я грустно улыбаюсь.

— У меня сахарный диабет.

Внезапно он расслабляется.

— Сахарный диабет, это же ничего страшного, да? У многих людей он есть.

— Ну да, у многих людей второй тип. К сожалению, у меня первый тип, а это означает, что моё тело не может производить собственный инсулин, поэтому мне нужны ежедневные инъекции.

У него учащается дыхание, и мужчина придвигается ближе ко мне.

— Ты умрешь, если не получишь его?

Я киваю с серьёзным выражением лица.

— Да, я принимаю его три раза в день.

— Как долго? — настойчиво спрашивает он.

— Как долго что?

— Как долго он у тебя?

Хотя больна я, но пытаюсь утешить, кладу руки на его запястья.

— Кажется, целую вечность. Диагноз поставили, когда мне исполнилось семь лет.

— Семь? Получается, когда я впервые встретил тебя, ты была уже больна и даже не сказала мне.

— Почему ты так расстроен? Конечно, я не сказала тебе. Мы никогда не были настоящими друзьями.

Он останавливает свой взгляд на моей руке, касающейся его запястья.

— Но если бы я знал, я бы никогда... — умолкает он.

— Никогда что? Не был таким засранцем? Ну, прости, если я предпочла жестокое обращение отношению, как к инвалиду. И ты преувеличиваешь. Я не больна раком, Роберт. Если буду осторожна, я смогу жить полной жизнью, как никто другой.

— Я не преувеличиваю, Лана. Это ты приукрашиваешь. Ты же сама сказала, что можешь умереть, если не получишь своё лекарство. Разве люди с диабетом не умирают совсем молодыми?

От бессилия у меня опускаются плечи, ведь сейчас он вгоняет меня в депрессию.

— Я умру не раньше, чем другие люди моего возраста. То есть, если меня собьёт машина или убьют, или накроет цунами, или ещё что-то столь же смертельное, это не так уж плохо?

— Это плохо, — скрипит он зубами, плотно сжимая челюсти. — Не хочу, чтобы ты болела.

— Почему? Кажется, когда мы были детьми, ты хотел, чтобы я исчезла с лица земли.

— Это неправда.

— Что тогда правда? — спрашиваю я, замечая слезинку на его щеке.

Громко вздохнув, я тянусь, чтобы вытереть её. Наши лица находятся на расстоянии дыхания, и я с трепетом говорю:

— Ты плачешь из-за меня?

Я ощущаю, словно кто-то, чиркнув спичкой, поджжёт моё сердце. Чёрт, чувствую себя так, словно его бросили в бочку с бензином и подожгли. *«Роберт плачет из-за меня? Я живу в параллельной вселенной?»* Хотя у него и есть талант подделывать слёзы, но эти кажутся настоящими.

Роб берёт моё лицо обеими руками, и глядя мне в глаза, выдыхает:

— Это правда, — и мягко прижимает свои губы к моим.

В этот момент мои глаза закрываются сами собой, и я чувствую себя целой, как никогда в жизни. Это не просто поцелуй, а коммуникация, наивысшая точка всех лет гонений и наигранной ненависти.

Иногда ты можешь быть настолько глубоко увлечён каким-нибудь человеком, что единственный способ справиться с этим — проявить жестокость к нему, чтобы оттолкнуть.

Его губы исследуют мои, а мои губы сливаются с его. Он пьёт меня, и пальцы Роба трепетно перемещаются по моему лицу. Одним настойчивым движением языка мужчина проникает в мой рот, но через секунду пропадает. Его нет, и ощущение целостности пропадает. Словно до этого момента я никогда не знала, что мне нужно в жизни — это Роберт. Мой детский мучитель. Брат моей лучшей подруги. Тот, кого я должна презирать.

Я понимаю, почему он так внезапно остановился, и, наконец-то, пытаюсь собрать свои чувства от этого поразительного поцелуя. Его телефон гудит, высвечивая на экране текстовое сообщение. Пока Роб просматривает сообщение, его грудь рывками поднимается и опускается.

— Это Саша, — объясняет он сиплым голосом. — Я не сказал ей, когда пошёл за тобой. Она хочет знать, где я. Они пошли искать ресторан для обеда.

— О, — говорю я, блуждая взглядом по его джинсам, где могу разглядеть, как он, э-э-э,

взволнован этим коротким поцелуем.

От смущения у меня туман в голове. *«Что только что произошло? Роберт всегда хотел сделать со мной эту пакость? Или это его последняя задумка?»*

Роб опирается рукой о верхнюю часть сиденья.

— Ты пахнешь пляжем, — комментирует он низким голосом.

— Угу, — говорю я, отвлекаясь от его пристального взгляда, и нагибаюсь поправить пряжку на одной из своих босоножек.

Чувствую, как он гладит меня рукой по спине, а затем обнимает за талию.

— Итак, на чём мы остановились? — спрашивает он, притягивая меня ближе к себе и утыкаясь своими губами мне в шею.

Я издаю тихий стон, когда ощущение от его губ на шее проходит через нервные окончания к основанию позвоночника.

— Чёрт, — бормочу я, разрываясь между желанием остаться с ним и продолжить, и необходимостью времени, чтобы всё обдумать.

— Чёрт, я хочу тебя, — шепчет Роб, перемещая руку вверх под моим платьем, и мягко касается внутренней части моего бедра.

Сочетание его прикосновения и высказывания заставляет меня таять, но я слегка отодвигаюсь. Не могу остаться здесь — мне нужно поесть.

— Нам лучше догнать Сашу и остальных, — хрипло говорю я ему.

— Позже, — бормочет он, шевеля губами на моей шее.

Подумав, что Роб может оставить на шее неприятный красный след, я кладу руки ему на грудь и отталкиваю.

— Я серьёзно, Роб. Мне надо пообедать в ближайшие полчаса, иначе мне будет плохо оставшуюся часть дня.

Роберт серьёзно смотрит на меня.

— Ты права. Тогда пойдём и найдём Сашу.

Он помогает мне выбраться из машины, и пока мы идём в сторону улицы, я замечаю, что мужчина смотрит на мою руку, как бы решая, взять её или нет. Наконец, он, должно быть, принимает отрицательное решение или, возможно, слишком застенчив, чтобы сделать такой смелый шаг. Опять же «застенчивый» — это не то слово, которое у меня ассоциируется с Робертом.

Мы находим компанию, сидящую у большого окна в милом ресторанчике-бистро. Роберт занимает место рядом со мной, когда подходит официант и приносит нам меню. Я заказываю салат «Капризе» и немного сладкого картофеля, а Роберт берёт лазанью.

— Где вы были? — спрашивает Саша, с любопытством разглядывая брата.

— Я ходил искать Лану. Она была в машине, когда я подошёл.

Глаза Саши округляются, и она направляет своё внимание на меня. Роберт видел меня, принимающую инсулин? Теперь это открылось, и я чувствую себя неловко за то, что так непреклонно сохраняла всё втайне от него. Во всяком случае, это показало совершенно новый аспект наших отношений. Я всё ещё чувствую его поцелуи на своей коже и помню ощущения губ, прижимающиеся к моим.

Официант обходит стол, записывая заказы. Когда он подходит к Каре, я обращаю своё внимание на то, как много еды та заказывает. Она из тех девушек, от которых ожидаешь, что они попросят листик салата или ещё что-нибудь столь же безвкусное, но нет. Она берёт грибной суп, стейк, куриные крылышки и большую порцию картошки. Я ловлю взгляд,

которым обмениваются Мишель и Сандра, и Мишель одними губами говорит Сандре, несомненно, слово «булимия».

Как это гадко! Имею в виду, может, она просто голодная. Сейчас Кара напоминает мне Регину Джордж из «Дрянных девчонок». Хотя её друзья и поклоняются ей до земли, по которой она ходит, но распространяют о ней слухи и говорят у неё за спиной.

— Моя девочка любит покушать, — говорит Гари, сидящий рядом с Карой.

Он оборачивает свою большую мясистую руку вокруг её талии, сжимая стройный бочок. Ласково улыбнувшись ему, Кара целует парня в щёку и оглядывается через стол, где сидит Роберт, по-видимому, чтобы проверить, заметил ли он их маленькие проявления чувств. Я быстро отвожу взгляд, чтобы она не увидела то, как я смотрю на неё.

Роберт опирается одной рукой о стол и его лицо повернуто ко мне. Внимание мужчины где угодно, но не у Кары.

Когда я смотрю на него, его веки опускаются, и мне кажется, он вспоминает, что произошло на заднем сиденье машины. Я отвлекаюсь, хватая кусок чёрного хлеба из корзинки, и ножом намазываю на него масло. Чувствую, как Саша пинает мою ногу под столом, и когда наши взгляды встречаются, она бросает на меня вопросительный взгляд. Поскольку Роберт пристально наблюдает за мной, я не могу ей точно объяснить, что произошло, поэтому подруге придётся подождать.

У неё звонит телефон и отвлекает внимание от меня. Спустя несколько секунд она отвечает, достает блокнот из сумки и записывает детали. Саша говорит такие фразы, как «Не вмешивай меня в это, Купер» и «Ну, да, мне придётся самой это посмотреть», и так далее. Так она разговаривает по телефону, когда речь идет о работе.

Через некоторое время нам подают еду, и я сразу же набрасываюсь на неё от голода. Я замечаю, что Кара заказала всё вовсе не для галочки. Она поглощает всё, как профи, может, у неё и правда, булимия. Возможно, Роберт знает. Если это так, ей явно нужна серьезная помощь, а не две подруги, обсуждающие за её спиной.

Когда за столом начинается пустая болтовня, я осторожно обращаюсь к нему.

— У Кары всё хорошо? — тихо спрашиваю я, многозначительно подняв бровь.

Она сидит на другом конце стола, поэтому не может меня услышать. Он зачерпывает вилкой лазанью и заявляет:

— Нет, она чокнутая.

— Я серьёзно, Роб. Я слышала, Сандра и Мишель шептались о булимии.

Он кладёт свою вилку.

— Ты имеешь в виду старый добрый... — он показывает движения, как засовывают палец в горло.

— Да, — быстро отвечаю я, прежде чем он скажет что-нибудь ещё, что сделает очевидным то, о чём мы говорим.

— Она уже не один год такая. Я пытался поговорить с ней, но это бесполезно. Эта привычка уже слишком въелась. Она даже не замечает, что это ненормально.

— Но это ненормально. Ей нужна помощь.

— Да, нужна, но это не твоя проблема, Лана. И не моя. Гари может с ней справиться.

— Думаю, Гари, вероятно, слишком много думает о своих мышцах, чтобы иметь дело с чем-то ещё, — говорю я.

Роберт прыскает со смеху.

— Ты права. Держу пари, он полдня проводит, рассматривая себя голого в зеркало.

— Тише, он тебя услышит, — отвечаю я, хихикая, прижимаю руку ко рту Роберта и быстро убираю её, когда его взгляд опалает жаром.

— Хотя, если серьёзно, кто-то должен ей помочь.

— Некоторые пытались помочь людям, которые зашли так далеко. Но если они не хотят, чтобы им помогли. Не беспокойся, это временно. Она продолжит ещё пару недель, а затем остановится и снова начнёт. Вот почему она никогда не выглядит истощённой, потому что у неё есть рвотный и не рвотный период.

— Это очень грустно. Разве ты не видишь, как это грустно?

— Это грустно, но эта стерва делает всё возможное, чтобы Гари начистил мне физиономию, так что в данный момент у меня нет к ней никакого сочувствия.

Я киваю. Мне кажется, я понимаю его.

Саша заканчивает свой рабочий звонок.

— Что случилось? — спрашивает Роберт.

— Фу, ещё одна история о той поп-звезде, что я писала в прошлые выходные, Молли Уиллис. Ходят слухи, что она, кажется, беременна.

— Интересно, а кто отец ребёнка?

— Пока никто не знает, но я уверена, что правда в итоге выйдет наружу. Да, и я в прошлый раз проверила, что только афроамериканцы могут использовать фразу «отец ребёнка» так, чтобы она не звучала как «полный засранец».

Я смеюсь.

Роберт хмурится и продолжает.

— Ты же не рванёшь обратно писать историю?

— Не-а, это мой выходной. Я отдала её другому журналисту. Я же не такая мразь, чтобы мчаться на работу только ради того, чтобы просто написать про это дерьмо.

— И начинается разочарование, — объявляет Роберт, и кажется довольным.

Саша смотрит на него.

— Что?

— Я же говорил, что скоро эта работа тебе надоест, — говорит он ей, заканчивая с едой.

— Да, но я никогда не планировала писать о капризных поп-звёздах до конца своей жизни, — отвечает она с усталым вздохом, потирая лоб.

— Почему бы тебе не устроиться на работу в другие газеты? — предлагаю я. — Или, может, журнал. О, ты могла бы стать музыкальным журналистом. Ты же любишь музыку.

Она улыбается мне с любовью.

— Музыкальный журналист, да? У него приятное окружение. Ну, я посмотрю, как долго смогу продержаться в «Мейл», по крайней мере, они дадут мне хорошие рекомендации, когда я покину корабль.

— Хорошая идея, — соглашаюсь я, зная, что у Саши никогда не будет проблем с поиском работы.

С именем отца её возьмут в любое место, куда она захочет. Вот почему она пишет для «Дейли Мейл» только с журналистским дипломом и минимумом опыта, тогда как остальным выпускникам, которые плывут с ней в одной лодке, придётся вкалывать несколько лет в качестве стажёров, прежде чем прийти туда, где она сейчас.

Мы ещё немного говорим о возможных карьерных путях для Саши, пока все не заканчивают есть. Алистер галантно предлагает оплатить счёт, и после недолгого ворчания других мужчин (кроме Роберта) выигрывает битву. Понимаю, это ещё одно из тех маленьких

соревнований, которые упоминала Саша, принятые в её социальном круге. Платить за всех — признак богатства. Самомнение Роберта слишком хорошо зарекомендовало себя, чтобы он беспокоился о таких вещах, и я не уверена, хорошо это или плохо.

Когда мы идём обратно к машинам, Роберт слегка прикасается своей рукой к моей. Быстро оглянувшись по сторонам, я убеждаюсь, что никто этого не замечает.

— Хватит, — говорю я ему одними губами.

— Что? — отвечает он мне с восхитительной улыбкой, положив на минутку руку на мой зад.

Я сбрасываю его руку и иду ещё быстрее.

Попрощавшись с остальными, мы подходим к парковке и закидываем наши сумки в багажник. Я снова сажусь на заднее сиденье, с облегчением думая, что нахожусь вне досягаемости от блуждающих рук Роберта. На этот раз Саша садится рядом со мной, сказав, что солнце слишком сильно светит ей в лицо и от этого у неё болит голова.

— Эй, Лана, почему бы тебе не сесть рядом со мной? — просит Роберт.

— Мне хорошо и здесь, — говорю я ему.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Он улыбается сам себе и включает радио. Саша прижимается ближе ко мне и шепчет на ухо.

— Он видел, как ты принимаешь инсулин?

Я киваю.

— Блин, мне очень жаль. И что случилось?

— Ничего. Я рассказала ему о своём диабете и всё.

Роберт делает звук радио тише, и машина едет медленнее, вливаясь в транспортный поток.

— Вы знаете, я слышу вас обеих.

— Я просто говорила Саше, как рассказала тебе о своём диабете, — быстро вмешиваюсь я в разговор.

— Итак, блин, Саша знала, а я нет, — восклицает он, с досадой глядя на сестру.

— Конечно, я знала. Лана — моя лучшая подруга, а ты никогда не был её другом. Ну, до сих пор, и то, я предполагаю, это только потому, что тебе скучно, и ты хочешь, чтобы кто-то развлёк тебя.

— Саш, отвали, — язвит Роберт в ответ.

— Что? Когда это ты просто так был для кого-то хорошим?

— Я всегда хороший.

— Ты хороший только тогда, когда тебе что-то нужно.

Отлично, они опять ссорятся и, кажется, из-за меня. Я — тема постоянных ссор этих двоих, и мне это очень не нравится, но что-то в Сашиных словах задевает чувствительную струнку в моей душе. Неужели Роберт вежлив только потому, что чего-то хочет от меня? И это что-то, возможно, секс, если принимать во внимание его «сюси-пуси» поведение.

— Ты ошибаешься, Саша, так что заткнись, — огрызается Роберт, стискивая челюсти.

— Если не ошибаюсь, то что тогда, — отвечает Саша, откидываясь на спинку сиденья, вскидывает руку перед лицом и загораживается от солнца.

Остаток пути она молчит, слушая со мной музыку в наушниках. И каждый раз, когда взгляд Роберта останавливается на мне в зеркале, я прилагаю все усилия и притворяюсь, что

не замечаю его. Мы приезжаем домой, и Саша идёт принимать душ, а я вынимаю из холодильника воду, ведь в такой жаркий день мне очень хочется пить.

Я стою, глядя в сад из окна, когда тёплая рука скользит по моему затылку.

— Ты выглядишь так, словно настроена принять долгую расслабляющую ванну, — шепчет Роберт мне на ухо.

Я отстраняюсь от него.

— Что ты делаешь?

— Трогаю тебя и предлагаю ванну, — отвечает он, глядя на меня так, словно я тупица.

— С каких это пор ты это делаешь? Хватит, Роб. Это странно.

Несмотря на то, что произошло между нами сегодня, я не могу привыкнуть к его прикосновениям. Возможно, это мой рассудок говорит мне, что я отправляюсь в трудный путь, позволяя ему втянуть меня в это. Он так красив и легко можно попасться ему на крючок.

— Странно? — спрашивает Роб с досадой.

— Да, странно.

— А тебе не казалось странным, когда я засовывал свой язык тебе чуть ли не в глотку.

— Это был момент безумия.

— Это был момент чего-то, — отвечает он, изучая меня взглядом, в поиске малейших изменений.

— Прости, я нагрубил. Это был долгий день, и я устала. Пойду и прилягу ненадолго.

Я разворачиваюсь, но Роб хватается меня за запястье.

— Не убегай от меня, Лана.

— Я не убегаю. Я же сказала, что устала.

— Разреши мне тогда полежать с тобой, — отвечает он.

— Я не могу. Саша сейчас наверху.

— Блин, Саша. Почему тебе не наплевать на то, что она вообще думает?

— Потому что она — моя подруга и твоя сестра. Я не хочу делать того, что могло бы расстроить её.

Он замолкает и смотрит на меня.

— Или есть что-то, чего ты не говоришь мне?

— Конечно, нет. Саша подумает, что я идиотка, если буду с тобой. Господи, даже я подумаю, что буду идиоткой, если решусь на это.

— Ты была влюблена в меня, когда тебе было двенадцать, — констатирует он.

— Какое это теперь имеет значение? И даже, если я *была* влюблена в тебя, Роберт, время прошло. Вскоре я поняла ошибки своего неуместного восхищения.

«Ха! Если бы».

Роб делает шаг ближе, прижимая меня к стене.

— В прошлом, правда? — спрашивает он, проводя рукой вдоль моего бедра. — Ищи другого дурачка, Лана. Я знаю, когда нравлюсь девушке, и тебе я *действительно* нравлюсь.

Внезапно мужчина отступает и, усмехаясь, выходит из комнаты.

Разочарованно вздохнув, я подбираю свою пляжную сумку и выкладываю мокрые вещи в стирку.

Поздним вечером, лёжа в кровати, я брожу по интернету и получаю оповещение, информирующее о том, что кто-то отметил меня на фото в «Фейсбуке», и это не кто иной, как Роберт Филипс. Великолепно! Должно быть, он загрузил фото, которые снял сегодня на пляже. Я избегаю входа в систему как чумы, выключаю свой компьютер и ставлю расслабляющую музыку, так я смогу хоть немного позаниматься йогой в своей комнате.

Через тридцать минут после занятия йогой, мой ноутбук притягивает меня, как наркомана. Сдавшись, я запрыгиваю на кровать и только вхожу в систему, как сразу выскакивают фотки Роберта. Но я игнорирую их, так как есть уведомления о том, что пару дней назад он лайкнул и прокомментировал несколько моих фото. Бог знает, что я здесь найду.

— Господи. Иисусе.

Роберт умудрился собрать все фотографии, где я одна, и больше никого нет в кадре. Большинство из них взяты либо у Саши, либо у бабушки Пенни, у которой есть привычка заполнять фотоальбомы и записывать каждое важное событие, происходящее в нашей семье.

Первая фотка, где Роберт лайкнул меня, с шестидесятилетия моего дяди два года назад. Я сижу за столиком в местном загородном клубе в зелёном платье, а лопнувшие шарики, пустые стаканы и использованные хлопучки валяются вокруг стола. Должно быть, это было поздней ночью. У меня такой робкий и смущённый вид, как и всегда, когда меня фотографируют.

В поле для комментариев Роберт написал: *«Здесь ты выглядишь так молодо».*

Следующий комментарий Роба к фотке, которую сделала Саша. Прошлым летом мы были на музыкальном фестивале, когда она приезжала навестить меня. Помню, было очень жарко, и на фото я прижимаю бутылку холодной воды к щеке, стоя в толпе полуобнажённых тел. Снимок был сделан с близкого расстояния. Комментарий Роберта состоял из одного слова: *«Жарко».*

Он имеет в виду «жарко» в смысле я такая или температура?! Уфф. Я чуть не засмеялась, осознав, что Роб написал это просто, чтобы запутать меня. Заключительный комментарий в моем профиле к фото, где я дома на пляже — его сделала моя мама. То самое, про которое Роберт сказал, что я выгляжу «чистенькой», что бы это не значило. Его комментарий звучит так: *«Не хочу быть гадким, но я ставлю это себе на заставку».*

— Господи, он это серьёзно?

Ничего не могу с собой поделаться и пишу ответный комментарий: *«Это гадко. Даже не думай этого делать».*

Я просматриваю фотографии с пляжа, которые он выложил. Там тонны случайных фото групп загорающих. Одна даже заставила меня рассмеяться — на ней три девушки, но Кара — единственная, кто заметил, что их снимают. Она сняла очки и некрасиво нахмурилась. Роберт заснял её так, что она выглядела ужасно: слегка наклонившись, девушка раздраженно показывала, что у неё свисает животик и, скорее всего, это и было причиной того, почему он выложил фото. Роберт может быть таким мудаком.

И уже есть комментарии к этой фотографии, отправленные час назад.

19:07. Кара Уоллес: *«Убери это сейчас же, Роберт!»*

19:10. Роберт Филипс: *«Зачем мне это делать? Это потрясающая фотография».*

Ничего не могу с собой поделаться и фыркаю от смеха.

19:13. Кара Уоллес: *«Если ты не удалишь это, я загружу все пьяные фотки, где мы вместе, и отправлю всем нашим друзьям. Я даже могу сделать слайд-шоу на «YouTube».*

19:14. Роберт Филипс: *«Не помню такого, ты — папарацци. Но, пожалуйста. Я — легендарный алкаш».*

19:14. Кара Уоллес: *«Уфф, ненавижу тебя».*

19:18. Роберт Филипс: *«Хорошо, где эти фотки? Я жду. Думаю, они просто плод твоего воображения».*

19:20. Кара Уоллес: *«Успокойся, Роберт».*

19:21. Роберт Филипс: *«Почему? Боишься, что Гари Фитцсиммонс увидит их?»*

Боже мой, как он хитёр. Он ввязал Гари в разговор так, что когда тот войдёт в сеть, то получит уведомление об этом.

19:22. Кара Уоллес: *«Хорошо. Давай оставим это. Я тебе ещё всё припомню».*

Роберт лайкает её комментарий, но ничего не отвечает. Иногда он может быть таким странным. Дальше идут ещё пара фото Виктора и Джейкоба, корчащих смешные рожицы в камеру, и ещё парочка Саши и Алистера, играющих в фрисби. Затем идут те, где я одна. Их три, где я в разных ракурсах. На одной я сижу на полотенце, а тень от моих ресниц падает на глаза. На другой — я чему-то улыбаюсь за камерой, а на последней — лежу, но фокус больше на моём теле, чем на лице. Меня бросает в жар от стыда, даже когда я просто смотрю на это.

На последней фотографии в альбоме мы сняты вместе. Одной рукой он обнимает меня, а у него на лице широкая приглашающая улыбка. Я отвернулась от камеры, чувствуя себя слегка не комфортно, а мои бледные щёки горят огнём. Я трачу гораздо больше времени, чем нужно, на изучение этого снимка, но меня завораживает то, каким счастливым кажется на нём Роберт. Затем я замечаю новое уведомление о сообщении, которое прислал Роберт в ответ на комментарий к фото в моём профиле о том, что он поставит себе его на заставку.

20:31. Роберт Филипс: *«Уже поставил. Ха».*

Я ничего не отвечаю, ведь что бы я не написала, он будет наслаждаться этим и явно смаковать разборку с Карой из-за её нелицеприятной фотки. Иногда лучше вообще ничего не делать, когда дело касается социальных сетей. Люди играют во множество игр на этих сайтах — и я сейчас не говорю о «Ферме».

Похоже, мы с Робертом вышли на новый уровень отношений за тот короткий момент, который пережили на заднем сидении его машины, но я всё ещё не совсем доверяю ему. Говорят, старые привычки умирают с трудом. Сложно примирить мальчика с тем мужчиной, которым он является сейчас. Есть некоторые аспекты личности Роба, остающиеся неизменными, но теперь появляются и другие, более зрелые черты, которых я раньше не замечала.

На следующий день они с Сашей рано встают, чтобы навестить своего отца и поужинать с ним. Саша зовёт меня с ними, но я отказываюсь, так как хочу остаться дома, хотя бы на некоторое время. Когда они готовятся к отъезду, я сижу в гостиной в пижаме и ем порезанный ананас из миски. Роберт подходит и садится на подлокотник дивана, пока Саша наверху пытается найти свои ключи от машины.

— Ты видела фотографии, которые я выставил? — спрашивает он, проводя руками по своим ещё влажным волосам.

— Да, — отвечаю я. — Я даже видела ту, которую Кара заставляла тебя убрать. Думаю, ты должен сделать это, Роб. Если у неё есть проблемы с фигурой, то эта фотка может причинить ей боль. Конечно, она не толстая, но я знаю, какими могут быть девочки. Самая маленькая капелька жира, и они считают себя чудовищем.

— Хорошо. Я удалю её позже, — соглашается он, пронизывая меня глазами.

Следует минута молчания.

— Также ты можешь удалить и фото со мной, — добавляю я, нарушая тишину.

— Почему? — спрашивает Роб и кривит рот от любопытства.

— Просто они такие... такие, я не знаю. Они мне не нравятся.

— Думаю, «интимные» — это слово, которое ты ищешь. Они заставляют увидеть себя такой, будто я влюбился в тебя.

— Точно, поэтому удали их.

— Но я *влюбился* в тебя.

Я проклиная румянец, который окрашивает мои щёки.

— Ты играешь со мной и не влюблён в меня, как в личность.

Его веселье тает, а выражение лица становится жёстким.

— Я так влюблен в тебя, Лана, как если бы жил под твоей кожей

Я смотрю на Роба, а на его лице нет ничего, кроме абсолютной серьезности.

В этот момент Саша сбегает по лестнице, звеня ключами от машины и объявляя:

— Я их нашла! Поехали, Роб, ты же знаешь, папа возьмётся за ремень, если мы опоздаем.

— Да, — говорит Роб тихим голосом. — Я прямо за тобой.

И так он и уходит.

Боже мой. Он действительно только что сказал это? Хорошо, что дом в моём полном распоряжении на несколько часов, потому что мне необходимо остаться наедине. Чувствую себя так, будто тренируюсь в пении, чтобы выпустить пар и отпустить свои сдерживаемые эмоции. Через песню у меня как будто выворачивает внутренности наружу, но от этого становится гораздо легче.

Доев ананас, я всё ещё дрожу после заявления Роберта и поднимаюсь вверх, чтобы накинуть что-то из одежды. Моё сердце запуталось от смущения. Открыв шкаф, где я разложила свои вещи, шарю по дну и ищу спрятанную деревянную коробочку с барабанными палочками.

У меня есть такая маленькая странность, я барабаню в такт песне, когда пою. Это единственное, что я могу делать руками, потому что ненавижу просто стоять, и ещё больше не люблю танцевать. Даже если никого нет, кто может меня увидеть, я чувствую себя неловко.

Моя последняя музыкальная страсть — Адам Ант, потому что его песни такие взрывные, что даёт мне множество комбинаций исполнения на своей ударной установке. Плюс — его песни просто весело петь. *Видите ли*, я не совсем такой музыкальный ненавистник, как Роберт говорит обо мне. Устанавливая свой айпод на док-станцию, я прокручиваю вниз свой список воспроизведения. «Кошелек или Жизнь» — это первая песня, и я делаю звук громче, нажимая «пуск». Затем достаю свои барабанные палочки, пропадая в музыке и ритме.

На следующие несколько часов весь дом становится моей сценой. Я дефилирую вверх-вниз по лестнице и пою во все горло «Don't Stop Me Now» группы «Queen». Забравшись на кухонный стол, я распеваю «Running up That Hill» Кейт Буш и прыгаю с дивана на кресло, с кресла обратно на диван под рэп Уоррена Джи «Regulate».

Да, мне нравится Джи-фанк, как и любому другому человеку.

«This Ain't a Scene» группы «Fall out Boy» заканчивается, а дальше следует финальная

«Paper Planes» Мии. Пожалуй, самая подходящая весёлая песня для того, чтобы попробовать постучать на своей деревянной коробочке.

В такие моменты, находясь в одиночестве, и мне нечем развлечь себя, лишь мой голос и импровизированный музыкальный инструмент, я чувствую себя намного свободнее. Именно мнение других людей заключает нас в тюрьму, ведь они полны желания не соответствовать таким, какие мы есть. В пустом доме нет никого, на кого нужно производить впечатление, лишь четыре стены вокруг меня.

Когда заканчиваю, я слишком измотана, чтобы вообще думать о Роберте. Я бегу в ванну и расслабляюсь остаток вечера, завернувшись в мягкий флисовый халат. Саша и Роберт возвращаются домой уже поздним вечером. Слышу, как они входят в дом и тихо болтают внизу на кухне.

Несколько минут спустя Саша просовывает голову в мою дверь.

— Привет, малыш, как прошёл твой день?

— Замечательно. Я просто расслаблялась и ничего не делала, — говорю ей, наполовину солгав.

Она входит в комнату, стянув свою обувь, и плюхается на кровать.

— Я сонная от вина, — говорит она, подавляя зевок.

— Тебе было весело у отца?

— Едва ли. У него под рукой была его новая подружка, которой я даю только двадцать семь лет. Мне пришлось выпить полбутылки вина только для того, чтобы просто терпеть её тощую меркантильную задницу. Ох, и представь себе, её глаза практически вылезли из орбит, когда она впервые увидела Роберта, а потом флиртвала с ним весь ужин. Отец даже не заметил этого, ведь он был слишком занят, критикуя меня за то, что я отдала эту историю о Молли Уиллис другому писателю.

— Ох, — говорю я, и моё сердце замирает, лишь услышав, что кто-то флиртует с Робертом. — Ну, твой отец никогда не был разборчив в подобных вещах. Но я бы не беспокоилась об этом. Я имею в виду, не похоже, что будет огромная разница, если бы это написала ты или кто-то другой.

— Отец не одобряет, если я отказываюсь от возможностей, даже самых маленьких.

Вздыхнув, она подкладывает подушку себе под голову.

— Серьёзно, Саша, у тебя удивительная карьера для такой молодой девушки, я даже не могу представить себе — ты работаешь на газету, равноценную дьяволу.

Она смеётся над этим, и на минуту мы замолкаем.

— Ну, — начинаю я, — как Роберт поступил с подружкой?

— Ну, у него хватило ума не флиртовать в ответ, но это было что-то. Но всё равно вся эта ситуация чертовски удручает.

— Что чертовски удручает? — спрашивает Роберт, незаметно входя в комнату.

Увидев меня в банном халате, он ухмыляется и садится с нами на кровать, скинув обувь, как это сделала Саша. В некоторых случаях они так похожи, аж страшно.

— Безостановочные попытки Мелани флиртовать с тобой. Пожалуйста, не притворяйся, что ты не заметил.

— О, я заметил. Жаль, что отец нет.

— Что он вообще делает с этой тёлкой? Я просто не понимаю, — вздыхает Саша.

— Я бы мог подумать о нескольких вещах, — отвечает Роберт, покачивая бровью.

Саша мягко пинает его ногой.

— Э, это отвратительно.

— Отвратительно, но, правда. Мне очень неприятно открывать это тебе, сестрёнка, но наш отец — самец, и всегда был таким.

— Ах! Не хочу это слышать, — вскрикивает Саша, выхватывая подушку у себя из-под головы, и прижимает её к своим ушам.

— Хорошо, хорошо, я больше ничего тебе не скажу, — говорит Роберт, поднимая руки вверх.

Я хихикаю, потому что это правда. Алан Филипс — большой дамский угодник. Полагаю, это то, что Роберту досталось от него.

— Правильно, я потащила в постель, прежде чем засну здесь, — говорит Саша, вставая и направляясь прочь из комнаты.

Когда Саша выходит из комнаты, внимание Роберта переключается на меня, и от него веет ожиданием.

— Думаю, что я тоже баиньки, — говорю я с большой особо обозначенной зевотой, заползая под одеяло. — Выключи свет, когда будешь выходить, хорошо?

Он хватается за мою руку, прежде чем мне удаётся полностью спрятаться под одеялом, и ласкает мою голую голень.

Продвигаясь вверх к изголовью моей кровати, Роб дёргает пояс моего халата.

— И что у тебя под ним? — спрашивает он, обводя глазами одетое во флис тело. — Пожалуйста, скажи, что ничего.

— На мне надета моя ночная рубашка, — отвечаю я, отодвигая его руки и затягивая халат на своей талии.

— О, даже лучше, — продолжает Роб, и следующее, что я помню — это его твёрдое тело на моём, а его губы на моей шее.

— О-о-о-о-о-о, — вырывается звук удивления из моего рта.

Роб мягко смеётся в мою кожу, и я становлюсь возбуждённой, покрываясь румянцем.

— Не мог дождаться, когда вернусь к тебе сюда, — шепчет он. — Сними его.

Роберт тянет за концы халата, но я собираю достаточно сил, чтобы остановить его.

— Мы не будем делать этого.

— По-моему, ты придёшь к выводу, что будем, — весело не соглашается он, обхватывая моё лицо своими руками. — Боже, как ты красива.

Я практически задыхаюсь, когда сотни эмоций проносятся сквозь меня, и не могу сдержать их, но мне нужно сопротивляться.

— Это большое противоречие, ведь ты называл меня уродиной, — тихо говорю я.

— Ты никогда не была уродиной. Не говори, что ты поверила во всю эту чушь? Ты есть и всегда была самым симпатичным созданием, которое я знал.

— Что?! — восклицаю я, отодвигаясь от него. — Так ты лгал, чтобы задеть мои чувства?

— Возможно, да.

— Как ты можешь говорить мне это с невозмутимым видом?

Роб садится, изучая моё потрясённое выражение лица.

— Я могу, потому что просто сделал это. Думал, мы оставим прошлое в прошлом, Лана.

— Это прошлое было не так давно, Роберт. А теперь ты говоришь мне, что вся та боль и неуверенность, через которые я прошла, были зря?

— Ну, это было не зря. Во-первых, я ненавижу тебя. Не пойми меня превратно — ты мне не казалась чем-то ужасным, но я все равно ненавижу тебя.

— Почему? Мне всего лишь было двенадцать лет. Я никогда не делала ничего, чтобы причинить тебе боль.

— Да, но ты сделала. Ты украла Сашу. Мне было нужно, чтобы она была со мной, но потом приехала ты, и я остался один. Поэтому я делал то, что сделал бы любой незрелый четырнадцатилетний мальчик — я оскорблял тебя.

— Ты ревновал меня, потому что я украла Сашу? Хм, ладно.

У меня занимает минуту, чтобы привести мысли в порядок. Всегда думала, что неприязнь Роберта была просто случайной, и я не была тем человеком, который ему нравился. Предполагаю, что близнецы очень ревнивы друг к другу, но не думала, что это будет так сильно... что тот, кого оставили без внимания, будет ненавидеть человека, который забрал у него другого.

Он поднимает мою руку и проводит пальцами по моей ладони.

— Через некоторое время это просто стало делом привычки. Я не знал другого способа, чтобы быть с тобой, и поэтому не прекращал делать этого.

Я осторожно вытаскиваю руку из его.

— Это ранило моё сердце всякий раз, когда ты обзывал меня или делал что-то, чтобы испортить мне настроение.

Роб ерошит свои волосы, глядя на меня с обиженным выражением лица.

— Но ты всегда казалась такой неуязвимой. Ты лишь посылала мне ненавистный взгляд и просто уходила.

— Я уходила потому, что не хотела, чтобы ты видел, как я плачу, — шепчу я.

Он открывает рот, образуя круглое «о», и его взгляд встречается с моим.

— Поверила бы ты мне, если бы я сказал, что на самом деле это была форма симпатии?

— Что? — спрашиваю я с тихим меланхолическим смехом.

— Я жил, чтобы насмеяться над тобой и вытащить какую-нибудь реакцию из тебя, независимо от того, какая крохотная она бы не была. Возможно, это просто моя индивидуальность, а, возможно, я просто долбанутый, но мне очень нравились наши стычки. Я считал их бодрящими.

Я снова тихо смеюсь.

— В этом нет никаких «возможно». Ты просто долбанутый.

Он медленно проводит ладонью по моей шее.

— Давай станем долбанутыми вместе, Лана.

— Не сегодня, — вздыхаю я, прогоняя его с кровати.

Он посылает скорбный взгляд на мои губы и встаёт.

— Эй, что это? — спрашивает Роб и берёт с тумбочки сложенный листок бумаги — тот, где я записала подробности вечера открытого микрофона. Вот, чёрт.

Он начинает читать отрывки вслух и несколько раз смотрит то на меня, то на бумагу.

— Ты такой любопытный. Верни его, — говорю я, хватаясь за лист, но мужчина держит его высоко вне моей досягаемости.

— Ты планируешь принять участие в одном из них? — озадаченно спрашивает он.

— Это не твоё дело, — сурово говорю я ему, когда Роб, наконец, возвращает бумагу обратно на тумбочку.

— Так, ты поёшь? Саша никогда не упоминала об этом.

— Саша не знает. Это просто маленькое хобби. И это не значит, что я хочу зарабатывать этим на жизнь или что-то там ещё. Скорее всего, это список того, что нужно успеть сделать

В жизни.

— У тебя есть список предсмертных желаний? Это потому что у тебя диабет?

Я громко смеюсь над этим.

— Нет, ты — идиот. Сколько раз я должна тебе говорить? Диабет — это не смертный приговор.

— Это также и *не* смертный приговор, — возражает Роберт.

— Теперь ты драматизируешь.

— Позволь мне пойти с тобой.

— Э... нет. Весь смысл в том, чтобы там не было того, кто знает меня. Незнакомцы надёжнее. Таким образом, если я облажаюсь, мне никогда не придётся снова увидеть людей из круга зрителей.

— Но мне так любопытно, — скулит он. — Тогда сейчас спой что-нибудь для меня.

— Ни в коем случае. Я не готова.

— Держу пари, ты сексуальная, когда поёшь, — шепчет он, глядя на меня отсутствующим взглядом, будто представляет себе это.

Не могу придумать, что сказать. Ожидаю, что Роб попытается забраться ко мне в постель, но, нет. Вместо этого он идёт к двери.

— Я пойду с тобой на вечер открытого микрофона, так что даже не смей думать о том, что пойдёшь без меня.

— Ты не пойдёшь.

— Да, я пойду, — заявляет Роб, посылая мне поцелуй на ночь, и закрывает дверь.

На следующий день на работе мои нервы напряжены. Я не видела Роберта с тех пор, как мужчина заходил ко мне в комнату прошлой ночью, и всё ждала, когда он объявится. Но его не было. Когда моя смена заканчивается, на какой-то короткий момент я чувствую облегчение, прежде чем понимаю, что должна идти домой, а Роберт может быть там. Чтобы не возвращаться домой, я обедаю в кафе и отправляюсь на прогулку к Уголку Ораторов.

Фарид опять там, и мы некоторое время беседуем. У него с собой газета, и мы просматриваем её, обсуждая истории, которые нас интересуют. Там есть одна о том, как все строительные работы к Олимпиаде разрушают дома людей.

Не знаю, почему я стою и разговариваю с этим парнем. Я ничего о нём не знаю, даже чем зарабатывает на жизнь, но иногда легко нахожу жизненный опыт в общении с незнакомцами. Нет предвзятых представлений, поэтому ты можешь сказать им всё, что хочешь. Это то же самое, что и моя теория о том, что петь для незнакомцев будет легче, чем петь для людей, которые знают меня.

Я добираюсь до дома где-то около шести и, к счастью, Роберта ещё нет. На улице всё ещё довольно солнечно и светло, поэтому я беру одеяло и свою копию «Орестей» — сборник из трёх пьес древнегреческого драматурга Эсхила, и иду валяться на траве в саду. Первая пьеса — «Агамемнон», одна из моих любимых. Она повествует о возвращении Агамемнона домой с Троянской войны, где его жена собирается убить его в отместку за измену и убийство их дочери в жертву богам. Захватывающая вещь.

Когда я рассказываю людям об изучении древних греков, то у них на лице всегда появляется этот стеклянный взгляд ожидания, что это будет скучно. Имею в виду, что-то из истории *скучно*, но литература и мифы удивительны. Они изображают человеческую природу во всей её дисфункциональной красе. Так много узнаёшь о людях, просто изучая этот материал.

Я листаю страницы, а нежное вечернее солнце греет кожу моих рук и ног. Я уже почти на половине пьесы, когда слышу мягкий щелчок. Позволив книге упасть мне на грудь, я прикрываю ладонью от солнца глаза и поднимаю взгляд. Роберт стоит надо мной и держит фотоаппарат в одной руке, снимая меня, лежащую на траве.

— Эй! Прекрати делать это! — восклицаю я, чувствуя себя голой, даже, несмотря на одежду.

Роб возится с объективом, держа камеру под странным углом, и продолжает фотографировать меня. У него настолько странный взгляд, будто он поглощён съёмкой, что даже не слышит меня. Опустившись на колени, мужчина наклоняется ближе, будто фотографирует мою шею, и я выхватываю фотоаппарат у него из рук.

— Во что ты играешь? — вырывается у меня.

Роб смотрит *на меня*, как на сумасшедшую.

— Успокойся. Я только сделал несколько снимков, — пытается он успокоить меня, но я не успокаиваюсь.

Наморщив лоб, я убегаю от него и пытаюсь выяснить, как найти те кадры, которые он сделал. В прошлом я пользовалась лишь дешёвыми цифровыми камерами, поэтому с этой сложнее справиться. Должно быть, она стоила как минимум пару штук.

Роберт сидит и даже не пытается забрать у меня камеру, будто хочет, чтобы я увидела дело его рук. Наконец, я добираюсь до них. Первый, похоже, был сделан сверху. Возможно, из окна его спальни? Следующий — поближе, так что я полагаю, кадр был сделан здесь, в саду. После этого всё начинает становиться немного... странно.

Ещё дюжина снимков, но все они лишь маленькие части меня: моё запястье, прядь волос, лежащая на груди, моя лодыжка, мои губы, ресницы, родинка чуть ниже колена. С трясущимися руками я медленно опускаю камеру на одеяло и поднимаю глаза, чтобы встретить взгляд Роберта. Он смотрит на меня и, кажется, совсем не смущается.

— Зачем ты делаешь такие снимки? — шепчу я.

— Потому что мне нравится.

— Они... странные, Роберт.

Его лицо окрашивается лёгким оттенком гнева, когда он говорит:

— Они красивые.

Я безрадостно смеюсь.

— Они заставляют подумать, будто ты хочешь изрубить меня на кусочки.

Роб смотрит на меня, будто я смешная.

— Что? — восклицаю я. — Это так. Пожалуйста, скажи что-нибудь, чтобы доказать, что я не права, потому что прямо сейчас я схожу с ума.

— Мне нравится фотографировать. Это — хобби. Фотография меня расслабляет. Многим фотографам нравится концентрироваться на мелких деталях, Лана. Ты бы не подумала, что это странно, если бы у меня был крупный план цветка или травинки, верно?

— Нет, но это другое.

— Это совсем не другое. Некоторым людям нравится фотографировать природу, некоторым — городские пейзажи. Я фотографирую тела. Ну, чтобы быть точнее, женские тела.

— Ладно.

— Ладно?

— Да, ладно. Я поняла. Но есть одна вещь.

— Какая?

— Пожалуйста, снимай кого-нибудь другого. Я не хочу, чтобы ты фотографировал меня.

— Но ты единственный человек, которого я хочу фотографировать.

В течение нескольких напряженных секунд мы пристально смотрим друг на друга, затем я откашливаюсь и собираюсь с мыслями.

— Ну, прости за это, но не более. От этого мне становится неловко.

Я снова беру камеру в руки. Не знаю зачем, но я пролистываю другие фотографии, которые Роб снял на пляже, и у меня отвисает челюсть. В основном на них я. Снимки были сделаны тогда, когда я даже и не знала, что он был поблизости. Все за прошлую неделю, когда мы жили вместе: вот, я ем яблоко, вот сижу на диване, глядя на свои руки, вот поливаю в саду цветы и так далее, и тому подобное. Не знаю, как ему удалось сделать их без моего ведома, но, полагаю, парню пришлось изрядно поползать. Дрожь пронизывает моё тело.

Поднимаю на него взгляд и вижу во взгляде Роба интерес к себе. Он впитывает мою реакцию, будто она нужна ему больше, чем воздух.

— Я не... — Шепчу я, затихая. — Я не знаю, что сказать.

Роберт массирует свою шею.

— Ты, э-э-э-э, стала чем-то вроде музыки.

— Конечно, кажется, это факт, — соглашаюсь я дрожащим голосом.

О. Боже. Несколько снимков меня *спящей*. Он входил без разрешения ночью в мою комнату. Господи Иисусе.

Я роняю камеру на одеяло. У меня в животе всё переворачивается от стресса. Я всегда мечтала о мире, где Роберт бы интересовался мной. Теперь эта мечта сбылась, но это совершенно не похоже на то, что я ожидала. Чувствую себя отвратительно.

— Тебе нужна помощь, знаешь об этом? — говорю я, смотря ему в лицо, беру книгу и встаю.

— Я не собираюсь их никому показывать, — отвечает он, будто это всё сделает лучше.

Его заявление возмущает меня. В явном недоумении я бросаю в него потрепанную книгу. Она хлопает мужчину по плечу и падает на траву.

— У тебя проблемы. Просто больше не заговаривай со мной, Роберт. Даже не дыши в мою сторону, пока я здесь. И больше никаких фотографий!

Сказав это, я кое-что вспоминаю и стремительно поднимаю камеру с одеяла.

— Что ты делаешь? — немедленно спрашивает он с подозрением в голосе.

Быстро, как только могу, я выбираю все фотографии, сохранённые в его камере. У меня нет достаточно времени, чтобы выбрать только те, на которых я, поэтому удаляю их все. По какой-то непонятной причине лёгкие угрызения совести грызут меня, ведь, хотя я и избавляюсь от фотографий, которые он сделал без моего разрешения, нарушив мою частную жизнь, но такое чувство, будто я разрушаю его искусство. Я быстро отбрасываю эту мысль. Это не искусство. Это вуайеризм в чистом виде.

Роб выхватывает у меня фотоаппарат, неожиданно понимая то, что я сделала.

— Ты удалила их все, — шепчет он в недоумении, прокручивая вверх и вниз, будто это сможет вернуть их.

У меня наворачиваются слёзы.

— Да, и я имела на это полное право.

У него искажается лицо от подавляемого гнева.

— У тебя не было права, — скрежещет Роб зубами, двигая челюстью. — Чёрт возьми, я даже порядком ещё не сохранил их на своем компьютере, Лана.

— Я должна была избавиться от них. Ты снимал меня спящую, Роберт. Это не здорово. Мое минутное негодование исчезает, и сейчас я просто чувствую себя виноватой.

— Прости, но ты не можешь хранить такие фотографии. Ты... ты просто не можешь.

Роб подходит ко мне и грубо хватает за плечи. Его взгляд настолько выразительный, что я не понимаю, он поцелует меня или даст пощёчину. В конце концов, мужчина не делает ни то, ни другое. Отвернувшись, Роберт резко проскальзывает мимо меня и гордо заходит в дом. А я остаюсь стоять в светлом солнечном саду, пока моё сердце падает в беспокойную темноту.

Интерлюдия 2

Роберт.

Сентябрь 2004

После каникул первый день в школе всегда захватывающий. Я только что вернулся домой от отца, где проводил лето. Оказывается, жизнь в Ирландии не настолько ужасна, как я ожидал. Безусловно, она отличалась, но не обязательно в плохую сторону. Например, в Лондоне мы бы украли выпивку из бара наших родителей и отправились пить в подворотню. В Ирландии мы заставляли какого-нибудь старшего брата или сестру купить нам выпивку и шли пить на пляж или посреди фермерского поля, а после чего угоняли машину и ехали кататься по сельской местности.

В принципе, я — лидер парней в своём классе. Они все смотрели на меня, будто я какой-то крутой бог. По-моему, акцент работал в мою пользу. Здесь он делал меня неординарным для ребят и предметом для подражания.

Сегодняшний день волнующий не только из-за того, что это первый день после каникул, а потому, что и первый учебный день Ланы. Саша и я старше её на два года, поэтому раньше мы никогда вместе не посещали школу.

Это своего рода грандиозное событие, когда новая девушка начинала учиться здесь, ведь это заведение ещё несколько лет тому назад было школой-интернатом только для мальчиков, поэтому тут явный недостаток женщин. Я не видел свою маленькую рыжеволосую девочку всё лето и сейчас с нетерпением ожидал встретить её в коридорах или на обеде.

Моя первоначальная ненависть стихла. Я больше не винил её за то, что она подруга Саши, когда мне нужно было, чтобы моя сестра была одинока. Теперь у меня развилось к ней новое чувство. Это что-то более порочное, что я не могу его объяснить. Мне нравилось делать её несчастной... и видеть тень вспышки боли в красивых голубых глазах.

Это своего рода садизм, но, чёрт возьми, возможно, я — садист. Всё, что мне известно, я жил для того, чтобы быть возле неё и смочь эмоционально причинить девочке боль. Это было похоже на словесную прелюдию. Должно быть, что-то деформировано в моей психике, ведь если передо мной будет кнопка, я нажму на неё. И если кто-то являлся человеческим эквивалентом кнопки для меня, это — Лана.

Иногда она казалась такой непосредственной, но всё же мог сказать, что я добирался до неё на более глубоком уровне. Она никогда не позволяла этому показаться на поверхности. Как маленький стойк-воин, она не давала мне тот всплеск эмоций, который я так жаждал.

Возможно, это то, что заводило меня. Я должен был продолжать делать это, пока она, в конце концов, не сломается.

Эти признаки такие крохотные, но после двух лет я научился распознавать их. И когда я бил по больному месту, её глаза становились огромными и ноздри подергивались. Это восхитительно!

Плохо то, что, по-моему, возможно, я влюбился в неё.

Я знаю, знаю. Какое было право у шестнадцатилетнего говорить о любви? Возможно, это просто наваждение. Мама говорила, что я слишком пылкий для своего возраста. Имею в виду, если у меня такое отношение к людям, которых я люблю, тогда как же я буду обращаться с людьми, которых ненавижу? Когда ты живешь у чёрта на куличках, у тебя есть много времени, чтобы подумать.

Как ни странно, мама тоже говорила, что я слишком много думаю.

Когда дело доходит до этого, хотя это просто всё о Лане. Как-то наши отношения запутались в этом нездоровом круговороте, где я — мудака, а она соглашалась с этим.

Я жаждал нашего общения, как наркотика.

Поскольку мы были не вместе целых три месяца, мне отчаянно нужна доза.

Урок начнётся через пятнадцать минут, а я сидел на траве с моими друзьями Дином и Лиамом, ослабив галстук, который мама заставила меня надеть сегодня утром. О, да, есть ещё одна разница между моей школой и той, куда я ходил в Лондоне — мы должны носить форму. Тьфу.

Увидев, как Саша и Лана приближались к школьным воротам, моё сердце забилося быстрее. Саша на седьмом небе от счастья из-за того, что с ней опять её лучшая подруга после нашей летней поездки. Она положила свой локоть на плечо Ланы, рассказывая какую-то большую историю, возможно, о том, какой ублюдок наш отец и как она ненавидела его.

Этим летом они скандалили больше, чем когда-либо. Не могу сосчитать то количество раз, когда он говорил что-нибудь, чтобы взбесить её, и у сестры портилось настроение. Много раз она топала ногами вверх по лестнице и с грохотом закрывала дверь спальни. Сейчас у Саши период «готов» — чёрная краска для волос, соответствующий лак для ногтей и её новые любимые вещи.

Я чертовски завидовал своей сестре, аж мурашки по коже от этого. Она не понимала, насколько ей повезло. Мне ненавистно, что у неё была возможность проводить каждую свободную минутку с Ланой. Ненавистно, что она могла прикасаться к ней, заставляя её улыбаться и утешать после меня, засранца.

Я вскочил на ноги.

— Ты куда? — окликнул меня Дин.

— Нужно поговорить с сестрой, — ответил я. — Скоро вернусь.

— О, в этом случае скажи ей, что я хочу минет, — сказал он, хлопая Лиаму по ладони.

— У тебя больше шансов сделать его себе самому, — даю я ему отпор.

Саша и Лана просто прогуливались у стены школы, когда я приблизился.

— Тампон! Добро пожаловать! Входите в мой кабинет, — с радостью сказал я.

— Отвали, ты не владеешь школой, — прошипела Саша, показывая мне средний палец, и медленно прошла мимо.

Глаза Ланы округлились, и она быстро отвела от меня взгляд, изучая свои ноги. В этот момент я понял, как страшно скучал по ней. Я хотел подхватить её и крепко прижать к своей груди. Вдохнуть её запах. Целовать. Это было бы нормально сделать с девушкой, которая

тебе нравится. К сожалению, я никогда не был нормальным.

Она такая застенчивая, и явно никогда не целовалась в своей жизни — это радовало меня ещё больше, чем нужно. Я подошёл прямо к ней. Несколько девушек подбежали к Саше, расспрашивая её о лете и новом имидже, поэтому в этот момент, её внимание отвлечено.

Лана остановилась и глубоко задышала. Она напряжена, но смиренна и ждала моего удара. Можно подумать, она ожидала его и в полной мере, была готова проявить силу духа.

Я ненавижу себя за то, что мне это было нужно. Почему я не мог просто сказать ей, что уже два года влюблён в неё? Почему я должен так выражать себя, ведь это полностью противоречило моим истинным чувствам? Возможно, я эмоционально недоразвит. Ребёнок разведенных родителей и всё такое.

— Смотрю, у тебя форма большой девочки, — ухмыльнувшись, я дёрнул её за рукав. — Она даже не подходит тебе.

На секунду девочка подняла взгляд, и я поглощал эту связь.

— Мама специально купила размер побольше, — почти прошептала Лана. — Она сказала, что я дорасту, и это избавит нас покупать новую форму на следующий год.

У неё округлились глаза, будто она была удивлена тем, что рассказала мне. Боже, её мама полная дура. Я имею в виду, кто так обращается со своим ребёнком? Заставлять его целый год носить форму на несколько размеров больше, чтобы просто сэкономить деньги.

— Это крохоборство, чёрт побери, — сказал я.

Я не имел в виду ничего плохого, лишь подразумевал сочувствие. Жаль, что сочувствие потерялось в интерпретации.

Она сглотнула и попыталась пройти мимо. Я сделал шаг в её сторону, чтобы она не смогла уйти.

— Итак, ты понимаешь, что мальчики превосходят численностью, и девушек здесь практически одна к десяти.

— Я знаю это, — тихо ответила она.

— Ну, ты готова поставить на этом крест? Недостаток девушек означает, что вероятно, даже ты получишь немного внимания.

Я одарил её своей самой лучшей улыбкой.

— Поставить крест на чём?

Она наморщила лоб в очаровательном замешательстве. Боже, она такая невинная.

Прошлым летом я потерял свою девственность и с тех пор увидел девушек в совершенно новом свете. Они больше не были неизвестностью. И то, что я узнал о них, постоянно вертелось у меня голове и мне хотелось сделать это с Ланой.

Я настолько близко наклонился к ней, что мои губы оказались около неё. У девочки участилось дыхание, а щёки покраснели.

— Твоя девственность, — соблазнительно сказал я.

Она практически отскочила от меня.

— Мне четырнадцать лет, — сказала Лана с возмущением и страхом.

— В этой школе возраст не защитит тебя от извращенцев. По крайней мере, тебе лучше быть готовой к групповухе и оргии, если ты любишь приключения.

Это официально. Я — ублюдок.

Она прищурила глаза.

— Ты лжешь.

— Жаль, но я не лгал.

У неё на лице появилось недоверие.

— Это школа. Оргии не устраивают в школах.

Я снисходительно засмеялся.

— Школы — это *основное* место, где устраивают оргии. — Помедлив, я скрестил руки и изучал её взглядом. — Вот, что скажу — я прослежу, чтобы парни знали, что ты неприкосновенна. Назовём это радушным подарком.

Она пристально посмотрела на меня, пытаясь выяснить, не играю ли я с ней.

— Ты сделаешь это для меня?

— Ну, будет одно или два условия, — заявил я.

— Какие?

Я сделал два шага вперёд для того, чтобы посмотреть на неё сверху вниз.

— Типа позволять мне прикасаться к тебе везде, когда я захочу.

Она быстро заморгала, а ее в глазах появились слезы, но Лана упрямая. Она не позволит слезам вырваться на свободу.

— Я ненавижу тебя, — сказала она дрожащим голосом с негодованием.

«Я люблю тебя», — подумал я, но не озвучил эту мысль, а вместо этого выдал сарказм.

— Конечно, ненавидишь.

— Лана, ты идёшь? — позвала её Саша, находясь с группой своих подружек.

— Да, — ответила она, оживлённая возможностью сбежать от меня, и устремила в сторону моей сестры.

Саша послала мне злобный взгляд через газон, зная, что я дразнил Лану. Я комично корчил рожи и пошёл к зданию школы, когда прозвенел звонок.

Прошли утренние занятия и время обеда, а я больше не встречал Лану. Я осматривал каждый угол, пытаясь обнаружить её, но девочки нигде нет. Возможно, она избегала меня. Чёрт, она имела полное право так делать. Я возбудился от нашей короткой встречи, но, тем не менее, я хотел большего.

В конце дня я стоял с группой своих друзей у шкафчиков, когда придурок по имени Ойсин с пятого курса хвастался, как он переспал с какой-то блондинкой по имени Ленни, с которой, видимо, хотел сблизиться каждый парень в школе.

Я встречал девушку, но не увидел ничего привлекательного. На ней так много косметики, что всегда на воротнике её формы это коричневое пятно. Мой бич — замечать в людях мелочи, которые либо очаровывали меня, либо вызывали отвращение. Всякий раз, когда Ленни проходила мимо меня, я просто заикливался на этом коричневом пятне косметики. По данным Ойсина, у неё классные буфера, но всё, что я видел — это то пятно.

Не думаю, что другие люди так же одержимы мелочами, как я. Например, я знал, что у Ланы ровно двенадцать крошечных веснушек, которые обсыпали её нос и щеки. Знал, что её верхняя губа изгибалась в идеальный лук Купидона, который я когда-либо видел. Знал, что она ковыряла свои ногти, когда нервничала в кругу людей. Я знал... чёрт, я так много знал о ней.

Наконец, я заметил её.

У неё за спиной рюкзак, и она шла по коридору в моём направлении, уставившись в пол. Жаль, что Лана всегда выглядела так затравлено. Что ещё более важно, жаль, что я получал удовольствие от того, чтобы быть охотником.

Я подтолкнул Дина, который стоял возле меня.

— Что? — спросил он, жуя огромный комок жвачки.

— Видишь ту рыжеволосую девушку?

— Да.

— Поставь ей подножку, когда она будет проходить мимо.

— А зачем?

— Просто заткнись и сделай.

Он посмотрел на меня, будто я ненормальный, но всё равно согласился.

— Ладно.

Просто как по маслу, он сделал ей подножку, когда она дошла до нас, а я вмешался, чтобы спасти ситуацию. Я поймал её в свои объятия, прежде чем она упала, и крепко держал маленькое тело в своих руках. Она моргала ресницами, озираясь вокруг и пытаясь выяснить, как споткнулась. Я позволил своим рукам продвигаться вверх по её предплечьям и плечам, остановившись на обнаженной шее.

— Это ты поставил мне подножку, Роберт? — спросила она тихим голосом, все еще оглядываясь вокруг.

Лана так взволнованна, не думаю, что она даже понимала, насколько интимно я прикасался к ней.

— Нет, это был один из тех придурков, — ответил я, указывая на парней, стоящих рядом с нами.

— Эй, а как насчёт поцелуя за то, что поймал тебя? — спросил я, подталкивая мою удачу.

— Отпусти меня, — спокойно попросила она, её дыхание медленное и глубокое, будто она пыталась держать себя в руках.

— Думал, мы заключили соглашение. Я сдерживаю похотливых подростков подальше от тебя, а ты позволяешь мне прикасаться к тебе, когда захочу.

— Не было никакого соглашения. Я никогда не соглашалась на это, — пробормотала она, теряя свою невозмутимость.

Я упивался её вернувшимся волнением.

Я вздохнул, медленно и сексуально, нажимая пальцами на мягкую кожу её шеи.

— О, да, верно, ты не соглашалась. Моя ошибка.

Я решил отпустить её сейчас. У меня была своя мера, и не было никакого смысла подталкивать её слишком далеко. Это будет лишь то, что она расскажет своей маме, её мама расскажет моей, и меня накажут.

— Моя бабушка говорит, что люди могут заставить тебя думать о себе плохо, если ты разрешишь им. А я не разрешаю тебе, Роберт, — сказала она, высоко держа свой подбородок.

В то время, когда я думал, что она не может быть милее, Лана пришла и ушла с чем-то подобным. Но как только я опустил свои руки с её шеи, она унеслась прочь, а я повернулся, наблюдая за тем, как она уходила.

Всё, на что я мог надеяться — что однажды я буду тем парнем, который сможет заставить её остаться.

Часть третья

Жестокость — признак более глубокой причины

Глава 9

Это самая долгая неделя в моей жизни. С тех пор, как я удалила те фотографии, Роберт дуется на меня. Когда я захожу в комнату, где сидит он, то просто хочу выбежать оттуда. Моя копия «Орестей», которую я швырнула в него, всё ещё лежит на траве в саду за домом — молчаливый и неподвижный след того, что произошло.

По некоторым причинам я не могу заставить себя выйти и поднять её. Не хочу вспоминать то чувство, когда я обнаружила, что Роберт зациклился на мне, и это слишком не похоже на его прошлые издевательства. Моё сердце трепещет, но желудок выворачивает.

Дома я постоянно пытаюсь находиться с Сашей, по крайней мере, её болтовня скрывает напряжение, возникшее между мной и Робертом. По-моему, она это заметила, но ничего не говорит.

В четверг утром я готовлюсь к своему последнему рабочему дню на неделе в Алистере. Мне нужно прийти туда после обеда, поэтому я провожу своё свободное утро, просматривая телевизор и складывая чистое бельё.

На экране Молли Уиллис поёт чувственную песню, и я не могу оторвать своего взгляда от певицы. Песня заканчивается, и камера возвращается к ведущему Филлипу Шофилду. У него такое выражение лица, будто он из-за всех сил пытается сдержать смех.

Жаль, что Филлип Шофилд не мой отец. Он был бы идеальным сочетанием заботы и радости. Если в твоей жизни нет отца, то ты склонен фантазировать, что было бы, если случайная знаменитость оказалась твоим отцом.

Он берёт у Молли короткое интервью, спрашивая: «Правдивы ли слухи о вашей беременности?» На девушке надеты большие фиолетовые солнечные очки, поэтому лица не видно.

— О, Филлип, — говорит она, — на прошлой неделе я съела за обедом ростбиф — это и стало причиной этих слухов. Действительно, девушек иногда раздувает, ты же знаешь.

Не знаю, возможно, из-за строения рта она кажется довольно грустной, несмотря на то, что улыбается.

Филлип смеётся и сворачивает интервью, похвалив её за самый лучший сингл и музыкальный клип, который с невероятной скоростью распространяется в интернете. Также он отмечает, что она совершенно не выглядит раздутой сегодня, показывая её подтянутый животик поверх чёрных сексуальных штанов.

Закончив сворачивать бельё, я беру свои вещи для работы, закрываю дом и направляюсь на станцию метро. Когда я добираюсь до ресторана, то попадаю в час-пик. Данни отпросилась на два часа раньше, поэтому не хватает людей. Я верчусь, как белка в колесе, поскольку бегаю от столика к столику, принимая заказы, доставляя еду, и интересуюсь, нужно ли клиентам что-то ещё и т. д.

К концу смены, в 7.30, моя униформа официантки практически прилипает ко мне. Со стороны Алистера, несправедливо заставляя свой штат носить такие узкие чёрные юбки в летнюю жару. С другой стороны, ресторан, вероятно, имеет слишком высокий уровень для футболок и шорт.

Я так рада закончить работу, что просто выбегаю из этого места, полностью готовая к хорошему ужину и пораньше лечь спать. Но добравшись до станции метро, я понимаю, что вышла из ресторана без своей сумочки. Я запускаю руку в карман своей юбки и с

облегчением обнаруживаю, что, по крайней мере, мой проездной и мобильник со мной. Слишком уставшая, чтобы возвращаться в ресторан за сумочкой, я решаю просто оставить её там до понедельника и иду на платформу. Но пока я жду поезда, меня поражает ещё одна неудачная мысль. В ресторане было настолько оживлённо, что я совершенно забыла принять инсулин и перекусить. И от этого у меня появляется ощущение тошноты.

Обычно я нахожу где-нибудь ванную для того, чтобы принять своё лекарство, но поскольку дорожный набор находится в сумочке, которую я забыла в ресторане, этот вариант не работает. Ощущение болезни накатывает на меня так быстро, что мне не хватает сил вернуться за лекарством, но дома лежит мой основной запас, поэтому я решаю сесть на метро. Ведь я смогу продержаться час, надеюсь.

Грохот приближающегося поезда только усиливает моё беспокойство. Через секунду кто-то близко подходит ко мне. Я поворачиваю голову и вижу, что это Роберт, возвращающийся с работы.

— Лана, — говорит он низким голосом, кивая головой.

Встреча с ним приносит мне облегчение, и я ментально забываю, что мы не разговариваем.

— О, Роберт, слава Богу, — вздыхаю я, обвивая его руками.

Он перемещает лицо к моим волосам, и я чувствую, как мужчина резко вдыхает.

— Ну, не то, чтобы я жалуясь, или что-то ещё, но ты в порядке? — осторожно спрашивает он, захваченный врасплох моим объятием.

Я отстраняюсь.

— Да нет, я имею в виду, что просто рада видеть тебя.

На какой-то миг у него на лице появляется выражение сильного желания, но быстро исчезает. Рассмотрев меня, он говорит:

— Ты не очень хорошо выглядишь.

Роб прижимает руку к моей пояснице, и мы входим в вагон.

Свободных мест нет, и едва хватает места стоять, поэтому я упираюсь плечом в грудь Роберта, а он держится за поручень.

— Со мной всё будет в порядке, как только я доберусь до дома. Сегодня в ресторане было очень многолюдно, и я не приняла свой инсулин. Затем я ушла и забыла взять сумочку, поэтому сейчас мне действительно нужно добраться до дома, где я приму лекарство и что-нибудь поем. В принципе, чувствую себя дерьмово.

Все мои слова выскакивают слишком быстро.

Его выражение лица смягчается, и он притягивает меня так, что я основательно прислоняюсь к нему, переместив на него всю тяжесть своего тела.

— Господи Иисусе, ты уверена, что с тобой всё будет в порядке? Ты сильно потеешь.

Он проводит большим пальцем по моему виску.

Я дарю ему нерешительную улыбку.

— Возможно, это просто из-за жары.

— Да, — соглашается Роб, обводя глазами мои черты лица. — Такое часто случается?

— Никогда. Я никогда не забываю свой инсулин. Быть уверенной, что сахар в моей крови в норме — главное для меня. Это была слишком утомительная неделя.

Я поворачиваю своё лицо так, что оно располагается на изгибе его шеи. Чувствую себя слишком плохо, чтобы нервничать о том, что нахожусь близко к нему, нуждаясь в комфорте сильного тела Роба больше, чем злиться из-за тех фотографий, которые он сделал. Мужчина

напрягается, а затем расслабляется, обнимая меня руками.

— Это моя вина? — спрашивает он у моих волос.

— Частично, — честно говорю ему.

— Сожалею, — шепчет Роб.

— Я тоже сожалею. Мне не надо было удалять твои фотографии. Это было ужасно.

Просто я была так смущена ими и шокирована.

Также где-то очень-очень глубоко в душе я польщена сверх меры, но никогда вслух в этом не признаюсь.

— Успокойся, — говорит Роберт, и нежно проводит по моим волосам. — Мы можем поговорить об этом позже. Просто давай сосредоточимся на том, чтобы ты добралась до дома.

Закрыв глаза, я позволяю ему держать себя и использую близость, чтобы вдохнуть запах Роба. Я почти уверена, что он делает то же самое. Одна его рука на моём плече, другая — на талии, и почти касается моей задницы, но не совсем. Я провожу носом по его шее, и он ближе притягивает меня, обвивая рукой, вокруг талии, как тисками. Я тоже обвиваю его руками, и мужчина рычит.

По-моему, я чувствую касание его губ на своих волосах, но не уверена. Кажется, поездка длится вечность не только потому, что мне плохо, а из-за того, что я вполне осознаю те моменты, когда Роберт двигает своим телом, вызывая новые ощущения от наших объятий. Он касается бедром моего бедра, щекой — моей щеки. Думаю, мы делаем вид, что приспособливаемся, а на самом деле, просто так мы можем робко касаться новых мест.

На каждой остановке люди входят и выходят, но я чувствую себя так тщательно окруженной ими, что едва ли замечаю это. Мы делаем пересадку на «Кингс Кросс», а Роберт всё время поддерживает меня, обнимая рукой. Нам остаётся несколько остановок до Финчли, когда поезд неожиданно останавливается посередине чёрного тоннеля. У меня расширяются глаза от страха, и я смотрю на Роберта. Очевидно, какая-то задержка. Просто надеюсь, что не долгая. Подняв мой подбородок, он заставляет меня заглянуть в его глаза и потирает мою поясницу, успокаивая, и в этот момент из динамика разносится голос машиниста:

— Можете уделить мне ваше внимание, пожалуйста? Произошёл временный сбой сигнала на линии. Я бы хотел извиниться за задержку. Надемся, что всё будет в порядке, как только возможно.

— Вот, дерьмо, — бормочу я.

— Всё будет хорошо, Лана. Просто расслабься, — говорит мне Роб, и его низкий голос делает что-то с моей подложечной ямкой.

Мне нужно почаще болеть, лишь бы вызывать заботливую сторону Роберта, подобную этой.

— Господи, я так рада, что ты был на станции, — шепчу я ему. — Это был бы ад, если бы я была одна.

— Ну, ты не одна, и вскоре будешь дома, — ласково говорит он.

Наступает минута молчания с ворчащими по поводу задержки пассажирами вокруг нас. Мы находимся там, где невозможно поймать сигнал телефона, и это сильнее ухудшает ситуацию. Никто не может позвонить и сказать, что задерживается.

— Мне очень нравится, как ты пахнешь, — говорит Роберт, нарушая тишину.

Повернув голову, он немного наклоняется и проводит носом по моей шее. Это так

приятно, что я даже не могу сопротивляться.

Всё, что я делаю — бормочу: «Ммм — хмм», закрыв глаза, будто это развеет моё смущение.

В конце концов, через пятнадцать минут поезд снова едет. Выйдя на остановке, Роберт немедленно ловит такси и нас быстро доставляют домой. Расплатившись с водителем, он помогает мне добраться до входной двери и удивляет меня тем, что подхватывает на руки и несёт наверх в мою комнату.

Осторожно положив меня на кровать, он спрашивает:

— Где ты хранишь своё лекарство?

На меня накатывает волна головокружения, и я откидываюсь на подушку.

— Первый ящик, — вяло отвечаю я, указывая на тумбочку.

Открыв его, он роется и находит мой набор, пока я стаскиваю туфли и расстёгиваю сбоку молнию юбки-карандаша с высокой талией.

Роберт сидит рядом со мной на кровати и выглядит таким потерянным, всматриваясь в инсулиновый шприц.

— Я не знаю, что делать, — говорит он, будто впервые в своей жизни чувствует себя растерянно.

— Я могу это сделать, — устало успокаиваю я его. — Пожалуйста, просто помоги мне избавиться от этой юбки.

Когда поражает болезнь, то в мозгу не остается места для скромности. Я просто хочу чувствовать себя лучше, и если это значит, что Роберт увидит меня в нижнем белье, так тому и быть.

Он покусывает нижнюю губу.

— О, да, конечно.

Наклонившись вперёд, мужчина обнимает меня рукой за талию, легко приподнимает, стягивает тугую юбку по моим бёдрам и снимает. Сидя в одних трусиках, которые, к счастью, являются милой чёрной парой, я расстёгиваю последние пуговицы своей блузки и стягиваю её со своего живота. Затем я приступаю к работе над тестированием сахара в крови.

Роберт внимательно наблюдает; когда я прокалываю палец, вытекает капля крови. Его взгляд время от времени скользит по моему нижнему белью и голой коже, а дыхание Роба прерывается. Чёрт побери, неужели его заводит этот холодный и клинический процесс? Я сижу здесь больная, уставшая и потная в своей постели? Если так, тогда я не понимаю влечение.

Я поднимаю на него взгляд, пока готовлю инсулиновый шприц, а взгляд Роба сконцентрирован на старых следах от игл на моём животе. Заметив, что я смотрю на него, взгляд Роберта становится мягким, и он протягивает руку, нежно проводя горячей ладонью по шрамам. На какой-то момент мы соединяемся — он касается моих шрамов, а я наблюдаю за ним. Прежде меня никто так не ласкал. Мужчина кажется таким полным благоговения.

— Сейчас я должна принять инсулин, — шепчу я, разрушая то, что мы делаем.

Он кивает, убирая руку с моего живота.

По-моему, Роб немного морщится, когда я, наконец, нахожу место и ввожу иглу. Закончив, я всё прибираю и снова падаю на подушку.

— Тебе нужно поесть? — спрашивает Роберт, помолчав пару минут.

— Да, — мягко отвечаю я. — Не мог бы ты что-нибудь приготовить мне? Это не

должно быть слишком вычурным...

Он обрывает меня.

— Я приготовлю нам ужин. А ты не шевелись — просто оставайся здесь и отдыхай.

Роберт встаёт и наклоняется, чтобы запечатлеть поцелуй на моей макушке. Когда он уходит, моё сердце сходит с ума от тех переживаний в метро, от нашего нерешительного, но отчаянного стремления коснуться друг друга. Мой временный недуг помогает нам стать ближе. Боже, что же мы творим.

Несколько минут спустя я чувствую запах курицы и чеснока, доносящийся из кухни. Выбравшись из постели, я иду в ванную, одеваю ночнушку и умываюсь холодной водой с мылом. Затем возвращаюсь в постель и заползаю под одеяло.

— Непослушная! Я же сказал тебе не двигаться, — говорит Роберт, возвращаясь в комнату в футболке и джинсах.

Он несёт две тарелки, на которых лежит что-то, похожее на куриное жаркое.

— Мне нужно было освежиться, — отвечаю я, добавляя: — Выглядит и пахнет очень вкусно, Роберт. Я не знала, что ты умеешь готовить.

Пожав плечами, он усмехается.

— Я справляюсь. Вот, ешь.

Он вручает мне тарелку и вилку и располагается возле меня на кровати со своей порцией.

Я медленно ем, всё ещё дрожа от своей оплошности, ведь я редко забываю инсулин, если это вообще когда-либо было. Моя мама всегда вбивала в меня режим и велела придерживаться его. Я имею в виду, она звонит мне каждый вечер с тех пор, как я здесь, и наш разговор заканчивается её вопросом: «Забочусь ли я о себе и правильно ли питаюсь?».

Мне нужно узнать способ быть рядом с Робертом, который не приведёт в беспорядок мой рассудок, заставляя забыть о себе, потому что, Боже, помоги мне, я очень *хочу* быть рядом с ним. Всё вокруг замедляется, когда я с ним, и иной раз это становится совершенно эйфорическим. Я буду следить за движением его руки, предвкушая, попытается ли он коснуться меня. Или буду наблюдать, как Роб продвигает всё ближе свое тело ко мне, пока совсем не приблизиться.

Роберт звякает вилкой о тарелку, прерывая мои мысли. Он уже доедает свой ужин, а я — только наполовину.

— Ты лучше себя чувствуешь? — спрашивает Роб, нежно убирая мои взлохмаченные волосы от моего лица.

— Да, просто мне нужно немного времени, чтобы восстановиться после такой паники, — отвечаю я.

Роб кивает, поглощая меня взглядом своих карих глаз. Подвинувшись поближе, он кладёт свои руки мне на плечи и нежно сжимает их.

— Естественно, ты напугала меня. Мне не нравится видеть тебя больной.

— Это естественно для такой ситуации, — говорю ему я. — Мне нужно быть всё время очень осторожной. Это утомительно.

— Ты не можешь давать слабину, — добавляет он.

— Точно, — говорю я, съедая ещё одну вилку жаркого, и откладываю её в сторону.

— Моё поведение на этой неделе ничем не помогло, — продолжает Роб

— Точно, но я тоже виновата. Мне не следовало удалять те фотографии. Даже если мне не нравится быть в центре внимания *или* способ, который ты использовал, чтобы сделать их,

они были твои, а я уничтожила их.

Роб задумчиво улыбается потере и поворачивает голову.

— Ну, я всегда могу сделать ещё.

Он проводит большим пальцем взад-вперёд по крошечному пятнышку на коже моего плеча, и моё сердце ускоряет темп.

— Так или иначе, зачем тебе подобные фотографии? В них нет никакого смысла.

— Для меня в них есть смысл. Большие сцены — это хорошо и здорово, но я человек деталей. Это небольшие вещи, которые завораживают меня.

— Это очень... профессионально. Я никогда не думала, что ты — художник, но сейчас, когда думаю об этом, отчасти, да. То, как ты используешь камеру — это необычно и уникально. Ты не делаешь снимки, как большинство людей, просто и прямолинейно. Твой материал всегда под определённым углом, с которого другой человек и не подумает, что его снимают, — я делаю паузу, чтобы увидеть, как он впитывает мои слова, будто они смысл его жизни. — Как я сказала, они профессиональные, — заканчиваю я, смущаясь.

Роб широко улыбается мне и крепче сжимает мои плечи.

— Ах, ты понимаешь меня, Красная Шапочка. Я не был уверен, понимаешь ли ты, но ты понимаешь.

Мой телефон гудит на тумбочке с именем Саша, вспыхивающим на экране. Я отстраняюсь от Роберта и отвечаю на звонок.

— Привет, Саша, что случилось?

На заднем плане шум и музыка. Похоже, она в пабе или ресторане.

— Привет, малыш, ты дома, в целости и сохранности?

— Да, на самом деле, я уже в постели. У меня был тяжёлый день, поэтому здоровья ради, я легла спать пораньше.

При этом Роберт издаёт громкое мурлыканье, потирая моё плечо. Я толкаю его локтем, чтобы он заткнулся.

— Что это? — спрашивает Саша.

— Ммм, просто фильм на моём ноутбуке.

— О, хорошо. Ну, а с тобой всё в порядке? Тебе не нужно, чтобы я вернулась домой, верно?

— Нет, со мной всё хорошо. Ночной сон, и я буду в полном порядке.

Роберт хихикает и снова мурлычет. Я сильнее толкаю его локтем. Он начинает целовать мою ключицу, и я таю.

— Круто. Прости, я не сказала об этом раньше, но парни с работы устроили импровизированную вечеринку, и меня заставили пойти на неё. Я буду дома поздно, если в конечном итоге, не усну у кого-то на диване.

— Ладно, Саша, веселись, — говорю я.

— Спи спокойно, малыш, — говорит она, заканчивая разговор.

Я хмурюсь на Роберта.

— Ты — дьявол. Если бы она узнала, что это был ты... что бы ты тогда делал?

Выпрямившись, он отстраняется и смотрит на меня.

— Кого это волнует? Чем раньше она узнает о нас, тем лучше.

— Нас? — спрашиваю я.

— Нас, — твёрдо заявляет он и начинает дорожку из поцелуев вниз по моему горлу, а рукой продвигается по моей ночнушке к вершине бёдер.

Воздух покидает мои лёгкие, и я чувствую, как нарастает беспокойство — это то, что происходит со мной, когда я остаюсь наедине с парнем, и всё начинает двигаться в сторону интимности. В моей голове вспыхивают картинки в непрерывном замкнутом круге истории моей мамы с места преступления.

— Мы не можем, мне тяжело дышать. Саша будет дома.

Он смеётся, не переставая целовать меня.

— Саши не будет дома.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я знаю, где она на самом деле, и это не рабочая вечеринка.

Я отталкиваю его от себя.

— Что?!

Роб откидывается на спинку кровати, выдувая воздух через рот.

— Удивительно, как ты можешь быть так близко с моей сестрой, Лана, проводить с ней так много времени, и всё равно ты до сих пор ещё по-настоящему не знаешь её.

Я скептически прищуриваю глаза.

— Я знаю Сашу лучше, чем большинство людей.

Он ухмыляется.

— Ты совершенно слепа. Ты даже не видишь самое очевидное. Возможно, ты очень близка, но никогда не сможешь взглянуть на всю картину целиком.

Ладно, теперь мужчина начинает бесить меня.

— Хорошо, если всё это правда, тогда что же я не знаю о ней?

Роб складывает на груди руки и невозмутимо сообщает:

— Она — лесбиянка, Лана.

Право, теперь я в бешенстве.

— Ух, ты такой субъективный, Роберт. Просто потому что она так одевается...

— Это не потому что она так одевается, — прерывает он меня. — Я знаю, что она — лесбиянка. Я узнал это, когда нам было по семнадцать лет, и видел, как однажды летом она миловалась с девушкой в гостевой комнате нашего отца.

От осознания у меня краснеют щёки. У меня в голове всё встаёт на свои места. Все те мужчины, с которыми она ходит на свидания, и с кем заканчивает, так никогда снова и не встретившись.

О, мой Бог. Роберт прав.

Моя лучшая подруга во всём мире — лесбиянка, а я никогда этого даже не замечала и никогда не предполагала. Я просто думала, что она бы рассказала мне. Почему же не рассказала мне?

— Она призналась тебе? — спросила я с некоторой ноткой ревности.

Я ничего не могу поделать, но мне ненавистна мысль, что Саша рассказала Роберту что-то такое важное, но не подумала рассказать мне.

— Я спрашивал её об этом несколько раз, но она всегда отрицает. Саша держит это так глубоко внутри себя, Лана, что возможно, она уже на полпути в Нарнию. У моей сестры серьёзные проблемы с публичным признанием.

— Но, почему? Никого даже не волновало бы. Все любят её, несмотря ни на что.

— Не все, — говорит Роберт. — Наш отец не смирился бы с этим.

— Ну, возможно, он не был бы на седьмом небе от счастья, но не думаю, что отказался бы от неё или что-то в этом роде.

Роберт качает головой.

— Ты не понимаешь. По-моему, мой отец великий человек во всех отношениях, но он старомодный. У него нет никаких проблем с гомосексуалистами, пока его дочь не одна из них.

— Бедная Саша, — шепчу я, и наступает минута затишья. — Так она сейчас где-то с... девушкой или что?

— Более чем вероятно.

— У неё... есть подруга?

— Не то, чтобы я знал об этом. Просто одноразовые встречи, полагаю.

У меня непроизвольно вытекает слеза. Человек, которого я думала, знаю лучше всех, вдруг становится чужим. Увидев слезу, Роберт смахивает её.

— Ты расстроена, потому что она скрывала это от тебя, — говорит он, угадывая мои мысли, и я киваю.

— Не стоит. Она никогда никому не рассказывала. Я один знаю, потому что видел её с той девушкой, и сложил два и два вместе.

— Я просто... хочу сказать ей так много, но не желаю заставлять чувствовать себя неудобно.

Глаза Роберта округляются.

— Ты не можешь сказать ей то, что я рассказал тебе.

— А я и не собираюсь, — успокаиваю его я. — Я просто хочу, чтобы у меня был способ сделать так, чтобы она сама мне рассказала.

— Возможно, она и расскажет, но для этого нужно время.

— Да, — шепчу я, положив голову ему на плечо.

Закрыв глаза, я не могу остановить мысли, пробегающие у меня в голове. Я вспоминаю всё пережитое с Сашей, пытаюсь выяснить, были ли признаки того, что я просто не замечала. Роберт пальцами водит туда-сюда по моему позвоночнику, и прежде чем понимаю это, я засыпаю. Я просыпаюсь следующим утром, и то только потому, что он двигает меня для того, чтобы выбраться из постели.

Я сонно открываю глаза утреннему солнцу. Роб смотрит на меня, снимая футболку, в которой спал.

— Привет, — шепчет он.

— Привет, ты, э-э-э, был здесь всю ночь? — смущённо спрашиваю я.

— Да, я задремал после тебя. Прости, что разбудил, но мне нужно собираться на работу.

— Всё нормально, — отвечаю я, уютно устраиваясь под одеялом, чтобы вернуться ко сну.

Роб наклоняется вперёд и целует уголок моего рта. Я слегка подпрыгиваю.

— Увидимся позже, — говорит он с улыбкой, выходя из комнаты.

Минуту спустя слышу звук душа в ванной, а ещё через минуту забываю свою неловкость от того, что всю ночь делила постель с Робертом, и снова засыпаю.

Глава 10

— Привет, Саш, — говорю я, заглядывая в её комнату.

Раз уж на то пошло, в конечном итоге, прошлой ночью она не вернулась домой, где именно и с кем подруга была, я не знаю. Двадцать минут назад она вернулась домой с

работы, приняла душ и залезла в постель.

— Привет, мальш, входи и закрой дверь. Боже, у меня жуткое похмелье, — говорит она, потирая свой лоб. — Работа была кошмаром.

— Бедняжка, — говорю я, сочувствуя ей. — Ночка была весёлой?

Усмехнувшись, девушка поворачивается ко мне лицом.

— Самая лучшая. Она стоит моего нынешнего плачевного состояния.

— Ну, по крайней мере, это хорошо, — улыбаюсь я в ответ.

У меня быстро бьётся сердце, и беспокойство стучит в груди. Кажется, я смотрю на неё по-новому, отступая назад, чтобы понять картину, как выразился Роберт.

Она включает телевизор с плоским экраном, установленный на стене, и щёлкает по каналам.

— Ну, завтра вечером у твоего отца вечеринка по случаю его дня рождения, — говорю я.

— Да, он упоминал, что пригласил тебя, — отвечает она, искоса поглядывая на меня. — Ты пойдёшь?

— Конечно! Ты знаешь, я не поклонница твоего отца, но, кажется, вечеринка будет шикарной. Плюс, я хочу увидеть, будут ли там известные люди.

Она смеётся, всё ещё щёлкая туда-сюда по каналам.

— Возможно, будет несколько. Это не так интересно, как ты думаешь. Все знаменитости просто нормальные скучные люди, когда дело доходит до этого. Это камеры и внимание заставляют их казаться такими очаровательными и недоступными.

— Ну, полагаю, ты — эксперт в таких делах, — соглашаюсь я.

— Да. Алистер и я планируем вечеринку после банкета у него дома. Вот где будет происходить всё веселье.

— Круто.

Жужжит её телефон, она берёт его и читает сообщение. Её лицо мгновенно напрягается.

— Чёртов ублюдок.

— Что случилось? — спрашиваю я, беспокоясь.

Подруга бросает телефон на тумбочку.

— Тьфу, это старший редактор на работе, который даёт мне по шее. Абсолютная сука. Каждую пару статей он присылает обратно, чтобы полностью их переписать, придумывая недостатки, которых даже нет. Терпеть его не могу. Это из-за того, что несколько месяцев назад он пригласил меня на свидание, а я отказала. Его это не может принять такой удар, поэтому это его своеобразная форма мести.

— Это ужасно. Есть кто-нибудь, кому ты можешь сообщить о нём?

— Не было бы смысла. Они там все сексисты — ублюдки. В один прекрасный день я найду новую работу, и жду не дождусь, когда подам своё заявление об уходе и засуну его в задницу этому придурку.

Я качаю головой, просто думая об этом парне.

— Не понимаю, как люди могут быть такими чувствительными, как он. Имею в виду, отказаться идти на свидание — не оскорбление века. Это случается всё время.

Саша с улыбкой поглядывает на меня.

— Да ну, в общем, это — то, на что люди похожи. Возможно, ты — единственный человек, которого я знаю, кто не играет в игры, и кем не управляет их собственное эго.

Я усмехаюсь.

— Да, я простая, но в хорошем смысле.

Саша хихикает.

— В очень хорошем смысле.

— Тем не менее, такие игры происходят везде, — говорю я ей, раздумывая об этом. — Помню, работая официанткой, была одна девушка, одержимая тем, чтобы получать самые большие чаевые в конце дня. Она всегда заставляла меня считать мои деньги возле неё, чтобы заключить сделку на победу, а потом уходила очень довольная собой.

— Это была та девушка с каштановыми волосами и огромными...

Саша делает смешной жест руками, изображая грудь.

— Буферами, да.

— Ну, она всегда носила одежду с глубоким декольте, поэтому очевидно, почему получала все те чаевые.

— Я знаю, но это не главное, что я пытаюсь сделать. Моя точка зрения заключается в том, что не важно, куда ты ходишь, и не важно, какую работу ты выполняешь, всегда найдётся какой-нибудь придурок, который испортит тебе настроение. Главное, чтобы нравиться самому себе, и достаточно любить свою жизнь, не переживая о мелочах.

— Но люди, которые нравятся сами себе — онанисты, — шутит она.

— Нет, это люди, которые *очень* нравятся сами себе. Ты должна достаточно нравиться самой себе, а не впадать в раж.

Ухмыльнувшись, подруга чешет голову.

— К чему все эти слова, вселяющие в меня уверенность в себе?

— Не знаю, — пожимаю плечами, даже хотя и знаю.

Мне хочется, чтобы ей было комфортно чувствовать себя той, кто она такая, и чтобы Саша могла показать миру своё истинное «я», и ей не приходилось бы скрывать этого. Просто я делаю это окольными путями. Возможно, если я буду постоянно напоминать ей, какая она замечательная, то, в конце концов, девушка изменит своё мнение.

— Ну, всё равно спасибо. Ты подбодрила меня. Как ты себя чувствуешь после вчерашнего? — спрашивает она.

— Гораздо лучше. У меня был день терапии. Сначала долгая ванна, потом я воспользовалась кое-чем из той корзины, которую ты раздобыла мне. Я также позанималась йогой и посмотрела пару фильмов.

— Счастливица. Это звучит гораздо лучше, чем мой день.

Я хмурюсь и обращаю внимание на комедийное шоу, которое идёт по телевизору, ненавидя редактора Сашу, и надеюсь, что она найдёт способ открыться мне и поговорить о её истинных переживаниях и страхах. Имею в виду, она рассказывает мне так много, что уже и рассказывать-то больше нечего. Но есть. Есть ещё так много.

Слышу, как открывается и захлопывается входная дверь, оповещающая о том, что Роберт пришёл домой.

— Саша, — зовёт он на лестнице.

— Я в своей комнате, Роб, — отвечает она.

Он поднимается по ступенькам и входит в комнату. У него в руках массивная коробка из-под пиццы и большая бутылка колы. Я с тоской рассматриваю их, зная, что это два объекта, которых мне нужно сторониться.

— Я получил твоё жалобное сообщение: «У меня похмелье», — с удивлением говорит он. — И подумал принести домой ужин, ведь я такой замечательный брат.

У Сашу загораются глаза от нетерпения.

— Ветчина и ананас?

Роберт усмехается и садится на кровать рядом со мной.

— Да.

Схватив коробку, Саша вынимает порцию пиццы, из которой сочится расплавленный сыр, откусывает большой кусок и снова откидывается на подушку с довольным выражением лица. Роберт хихикает и хватается свой кусок, подтолкнув меня локтем.

— Я так понимаю, это не в твоём меню, да?

Он кажется немного виноватым.

— Обычно да. Но, возможно, я могла бы съесть маленький кусочек, — говорю я, когда запах сыра и свежеспечённого теста достигает моего носа.

Роб улыбается, берёт кусочек и протягивает его мне. Я отрываю около трети куска и кладу остаток в коробку. Некоторое время мы сидим и едим в приветливом молчании. Закончив, мы устраиваемся поудобнее на большой двуспальной кровати Саши и смотрим телевизор, злобно комментируя происходящее на экране: что у одной девушки слишком много искусственного загара, или что тот или иной актёр прибавил в весе.

Где-то в промежутке Роберт незаметно берёт мою руку, сплетая свои пальцы с моими. Я оглядываюсь, проверяя, заметила ли Саша, но она заснула.

В комнате стоит тишина, за исключением шума от телевизора.

Я пытаюсь вытащить руку из руки Роберта, но он крепко держит её. Встретившись с его взглядом, я теряюсь. Никогда не понимала, как очаровательно бесконечно смотреть на кого-то, но с Робертом моё внимание сосредоточено, и я не в силах отвести от него взгляд.

Его дыхание становится тяжёлым, и мое тоже.

Не знаю, сколько проходит времени, пока Роб не накрывает мою щёку другой рукой и медленно опускает свой рот к моему. Мои губы закрыты, но своим языком он убеждает их раскрыться. Ощущение этого заставляет меня дрожать рядом с ним, а поцелуй становится более страстным.

Роб отпускает мою руку, обхватывая меня за талию. Следующее, что я понимаю — как он поднимает меня и сажает себе на колени. Запустив свою руку под край моей майки, мужчина ласкает мой живот, поглаживает бедро и накрывает ладонью мою попку. Я разрываю поцелуй, чтобы отдышаться, и вдруг понимаю, как подло веду себя, делая это с Робертом, пока Саша лежит рядом с нами во власти похмельной дремоты.

Его грудь беспорядочно поднимается и опускается, а взгляд темнеет от желания. Не могу подобрать слова, поэтому просто качаю головой, сползаю с его колен и покидаю комнату на дрожащих ногах.

— Лана, — шепчет он, но я не оборачиваюсь.

Роб не пытается последовать за мной, и так я разочарована, но понимаю, что это к лучшему. Если что-то и произойдёт между нами, то не так быстро. Мне нужно убедиться, что он понимает — я не такая, как Кара, и он не может спать с кем попало, если хочет, чтобы были «мы».

Ему ещё предстоит узнать маленькую деталь о моей девственности. Если ближе к делу, то мой безрассудный страх потерять её. Господи, просто мысль о том, чтобы рассказать ему, заставляет меня желать смерти. Что Роб подумает обо мне? Ведь, наверняка, знает, что я неопытная, но не уверена, осознает ли он, насколько сильно я не опытна.

Захочет ли Роб быть с девственницей? Нравятся ли парням подобные вещи, или они предпочитают девушку, которая знает, что делает? Возможно, мне следует прогуглить это.

Нет. «Гугл» никогда не даст мне ответ, который я так или иначе хочу получить.

Теперь я уйду в глухую оборону. Имею в виду, что в двадцать два я *не очень* старая, и не похоже, чтобы у меня было время для отношений. Ведь довольно трудно закончить обучение и сохранить своё здоровье в норме без дополнительного стресса в поисках парня последние несколько лет.

Мои мысли бредут ещё дальше, когда я задаюсь вопросом, тот ли человек Роберт, с которым мне хочется потерять свою девственность. Мы много лет знаем друг друга, но наше общение вряд ли когда-нибудь было романтичным, гармоничным или каким-то ещё, что способствовало бы хорошему первому сексуальному опыту. В глубине своего сознания я всегда прячу понятия того, что является любовью или ненавистью между нами, вместо простой «ненависти». Его недавнее поведение, конечно, указывает на явление любовь или ненависть. Но почему ненависть?

О, да, потому что я украла Сашу.

Это только кажется банальным. Опять же, когда ты подросток, мелочи составляют всю твою жизнь. Мелочи могут заставить тебя действовать необычными способами. В случае Роберта, его особенное поведение пугало меня до такой степени, что практически всякий раз случался приступ паники, когда я видела его.

На следующее утро Саша рано будит меня, чтобы пройтись с ней по магазинам, и купить платье.

— Купить платье? — спрашиваю я таким тоном, будто эта идея чужда мне. — Не думаю, что я когда-то видела тебя в платье, Саша. Я *должна* сфотографировать это памятное событие.

Она закатывает глаза.

— И премия за сарказм присуждается...

— Хорошо, хорошо. Дай мне двадцать минут, чтобы принять душ и окончательно проснуться. О, и мне нужно позавтракать.

— Нет проблем. Мне нужно позвонить отцу по одному поводу. Скоро увидимся.

Приняв душ, облачённая в хлопчатобумажные шорты и свободный трикотажный топ, я спускаюсь по лестнице и наталкиваюсь на Роберта, который стоит у двери, постоянно подкидывает в воздух ключи от машины и ловит их. На нём надета серая рубашка и тёмные брюки. У меня замирает сердце, как красиво он выглядит. Мужская красота — самый смертоносный из коктейлей.

— Доброе утро, — с очаровательной улыбкой говорит Роб.

— Что ты делаешь?

— Саша не сказала тебе? Сегодня я ваш шофёр. Мне тоже нужен костюм для сегодняшней вечеринки.

Я качаю головой.

— Вы двое так похожи, оставляя всё на последний момент.

— О, я так полагаю, у тебя с нарядом всё в порядке.

— Ну, да. Я уверена, у меня есть платье, которое сделает своё дело.

Роб ухмыляется.

— Какое у тебя малое обеспечение.

— Я предпочитаю называть это «разумно тратить своё время», но и малое обеспечение в том числе.

— Я вижу это.

Мужчина делает шаг вперёд, проводя рукой по моему топу.

— Ты понимаешь, что в этом есть дырки.

Я смотрю на себя. Есть только крошечные дырки, которые случаются на трикотажной одежде.

— Вот, это так и должно выглядеть, глупый.

Он поднимает руки.

— Эй, я не выражаю свое недовольство. На самом деле, мне очень нравится.

— Уверена, что выражаешь. Где Саша?

— Я здесь, — кричит она, выходя из своей комнаты и спускаясь по лестнице.

Через секунду раздаётся стук в дверь, и Роберт идёт открывать её. Там стоит человек в аккуратной рубашке и блестящих чёрных туфлях, и протягивает конверт.

— Генри, рад видеть тебя, — бодро говорит Роберт.

— Да, я тоже рад видеть вас. Твой отец послал меня с этим, — он протягивает конверт, выглядя взволнованным. — Во всяком случае, я с ног сбился из-за сегодняшней вечеринки, поэтому лучше пойду.

Он приветствует меня и Сашу кивком головы, уходя прочь от порога.

— Кто это был? — спрашиваю я, когда он уходит.

— Генри. Личный помощник отца, — отвечает Роберт, а Саша бросается выхватить конверт у брата.

Она разрывает его, вытаскивая тонкую золотую кредитную карту.

— Я позвонила отцу и сказала ему, что собираюсь найти наряд для вечеринки. Он предложил заплатить и сказал, что пришлёт это, — она замолкает, и её улыбка расплывается так широко, как только может. — Кто идет за покупками?

— Да, да. О, и нам обоим нужно купить отцу подарок. Какие-нибудь идеи? — спрашивает Роберт.

— Э, подожди секунду. Вы собираетесь купить отцу подарок, используя его собственную кредитную карту?

Саша смеётся.

— Да. Это традиция. Или, возможно, пассивно-агрессивный хрен тебе за всё то время, когда он пропустил наши дни рождения.

— Это так коварно, но, вроде, оправданно, — говорю ей я.

— Ты попала в точку, малыш, — говорит Саша, заговорщически вскидывая руку мне на плечо. — Итак, что скажете, если мы позавтракаем в «Хэрроде»... а потом купим там что-нибудь?

Девушка помахивает кредитной картой в руке.

— Ах, сестричка, иногда кажется, что ты читаешь мои мысли, — усмехается Роберт, и мы направляемся к его машине.

После завтрака я сижу у разных магазинов, ожидая, пока Саша и Роберт примеряют наряды. Поправка, Саша выбирает второе платье. На самом деле, это Роберту нужно больше времени. Саша и я сидим в больших шикарных креслах в примерочном зале бутика мужской одежды, а продавец помогает ему выбрать костюм и справедливо злится на нас, ведь мы делаем смешные комментарии и смеёмся над ними. Типа «Роберт, твой зад выглядит слишком большим в этих брюках» или «Такие подплечники ставили в восьмидесятых, чтобы опозорить».

По-детски, да. Но, забавно. Даже Роберт не может сдержать постоянную улыбку на

своём лице.

— Случайно в том апельсиновом соке, который вы пили за завтраком, не было шампанского? — спрашивает он нас.

— Мы просто легкомысленные, — говорит Саша. — А я взволнованна из-за вечеринки Алистера. Он сказал, что нанял стриптизёров. Мужчин и женщин. Это будет весело.

Роберт улыбается сестре, а затем его взгляд перемещается на меня.

— Ты тоже возбуждена из-за стриптизёров, Лана?

Я делаю серьёзное выражение лица.

— Очень сильно. Возможно, я даже закажу свой первый приватный танец.

Его улыбка сразу же меркнет.

— Ты не сделаешь ничего подобного. Те мужчины-стриптизёры гадкие.

— О, но полагаю, женщины-стриптизерши, тем не менее, хороши, — спорю я.

— Ну да, ничего так женщины, — и его улыбка возвращается. — Кроме того, если это приватный танец, на который ты нацелилась, я был бы счастлив устроить тебе один в частном порядке, когда мы вернёмся домой, — подмигивает он.

— Ох, ты — озабоченный ублюдок! — в ужасе восклицает Саша. — Перестань похотливо смотреть на мою подругу.

— Лане нравится, когда я похотливо смотрю на неё, — отвечает он, доверительно подмигивая мне.

Продавец выглядит совершенно раздражённым.

— Сэр, могу я предложить чёрный «Армани»?

— Да, мне понравился тот костюм. Думаю, возможно, пойду в чёрном-на чёрное-на чёрном сегодня вечером. Что скажете, девочки?

— Возможно, в конечном итоге, ты будешь выглядеть, как дьявол, — говорит ему Саша.

— Или Джонни Кэш, — парирует удар Роберт.

— Или игрок в регби из Новой Зеландии, — добавляю я.

— Или Гот, — говорит Саша.

— Или самобытно-серьезный модельер, — хихикая, говорю я.

— Или битник, — парирует Саша.

— Ладно, ладно, я понял. Я не передумаю, — говорит Роберт, поворачиваясь к продавцу. — Я приду за чёрным. Не могли бы вы принести мне чёрные рубашки и галстуки?

— Конечно, — говорит блондин, умчавшись выполнять задание.

У Саши на лице появляется скучающий взгляд.

— Так, мне нужно отправить несколько электронных писем. Вернусь через минуту.

Она вытаскивает телефон из кармана и выходит к витрине магазина, где лучше принимает интернет.

Я бросаю взгляд на Роберта. Он проверяет в зеркале, как пиджак смотрится на нём.

— Тьфу, как ты привык к этому, — с отвращением говорю я.

— Что ты имеешь в виду?

— Иметь помощника, который помогает тебе делать покупки. Ненавижу это даже в дешёвых магазинах, когда девушки подходят и спрашивают, не нужно ли тебе что-нибудь.

— Это потому, что ты испуганная маленькая мышка, которая не хочет общаться.

— Это не так. Просто потому, что продавщицы ставят меня в неловкое положение, и я всегда поступаю так, что делаю всё неуклюже.

— Например?

— Смотрю на их волосы, чтобы избежать зрительного контакта. Или смеюсь, чтобы замаять тишину, когда ничего смешного не было сказано.

— Ха, я не замечал, что ты делаешь так со мной. Опять же, я не продавщица и, возможно, мы всегда заняты друг с другом игрой в гляделки, чтобы ты обращала хоть какое-то внимание на мои волосы.

— Роберт!

Он смеётся низко и сипло.

— Что? Ты знаешь, это правда.

— Не знаю. И этот термин... Мне он не нравится.

Развернувшись, Роб подходит ко мне и стягивает пиджак.

— Какой термин, Лана? — шепчет он, опускаясь на колени и прижимая ладони к ручкам кресла по обе стороны от меня.

Роб наклоняется, приближая губы к мочке моего уха, и нежно сосёт её. Думаю, я могла бы спонтанно возгореться. И он даже ещё более мягким голосом говорит:

— Гляделки?

Роб делает дополнительный акцент на «г», и от этого у меня пересыхает в горле. Я смущённо поёживаюсь в кресле.

— Да, — шепчу я, не в силах сказать, имею ли в виду «да, гляделки», или «да, продолжай делать это». Думаю, он понимает, что к чему, когда устремляет свой взгляд на дверь примерочной, убедившись, что продавец не возвращается, начинает сосать ещё сильнее и направляет руку по верхней части моего бедра. У меня невольно раскрываются ноги, и я глубоко выдыхаю, когда Роб легонько давит пальцами и начинает потирать мне между ног через ткань моих шорт.

— О, Боже, — шепчу я, и моё тело становится безвольным.

Я позволяю себе упасть лицом в тёплую ложбину его шеи, и ответный смешок Роба звучит практически сквозь меня.

Он всё сильнее прижимается нижней частью ладони и всё быстрее двигает пальцами. Кажется, Роб точно знает, где нужно касаться, и прежде чем я понимаю это, у меня начинают пылать щёки, и я испытываю свой самый первый оргазм, которого достигаю не самостоятельно. Язык Роберта порхает вдоль моего уха, его дыхание учащается, а я вся дрожу возле него.

— О, ты должна видеть себя прямо сейчас, — шепчет Роб, пожирая меня глазами.

Я несколько раз неуверенно вздыхаю.

Мужчина убирает руку у меня между ног и кладёт ладонь мне на лицо. Затем быстро целует меня в губы и поднимается, как только продавец возвращается с рубашками и галстуками. Я остаюсь сидеть на месте, не в состоянии двигаться от того, что понимаю — да, это случилось. Роберт стоит лицом к зеркалу, рассматривая несколько галстуков. Хотя его взгляд сосредоточен не на галстуках, а направлен на меня и жарко обжигает. Я отвожу взгляд, пытаюсь стабилизировать дыхание.

— Этот — древесный уголь, — говорит продавец, — а этот — чёрное дерево. У нас также есть цвета пепла, оникса и лакрицы, если вы их тоже желаете примерить.

Роберт криво улыбается ему.

— О, нет, но я запал на обсидиан.

— Ну... — Немного взволновано говорит парень, — мы всегда можем заказать его.

Роберт начинает смеяться, и я тоже не могу удержаться от смеха.

— О, вы шутите надо мной, — говорит продавец, приходя в чувство. — Очень хорошо. Я покину вас, чтобы вы сами приняли решение.

После этих слов он разворачивается на каблуках и уходит уделить внимание другому покупателю.

— Это было жестоко, — говорю я, когда Роберт мастерски сворачивает галстук вокруг шеи.

— Да ладно, он сам напросился. Посмотри на них — они все чёрные.

— Да, полагаю, это так.

— Итак, — говорит Роберт, поворачиваясь от зеркала ко мне. — Тебе понравилось?

— Заткнись, — отвечаю я, отводя взгляд и чувствуя, как краснеют щёки.

— Ты кончила очень быстро, — с усмешкой продолжает он. — Возможно, я и ошибаюсь, но, должно быть, я *очень* нравлюсь тебе.

Его голос ласкает моё имя, а я не могу принять это.

— Пойду проверю, где Саша.

Его смех преследует меня до самой двери.

Глава 11

Саша стоит недалеко от магазина и треплется по телефону. Искоса поглядывая на меня, она всё ещё бдительно следит за экраном.

— Что случилось?

Я вздыхаю.

— Ничего. Твоему брату нужна целая вечность, чтобы выбрать наряд. Он хуже половины девушек, которых я знаю.

Саша перестаёт набирать и смотрит на меня.

— Кажется, ты покраснела. Тебе плохо?

— Я в порядке. Просто мне жарко.

— Мне тоже. Скоро отправимся домой, сможем принять душ и немного отдохнуть перед сегодняшней вечеринкой.

— Звучит мило.

Я тихонечко встаю возле Саши, она через несколько минут заканчивает со своей перепиской, и затем выходит Роберт с маленьким пакетиком и одним из тех пластиковых футляров для костюмов, перекинутый через его плечо.

— О, её высочество Наоми Кэмпбелл, наконец, решила почтить нас своим присутствием, — острит Саша.

— Забавно, — невозмутимо говорит Роберт.

Когда мы возвращаемся на парковку, Роберт кидает ключи Саше.

— Садитесь и подождите меня. Я кое-что забыл. Буду через пять минут.

Саша пожимает плечами.

— Ладно, но если ты задержишься, я уеду домой с Ланой, а ты поедешь на такси.

Роберт кивает и убегает по своим делам. Саша включает радио, а Роберт возвращается точно через пять минут. Он бросает маленький пакет в багажник и плюхается на переднее сидение. Интересно, что всё это значит.

Пока мы едем, кто-то звонит Саше. Это обычное явление, и нет ничего интересного для меня, но её голос не такой, как обычно — низкий и вроде тихий, с небольшой ноткой

волнения.

— Да, да. Послушай, я не могу сейчас говорить, — говорит она. — Позвоню тебе позже, — и заканчивает разговор.

Я ловлю взгляд Роберта в зеркале заднего вида, а он приподнимает бровь. Очевидно, мужчина тоже заметил телефонный звонок. Возможно, это была та девушка, с которой Саша провела ту ночь, сказав, что была с коллегами по работе.

Вернувшись домой, я готовлю обед и иду выбирать какое платье надеть сегодня вечером. Я просматриваю гардероб, но мне ничего не бросается в глаза, и на мгновение задумываюсь, возможно, мне следовало бы что-нибудь купить сегодня, когда у меня был шанс. Но потом я наталкиваюсь на свое чёрное бархатное коктейльное платье. У него короткие рукава и длинная трапецевидная юбка с сердцевидным декольте. Дело в том, что оно обошлось мне более чем в сотню евро в магазине ретро-товаров. Иногда «ретро» подразумевается «дёшево», но всё чаще и чаще это сводится к завышению цен. Приняв душ, я высушиваю феном волосы и накручиваю бигуди, чтобы придать им что-то вроде локонов. Когда я сижу у туалетного столика и наношу увлажняющий крем, в дверь моей спальни раздается лёгкий стук.

— Войдите, — приглашаю я, заканчивая втирать крем.

Входит Роберт, внося маленький бледно-голубой пакетик из магазина.

— Я кое-что принёс тебе, — говорит он, разглядывая полотенце, крепко закреплённое вокруг моей груди.

Уронив пакет на кровать, мужчина садится и закидывает ногу на ногу.

— Что это? — спрашиваю я, закручивая крышку на своём увлажняющем креме.

— Я хочу, чтобы ты сегодня вечером надела это.

— Я уже выбрала наряд, — говорю я, указывая на платье, висящее на дверце гардероба.

— Мило, но я хочу, чтобы ты надела это под него.

Он берёт пакет и кидает его мне.

Я ловлю его, заглядываю внутрь и нахожу комок кремового кружева. Вытащив его, чтобы лучше рассмотреть, я обнаруживаю бюстгальтер-корсет и соответствующие ему трусики.

— Ты, должно быть, шутишь надо мной, — шепчу я, проводя руками по дорогому материалу.

Я вытаскиваю бирку на бюстгальтере. Она гласит «32С». Мой взгляд устремляется на Роберта.

— Как, черт возьми, ты узнал размер моего бюстгальтера?

Его лицо становится серьёзным.

— Ну, мне очень нравится смотреть на твоё тело.

— И делать фотографии, — добавляю я.

— И делать фотографии, — соглашается он.

Не уверена, хочу ли надеть это, но учитывая, что я позволила ему делать со мной в магазине, было бы лицемерно сказать «нет». Не могу сказать, что сейчас между нами ничего не происходит, ведь это и так очевидно.

— Я подумаю над этим, — говорю я ему, отворачиваясь и вытаскивая кое-что из своей косметички.

Роб встаёт и подходит ко мне, а я наблюдаю за ним в зеркало. Протянув руку, он срывает с меня полотенце одним быстрым движением руки, и оно падает мне на колени,

обнажая мою грудь.

Мужчина вздыхает от удовольствия и хватает меня за талию, поворачивая к себе лицом. Его взгляд подрагивает, рассматривая моё обнажённое тело. Затем, опустившись на колени, он берёт в рот сосок одной груди, а другую обнимает рукой. Лёгкий булькающий крик вырывается из меня от ощущения его кружащего горячего языка и сосущих губ.

Полагаю, это то, что всё время мне было нужно. Кто-то, подобно Роберту, кто действует так быстро, что у меня нет шанса даже забеспокоиться.

— Прикоснись ко мне, Лана, *пожалуйста*, — умоляет он.

— Хм, — говорю я сквозь своё затруднённое дыхание. — Где?

— Где угодно, — призывает он, глядя на меня вверх.

Боже, Роб действительно хорошо выглядит с этого ракурса.

Я провожу руками по его плечам, шее и по подстриженным концам волос. Он стонет и резко отстраняется.

Меня трясёт от того, что я потеряла его.

— Чёрт, — сквернословит он. — Если не уйду сейчас, я буду здесь всю ночь.

Я сдерживаю свою ухмылку, пытаюсь сохранить серьёзный вид.

— Тогда лучше иди.

Роб посылает мне последний жалостливый взгляд и выскальзывает за дверь. Я разворачиваюсь, ошеломлённая тем, что только что произошло, и как я превратилась в похотливое месиво, когда мужчина взял руководство в свои руки.

Я быстро делаю макияж и снимаю бигуди. Перед тем, как надеть платье, я долго думаю, стоит ли надевать нижнее бельё, которое Роб купил мне. Господи, почему он поступает так чертовски сексуально? Проводя пальцами по кружеву, я думаю о том, представлял ли он меня в нем, когда покупал его. Оно немного напоминает мне то белое кружево, в котором я была в саду, когда мужчина заглядывал под мою юбку. Хм, так вот, почему он купил его?

Чувствуя себя сумасбродной и отчасти сексуально воодушевлённой, я натягиваю трусики и застёгиваю бюстгальтер. Он кончается на пару дюймов ниже моих рёбер, выставляя грудь вперёд. Ну, ну, ну! Я заканчиваю, застегивая молнию на платье, и вытаскиваю из гардероба чёрные босоножки.

— Лана, ты готова? — кричит Саша из своей комнаты. — Лимузин только что приехал.

— Да, скоро буду, — отвечаю я, запихивая некоторые предметы первой необходимости в свой клатч.

Я застаю Роберта, который ожидает у подножия лестницы в чёрном-на чёрное-на чёрном ансамбле. Саша права, это делает его похожим на дьявола — в самом привлекательном смысле. Неожиданно я понимаю, что мы соответствуем друг другу.

Он злобно улыбается, увидев меня, и берёт мою руку в свою, разворачивает её и нежно целует внутреннюю сторону моего запястья.

— Ты надела их? — шепчет он.

— Затрудняешься сам ответить, — кокетливо шепчу я.

Роб ухмыляется сдержанно, но одобряюще.

— Это платье потрясающе подчеркивает цвет твоих волос, — замечает он как раз тогда, когда Саша выходит из своей комнаты и спускается вниз.

На ней надето серебристое атласное платье, которое она купила сегодня, с соответствующими балетками, а её короткие волосы уложены и заколоты на бок.

— Ух, ты, Саша, ты похожа на модель на подиуме, — восклицаю я.

— Да, Саш, ты выглядишь презентабельно. Кто бы мог подумать, — говорит Роберт.

— О, заткнитесь вы оба, — нервно отвечает она.

Саша притворно хлопает Роберта по голове своей сумочкой, проходя мимо нас к двери. Роберт предлагает мне свою руку, но я игнорирую и следую за Сашей. Я не готова к тому, чтобы она узнала, что происходит сейчас. Этому требуется время и пустая комната, где она может накричать на меня, что я — идиотка и доверилась её брату.

Мы садимся в чёрный лимузин, и водитель отъезжает от дома. Роберт сидит рядом со мной, а Саша сидит с другой стороны и открывает бар с напитками. Их отец и его подружка Мелани поедут с нами, поэтому мы направляемся в его дом на Хэмпстед-Хит.

— Ты не забыла часы? — спрашивает Сашу Роберт, справляясь о подарке, который они купили отцу.

Я ничего ему не купила, потому что в действительности нет ничего, что могу себе позволить из того, чего хотел бы Алан Филипс. Саша говорит, что он даже и не заметит, если я так или иначе куплю ему совершенно новенький «Феррари», ведь он такой пресыщенный.

Я смотрю в тонированные окна, когда мы подъезжаем к дому во всей его царственной григорианской красе. Странно думать, что это то место, где подрастали Саша с Робертом и проводили свои летние каникулы. Водитель выходит и стучит в дверь. Спустя пару минут появляются Алан и Мелани.

— А, мои дети, как дела в этот прекрасный вечер? — весело спрашивает Алан, усаживаясь с Мелани в салон автомобиля.

Судя по всему, их у него уже было несколько.

На Мелани надето золотое платье, о котором она заявила, что оно создано Вивьен Вествуд, хотя никто и не спрашивал, а её карамельные волосы уложены в замысловатым стиле.

— Оно очень милое, — говорю я ей, ссылаясь на платье, так как она явно хотела услышать комплимент, но ни Роберт, ни Саша, ни говорят об этом.

Девушка явно отмечает это в своём уме (и, кстати, она пожирает глазами Роберта, думаю, хочет, чтобы это были эдиповы отношения). Тьфу!

— Спасибо, — с улыбкой отвечает она. — Прости, я не вполне расслышала твоё имя.

— Это Лана, — перебивает Роберт, на мгновение, положив руку мне на плечо.

— О, ну, спасибо тебе, Лана.

— Саша, ты отлично выглядишь, — говорит Алан. — Тебе следует чаще изысканно одеваться.

Саша кривится, протягивая отцу подарок ко дню рождения.

— С днем рождения, папа. Это от меня и Роберта, — говорит она, наклоняясь быстро поцеловать его в щёку.

Он берёт маленький пакетик и убирает его в сторону.

— О, прекрасно. Я попрошу Генри положить его с остальными подарками, когда мы приедем в отель, — он переводит взгляд на Роберта. — Теперь, сын, я слышал по «сарафанному радио», что ты выехал из пентхауса. Почему ты не сказал мне?

Роберт слегка напрягается.

— Да, и кто это «сарафанное радио»?

— Это была Элеонора Уоллес, если ты хочешь знать подробности.

— Маме Кары нужно научиться держать язык за зубами, — говорит Роберт себе под

нос.

— Что это было?

— Ничего. Да, я съехал. Кара и я расстались.

Алан начинает смеяться, покачивая головой.

— Она сделала тебя, приятель. Эта Кара — хитрая бестия. Я бы за ухо вывел её оттуда, прежде чем она вонзила свои когти в это место. А вместо этого ты сбежал, поджав хвост между ног, и позволил ей остаться там.

Роберт посылает отцу раздражённый взгляд.

— Это была аренда, и я отдал ей квартиру, которую не покупал, папа. Кроме того, мне всё равно надоело жить там.

— Конечно, это так, — с довольным видом говорит Алан. — Женщины будут пытаться вытянуть из тебя всё, сын. Теперь ты должен быть мудрее, или через десять лет окажешься в разводе и отдашь половину своего состояния какой-то старой суке, которую обрюхатил, и она вылезет из кожи вон, чтобы убедить тебя жениться на ней.

— Господи Иисусе, о ком именно мы сейчас говорим? — спрашивает Роберт. — Потому что это звучит так, будто это снова одна из твоих горьких тирад про маму.

— Он всегда раздражается тирадами про маму, когда пьян, — тихим шепотом объясняет мне Саша.

Мой рот образует круглое «о». Я столько раз была свидетелем, как Алан нежно отзывался о Лиз в прошлом.

— Кстати, об этой старой карге, — говорит Алан заплетающимся языком. — Вы знаете, что я пригласил её на свою вечеринку, а она сказала «нет»? Она считает, что чертовски лучше меня, живя там, в своём причудливом маленьком коттедже. Ха! Не смешите меня.

— Алан, дорогой, давай поговорим о чём-нибудь другом, ладно? — говорит Мелани, обвивая рукой его за плечи.

Он отвлекается на её декольте, и Саша с отвращением закатывает глаза. Я поворачиваюсь к Роберту, а тот пристально смотрит в окно, затем опускает на меня взгляд и потирает большим пальцем моё запястье. На миг я закрываю глаза и убираю свою руку. Он растерянно смотрит на меня, но не пытается коснуться снова.

Когда мы подъезжаем к Дорчестеру, снаружи я обнаруживаю папарацци, видимо, будут знаменитости. Мы выходим из лимузина, и щёлкают вспышки камер, но в основном, им интереснее снимать Алана и Мелани. Саша цепляет меня за руку, а секундой позже Роберт берёт меня за другую руку.

— Видишь иронию? — спрашивает Сашу Роберт, показывая, как вспышивают камеры. — Ты — папарацци, которого фотографируют папарацци.

Смеясь, она качает головой.

— Да, это странный старый мир, братишка.

Мы пробираемся внутрь зала, где появление Алана сразу же встречают громкими восклицаниями, возгласами и криками: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!»

Место разукрашено в пух и прах. Люстры, свисающие с потолка, и зеркала на стенах, дающие иллюзию ещё большего пространства. В комнате есть танцпол, столы и стулья на периферии. Во главе комнаты установлена сцена, и мне приходится присмотреться повнимательнее, чтобы увидеть группу.

— Мои глаза обманывают меня или это «Дюран Дюран»? — в изумлении спрашиваю я Сашу.

Она смеётся.

— Он заставляет их играть каждый год. Они его любимчики, ведь восьмидесятые были временем его расцвета.

Я хихикаю.

— Ладно, сейчас я просто представляю себе твоего отца с белокурым «гвоздём» программы и прической «рыбий хвост»

— По-моему, однажды я видел его снимок в белом пиджаке, — шутливо вставляет Роберт. — О, а «Шпандау Балет» будет позже.

Я разеваю на него рот.

— Ты серьёзно?

— Да. Ты никогда не захочешь снова слушать другого клавишника, прежде чем закончится эта ночь, — шутит он.

— Я не знаю. Мне в какой-то степени нравится Мартин Кемп, — смущённо признаюсь я.

— Мне нравится песня «Золото». Она заставляет меня чувствовать себя несокрушимой, — добавляет Саша.

У меня с Робертом занимает секунду, чтобы понять это, и когда до нас доходит, мы одновременно качаем головами с её сдержанной усмешкой.

— Пожалуйста, скажи, что ты пошутила о том, что тебе нравится Мартин Кемп, — говорит Роберт, возвращая своё внимание ко мне.

— Нет. Он очень хорошо сохранился для своих лет. О, и говоря о Кемпах, по-моему, я только что заметила Росса.

Саша стонет.

— Это не Росс Кемп, это чёртов Джимми.

— Тот, который хочет встречаться с тобой? — спрашиваю я.

— К сожалению, да. Ну, давайте пойдём и сядем, пока он не заметил меня.

Мы присоединяемся к Алану и Мелани за большим круглым столом, полным причудливо одетых людей, которых я раньше никогда не встречала. Подходит официант и вручает нам бокалы с шампанским. Знаю, мой предел — два бокала, поэтому я медленно смакую его и беру несколько закусок, полезных для здоровья. Саймон Ле Бон вставляет: «Голодный, как волк», и толпа, как полоумная, аплодирует.

— Ладно, — говорю я, откусывая вкусный крекер со сливочным сыром и копчёным лососем. — Уверена, что смотрю на одну из «Блудниц».

— О, на которую? — спрашивает Саша. — Мне очень нравится Кэрол МакГиффин. Она заводит меня.

— Не знаю. По-моему, это та с парнем, который вдвое моложе её.

— Не совсем точное определение этому, — смеется Роберт.

— Ладно, тогда та, которая немного ненормальная.

— Это тоже не совсем точное определение, — продолжает он.

— Ох, я сдаюсь, — говорю я, засмеявшись.

Неожиданно Алистер останавливается возле нашего стола с пожилой парой, полагаю, это его родители. Они идут поздравить Алана с днём рождения, оставляя Алистера с нами, и тот опускается на колени возле Саши.

— Так, ещё час другой, и потом направляемся ко мне. Я оставил Джейкоба и Сандру всё приготовить, — говорит он Саше.

Она кивает и откусывает кусочек от крошечного сэндвича.

— Мне кажется — это хорошо. Отец уже пьян. Ещё час, и он не заметит, живы мы или нет, и не обратит внимание, здесь ли мы.

— Мы должны уйти так рано? — встречаю я, не в состоянии представить, что у Алистера может быть ещё веселее, чем здесь. — Я очень хочу увидеть представление «Шпандау Балета».

Алистер взрывается от смеха.

— Я так понимаю, вы впервые у Алана на вечеринке? — говорит он. — Потому что если бы вы бывали на них, то больше бы не захотели слушать мелодии восьмидесятых.

— Я уже предупредил её о клавишных, — вставляет Роберт.

— Ладно, ладно, — соглашаюсь я. — Полагаю, увидеть «Дюран Дюран» будет достаточно для восхищения.

Алистер усмехается мне и тянет Сашу танцевать. Звучит «Девушки на видео», и Алан вылезает со своего места, заявляя, что это «его песня».

Роберт роняет голову себе на руки.

— Ты побагровел, — говорю я, с удивлением подталкивая его в плечо.

— Отец ужасен, когда пьёт, — он делает паузу, когда Алан начинает повторять слова песни. Мужчины и женщины вокруг него тоже подпевают их. — Как ты сама можешь увидеть.

— Это его день рождения. Нам всем можно сконфузиться в свой день рождения.

— Допускаю.

Повернувшись, Роб садится ко мне лицом, опирается локтем на стол и проводит пальцами по краю моего платья там, где начинается декольте. Видна моя кожа, но не так сильно, как у женщин, которых я видела здесь. Его взгляд темнеет от желания, а рот слегка приоткрывается.

— Угадай, о чём я думаю? — говорит он низким голосом.

— Сколько времени пройдёт, пока твоего отца хватит сердечный приступ от таких танцев, — отвечаю я, указывая на Алана, отплясывающего танцевальные па возле сцены.

Роб кривит губами.

— Нет. Что меня занимает больше всего, так это опьянило ли тебя шампанское настолько, чтобы заманить тебя в отдельную комнату.

Приподняв бровь, я поднимаю свой бокал и показываю, как мало я выпила.

— Я едва ли сделала пять глотков.

— Да, но ты быстро хмелеешь.

— Верно. Хотя я ещё недостаточно захмелела.

— Тогда потанцуешь со мной? — спрашивает он, и берёт меня за руку.

— Хорошо, — отвечаю я, позволяя ему вывести меня на танцпол.

Группа играет «Обычный Мир», а Роберт кружит меня, притягивая к себе для медленного танца, подносит губы к моему уху и шепчет:

— У тебя самые мягкие груди, которых я когда-либо касался.

Я кашляю, глядя на него широко раскрытыми глазами. Роб гладит меня руками по изгибу позвоночника, останавливаясь на бёдрах, и перемещает моё тело из стороны в сторону, как танцуют люди вокруг нас. Я ловлю взгляд Сашы с того места, где она дурачится с Алистером, делая смешные танцевальные движения. Она видит меня, танцующей с Робертом, и произносит губами: «Что за чёрт?»

Я пожимаю плечами, и она пожимает плечами в ответ. Мы одновременно смеёмся и возвращаем внимание нашим партнерам по танцам.

— Великолепно, это всё, что мне нужно, — бормочет Роберт, уставившись на что-то через моё плечо.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Кара только что вошла с Гари и её родителями, — отвечает он, прикасаясь носом к моему виску, но мне нравится это ощущение.

— О! Ну, я сомневаюсь, что она причинит тебе беспокойство. Ты же убрал ту её фотографию, верно?

— Да, убрал, но только потому, что ты попросила меня. Я также удалил те кадры с тобой на пляже, — продолжает он.

— Это хорошо, — спокойно киваю я.

— К счастью, ты никогда не просила, чтобы полностью удалить их, поэтому я спокойно могу смотреть на своём компьютере, — нагло говорит он мне.

— Твой отец и её родители хорошие друзья? — говорю я, меняя тему.

— Да. Наши отцы вместе ходили в колледж. Друзья — не разлей вода. Не возражаешь, если я разверну тебя так, чтобы мне не пришлось смотреть на неё? Она зло смотрит на меня через зал.

— Конечно, действуй.

Роб ловко разворачивает меня, легонько передвигая рукой к моей попке. Я не подозревала всё это, потому что сейчас я вижу Кару. К счастью, она не злится на меня, как на Роберта. Это единственное, за что я отдаю ей должное. Девушка не относится к тому типу, презирающих всех женщин, кто становится ближе к её бывшему после расставания.

— По-моему, у неё всё ещё есть чувства к тебе, — шепчу я Роберту.

— О, да, почему это?

— Потому что люди ведут себя злобно и раздражённо, только когда они питают к кому-либо интерес.

— Единственное, к чему она питает интерес — это её раненная гордыня. Она ожидает, что я попытаюсь отбить её у Гари, хотя насколько понимаю, у него могут быть и она, и её высокомерные родители. Кроме того, теперь я делаю это с тобой...

Роб замолкает с напряжённым взглядом, поглаживая своей ладонью мою попку. Я лишь надеюсь, что Саша не видит этого.

— И что это ты со мной делаешь? — с любопытством спрашиваю я.

— Ну, прямо сейчас мне хочется вытащить тебя из этого платья и прикоснуться к тебе губами, — шепчет он мне на ухо, вызывая дрожь своим дыханием, которое пробегает по моей шее.

— И как успехи? — мой голос дрожит.

Роб отодвигается и искоса изучает меня.

— Трудно сказать. Я бы сказал, шансы узнать надела ли ты то нижнее бельё, которое я купил тебе накануне вечером, пятьдесят на пятьдесят.

Его слова заставляют моё сердце биться быстрее.

— Ладно, я избавлю тебя от беспокойства и скажу тебе, да, я надела его, — шепчу я.

На его красивых губах медленно появляется улыбка, и Роб ближе притягивает меня, издавая довольный вздох, и придерживает меня так крепко, как только может.

— Я чертовски рад услышать это, — вздыхает он.

Песня подходит к концу, и кто-то вырубает свет, когда несколько официантов начинают выкатывать огромный четырёхъярусный торт. Звучат узнаваемые ноты «С днем рождения тебя», и Алан одаривает всех скромной улыбкой, готовясь задуть свечи, сформировавшие число «50».

Роберт тянет меня с танцпола подальше в темноту. Он кладёт руку на мою щёку и наклоняется, чтобы быстро и крепко поцеловать в губы. Когда мужчина настойчиво проникает языком в мой рот, кажется, что его руки сразу везде. Затем все кричат: «Гип-гип-ура!», и свет включается. Роб отходит от меня, намереваясь похлопать отца по плечу и поздравить его с днём рождения.

Подойдя к столу, я сажусь, всё ещё ошеломлённая шквалом эмоций и его потребностью поцеловать меня. Я хочу ещё один бокал шампанского, чтобы успокоить свои нервы, но мне действительно придётся подождать, пока мы не доберёмся до Алистера. Рядом со мной скрипит стул, я поворачиваюсь, обнаруживая Сашу, плюхнувшуюся на него.

Она выпивает половину бокала, устремляя взгляд на меня, и кажется задумчивой.

— Итак, — небрежно начинает она, — что это танцую, вы делали с Робертом?

Я кривлю губами и беру маленькое забавное пирожное, лишь бы что-то делать.

— Он попросил меня.

— Мм-хмм. Вы двое выглядели... как очень близкие. Будто вы пара или что-то в этом роде.

Она вопросительно выгибает бровь, глядя на меня.

Я лопаюсь от смеха и качаю головой.

— Это смешно, Саш.

Господи, почему я вру ей? Мне так чертовски неловко за то, что мне нравится Роберт. Признаться в этом Саше равносильно тому, что я тайно слушаю «Одно Направление» или что-то подобное.

Она хмурится, глядя на меня, и её взгляд кажется печальным.

— Знаю, у Роба есть своё очарование, Лана. Проблема в том, что он знает это, и то, как использовать его, — подруга делает паузу, издавая мучительный вздох. — Чёрт, — бормочет она. — Я люблю этого парня, ведь он — мой брат, но я видела, как он превращает холодных чёрствых сук в сломленных женщин. Ты не холодная и не чёрствая, и если Роб когда-нибудь попытается сломать тебя, не думаю, что смогла бы простить его, потому что я люблю тебя так же сильно, как и его. Я не слепая. Я заметила, что ты потеплела к нему на прошлой неделе. А ещё страшнее то, что Роберт *всё* время смотрит на тебя так, будто хочет зацеловать твоё лицо. Пожалуйста, скажи мне, что всё это мерещится.

Я стаскиваю кусочек теста и кладу его себе в рот.

— Ладно, тебе это не мерещится, — почти шёпотом отвечаю я.

— Повтори, — просит Саша, выпрямляясь на стуле.

— Тебе это не мерещится, — громче говорю я.

— Ах, чёрт.

Она откидывается на спинку стула.

— Слушай, на самом деле ничего не происходит. У нас было лишь несколько... моментов.

— Разъясни.

— Он поцеловал меня.

— Очень целомудренно с его стороны. Что же случилось с вами, двумя смертельными

врагами?

Всё, что могу сделать — это пожать плечами. Она забирает пирожное из моих рук, пихая его себе в рот.

— Зачем ты это сделала?

— Ты раздражаешь меня своей возней с ним.

— Ладно.

— И так, продолжай. Что ещё он сделал?

Я краснею.

— Тьфу, Саша, не заставляй меня вдаваться в подробности.

У неё округляются глаза.

— У тебя не было с ним секса, не так ли?

— Нет! — восклицаю я. — Ты же знаешь, что я невежественна, когда дело доходит до этого. Я даже не знаю, с чего начать.

Она закатывает глаза.

— Это не ракетостроение.

Я фыркаю.

— Для кого как.

Повернувшись ко мне, подруга заправляет прядь волос мне за ухо и одной рукой опирается на спинку моего стула.

— Я не пытаюсь поучать тебя. Просто я хотела, чтобы для тебя это были весёлые летние каникулы, хотя, возможно, ты думаешь, что отношения с Робертом — это маленькое весёлое развлечение, но предупреждаю тебя, что это не так. Это будет весёлое развлечение, которое закончится большой драмой и жестоким разочарованием. Чёрт, я думала, ты умнее, малыш.

Я хочу ответить ей, но Роберт появляется у стола и занимает место рядом с ней.

Его взгляд перемещаются от меня на сестру.

— Почему вы выглядите так, будто кто-то помочился в ваши кукурузные хлопья?

— Возможно, потому что это сделал ты, — говорит Саша, пристально глядя на него прищуренными глазами.

— Я должен дать тебе знать, что не имею привычку мочиться в кукурузные хлопья. Отвратительное дело.

— Лана рассказала мне, что происходит, — говорит она, игнорируя его шутку.

Роб трезвеет, занимая оборону.

— И это плохо, потому что...

— Перестань, Роб. Не придуривайся. Ты не достаточно хорош для неё.

— Саша, — тихо говорю я, касаясь её руки.

— Нет, Лана, я права. Я не говорю, что ты лучше, чем он. Просто говорю, что он всё ещё спит с кем попало, а это плохо для тебя.

— Чёрт тебя дери, уже несколько недель я ни с кем не был, — выплевывает Роберт, напрягая челюсть.

— Ах, так ты открыл новую страницу?

— Возможно, да.

— А, возможно, и нет.

— А, возможно, и не было никакой страницы.

— Теперь в твоих словах нет никакого смысла.

Роберт встаёт из-за стола.

— Да, нет. Я спал с кем попало, потому что пытался заполнить брешь, ведь я не мог иметь то, что действительно хотел, а то, что всегда хотел, была *она*, — он вскидывает руку в моём направлении. — Но никогда не мог заполучить её, ведь ты постоянно была наготове, как её долбаный телохранитель, — Роберт просто шипит эти последние слова, убегая прочь от стола.

Мы с Сашей остаёмся сидеть, шокированные и потерявшие дар речи.

Глава 12

Моё тело дрожит, когда я прокручиваю в голове последние слова Роберта: «Он всегда хотел меня». Как *всегда-всегда*?

— Наверное, мне нужно поговорить с братом, — говорит Саша, вклиниваясь в мои мысли, и встаёт.

Я наблюдаю, как она выходит. Официант ставит передо мной кусочек именинного торта, но у меня так сводит живот, что я не могу съесть ни кусочка.

— Эй, Лана, куда это умчалась Саша? — спрашивает Алистер, присаживаясь рядом со мной.

— Побеседовать с Робертом, — отвечаю я.

— Понятно, — говорит он, изучая меня своими тёмными глазами. — Так, ты будешь его есть? — он указывает на торт.

— О, нет, бери.

Мужчина забирает тарелку и начинает есть. Я продолжаю оглядываться на дверь, за которой у Роберта и Саши может происходить грандиозный скандал, но не слышу никаких криков. Это хороший знак. Но, возможно, я не могу услышать их из-за музыки.

Господи, я умираю от желания узнать, что же они говорят друг другу.

Должно быть, Алистер замечает моё беспокойство, кладет руку на моё плечо и говорит:

— Близнецы иногда могут быть странными. Лучше оставить их разбираться между собой.

— Да, — вздыхаю я. — Схожу в бар взять апельсинового сока. Ты хочешь чего-нибудь?

— Нет, спасибо.

Я встаю и иду к бару. В конечном итоге, я заказываю белое вино вместо апельсинового сока. Это неподходящий момент, но мне это нужно.

Возвращаясь к столику, я случайно прохожу мимо Кары и той блондинки с пляжа, по моему, Мишель. Я улыбаюсь им и здороваюсь.

Кара протягивает руку, останавливая меня.

— Ты видела Роберта? — спрашивает она, одновременно изучая моё платье.

Возможно, на нем пятно.

— Он и Саша в фойе, — отвечаю я, пытаюсь уйти.

— О. Скажешь ему, что я хочу поговорить?

Я чувствую её отчаяние за наигранным спокойствием. Интересно, о чём это. Возможно, я права, и у неё всё ещё есть чувства к нему.

— Конечно.

— Спасибо, — говорит она, делая глоток своего напитка.

— Увидимся позже. Вы прекрасно выглядите сегодня.

Прежде чем уйти, я киваю Мишель, а затем Каре. Кажется, они удивлены моим

комплиментом.

— Ещё раз спасибо, — кричит Кара мне в след слегка резким голосом.

Вернувшись, я замечаю, что Алистер уже сидит за другим столом и смеётся с группой молодых мужчин и женщин. Потихоньку попивая вино, я жду возвращения Саши и Роберта и почти засыпаю, когда Саша возвращается в зал.

Она садится, и я пробегаю по ней взглядом. На самом деле, она как будто улыбается.

— Ну, что случилось? — спрашиваю я.

— Мы поговорили. Роберт многое объяснил мне и, ну, я решила дать вам обоим своё благословение.

Я морщю нос и цинично смотрю на неё.

— Мы не женимся, Саш.

— О, успокойся, ты знаешь, что я имею в виду.

Она берёт новый бокал шампанского у официанта, который проходит мимо.

— Где Роберт?

— Я здесь, — мягко отвечает его голос сзади.

Роб подхватывает меня на руки и крепко прижимает к себе. Несомненно, он сияет, и у него самая широкая улыбка, которую я когда-либо видела.

— Отпусти меня, ты сумасшедший, — говорю я, смеясь. — Чего это ты такой радостный?

Это совсем не то, что я ожидала. Честно говоря, я думала, что, в конечном итоге, у них будет самая большая ссора, которая когда-либо случалась, и они испортят вечеринку своего отца.

Роб прикасается пальцами к моей щеке, покусывая свою нижнюю губу, и в его глазах светится озорной огонёк, будто мужчина знает какую-то тайну. Наконец, он опускает руки, позволяя мне сесть на своё место, и всё ещё улыбается, как душевнобольной.

— Скажи что-нибудь, а? Ты пугаешь меня.

Смех срывается с его губ, когда Роб спрашивает:

— Что?

— Чего ты улыбаешься?

— Ничего. Я просто думаю, что ты прекрасна.

— Хммм, почему я не верю тебе?

— Ты должна мне поверить, потому что это правда.

Я качаю головой и с минуту смотрю на Сашу, чтобы понять, прольёт ли она свет на этот вопрос.

— Он счастлив, что мы всё обсудили и теперь всё на виду.

— Хорошо, — подозрительно говорю я, поворачиваясь к Роберту. — Я столкнулась с Карой. Она хочет поговорить с тобой.

Его улыбка исчезает, и он трёт рукой по своему рту.

— Да, пусть дальше хочет.

— Я говорила тебе, что у неё остались чувства к тебе. Возможно, она хочет, чтобы ты вернулся.

Саша приподнимает бровь.

— Как я уже сказал, пусть и дальше продолжает хотеть.

Он берёт мою руку и поддвигает стул так, что мы задеваем друг друга.

— Ты слышала то, что я сказал? — спрашивает Роб. — Ты та, кого я хочу, Лана. И так

было всегда.

Он нежно целует меня в щёку, а я застенчиво отстраняюсь от него. Я мельком смотрю на Сашу. Она выглядит так, словно чувствует себя не в своей тарелке. Полагаю, я и Роберт — это явление, к которому надо привыкнуть. Что я говорю? Мне тоже надо к этому привыкнуть.

— Мне нужно в туалет, — говорю я, быстро поднявшись и пытаюсь избежать неловкости, на которую Роберт не обращает внимания.

— Я пойду с тобой, — говорит он, приподнимаясь, но я толкаю его обратно.

— Нет. Я буду через минуту. Ты останешься и выпьешь.

Его взгляд мечется, пытаюсь выяснить, что же случилось со мной. Спустя мгновение он уступает и позволяет уйти. В туалете я стою у раковины и держу руки под струей холодной воды, пытаюсь привести в порядок свои мысли и понять смысл всего происходящего. Это кажется невероятным думать, что теперь Саша знает о нас. Это невероятно, но я влюбляюсь в своего бывшего хулигана.

Да, влюбляюсь.

Это почти невозможно не влюбиться в Роберта, даже когда он ведёт себя как истинный дьявол, не говоря уже о том, когда он нежный и ласковый. Урок на всю жизнь: красота часто заставляет людей игнорировать другие недостатки.

Мне нужно знать, о чём те двое говорили, ведь Роберт ведёт себя... очень странно.

— Ты умрешь от простуды, если будешь и дальше мыть руки, — говорит дежурная по туалету, заметив, как я задумалась.

Я киваю, резко выключаю кран и хватаю несколько бумажных полотенец, чтобы вытереть руки. Когда я выхожу из дамской комнаты, Роберт подпирает стену в ожидании меня. Прижав меня к своей груди, он глубоко вздыхает и пристально смотрит на меня, не говоря ни слова, но выглядит так, будто выиграл в лотерею.

— Перестань вести себя странно, Роб, — тихо говорю я.

— Я не веду себя странно. Я просто счастлив, — отвечает он, утыкаясь носом в мою шею.

— Мммм, — выдыхаю я, на миг закрывая глаза, и сожалею, что мы находимся в середине отеля, набитого людьми.

— Посмотри на себя, такая красивая, когда возбуждена, — хрипло говорит он.

— Я... — я запинаюсь, а его руки сжимают мои бёдра.

— Давай, все теперь направляются к Алистеру.

Он тянет меня за собой на улицу к фасаду здания, где ждут несколько лимузинов. Первый отъезжает от входа, когда Роберт открывает дверь второго и приглашает меня внутрь.

— Мне повезло, — бормочет он, когда замечает в нём Кару вместе с Гарри и Мишель.

Саша тоже здесь, но я не узнаю ни одного другого лица в переполненном автомобиле. Ну, кроме лысого Джимми, который сидит рядом с Сашей, протянув свою руку в нескольких дюймах за её плечом. Она выглядит так, будто убьёт его, если он попытается положить руку на неё. Это напоминает, что нужно как-то уговорить подругу открыться мне и всем, ведь невозможно жить, храня такой секрет, а я не могу позволить своей лучшей подруге причинять себе боль подобным образом.

Здесь только одно свободное место, поэтому Роберт сажает меня к себе на колени. Он водит рукой вверх и вниз по моей спине, когда водитель заводит двигатель. Затем он

переплетает руки с моими и потирает большим пальцем внутреннюю часть моей ладони.

— Ну, это не заняло много времени, — слышу я заявление Кары среди прочей болтовни, очень уж громкое, чтобы мы не услышали её.

Я немного подпрыгиваю, но Роберт сильнее трёт большим пальцем и горячо шепчет:

— Не обращай на неё внимание.

Секунду спустя я слышу бормотание, сопровождаемое её гоготом и Мишель. Я собираюсь повернуться, но неожиданно Роберт начинает целовать меня долго и увлеченно, запустив свой язык внутрь (в слишком сексуальной манере, чтобы мои нервы взбунтовались). Он передвигает руки на мою шею, и они кажутся такими тёплыми и успокаивающими.

Кара отпускает ещё несколько комментариев, но я слишком теряюсь в этом поцелуе, чтобы услышать её.

На секунду я отстраняюсь, чтобы отдышаться, но Роберт притягивает меня снова. Лимузин останавливается и, наконец, Роберт прекращает поцелуй, его дыхание тяжёлое. Мой взгляд немедленно устремляется к Саше, которая кажется разочарованной, тупо разглядывая швы на своём платье. Не могу сказать, это из-за того, что она пытается не обращать внимание на Джимми, или из-за меня и Роберта. Мне нужно улучшить момент, чтобы поговорить с ней, потому что она ведёт себя немного странно, несмотря на заявление, что всё в порядке.

Выйдя из лимузина, я не имею понятия, где мы находимся. Дом Алистера высотой в три этажа окружён кирпичной стеной. На мгновение думаю, это дом его родителей, но затем вспоминаю, как Саша рассказывала мне, что он купил свой собственный дом в прошлом году. Я представляла себе скромный маленький одноэтажный домик, абсолютно ничего подобного этому. Должно быть, в ресторанном бизнесе водятся деньги. Или это, или он взял в ипотеку.

Музыку из дома можно услышать даже в саду, так как двери раскрыты настежь. Толпа людей, находящаяся внутри, возможно, даже не присутствовала на вечеринке Алана в Дорчестере. Возрастная категория намного старше меня, и я не вижу никого, кому за тридцать. На потолке прикреплены дискотечные шары и везде вспыхивают разноцветные огни. Это немного дезориентирует. В просторной гостиной рассредоточены импровизированные подиумы для стриптиза — на данный момент без стриптизёров.

В широком двойном дверном проёме между гостиной и кухней неожиданно появляется Алистер, размахивая кружкой пива. Он выглядит совершенно пьяным. Его длинные каштановые волосы (обычно стянутые в хвост) свободно падают на плечи. Он поднимает кружку и начинает петь песню:

«Когда бокал полон, пей до дна, пей до дна!

Это может быть последний раз, когда мы видим этот кубок.

Если бы Господь хотел, чтобы мы были трезвыми, он бы опрокинул стакан.

Поэтому, пока он полон, мы пьём до дна!»

— Эй, Эл, приятель, по-моему, ты принял слишком много, — говорит Роберт, разглядывая его.

Алистер что-то мямлит Роберту и качает головой.

— Что это за песня? — спрашиваю я. — Я никогда раньше её не слышала.

Алистер покачивается на ногах, морщит лицо, думая об этом.

— Слышал, как какой-то парень с бородой и аккордеоном пел её на концерте, на

который я ездил в прошлом году. Она застряла у меня в голове.

— О, — говорю я, кивая, когда мужчина задевает меня и кричит на свою девушку Сандру, обзывая её мымрой. — Похоже, мой босс сильно пьян, — замечаю я.

Посмеиваясь, Роберт уводит меня на кухню, где есть большой выбор напитков, разбросанных вдоль длинной столешницы. Он наливает мне апельсиновый сок, за что я очень благодарна, и берёт стакан для скотча. Это первый раз, когда Роб перестал касаться меня после того, как мы покинули отель и, наконец, я чувствую, что могу дышать. Его внимание может быть таким всепоглощающим, что иногда кажется, что я под водой, а на мне его руки.

Я пялюсь на безмянные лица, успеваю заметить затылок Саши, когда она проходит через широкий дверной проём кухни, и возвращается в гостиную. Возможно, я ошибаюсь, но, похоже, она избегает меня.

— Ты где? — спрашивает Роберт, протягивая мне мой напиток.

— Да?

— Ты выглядишь, будто находишься за миллион миль отсюда, — объясняет он, придвигаясь ближе, но, не касаясь меня.

— Ну, денёк был ещё тот, — говорю я, делая глоток сладкой терпкой жидкости.

Небольшая волна тошноты овладевает мной. Не то, чтобы у апельсинового сока был неприятный вкус, но, видимо, я сегодня просто много съела и переволновалась. Моё тело больше не может вынести этого.

— Мы не должны оставаться здесь, ты знаешь. Я бы мог отвезти тебя на такси.

Я отмахиваюсь от него.

— Нет, нет. Со мной всё будет в порядке. Я хочу остаться здесь ещё на время.

В это время в гостиной звучит новая песня, и люди начинают ликовать. Роберт берёт мою руку и ведёт меня посмотреть, что же там происходит. Сначала я не могу рассмотреть людей, стоящих передо мной, но поднявшись на цыпочки, замечаю стриптизёров, входящих через другую дверь. Похоже на труппу бурлеска; танцоры и танцовщицы одеты в вычурное нижнее бельё с яркими волосами, татуировками и пирсингом.

Краешком глаза я смотрю на Роберта, стоящего возле меня. Он делает глоток скотча и окидывает комнату весёлым взглядом. Кажется, его не слишком возбуждает перспектива наблюдать шоу стриптизёров.

Играет кавер Мэрилин Мэнсона «Порочная любовь», и стриптизёры встают на подиумы, э, изобретательным способом. Одна девушка с огненно-рыжими волосами хватается за шест, взмахивает ногами и обвивает его, обнажая свою заднюю часть к одной половине комнаты. Какой классный ход.

Я замечаю Алистера в передней части комнаты, когда он издаёт оглушающий волчий свист. Его девушка Сандра с усмешкой качает головой. Думаю, она знает, что он просто пытается играть роль дикого и сумасшедшего хозяина.

Это может показаться смешным, но я слишком нервничаю, чтобы заставить себя смотреть на стриптизёров. Не поймите меня неправильно, я хочу, но просто боюсь, что Роберт поймает мой взгляд и будет дразнить меня этим. На долю секунды я позволяю взглянуть на рельефный живот парня с осветленными волосами и фокусируюсь в середине комнаты.

Роберт передвигается позади меня и обнимает за талию, позволяя моему затылку покоиться у него на ключице. Он пробегает рукой по моему бедру и шепчет на ухо, чтобы я

услышала сквозь музыку.

— Жаль, что твои юбки такие длинные, — говорит он низким голосом.

Мне трудно глотать.

Роб перемещает свою руку чуть влево, задевая меня в том месте, которого он так страстно касался сегодня в магазине, и я вся дрожу.

— Что ты думаешь о представлении? — хрипло продолжает он, в его дыхании лёгкий запах скотча.

— Впечатляет... — исхитряюсь я, а он хихикает.

— Что ты чувствуешь?

— Не знаю.

— Да, ты знаешь. Расскажи мне.

Прежде чем ответить, я долго колеблюсь.

— Ну, неудобно, но интересно всё и сразу.

— Интересно, ладно, давай рассмотрим это. Почему тебе интересно?

Дрожь пробегает по телу.

— Потому что они привлекательные полуобнаженные люди? — пишу я.

— Это просто так или тебе любопытно, чтобы они показали побольше наготы?

— Роберт, нет, — умоляю я, вздымая мою грудь.

— Когда ты наблюдаешь за ними, ты чувствуешь это здесь, Лана? — спрашивает он, мурлыча моё имя и прижимая свою руку между моих бёдер.

Комната слишком забита людьми, чтобы кто-то заметил, что он делает, но, честно говоря, думаю, что им всё равно. Я видела одну пару, вернувшуюся на кухню, которая была на полпути к оральному сексу, когда мы брали наши напитки.

Он двигает своими пальцами, и я тихо вздыхаю.

— Да, — шепчу я, поворачивая лицо, и приподнимаю губы ближе к его

Вздохнув, Роб неожиданно отпускает, разворачивает и практически тащит меня из комнаты в коридор и вверх по лестнице.

— Не думаю, что нам можно сюда, — протестую я, когда мы добираемся до лестничной площадки.

— Нам можно. Алистер не будет возражать, — говорит он, открыв дверь спальни.

Я мельком вижу обнажённые конечности перед тем, как он закрывает её.

— Кажется, эта занята, — ухмыляясь, продолжает мужчина.

Мы проходим через две занятые комнаты и, наконец, обнаруживаем пустую. Закрыв дверь, Роберт запирает её, притягивает меня к себе и кладёт мои руки к себе на плечи, а затем наклоняется, чтобы нежно снять мои каблуки. Он швыряет их в угол, но как же хорошо их снять, и я шевелю пальцами ног.

— Мило, — бормочет он, наблюдая за моими ногами.

Отвернувшись, я разглядываю комнату.

Роб избавляется от пиджака и кладёт его на кресло возле кровати. Он подходит ко мне, и я вижу намерения в его потемневших глазах.

— Что мы тут делаем?

— Перерыв, — невнятно отвечает он.

Роб пытается дотянуться до меня рукой, но я отодвигаюсь и присаживаюсь на край кровати. Он улыбается мне в ответ во все тридцать два зуба и, кажется, будто на меня охотятся. Присев рядом со мной, мужчина проводит рукой по платью вдоль моей спины и

играет с застёжкой-молнией.

— Хммм, давай избавим тебя от этой неприятной вещи, — негромко говорит он, наполовину опуская её.

Я тут же подсакиваю и отстраняюсь от него. Моё сердце *грохочет*, наполняя уши неумолкающим биением. В голове я отчётливо слышу голос матери, предупреждающий меня об опасности находиться наедине с мужчиной. Я уже нарушила два правила: «*Никогда не позволяй мужчине делать для тебя напиток*» и «*Никогда не заходи в пустую комнату с ним*». Уверена, что «*Не позволяй ему запирать дверь на ключ*» было бы ещё одним предостережением.

— Я бы не прочь отправиться на такси домой, — намекаю я, направляясь к двери и даже не потрудившись опять надеть свои туфли.

Через долю секунды Роб разворачивает меня к себе и прижимается своим телом к моему. Он ласкает мои губы, заставляя их раскрыться, и я сразу же сдаюсь. Всё, что я могу сделать — это не расплавится на пол, когда мужчина хватает мою руку и заталкивает её под свою чёрную рубашку. У меня дрожат пальцы, когда я скольжу по его твёрдому прессу и гладкой коже. Просто он такой красивый. Невозможно сопротивляться.

Роб разрывает поцелуй, чтобы ослабить галстук и стянуть его, а затем даёт мне указание:

— Расстегни мою рубашку, Лана.

Сейчас у меня ещё больше дрожат пальцы, но я умудряюсь сделать это, покусывая губу. Расстегнув рубашку, я в ожидании смотрю на него и не знаю, что делать дальше. К счастью, он быстро стягивает её и до конца расстёгивает молнию моего платья. Верхняя половина падает мне на талию, и его взгляд загорается, увидев на мне бюстгальтер-корсет.

Роб наклоняет голову и проводит костяшками пальцев по моей груди.

— Возможно, в будущем ты получишь от меня много нового нижнего белья. Это безумие, как сильно ты мне нравишься в этом.

Я вздрагиваю и покрываюсь гусиной кожей в тот момент, когда он наклоняется, чтобы спустить с меня платье. Я даже не пытаюсь сопротивляться и, честно говоря, не желаю этого. К чему бы это не привело, мне хочется испытать всё. Я пытаюсь заблокировать все страхи и сомнения в голове, утопить голос матери в звуке тяжёлого дыхания Роберта и просто почувствовать это.

Затем Роб встаёт на колени и проводит кончиками пальцев вдоль края моих трусиков. Удивляюсь, как я не взрываюсь, когда он прижимает лицо к моему бугорку и водит носом по кружевной ткани. Я нервно хихикаю от ощущений. Но чуть позже вскрикиваю от движения его носа и рта, которые сильно прижимаются и рассыпают искры по всему моему телу. Неожиданно мужчина встаёт, швыряет меня на кровать, заползает ко мне между ног и возобновляет движения носом. А я всё это время пристально наблюдаю за ним, замерев от удовольствия.

Роб немного отодвигает ткань в сторону, обнажая кожу под ней, и я издаю шипящий вздох, заставляя себя не испортить этот момент молчанием. Он смотрит на меня жарким и раскалённым взглядом.

— Кто-нибудь прежде ласкал тебя там, Лана? — с любопытством спрашивает он.

Я несколько раз моргаю, не зная, как ответить. В конце концов, просто качаю головой.

— Чёрт, — чертыхается он с напряжённым выражением на лице. — Это то, на что я надеялся. Обещаю, тебе понравится.

И снова я только киваю головой.

Приподняв мои бёдра, Роб стягивает нижнее бельё и утыкается головой между моих ног, а его язык облизывает и посасывает мою обнажённую плоть. Я издаю стон, даже и не знала, что способна на такое. Он лукаво улыбается мне и резко проводит языком по моему клитору.

— Боже, — издаю я долгий вздох.

— Вот именно, — призывает Роб меня. — Перестань сдерживаться. Просто чувствуй, что мой язык делает с тобой.

Мои руки дрожат, когда я крепко сжимаю простыни на кровати и напрягаю ноги. Роберт медленно водит языком вдоль моих складок туда-сюда, но замечает каждую мою реакцию. Он похож на всевозможный тяжкий земной грех. Ощущение, которое мужчина заставляет меня испытывать, ничто в сравнении с тем, что я испытывала раньше. Моя голова окутана туманом, и я откидываю её на подушки.

— Пожалуйста, — вздыхаю я, когда покалывающее удовольствие усиливается, и он начинает быстрее вращать своим языком.

Роб поднимается и берёт меня за подбородок.

— Не отводи взгляд, — и мой взгляд остаётся прикованным к нему.

Не помню, как прикасалась к его волосам, но должно быть, я делала это, потому что сейчас они все были взъерошены. Одна прядь красиво свисает ему на лоб.

— О, Боже, Роберт, — охаю я, почти разрывая простыни, так крепко сжимаю их. — О, Боже, о, Боже, о, Боже. Блин, Роберт.

Мои бёдра по обе стороны его головы крепко сжимаются, когда оргазм взмывает, как ракета через моё тело. Роб продолжает посасывать, пока волны оргазма не затихают, и я снова опускаюсь на мягкий матрас, а моё тело как удовлетворённая размазня.

Его губы измазаны моей влагой, и он нетерпеливо улыбается мне. Я хватаю Роба за плечи и притягиваю к себе, чтобы крепко прижаться к его груди.

— Говоря серьёзно, у меня нет слов, — изрекаю я в его тёплую кожу.

Роб смеётся, обнимая меня.

— Нет слов — хороший знак.

Я передвигаю лицо на его шею. Мне это очень нравится. Как будто я неосознанно составляла план все эти последние несколько недель. Его тело — это совокупность предначертаний, каждая со своей формой комфорта и удовольствия.

Я ощущаю эрекцию, прижимающуюся ко мне через брюки, и мной овладевает любопытство. Я нежно касаюсь её своими пальцами. Роб стонет и тяжело дышит мне в плечо.

— Я точно не уверена... что делать, э..., — медлю я, не зная, как продолжить.

— Всё в порядке. Я знаю, — говорит он, поглаживая мою поясницу.

— Нет, ты не знаешь...

Роб заглушает меня, закрыв одной рукой мой рот.

Его взгляд встречается с моим, и он говорит:

— Лана, я знаю, что ты всё ещё девственница.

— Что?

Это слово срывается с моих губ больше, как вздох, чем звук.

— Это всплыло раньше, когда мы беседовали с Сашей, — объясняет он. — Ты думаешь, почему я вернулся на вечеринку, выходя довольным, как придурок?

При этих словах я сажусь, освободившись от его объятий.

— Саша рассказала тебе? — шепчу я.

— Да. Она хотела, чтобы я понял, что ты не похожа на всех тех женщин, с которыми я был. Хотя я уже знал это. Конечно, я не знал, что ты — девственница. Я так же не думал, что ты — опытная женщина, но я просто... ну, я действительно не знаю, что я думал.

— Не могу поверить, что Саша рассказала тебе, — говорю я, мой голос тих, но полон боли.

Знаю, это не самый худший секрет в мире, чтобы желать сохранить его в тайне, но он был мой, и она не должна была ему говорить. Никогда не думала, что Саша сделает это. В прошлом она всегда хранила мои секреты.

— Эй, перестань быть такой пугливой, — говорит Роберт, обхватив меня за плечи в попытке успокоить. — Не нужно так смущаться. Я сказал тебе сегодня вечером, что всегда хотел тебя, и быть девственницей — неплохо. В сущности, — он останавливается, и в его взгляде блестит озорной огонёк, — это причиняет мне трудности.

— Ну, я сконфужена, Роберт, — протестую я, не обращая внимания на последнюю часть его фразы. — Так же я расстроена из-за Саши.

— Почему бы мне не рассказать что-нибудь постыдное о себе, тогда мы могли быть на равных?

Я искоса бросаю на него взгляд, обдумывая это.

— Ладно, валяй.

Роб почёсывает подбородок с задумчивым выражением лица.

— Хорошо, как насчёт этого? Я всё время думал о тебе, когда мастурбировал, будучи подростком.

У меня падает челюсть, и я округляю глаза.

— Роберт! Ты должен обязательно об этом рассказывать? Это смущает меня больше, чем тебя, и ты чертовски знаешь это.

Роб хихикает.

— Ладно, возможно, я знаю. Оно всё ещё стоит того, чтобы рассказать тебе, и увидеть тот милый румянец на щеках. Кроме того, я не понимаю, как ты можешь смущаться передо мной, учитывая, что пять минут назад мой язык был в твоей вагине.

Я закрываю руками глаза.

— Ты — дьявол, — бормочу я.

Роб переползает и обхватывает руками мою голову.

— Поэтому я тебе так сильно нравлюсь, — констатирует он, и его голос звучит ниже. — И так же поэтому ты становишься такой влажной для меня. Я очень долго хотел попробовать тебя на вкус.

— Мне нужно найти Сашу и поговорить с ней, — изрекаю я, и, кажется, он недоволен, что мне не доставляет удовольствия его непристойный разговор.

— Подожди до завтра. Возможно, сейчас она слишком пьяна для беседы.

Роб пододвигается и лениво целует ложбинку на моей шее, нежно покусывая зубами. Я не ожидаю почувствовать это по всей длине моего позвоночника, но чувствую.

— Возможно, она не пьяна, — говорю я, отодвигаясь в сторону и пытаюсь определить, куда он швырнул мои трусики, и нахожу их под кроватью. — Пойду и проверю.

Натянув трусики и платье, я оборачиваюсь и вижу Роберта, растянувшегося на кровати без рубашки и похожего на ленивого тигра. У него прикрыты глаза, а губы изогнуты в

ухмылке.

— Ты знаешь, тебе не нужно убегать от меня, — говорит он, с жадностью рассматривая моё тело.

— Я не убегаяю. Сразу же вернусь, если не смогу найти её.

Выражение его лица оживляется от удивления.

— О, тогда следует ли мне ждать здесь, как послушная маленькая игрушка для плотских утех? Я понял тебя, Лана Суини. Ты — тот тип девушек, которые «любят и бросают». У меня такое чувство, что меня используют.

Я поднимаю подушку, пока надеваю туфли, и бросаю ему в голову.

— Заткнись.

— Оскорбление! — шутливо кричит он мне в след, и я покидаю комнату.

Я спускаюсь вниз, но Сашу нигде не видно. Наконец, я замечаю Алистера и спрашиваю его: «Не видел ли он её?» Тот отвечает: «Она поднялась на второй этаж играть в покер». Я киваю и иду в том направлении, но там, кажется, пусто. В конце концов, я слышу движение в комнате в конце длинного коридора, поэтому иду проверить. Открыв дверь, у меня округляются глаза от шока, потому что я, несомненно, не вижу игру в покер.

Это какой-то кабинет, и много папок скинуто со стола. Рыжеволосая стриптизёрша лежит на поверхности стола, пока Саша растягивается на ней в одном нижнем белье. Она запускает руку в трусики стриптизёрши, а рот подруги на её соске. При звуке моего появления она поднимает голову и застывает от удивления в долгом молчании, пока мы просто пялимся друг на друга, будто чужие.

— Простите, — бормочу я, захлопываю дверь и устремляюсь вниз по лестнице.

Интерлюдия 3

Роберт.

Март 2005

Шесть месяцев я не разговаривал с Ланной с того самого последнего Хэллоуина, когда сильно напился и поцеловал её на лестнице. Тот поцелуй был бесподобен, и я представлял себе, как это происходит; он казался таким милым, что становилось страшно. Конечно, я сделал так, чтобы в её глазах он показался просто большой шуткой.

Мне не следовало этого делать. Нужно было дать ей понять, что же было на самом деле: это был я, выпускающий на волю сдерживаемое влечение, которое испытывал к ней все эти годы. Таким способом я мог бы прекратить все игры и просто, не знаю, просто любить девушку так, как она заслуживала. Проблема в том, что я не был уверен, способен ли любить девушку, не причиняя ей боли. Мне нравится быть причиной её боли, но я чувствовал себя куском дерьма. Я как наркоман, который делал всё, что угодно за дозу, но когда проходил кайф и наступала тошнота, всё, что оставалось — это боль и разочарование.

Я принял решение не общаться с ней так, чтобы не причинять боль, ведь она не заслуживала быть скрытой целью моей чертовой потребности морочить ей голову.

Мама говорила, что в этом году я ещё больше погрузился в свои мысли, чем когда-либо, но она не имела ни малейшего представления о моей задумчивости.

Это был опыт для силы воли. Казалось, я разрывался внутри на две части. Одна часть меня любила Лану слишком сильно, чтобы взвалить на плечи такого придурка, как я, а другой половине — всё равно, она просто хотела быть рядом с ней, чтобы подпитываться её

эмоциями.

Я делал вид, будто настолько выше её, что Лана даже не заслуживает моего внимания, хотя в действительности, моя жизнь вращалась вокруг неё. Слушал отзвук её голоса из спальни Саши, когда она приходила в гости в наш дом, и жадно ждал, когда мельком увижу, идущую по коридору в школе. Меня безумно заводило быть рядом с ней, но я был вынужден притворяться, будто девушки не существовало.

Иногда я замечал, как она наблюдала за мной, когда я игнорировал её, и это был такой взгляд, который будто разрушал девушку изнутри. Возможно, я просто придумывал, потому что в глубине души мне было нужно, чтобы она страдала так же сильно, как и я. В конце концов, это бы означало, что я не единственный, кто испытывал эту агонию.

За последние два месяца у меня было так много девушек, что я сбился со счёта. Всякий раз, когда новая девушка принимала моё предложение, я молился о том, чтобы она заставила меня забыть мою одержимость Ланой, но этого никогда не происходило. Пустота моего сексуального опыта только подчеркивала её отсутствие.

Опустив глаза, я увидел, что порвал кусок потёртой материи на кресле в гостиной своей матери. Саша и Лана ушли на пляж два часа назад, а я все это время сидел здесь, пытаюсь держать себя в руках и не броситься туда, чтобы увидеть её в воде.

Я подпрыгнул, когда услышал их легкомысленный смех, проникающий через открытое окно. Заглянув через занавески, я увидел, что они, промокшие, возвращались домой. Похоже, в море девушки прыгнули в одежде. Они прошли через садовую калитку, а я бросился по коридору в свою комнату, не желая быть рядом с Ланой в мокрой одежде. Это будет слишком трудно — не перебросить её через плечо и не унести в свою постель.

Ей только пятнадцать, поэтому справедливо предположить, что она всё ещё девственница. Чувствую себя подонком, учитывая, что провожу уйму времени и обдумываю, как изменить этот факт, чтобы быть у неё первым. Но затем в мою голову приходят другие мысли, типа: *«А что, если она уже не девственница?»* В её классе есть невысокий маленький занудный пацан, с которым она всегда зависала, по имени Ронан. То, что я даже знал имя этого неудачника, указывало на глубину моей одержимости. Что, если она позволила Ронану заняться с ней сексом во время летних каникул, когда я жил с отцом? Я почти сломал зуб, сжимая челюсти и просто думая об этом.

Шаги донеслись из коридора, и я услышал, как распахнулась дверь в комнату Саши. Я прижал ухо к стене, подслушивая их.

— Поверить не могу, ты швырнула в меня в воду, Саша! — восклицала Лана. — Я до смерти замерзла. Смотри, как стучат мои зубы от холода.

— Ой, заткнись, в конце концов, тебе было весело. Кроме того, не похоже, что я не прыгнула к тебе, — ответила Саша.

— Есть во что переодеться?

— Да, надень это. Пойду, включу сушилку.

Дверь открылась, но снова не закрылась, когда Саша направилась на кухню. Великолепно, сейчас моя сила воли проверится по-настоящему, так как я знал, что прямо за этой стеной раздевалась Лана, а дверь осталась открытой. Совершенно не задумываясь, я вышел из своей комнаты так беззвучно, как только мог. К счастью, половицы не скрипят, когда я подобрался близко к Сашиной двери и заглянул через щель.

Мое сердце бешено стучало. Лана стояла у Сашиной кровати, стягивая с тела мокрую футболку. На ней лишь простой белый хлопчатобумажный бюстгальтер, но поскольку она

носила его, сейчас это самая сексуальная вещь, которую я когда-либо видел. Около года назад у неё начала формироваться грудь. Излишне говорить, что я был страстным поклонником этой *последовательности* событий. Бюстгальтер тоже мокрый, и, затаив дыхание, я наблюдал, как она расстегивала и снимала его, бросая поверх скинутой футболки.

Я впитывал вид её бледной обнаженной кожи и розовые соски, пока она вытиралась полотенцем. Но слишком быстро Лана натянула через голову одну из Сашиных толстовок с капюшоном. Толстовка слишком велика для неё и почти достигала девушке до колен, поэтому она сняла свои брюки и трусики, а я больше ничего не мог увидеть. Лана быстро залезла в Сашины леггинсы и села за ночной столик расчесать свои волосы.

Я наблюдал так долго, как только мог, но когда услышал, как Саша шла из кухни, молчаливо возвратился в свою комнату, чувствуя себя самым счастливым ублюдком в мире, что увидел всё это и меня не застучали. Сейчас её образ с обнаженной грудью пылал в моем мозгу, и я предполагал, что буду долго мастурбировать, думая об этом.

Входная дверь открылась и закрылась, давая знать, что мама вернулась домой со своей новой работы на почте в соседней деревне.

— Саша! Роберт! — позвала она. — Я принесла домой ужин. Идите и помогите мне накрыть на стол.

— Мама, здесь Лана, — ответила Саша. — Можно она тоже поужинает с нами?

— Конечно, здесь более чем достаточно, — ответила мама, и я услышал, как Лана и Саша направились на кухню.

Замечательно, мне придётся ужинать с Ланной и снова полностью игнорировать её. Не уверен, смогу ли продолжать это после того, что только что увидел. Мне потребовалось несколько минут для того, чтобы привести в порядок свои нервы и покинуть комнату, так как я уже начал задуматься о том, чтобы закрыть девушку в своей комнате и раздеть так, чтобы снова увидеть её с обнажённой грудью.

Они втроем сидели за кухонным столом и ели лазанью, которую продавали в гастрономе возле маминой почты. Мы ели её, по крайней мере, раз в неделю с маминым домашним капустным салатом. Ну, учитывая присутствие Ланы, мне должно было быть не до еды, но как ни странно, я умирал с голоду.

За столом только четыре стула, поэтому я мог взять свою тарелку к себе в комнату или сидеть между Ланой и мамой. Я выбрал первый вариант, поэтому взял еду и повернулся, чтобы уйти. К сожалению, мне не удалось уйти далеко.

— О, нет, так не пойдет, мистер. Садись за стол и ешь со своей семьей. Я едва вижу тебя с тех пор, как начала работать на новом месте.

Вздыхнув, я опустил на стул и практически ощутил тепло тела Ланы рядом с собой, желая впитать каждую его частичку. На миг я изо всех сил зажмурился и, открыв глаза, обнаружил, что мама пристально смотрела на меня с тем вызывающим раздражением материнским беспокойством на лице.

— Что случилось? Тебе плохо? У тебя опять болит голова? — нежно спросила она, протягивая руку, чтобы потрогать мой лоб.

Я отстранился от её прикосновения, потому что она заставляла меня чувствовать себя маленьким ребёнком, а мне не хотелось, чтобы Лана видела меня в такой ситуации.

Каждые несколько недель у меня появлялись сильные мигрени. Видимо, я унаследовал их от отца. Они чертовски ужасны и делают меня ещё более раздражительным, чем обычно.

— Нет. Мигрени нет, мама. Со мной всё в порядке, просто хочу есть.

— Ну, тогда ешь, — сказала она, успокоившись.

Я почувствовал взгляд Ланы при упоминании о мигренях и не смог сдержаться, чтобы быстро не взглянуть на неё краешком глаза. Она покусывала губу, а выражение её лица казалось сочувствующим. Я отвёл взгляд и закинул кусок лазаньи себе в рот, энергично пережевывая.

Кажется, мама была намерена заставить меня сконцентрироваться на разговоре и спросила:

— Как дела с сочинением по английскому, Роб?

Господи, только не это.

— Никак. Я решил оставить его незаконченным, как знак протеста.

— Роберт, — сказала мама уже серьёзно. — Протесты — это не выход. Ты знаешь, что твой учитель не доволен твоими успехами. Он может исключить тебя, если ты будешь продолжать вести себя подобным образом.

— Хорошо. Он бы тогда сделал мне одолжение, — проворчал я.

Мама со стуком положила вилку и нож.

— Не понимаю твою проблему с этим человеком. Он казался очень здравомыслящим, когда я ходила на встречу с ним. И сказал мне, что делает всё, что в его силах, чтобы попытаться помочь тебе, но ты просто продолжаешь артачиться и срываешь занятия.

Учитель, о котором она говорила — мистер Бреннан. По какому-то несчастному случаю, он у меня и по английскому, и по французскому. Казалось, мама не понимала, что этот человек — чертовский лицемер. У меня была теория, что он какой-то скрытый гомосексуалист, который втюрился в меня.

С тех пор, как я пошёл в школу, на уроке он слишком много внимания обращал на меня и постоянно выбирал меня, чтобы ответить на вопросы или обсудить книгу. Год назад учитель попросил меня подождать «разговора», пока все не уйдут. Беседа предполагала организацию частных домашних занятий с ним, поскольку английский — мой самый худший предмет. Я сказал, что мне это неинтересно, и с тех пор он сделал своей целью в жизни трахнуть меня. Имею в виду, обычно обеспокоенный учитель не начал бы личную вендетту после того, как учащийся сказал «нет» на простое предложение частных уроков. Вот, как я понял, что с ним что-то не так.

Или возможно, я параноик.

В любом случае, этот человек просто не внушал мне доверия. И давайте посмотрим правде в глаза, если эмоциональный садист не внушает человеку доверия, тогда возможно, что-то неладно.

Эта вся морока с сочинением началась из-за того, что он хотел «лично осуществлять контроль» за моей работой, поскольку я — «проблемный учащийся» и имел проблемы с построением длинных отрывков сочинения. В ответ я швырнул в него свою тетрадь и сказал, чтобы он катился к черту вместе с этим сочинением.

В результате, я провёл остаток дня у кабинета директора. На следующий день мистер Бреннан вызвал мою мать, и мы заключили соглашение, что меня не будут исключать за нападение на учителя, если я буду хорошо себя вести и закончу сочинение к назначенному сроку.

Нападение, чёрт меня дери.

Тетрадь пролетела мимо его головы и ударилась о край школьной доски.

Мама потёрла складки на лбу, похожая на изображение родителя, дошедшего до точки. Внезапно Лана сказала своим нежным и пытливым голосом:

— А кто у тебя по английскому?

Я так удивлен, что она действительно обратилось ко мне, даже не зная, что и делать. В конце концов, я обрел свой голос.

— Засранец Бреннан.

— Роберт, выбирай выражения, — проворчала мама, снова поднимая свою вилку.

— О, он и у меня тоже, — сказала Лана, сдерживая улыбку на моё прозвище для него. —

Он мне тоже никогда не нравился.

— Спасибо! — воскликнул я, хлопая в ладоши. — Теперь ты понимаешь? — многозначительно спрашивая маму.

Я инстинктивно повернул голову к Лане, борясь с желанием поцеловать её так, как сделал на прошлый Хэллоуин.

— Не поддерживай его, милая, — вмещалась мама, глядя на Лану. — Больше ему не нужны никакие оправдания, чтобы не ладить с этим человеком.

— Тише, мама, — с ликованием сказал я, поворачиваясь лицом к Лане. — Давай, расскажи нам, почему он тебе не нравится, чтобы я могу раз и навсегда доказать, что не лишён разума.

Мама раздражённо качала головой.

— Ну, у моего друга Ронана лёгкая форма дислексии, а мистер Бреннан не очень сведущ в этом. Иногда он кричит на него, потому что выполнение заданий занимает у него больше времени, чем у остальных. Ронан очень расстраивается по этому поводу.

Чёртов Ронан! Ему лучше быть ей просто другом, как она говорила, а не парнем, иначе я уберу его с дороги. Он не будет класть на Лану свои липкие маленькие лапки, если я решу разобраться с ним. Все же я рад, что Лана завела о нём разговор, поэтому теперь мама, возможно, поверит мне на счёт мистера Бреннана.

— Ну, мама, что ты теперь скажешь по этому поводу? — самодовольно спросил я.

— Роберт, тебе осталось три месяца до окончания школы. Наверное, этот человек не самый лучший учитель, но ты можешь, пожалуйста, потерпеть его это время? У тебя не уйма времени впереди.

— Верно, но я уже долго страдал из-за него и, честно говоря, с меня довольно.

— Не начинай с фразы «честно говоря», Роберт. Ты не твой отец, — проворчала мама.

— Господи, мама, какая часть твоей души так настойчиво стремится заставить меня страдать?

— На сегодня достаточно, Роберт. Я не буду продолжать этот разговор.

Я самодовольно скрестил руки ни груди. Иногда я просто не мог сдержать себя, чтобы не довести маму, и сказал снисходительным тоном:

— Слухи о Фрейде, должно быть, правдивы, говоря, что ирландцы — единственная известная ему раса, которая недоступна для психоанализа, потому что иногда я действительно не могу понять тебя.

— Ты получишь от меня хороший подзатыльник по голове через минуту, если не заткнешься.

— Ах, вот ты опять избегаешь предмета разговора.

Желая оставить за собой последнее слово, я встал из-за стола, оставив недоеденной свою порцию и вышел из дома. Я допоздна не возвращался домой, пока не стал уверен, что

мама уже спала.

Следующий день в школе был солнечным, поэтому в обед все сидели на траве вместо того, чтобы оставаться в столовой. Когда я направился на улицу, то заметил Лану и Ронана, укрывшихся в тени под деревом, а несколько учебников валялось вокруг них. Возможно, сейчас подходящее время, чтобы узнать, какие дела у этих двоих, и с тех пор, как я формально снова разговаривал с Ланой, это не будет казаться слишком странным, если я подойду к ней.

— Привет, соседка, — весело заявил я, плюхаясь на траву рядом с ней. — Как дела в этот прекрасный день?

Она напрягла плечи, а Ронан с любопытством разглядывал меня. Очевидно, он знал, кто я такой, так как моя репутация часто опережала меня в этой школе, но видимо, его занимал вопрос: «Что я делаю вместе с ними?»

— Привет, — осторожно сказала Лана, посылая Ронану взгляд, который говорил: *«Не имею ни малейшего представления, почему он здесь, но очень хочу, чтобы он ушел»*.

Молчание, и я схватил один из сэндвичей в её коробке для обедов.

— Это моё, — запротестовала она, когда я откусил кусочек.

Это какой-то полезный куриный салат, но вкус у него довольно хороший.

— Я знаю, — ответил я ей, подмигивая. — Ты не обедаешь в столовой?

— Нет, э, моя мама предпочитает, чтобы я ела домашнюю пищу. Она полезнее.

— И вкус у неё не дерьмовый. Твоя мама делает хорошие сэндвичи. Ты должна почаще предлагать разделить их со мной.

— А я никогда и не предлагала.

— Ты должен вернуть его, — сказал Ронан, собравшись с духом, чтобы заговорить со мной.

Я не спешил положить сэндвич обратно в коробку, прежде чем наклониться к Лане, поэтому мог смотреть ему прямо в глаза.

— Что это было, придурок?

Щёки Ронана становятся ярко-красными и он отводит от меня свой взгляд.

— Ничего, — пробормотал он.

— Так и подумал, — сказал я, награждая его зловещей улыбкой.

Лана толкнула меня на моё место.

— Оставь его в покое. Оставь в покое нас обоих. Тебя сюда не звали, Роберт.

— А мне здесь нравится. Уютно, — сказал я, широко ей улыбаясь и показывая свои зубы.

Я опять принялся за старое. Все эти месяцы воздержания, а я легко разрушал это.

— Хорошо, тогда *мы* уйдём. Пошли, Ронан, — сказала она, собирая свои книги.

Я положил руку ей на плечо, чтобы остановить.

— Ронан может идти, а ты нет, — изрек я, и мои слова непреклонны. Она несколько раз моргнула и освободила руку от моей хватки.

— Я расскажу директору об этом, — со слабой угрозой прошептала Лана.

— Вперёд. Ты всё ещё не ушёл.

Ронан закашлял и запихнул свои вещи в сумку.

— Я, э-э, мне нужно взять кое-какие вещи из своего шкафчика, — сказал он, посылая Лане извиняющийся взгляд, прежде чем быстро слинять. Маленький трус.

— Ронан, — прошипела Лана, но он не обернулся.

Я издал лёгкий смешок и снова взял сэндвич.

— Кажется, что твой не совсем доблестный рыцарь сбежал, — с удовольствием сказал я ей.

Она резко откинулась спиной на дерево.

— Что ты хочешь?

— Вместе пообедать. Прекрасный день. — Я жестом обвёл пространство.

— Хм.

Она взяла другой сэндвич и откусила его, смирившись с моим присутствием. Несколько минут мы ели в тишине. Она не смотрела на меня, но я как дурак пялился на неё, вспоминая маленький сеанс самоудовлетворения прошлой ночью, в котором ей была отведена главная роль. Под шерстяным жакетом школьной формы у Ланы надета тонкая рубашка, и я заметил край её бюстгалтера.

— Вчера за ужином ты был очень груб с мамой, — сказала она, нарушая тишину. — Она была очень расстроена, когда ты ушёл.

Её слова привели меня в замешательство, но я сделал вид, что не обратил на них внимания и сказал:

— Знаешь, я вижу, что у тебя под рубашкой.

Я почти ничего не видел, но не в этом суть. Она стянула вместе края, и, вздохнув, застегнула пуговицу.

Я подвинулся ближе и медленно улыбнулся ей.

— Если бы сегодня Саша не пошла к стоматологу, ты бы даже не заговорил со мной, — сказала она.

— Что ты имеешь в виду? Конечно же, заговорил бы.

— Ты знаешь, что она устроила бы тебе разнос, если бы поймала за тем, что ты украл мой обед. Ты же понимаешь, что ведешь себя, как обычный хулиган, не так ли?

Я положил руку себе на сердце.

— Я не хулиган. Я делю обед с моим другом.

— Ты не мой друг. Ты целую вечность не разговаривал со мной. Что случилось, тебе скучно или что?

«Мне никогда не бывает с тобой скучно», хотел я сказать, но сдержал внутри. В этот самый момент несколько девушек прошли мимо, бросая взгляды на меня, перешептываясь друг с другом и хихикая. Самая уверенная девушка из группы крикнула:

— Привет, Роб, ты пойдешь на дискотеку (для подростков старше 16 лет) в эти выходные?

Я почувствовал на себе внимание Ланы, и как ни странно, её волновало, каким будет мой ответ.

Не в состоянии сдерживать себя, я крикнул в ответ:

— Да, не надевай трусики, и возможно, я приберегу для тебя танец.

Разве ты не знаешь, что девушка, собственно, прихорашивается и усмехается таким постыдным способом.

— Я подумаю об этом, — отвечает та, подмигивая, и неторопливо уходит.

Повернувшись к Лане, я увидел, как она пристально смотрела на сэндвич в руке и пыталась сосредоточиться, чтобы не смотреть на меня.

— Полагаю, ты слишком юная, чтобы идти туда, — сказал я, слегка подталкивая её

своей рукой.

Она кивнула.

— Саша пойдёт с девочками из класса. В любом случае, дискотеки не для меня.

— Я бы мог взять тебя, — уважительным тоном сказал я.

— Не сомневаюсь. Но я не захотела бы пойти, даже если бы была достаточно взрослой.

— О, неужели ты слишком хороша для таких мероприятий, как дискотека?

Она слишком хороша, слишком хороша. Девушки превращались в абсолютных потаскух на таких мероприятиях, надевая коротенькие юбки и попивая из бутылок «Колу», смешанную с водкой. У них существовало соревнование — с каким количеством парней они смогут замутить за одну ночь.

— Это не то, что я имела в виду, — запротестовала она.

— Конечно, нет, — насмешливо сказал я, покончив с сэндвичем. — Что ещё здесь есть у тебя?

Я порылся в её коробке для обедов, вытаскивая коробочку с соком и яблоко. Я взял на себя смелость пробить отверстие в крышке сока соломинкой и сделал большой глоток.

— Ах, освежающе. Вот, приступай.

Я протянул ей коробочку, а она вытащила соломинку, положила её на траву и сделала глоток прямо из отверстия.

Я засмеялся.

— Я не больной.

Её взгляд устремился в направлении девушек, которые только что прошли мимо.

— Я определенно не знаю это.

— О, мой Бог, неужели, ты просто сделала вывод, что какая-то потаскуха наградила меня венерической болезнью?

— Нет, — сказала она, улыбаясь. — Я лишь предположила.

Я притворился обиженным.

— Не издевайся надо мной. Ты же знаешь, я профан в английском.

Её улыбка стала нерешительной.

— Это не то... это не то, что я имела в виду.

Она покачала головой, зная, что повторялась.

— Уверен, что это не так. За этими невинными глазами скрывается жестокая душа. Я всё время знал это, — подразнил я.

Она поджала губы и сделала ещё глоток сока.

— Тебе на самом деле следует рассказать директору про мистера Бреннана. Ему нельзя обращаться с учащимися подобным образом. Я вижу, как он жесток по отношению к Ронану. Он ужасный.

— Нет смысла. Этот человек работает здесь уже сотню лет. Не похоже, что они уволят его. И вообще, это не значит, что я не заслуживаю дерьма от него. Я — придурок. Ты знаешь это лучше, чем другие.

Мои слова вылетели неожиданно, полные отвращения к самому себе, что я обычно прятал за преувеличенной уверенностью.

Глаза Ланы округлились, и ей всегда удавалось этим очаровать меня. Её голос едва слышен, когда она произнесла:

— Не понимаю, как ты можешь знать, что ведешь себя жестоко, ведь ты ничего не делаешь, чтобы попробовать изменить это.

Смысл её слов поразил меня, но я не знал, что ответить. Даже не пытаюсь, она умудрилась задеть меня за живое и вытащить весь тот бред, что находился внутри. Я никогда не чувствовал себя таким незащищённым, и именно поэтому мне нужно держаться от неё подальше. Вся эта встреча началась с меня, я оказывал на неё давление своей компанией, я — тот, кто контролировал ситуацию, и только несколькими мягко произнесёнными словами она повернула всё в мою сторону. Она даже и не знала этого, но, возможно, с таким же успехом сжимала в своих нежных руках моё бьющееся сердце.

Я не мог справиться с этим. Мне нужно было вернуть контроль над ситуацией. Нужно было быть тем, у кого было преимущество, и единственный способ сделать это — закрыться и притворяться снова. Притворяться, что я — тот человек, которого создавал все эти годы.

Глубоко вздохнув, я встал, отряхиваю брюки, пристально глядя на неё с высоты своего роста, и сказал:

— Я ничего не делаю, потому что мне довольно *безразлично* что-то менять.

Её взгляд был переполнен удивлением, когда я уходил. Однажды вся эта ложь сожрёт меня живьём.

А проблема в том, что, с другой стороны, это, правда, когда дело касалось Ланы, мне это было уже слишком безразлично.

Часть четвёртая

Жестокость порождает результат, который называется разочарованием

Глава 13

Моё сердце сильно бьётся, и стремительно промчавшись через два лестничных пролёта, я выбегаю из дома в сад, тяжело дыша. Я пользуюсь моментом и делаю глоток воздуха, прежде чем выхожу на улицу. Группа мужчин и женщин выходит из такси и, не раздумывая, я заскакиваю и говорю водителю отвезти меня домой к Саше.

Не знаю, почему я убегаю. Нет ничего плохого в том, что она делает. Просто поймать Сашу было так унижительно для нас, и сейчас я едва ли могу даже вспомнить, зачем я с самого начала искала её. Я попадаю в дом при помощи запасных ключей, направляюсь напрямик в свою комнату, срывая с себя одежду, и встаю под горячую струю душа.

Я закутываюсь в махровый халат и с мокрыми волосами забираюсь в постель, погасив свет. Десять минут спустя входная дверь хлопает, но прежде чем я понимаю это, Саша входит в комнату и включает свет. Она выглядит усталой и немного пьяной, и я сажусь на кровати. Какое-то мгновение мы просто пялимся друг на друга, и никто из нас не знает, что сказать.

Саша нарушает молчание.

— Я обыскала весь дом Алистера в поисках тебя. На твоём телефоне отвечала голосовая почта, и я поняла, что ты ушла домой.

— Да, я... — Мой голос срывается. — Я — идиотка, что убежала. Сожалею о том, что зашла к тебе.

Она вытаскивает клочок старой квитанции из кармана и начинает вертеть его между

пальцами.

— Полагаю, мне нужно кое-что объяснить, — тихо говорит она, не встречаясь со мной взглядом.

Мне совершенно не нравится, что она чувствует необходимость объясняться. Я прямо ощущаю стыд, исходящий от неё, а ей абсолютно не чему стыдиться.

— Не нужно, — мягко говорю я. — Это никого не касается, кроме тебя. Однако я хочу знать тебя, Саша. Ты моя самая лучшая подруга.

Она невесело смеётся, качая головой, и поднимает взгляд к потолку.

— Знаешь, много раз это готово было сорваться с моего языка, чтобы рассказать тебе, но потом я всегда трусила.

— Ну, это понятно. Нам всем иногда бывает страшно. Слушай, перестань стоять там. Подойди и сядь со мной рядом, — говорю я.

Она кажется настороженной, но, в итоге, сбрасывает туфли, обходит кровать и присаживается на тот её край, где я никогда не сплю. Жду, что девушка начнёт разговор, но Саша молчит, поэтому я притворяюсь, что разговор продолжается.

— Так, почему ты трусила? Ты знаешь, я бы не взглянула на тебя по-другому только потому, что ты лесбиянка.

Она опускает голову на руки.

— Ах! Я даже слышать не могу, как ты говоришь это. Это кажется таким странным, — бормочет Саша.

— Ты ведёшь себя глупо. Это не странно.

Она поворачивается и смотрит на меня.

— Не делай это.

— Не делать что?

— Не прикидывайся современной и не склонной к осуждению.

Я тихо смеюсь.

— Но я современная и не склонна к осуждению.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Лана. Это — снисхождение.

— Ладно, ну, это не было моей целью. Это из-за твоего отца, что ты никому никогда не говорила? Потому что ты думаешь, он бы отрёкся от тебя или что-то в этом роде?

Саша потирает свою руку.

— Тьфу, это платье такое неудобное. Думаю, пойду переоденусь.

Она намеревается встать, но я хватаю её за руку и тяну обратно.

— Нет, не пойдёшь, Саша. Мы поговорим здесь и сейчас.

Она умоляюще смотрит на меня.

— Лана...

— Саша, пожалуйста, мне кажется, ты не доверяешь мне.

У неё вырывается вздох, и она откидывается на подушки, уставившись в потолок.

— Это не то, чтобы я не доверяла тебе, и да, много моих проблем исходит от отца, но есть и другие причины, которые я скрывала от тебя.

Я наклоняюсь вперёд.

— Например?

Тёмные глаза быстро направляются в мою сторону, и неожиданно выражение её лица становится напряженным.

— Например, тот факт, что я была очень увлечена тобой, когда мы были моложе, —

почти агрессивно заявляет она.

Я таращусь на неё с отвисшей челюстью. Это было последнее, что я когда-либо ожидала услышать от неё.

— О, Господи, — стонет она, потянув себя за волосы. — Я не должна была говорить это.

Я несколько раз моргаю, пытаюсь заставить работать свой мозг после шока.

— Ты... ты была очень увлечена... мной?

Мой голос взмывает вверх в конце вопроса.

— Да. Многие годы я находилась под влиянием этого, просто, чтобы ты знала, — она поворачивается ко мне, изгибая бровь с оттенком сухой иронии. — Но когда ты мне так нравилась, я очень боялась рассказать тебе из страха, что напугаю, и тогда ты больше не захочешь быть моей подругой. Кроме того, я могла бы сказать, что ты не была влюблена в девушек. Ты не смотрела на них так, как я смотрела, а потом у тебя был твой маленький дружок — Ронан.

Я смеюсь.

— Ронан не был моим дружком.

Она одаривает меня мимолётной усмешкой, а это первый признак юмора, который я вижу с тех пор, как мы начали этот разговор.

— Возможно, и нет, но, казалось, что он тебе нравился, поэтому я понимала, что ты не моего поля ягода.

Я улыбаюсь ей и, наверное, мы возвращаемся к тому, что нам комфортно друг с другом.

— Поверить не могу, что ты была увлечена мной. Я была такой тощей и хилой. У тебя отвратительный вкус на женщин, Саш, — поддразниваю я её.

Она искоса поглядывает на меня.

— Это были глаза и волосы, о, и бледная кожа. Мне нравятся девушки с бледной кожей.

Похоже, она считает это рутинным, рассказывать об этом, но старается сделать так, чтобы не было стыдно.

Я делаю всё возможное, чтобы управлять своим избытком чувств, ведь она полностью открыта со мной.

— Хм. Та стриптизёрша у Алистера была довольно бледной. Ты не сбежала от неё просто потому, что вмешалась я, не так ли?

— Она не стриптизёрша, она танцовщица бурлеска. И да, я сбежала. Я была с ней только потому, что была пьяна.

— О. Так что на счёт все тех свиданий с мужчинами, на которых ты была? Неужели ты думала, что они исправят тебя или что-то ещё?

— Лана! Господи Иисусе. Нет. Не знаю, что я думала. Полагаю, просто пыталась быть нормальной.

— Ты нормальная, идиотка. Тебе не нужно прилагать усилия для этого.

Она пододвигается ближе и обвивает меня рукой, крепко сжимая. Когда я смотрю на подругу, то по её лицу катится слеза.

— Не плачь, Саш. Я тоже начну плакать.

Она смахивает слезу.

— Ты просто понятия не имеешь, что значит для меня, слышать это от тебя и обсуждать после всех этих лет. Это как будто кирпич давил мне на грудь, а теперь его убрали.

Я обнимаю её в ответ и тоже плачу, мои глаза полны слёз.

— Я ненавижу твоего отца, — сквозь слёзы шепчу я.

— Не стоит ненавидеть его, — отвечает она, её голос ломается. — Я должна быть сильнее. Меня не должно волновать то, что он думает.

— Нет. Он не должен думать так, как он думает. Он должен принять тебя такой, несмотря ни на что.

Саша освобождается от объятий и, заметив, что мой халат слегка раскрылся, поправляет его на мне с небольшой улыбкой. На секунду я чувствую себя странно, но затем вспоминаю, что она видела меня голой миллион раз и спала со мной в одной постели бессчётное количество ночей. Момент затягивается, но я ничего не говорю.

— Знаешь, что удручает? — спрашивает она, покашливая.

— Что?

— Мой отец наверняка знает, что я — лесбиянка. Думаю, он бы не сказал ничего из того, что сказал мне, если бы не знал. Он всегда даёт понять, что не одобрил бы это. Очевидно, он делает так для того, чтобы заставлять меня держать всё в тайне и бояться открыться. Таким образом, ему никогда не придётся иметь дело с этим, и он может продолжать притворяться, что у него идеальная доченька без изъянов.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ну, тогда, возможно, тебе следует показать ему, что ты больше не собираешься прятаться и сказать ему это в лицо.

— Да, может быть, — говорит она грустным голосом. — Роберт тоже знает. Он узнал несколько лет тому назад и пытался заставить меня открыться. Я сказала ему, что это всё его воображение, и что я не лесбиянка.

Она безрадостно смеётся.

— Я знаю, он не поверил этой лжи, но я не смогла придумать что-то ещё, чтобы сказать ему.

Я киваю, но не говорю, как Роберт рассказал мне, как он подростком застукал её, целующуюся с девушкой. Но когда она упомянула своего брата, я вдруг вспомнила, что оставила его ждать меня у Алистера. Ну, уверена, он к этому времени уже понял, что я не вернусь. Чёрт, надеюсь, Роб не злится на меня за то, что бросила его на произвол судьбы. И только сейчас я вспомнила, зачем изначально искала Сашу на вечеринке.

— Говоря о Роберте, — нерешительно начинаю я. — Я знаю, ты рассказала ему обо мне, э, о том, что я девственница.

Я стараюсь сохранить голос спокойным, учитывая, что у нас разговор по душам, даже если Саша сообщила брату о моей девственности. Но я всё ещё хочу узнать об этом.

Саша ерошит пальцами волосы.

— А, чёрт. Да, я сделала это. Прости. Мне нужно было дать ему понять, что ты не такая, кого он может дурачить и бросить. Во всяком случае, нам было полезно поговорить, ведь теперь я знаю, что Роберт до чёртиков влюблён в тебя, — она одаривает меня лукавым взглядом. — Не уверена, подумала ли я это отпраздновать.

Я ахаю.

— Он сказал это?

— Нет, конечно, он не сказал. Роберт — загадка, а не открытая книга. Понадобилось бы более чем суровое предупреждение от меня, чтобы вырвать у него подобное признание. Но я могу сказать, что он любит тебя. Я знаю своего брата лучше, чем он думает сам, и глубоко внутри Роб не беззаботный придурок, каким ему нравится показывать себя миру.

— Да, мне предстоит узнать это.

Неожиданно я больше не расстраиваюсь о том, что она рассказала ему. В моей голове всё трепещет от мысли, что Роб любит меня.

Любит.

Меня.

Роберт. Парень, у которого, я всегда считала, вообще нет сердца, или он не способен чувствовать что-то, кроме ненависти.

Саша поворачивается ко мне, улыбаясь.

— Итак, печально известный Роберт Филипс, повсюду разрушитель женских сердец, влюблён в *тебя*, Лана Суини. Мои искренние соболезнования.

Я толкаю её в плечо, скривив губы в ухмылке.

— Заткнись, — я делаю долгий и глубокий вдох. — Возможно, это не должно быть катастрофой, как ты думаешь. Может быть, мы могли бы, не знаю, быть счастливы вместе.

— Я серьёзно чертовски надеюсь на это, — говорит Саша со странным сочувствием в глазах, будто она уже чувствует мою грядущую боль.

— Перестань так смотреть на меня, — восклицаю я.

— Как?

— Будто ты уже сожалеешь о том грандиозном способе, которым Роберт уничтожит меня.

— Ладно, прости. Я перестану.

— Саша! Это не заставляет меня чувствовать себя лучше.

— Эй, успокойся. Обещаю вмешаться и утащить тебя от него прежде, чем что-нибудь случится. Но только так ты узнаешь, что большинство людей сделаны из хорошего и плохого. И большинство людей способны скрывать плохое намного меньше, чем хорошее, но Роберт, ну, ему трудно делать это.

— Я хочу помочь ему сделать это, — признаюсь я.

— И, может быть, у тебя это получится, — говорит она, крепко сжимая меня за плечи.

Мне нужно сменить тему разговора, так как сегодня вечером я больше не могу думать о Роберте. У меня так много мечтаний о его губах между моих ног, вращающихся в голове, что мне кажется, я могу потерять сознание, если позволю ещё одной мысли о нём пронестись в голове.

— Ладно, хватит обо мне. Давай поговорим о тебе. Есть целый отрезок твоей жизни, о котором я не знаю, и хочу, чтобы ты рассказала мне о себе. Начни с самого начала и ничего не пропускай.

Саша закатывает глаза, но кажется немного довольной.

— Ну, — осторожно начинает она, — впервые я поняла, что мне нравятся девушки на уроке физкультуры, когда мне было одиннадцать лет...

Следующие несколько часов мы говорим о её скрытой жизни, как ей пришлось так долго жить во лжи. Отрезки, где я появляюсь, заставляют меня чувствовать себя неловко, но в то же время польщённой. То, как Саша описывает меня, будучи подростком, полная противоположность тому, как я представляла себя. Она видела меня чистой, красивой, хрупкой девушкой, а я чувствовала себя ходячей ошибкой, портящей внешний вид планеты.

Затем она рассказывает мне, как пыталась быть с парнями, и что целуя их, чувствовала себя так фальшиво до колик в животе. Она потеряла девственность в Лондоне с парнем, когда ей было шестнадцать, и не только чувствовала обычную боль от потери, а ощущала,

цитирую: «будто у её вагины был запор». Я морщу лицо от её слов, а она смеется. Дальше Саша рассказывает, как, наконец, набралась смелости, чтобы поцеловать девушку во время каникул в Испании, и ей показалось, будто она была головоломкой, к которой, наконец-то, кто-то подобрал последний фрагмент.

Мы проводим много времени, плача и обнимая друг друга, и Саша уходит в свою комнату, не в силах больше беседовать. Уставшая, я засыпаю, даже не понимая, что Роберт так и не вернулся домой.

На следующее утро я открываю глаза в восемь часов, когда мой будильник начинает звонить, и вспоминаю, что забыла его выключить перед тем, как пойти спать прошлой ночью. Солнце приветливо светит через окно, поэтому, хотя я и чувствую себя изрядно подшофе после дня и ночи, содержавшие чересчур много алкоголя и, определённо, слишком много откровений, я встаю и одеваюсь. Где-то на днях я видела вывеску бесплатных занятий йогой с утра по воскресеньям в комплексном центре. Они начинаются в 9.30, поэтому я спешу со своей обычной дозой инсулина и завтраком.

Я делаю это в самую последнюю минуту, и возможность прочистить мозги и расслабиться в высшей степени приносит мне пользу. Когда занятия заканчиваются, я не хочу возвращаться домой из-за Роберта, кипящего от злости. Я сажусь на метро и отправляюсь в Уголок Ораторов, который становится моим постоянным прибежищем. Сегодня утром здесь более многолюдно, чем обычно, но я нигде не могу заметить Фариду. Вместо этого я стою и слушаю трёп вокруг до тех пор, пока больше не могу выдержать чьих-то убеждений. Интересно, наступит ли такой день, когда я наберусь достаточно смелости, чтобы выразить свои собственные убеждения?

Направляясь домой, я забегаю в газетный киоск, чтобы кое-что взять. На журнальном стенде я замечаю обложку, расхваливающую Молли Уиллис, как самую красивую женщину в Британии. Представляю себе, только на прошлой неделе тот же самый журнал, возможно, содержал в себе полную сплетен статью о её фальшивой беременности.

Я возвращаюсь домой и обнаруживаю, что на подъездной дорожке нет Сашиной машины. Роберт всё ещё здесь, но он мог и уехать с Сашей, так как они иногда навещают своего отца по воскресеньям. Кажется, они обязаны делать что-то в этом роде.

С облегчением вздохнув, я вхожу в парадную дверь и нахожу дом успокаивающе тихим. Во всяком случае, у меня есть ещё несколько часов, прежде чем я должна буду встретиться с Робертом. Я поднимаюсь в свою комнату, открываю дверь и остаиваюсь.

На полу у окна, где на маленькой полке я расставляю свои книги, сидит Роберт. Похоже, он только что принял душ, потому что его волосы немного влажные, и на нём надеты тёмно-синяя футболка с чёрными джинсами, туфель и носков нет. Он выглядит потрясающе. Так же у него на коленях открыта одна из моих книг, и Роб читает её.

Когда я вхожу, он намеренно не поднимает головы, а вместо этого не обращает на меня внимания и продолжает читать. Я роняю сумку, скидываю сандалии и подхожу к нему, присаживаясь рядом на пол. Как ни странно, его глаза движутся туда-сюда, поэтому Роб не притворяется, что читает. Мужчина до сих пор не замечает моего присутствия, поэтому я нежно кладу голову ему на плечо и протягиваю руку, чтобы перевернуть книгу и посмотреть, что это такое. Его губы немного дёргаются.

Книга — «Одиссея» Гомера. Я дважды прочитала её на первом курсе колледжа, строго говоря, это был первый древнегреческий текст, который я когда-либо изучала. Иногда мне нужно возвращаться к ней, когда хочу сослаться на что-нибудь, если пишу доклад или делаю

научно-исследовательскую работу.

— Как тебе это нравится? — мягко спрашиваю я его.

— Странно как-то написано, — говорит он, хмуря бровь, и всё ещё не смотрит на меня.

— Потому что это поэма, — отвечаю я.

Роб просматривает толстые страницы.

— Немного длинно для поэмы, Лана.

— Это эпическая поэма. Они общеизвестно длинные.

— А, понятно.

— Итак, — начинаю я, теребя подол своей юбки, — ты так и не вернулся домой прошлой ночью... — Моё высказывание замирает.

Его губы снова дёргаются.

— Да, я... как ни удивительно, это немного неловко.

— Что?

— Я заснул в той комнате, где ты оставила меня у Алистера. Я не просыпался до самого утра и обнаружил, что ты так и не вернулась. Дом выглядел так, будто в него бомба попала, когда я спустился вниз.

— Могу себе представить, — говорю я с облегчением, потому что причина, по которой он не был дома, была совершенно невинной. — Но на счёт прошлой ночи я должна кое-что рассказать тебе.

Я останавливаюсь и делаю глубокий вдох.

— Когда я пошла искать Сашу, то застала её с одной из *стриптизёри*. Я была так подавлена, что заскочила в такси и отправилась домой. Саша последовала за мной, и мы разговаривали всю ночь.

Теперь Роберт, наконец-то, смотрит на меня. Кажется, он заинтригован.

— Так она, наконец, открылась тебе?

— Э, да... это было, ну, была кратковременная неловкость, но потом всё было нормально, мы просто говорили и говорили, пока совсем не вымотались, чтобы говорить ещё.

— Кажется, будто вам обоим это было нужно.

— Да.

— Она собирается рассказать маме и отцу?

— Не уверена. Возможно, когда будет подходящее время.

Задумавшись, Роберт кусает свою губу. Моя голова всё ещё покоится на его плече. Чувствую, что нам нужно наладить контакт, поэтому беру его руку в свою, сплетая наши пальцы, и кладу их себе на колени. Его бровь поднимается, и он с любопытством смотрит на меня.

— Не могу перестать думать о том, что ты делал со мной прошлой ночью, — смело шепчу я.

Его дыхание звучит подобно стону, и он проводит большим пальцем по ткани моей юбки.

— Мы можем кое-что сделать? — хрипло спрашивает он.

— Да. А что?

— Пошли со мной, — отвечает Роб, рывком ставит меня на ноги, и отводит за руку в свою комнату.

Закрыв дверь, он отпускает мою руку и достаёт из ящика стола свой фотоаппарат. Я не

видела его с тех самых пор, когда он фотографировал меня в саду. Роб ставит его на тумбочку и ложится на середину кровати.

— Хм, ладно, — говорю я, не зная, что делать. — Что здесь делает камера?

— Расскажу позже. Сначала я хочу, чтобы ты исследовала меня. Я больше не хочу, чтобы ты нервничала, когда мы с тобой вдвоём. Прошлой ночью ты была так встревожена, что почти дрожала.

— Я не была так уж плоха, — протестую я.

— Это потому, что ты не видела себя со стороны. Мне хочется, чтобы ты была спокойна, когда я касаюсь тебя. Не хочу, чтобы ты чувствовала что-то другое, кроме удовольствия.

Неожиданно у меня пересыхает во рту.

— Ладно, что я должна делать?

— Всё, что хочешь. Раздень меня донага, прикоснись ко мне, смотри на меня, привыкай ко мне. Думай о моём теле, как о собственной площадке для игр. Ты можешь делать всё, что пожелаешь, а я обещаю не вмешиваться.

Это предложение кажется слишком заманчивым, чтобы быть правдой, и у меня всё ещё витают сомнения на счёт камеры. Я шагаю к нему, но потом медлю от нерешительности.

— Я не могу сделать это, Роб. Это так странно.

При этих словах он соскакивает с кровати и тянет меня к себе. И вот я уже сижу рядом с ним, а мужчина снова ложится, раскинув руки по обе стороны своего тела и положив голову на подушку.

Покусывая губу, я приподнимаю край его футболки и слегка стягиваю её, обнажая его бёдра. Мельком взглянув на него, я замечая, как Роб пристально смотрит на меня в полном напряжении, а его дыхание прерывается. Я ещё выше приподнимаю футболку, а он помогает мне, чтобы я смогла стянуть её через его голову.

Я изумлённо смотрю на него и провожу ладонью по прессу, вдоль его грудных мышц, уклоняясь от сосков, хотя и хочу прикоснуться к ним. Он, должно быть, читает мои мысли, поэтому берёт мою руку и кладет её на сосок. Я втягиваю воздух и выдыхаю.

Несколько секунд я нерешительно смотрю на него.

— Я же сказал тебе, ты можешь делать со мной всё, что захочешь, — убеждает Роб напряжённым голосом.

Я наблюдаю, как двигаются его мускулы, когда он сжимает кулаки. Наклонив голову к его соску, я нежно касаюсь его губами.

— Чёрт, — шипит Роберт.

Я поднимаю взгляд, и наши взгляды встречаются.

Я передвигаю рукой к пряжке джинсов Роба и просто пугаюсь очевидной выпуклости в брюках, его веки дрожат. Понятия не имею, что делаю. Соображая, что нужно делать, я продвигаюсь дальше и прижимаю ладонь к его эрекции, а мой неопытный язык выскальзывает наружу и вращается вокруг его соска. Против воли я издаю тихий стон и начинаю медленно потирать его.

Роб с трудом дышит, но во всём остальном остаётся спокойным, просто молчаливо наблюдая за моими действиями. Это продолжается ещё несколько минут, я провожу руками по его обнажённой коже и расстегиваю джинсы мужчины. Когда я снова смотрю на Роберта, его рот открыт, и он наставляет меня:

— Возьми мою камеру.

— Зачем?

— Просто возьми её, малышка, пожалуйста.

Отчаяние в его голосе — это то, что движет мной. Я поднимаю фотоаппарат и подношу к кровати. Роб берёт его у меня и включает, прежде чем передаёт мне.

— Я хочу, чтобы ты выбрала те части меня, которые нравятся тебе больше всего, и сфотографировала их.

Я долго наблюдаю за ним, пока мой взгляд не загорается пониманием. Роб не только даёт мне свободу действий, чтобы узнать его тело, но также пытается заставить меня понять, почему ему нравится снимать меня.

— Я в этом не уверена.

— Перестань лгать. Могу сказать, что ты хочешь, просто по твоему страстно желающему взгляду на лице, Лана.

Я прищуриваю глаза и изучаю камеру, копаясь в её функциях. Затем пытаюсь точно определить, какие именно части тела Роба мне нравятся больше всего. Если быть абсолютно честной, каждый его фрагмент — мой любимый. Я приближаюсь к кровати и навожу камеру на лицо Роберта, увеличивая его губы. После того, как здорово они прикасались внизу меня, я, определённо, немного поглощена мыслями о них прямо сейчас.

Я делаю несколько снимков, и, кажется, что Роба ещё больше заводит тот факт, что я снимаю его. Полагаю, у нас всех есть свои причуды. Следующее, что я фотографирую — это волосы мужчины, а потом его руку, в частности мускулистую часть вверху. Я снимаю глаза Роба и грудь, и, наконец, линию его подбородка.

Когда я заканчиваю, он забирает камеру и притягивает меня к себе на колени.

— Теперь давай посмотрим, что ты наснимала, — говорит Роб, прокручивая коллекцию фотографий.

Мужчина обвивает рукой мою талию, массируя моё бедро. Когда он видит первую фотографию своих губ, то наклоняется и целует мою шею.

— Мои губы одна из твоих любимых моих частей, не так ли?

Я киваю и поворачиваюсь, чтобы провести носом вдоль его челюсти. У него замирает рука, и я чувствую на своей коже тяжелое и влажное дыхание Роба. Он начинает быстрее прокручивать снимки. Добравшись до последнего, мужчина стонет и опускает камеру на кровать. Его эрекция упирается мне в поясницу, и он расстёгивает мою блузку, стягивая её. Мой бюстгальтер следует за ней, и Роб обхватывает мои груди, теребя их руками.

Я откидываюсь на него, громко вздыхая. Роберт снова берёт свою камеру и делает снимок своей руки на моей груди.

— Роберт, не надо, — говорю я, но он уже делает снимок.

Его губы двигаются к моему уху.

— Пожалуйста, Лана, я никогда ни одной душе не покажу. Даю тебе слово.

Повернув голову, чтобы взглянуть в его глаза, я вижу, что он говорит правду, но всё-таки у меня занимает время для того, чтобы смириться с этим.

Я очень тихо шепчу:

— Только для тебя.

Его улыбка ослепляет.

— Только для меня, — соглашается он, собственнически скользя рукой по моему животу и делая другой снимок.

Я вижу его — контраст между загорелой рукой Роба и моим бледным животом

великолепен. Он передвигает руку, откидывая мою юбку и проникая в трусики. Я постанываю, когда мужчина ласкает меня между ног.

— Ты мокрая, — выдыхает он, поглаживая меня пальцами и пытаясь войти внутрь.

Чувствую лёгкое жжение, когда Роб проникает туда, где раньше не касался.

— Так узко, — продолжает он, прикасаясь губами к моей шее, и проводит языком по мочке моего уха.

Я дрожу в его объятиях, инстинктивно потирая его твердость. Роб оказывается на мне, и я раздвигаю свои ноги. Его губы встречаются с моими в безумных укусах и засосах, пока Роб трёт эрекцией между моих ног. Чувствую, как теплеют мои щёки, и нарастает интенсивность ощущений. Мужчина удерживает мои руки у меня над головой, его мускулы напряжены. Роберт трет меня твёрдым пенисом прямо в нужном месте, и я чувствую, как нарастает оргазм.

Он раскачивается из стороны в сторону. На какой-то момент я забываю, что девственница и, кажется, что умру, если он не войдёт в меня. Не знаю как, но в течение нескольких дней мои страхи исчезли. Возможно, я всё это время ждала Роберта.

Наш поцелуй углубляется в геометрической прогрессии, его язык танцует с моим, а его губы запоминают меня. Роб разрывает поцелуй и в промежутках своего порывистого дыхания спрашивает:

— Ты почти там, детка?

— Да, — постанываю я. — Почти.

— Хорошо, подожди меня, — говорит он, но я не знаю, что Роб имеет в виду.

Его губы возвращаются к моим, и огонь пылает там, где мужчина двигается всё быстрее по моим мокрым трусикам.

Я кончаю более неистово, чем могла себе представить, как это могло бы произойти, а хватка Роберта на моих запястьях усиливается, и он стонет мне прямо в рот. Окутанная им, я содрогаюсь от волн своего оргазма. Мужчина опускает руки на мои плечи и обнимает меня.

Роб нежно покусывает моё ухо и, задыхаясь, хихикает.

— По-моему, я кое-что натворил.

Спустя секунду я понимаю, что он имеет в виду, и смеюсь.

— Тогда тебе следует привести всё в порядок.

Роб сжимает руки вокруг меня.

— Нет пока. Я счастлив там, где я сейчас.

Его дыхание достаточно быстро успокаивается, и он устраивает нас в более удобную позицию. Роб лениво выводит рукой круги по моему животу, уделяя особое внимание шрамам от инъекций.

— Ты самая совершенная для меня, Лана. Никогда не забывай это, — абсолютно серьёзно говорит он, будто даёт обет.

Я такая удовлетворённая, что, кажется, мурлычу.

— А ты для меня самый красивый, — отвечаю я.

— Не совершенный? — удивлённо спрашивает он.

— Нет, не совершенный. Совершенства не существует, а красота — да. И ты, Роберт, такой красивый, что иногда я хочу просто смотреть на тебя часами.

— Мне нравится слышать, что ты говоришь такие вещи обо мне. Это даёт мне надежду.

— Надежду на что?

— Надежду на то, что однажды ты простишь мне все мои прошлые грехи.

Я сглатываю и киваю, задаваясь вопросом, способна ли я на это. Возможно, я уже простила его — просто не сказала вслух. Его поглаживания на моём животе становятся медленнее, а затем совсем прекращаются. Я поднимаю взгляд и вижу, что он спит, глубоко дыша. Поэтому я уютно устраиваюсь в его объятиях, закрываю глаза и вскоре тоже засыпаю.

Глава 14

Проснувшись через час от того, что моё тело ноет, я бросаю взгляд на часы, понимая, что уже почти три. Я так была поглощена Робертом с того момента, как пришла домой сегодня, что совершенно забыла про обед. Я пытаюсь встать с кровати, но объятия мужчины усиливаются.

— Перестань ёрзать, — сонно сетует он, передвигая руку и накрывая ладонью место у меня между ног.

Я ощущаю моментальный трепет, но делаю всё, что в моих силах, чтобы не обращать на него внимания.

— Роберт, мне плохо. Мне нужно принять инсулин, — говорю я тихим голосом, чтобы не разбудить его, но когда я прекращаю говорить, он подскакивает.

— Чёрт. Прости. Давай иди, — говорит Роб, помогая мне встать с кровати.

Я спешу в свою комнату и принимаю лекарство. Слышу, как Роберт включает в ванной душ и, немного погодя, просовывает голову в дверь.

— Я собираюсь приготовить что-нибудь на обед. Есть какие-нибудь предпочтения?

— О, можно мне курицу и печёный картофель?

— Конечно, можно, — с усмешкой говорит он, награждая меня низким поклоном, и покидает комнату.

Спускаюсь вниз и слышу, как он расхаживает в саду за домом и разговаривает по телефону. Его голос натянут от раздражения, но я не слышу, с кем Роб разговаривает. Полагаю, это как-то связано с работой, я готовлю салат, подходящий для печёного картофеля и курицы.

В этот момент возвращается домой Саша, со вздохом кидает ключи от автомобиля на стол и вытягивает табурет.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

— Да, просто один дрянной источник потратил моё время впустую, пытаюсь продать мне историю ни о чём. Богом клянусь, мне будет всё равно, если мне скажут, что чёртов Кит Ричардс умер, но я не вылезу из постели в воскресенье ради этой работы.

— О. Ну, не хочешь пообедать? Здесь есть много, чем поживиться, — спрашиваю я, зная, как еда всегда поднимает Саше настроение.

— Я бы с удовольствием. Сегодня утром у меня было сильное похмелье, чтобы позавтракать. Всё, что у меня было сегодня — это чёрный кофе с тонной сахара для поддержки.

— Эй! Кто сказал тебе готовить? — спрашивает Роберт, прерывая нас и возвращаясь из сада. — Иди и положи свою ноги на диван, а я принесу тебе еду.

Он выпроваживает меня из комнаты и усаживает в гостиной.

— О, Роб, — кричит из кухни Саша. — Можем поговорить?

Подруга кажется серьёзной. Интересно, расскажет ли она ему о своей сексуальной ориентации, ведь теперь я знаю об этом. Ну, не похоже, что он ещё не знает, это типа просто

Саша не знает, что он знает.

— Конечно, сейчас буду, — отвечает Роб.

Мужчина возвращается на кухню, и один из них плотно закрывает дверь, поэтому я не могу услышать, о чём они говорят.

Смирившись, я включаю телевизор и щёлкаю каналы. Двадцать минут спустя они входят, и Роберт несёт две тарелки, одну для себя, а другую для меня. Я перевожу взгляд с одного на другого, но они ведут себя совершенно нормально, поэтому не могу сказать, что же повлёт за собой этот разговор. Единственная разница заключается в том, что Роберт улыбается и смотрит на Сашу более ласково, чем обычно.

Саша сидит в кресле, а Роберт устраивается рядом со мной на диван. Идёт реалити-шоу, а мы молчаливо едим.

Через несколько минут Роберт кивает на телевизор и спрашивает:

— Эй, Саш, что ты думаешь о ней?

Он спрашивает о темноволосой девушке с пышной грудью. Я в изумлении смотрю на него, а вилка с курицей замирает на полпути к моему рту. Поверить не могу, что Роб спрашивает такое. Всё, на что могу надеяться, Саша действительно сказала ему, что она лесбиянка, когда они только что приватно беседовали.

Саша бросает на него взгляд прищуренными глазами.

— О чём ты, Роб?

— Что ты думаешь о ней? По-моему, она аппетитная.

Она кривит губами.

— Отвали.

— Нет, серьёзно! Я хочу знать твоё мнение. Она хорошо выглядит, но на мой вкус, на ней надето слишком много розового. Тебе нравятся женщины, которые одеваются в розовый, Саша?

— Я знаю, что ты делаешь, ублюдок. Но ты должен знать, я не слишком парюсь о том, какой цвет они носят.

— А, понятно. Тебе важно, что под одеждой.

Он подмигивает ей. Она качает головой и смеётся.

— Да, возможно.

Я кашляю и обращаюсь к Саше.

— Ты, э, *рассказала* ему?

Подруга улыбается.

— Да. Не то, чтобы он не знал, конечно. Маленький пронырливый развратник.

Она подхватывает лист салата и швыряет его в Роберта. Тот отскакивает от его плеча и плавно опускается на пол.

— Эй, едой не кидаемся. Я уже дважды принимал сегодня душ, — весело говорит Роберт.

Саша поднимает бровь.

— Хм, хочу ли я это знать?

— Нет, — категорически отвечаю я. — Нет, не хочешь.

Роберт вызывающе щипает меня за бедро, и я предостерегающе смотрю на него. В последнюю очередь Саша должна услышать о нашем сладострастном обеденном времени, проведённом в его постели.

— Так, а что о телах, Саша? Ты поклонница сисек или предпочитаешь прелестную

задницу?

— О, Боже, поверить не могу, он всё ещё продолжает эту тему.

Саша проглатывает немного еды, а выражение её лица становится суровым и удивлённым. Она не собирается позволять ему смущать себя.

— Желательно, я бы хотела, чтобы это всё было прелестным. Зачем ты меня спрашиваешь обо всём этом?

— Потому что я места себе не нахожу от того, что могу разговаривать о девушках с тобой! Я всегда хотел иметь брата, а теперь, когда я знаю, что тебе нравятся женщины, ты по существу мой брат без члена.

— Бог ты мой, спасибо, — говорит Саша с хитрым блеском в глазах. — Но, в любом случае, я думала, что сейчас для тебя есть только одна девушка.

Она кивает в мою сторону, а я притворяюсь, что поглощена просмотром телевизора.

Роберт скользит рукой по дивану и собственнически сжимает моё бедро.

— Да, это правда. Я завязал.

Я ёрзаю, желая его прикосновений, но испытываю неловкость от того, что Роб делает это в присутствии своей сестры.

Саша указывает на него своей вилкой.

— Для тебя это было бы лучше. Если ты причинишь Лане неприятности, то ответишь мне за это, слышишь?

Роб наклоняется, чтобы быстро поцеловать меня.

— Ей и минуты не будет плохо со мной, — говорит он, своим низким голосом.

Чувствую, как всё больше и больше привыкаю к нему.

Саша бросает на него задумчивый взгляд и переключает своё внимание на телевизор.

— Кстати, — говорит она, — Кара отправила мне несколько сообщений и просила, чтобы я заставила тебя позвонить ей. Каждое сообщение ещё отчаяннее, чем предыдущее.

Выражение её лица отображает нетерпимость к подобной мелодраме, а взгляд Роберта мгновенно радостно загорается.

— Я знаю. Она звонила мне.

Кажется, он в некотором роде доволен собой, но я точно не могу сказать, что это.

— О. И что же она хотела?

— Она просто бесится, что я забрал DVD-плеер из пентхауса, — небрежно объясняет он, кривя губами, чтобы сдержать улыбку.

Саши хмурит брови и недоверчиво спрашивает:

— DVD-плеер? Она отправляет отчаянные сообщения, чтобы ты позвонил ей из-за DVD-плеера?

Ухмыльнувшись, Роб съедает кусочек курицы.

— Да.

— Почему я в это не верю?

— Потому что ты — циничная, морщинистая старая лесбиянка, почему ещё? — в шутку отвечает Роберт.

— Эй! Я может быть и две из этих вещей, но я, конечно, не морщинистая и не старая, — восклицает Саша, смеясь.

— Я не знаю, — Роберт закусывает свою губу. — Эти «гусиные лапки» видели и лучшие дни.

Несколько минут они перебрасываются взаимными шутливыми оскорблениями. Я

смеюсь в нужные моменты, но мой мозг зафиксирован на телефонном звонке Роберта с Карой. Кроме того, я на стороне Саша, и тоже не верю в то, что она всё ещё ищет его для того, чтобы вернуть DVD-плеер. Тут что-то большее, чем кажется на первый взгляд.

Возможно, Роберт и изменил своё отношение ко мне, но полностью не изменился. Ему всё ещё нравится морочить людям головы и, наверное, он сделал что-то, что злит Кару.

Мы проводим остаток вечера за просмотром марафона по одному из каналов, показывающем все фильмы про Индиану Джонса. Вечером, когда я готовлюсь ко сну в своей ванной, неожиданно появляется Роберт, который бесшумно проскальзывает в маленькую комнату и закрывает за собой дверь.

Я стою у раковины и чищу зубы. Он кладёт руки по обе стороны моего тела, пристально глядя на меня в зеркало. Я наклоняюсь, чтобы прополоскать рот, и моя попка отодвигает его. Он издаёт в ответ смешные мурлыкающие звуки. Я почти очарована его игривым взглядом, но затем вспоминаю, что мне нужно кое-что сказать ему.

Вытерев рот полотенцем, я поворачиваюсь к Робу лицом.

— Что происходит с Карой?

Он кривит губы.

— Что ты имеешь в виду?

— Могу сказать, ты что-то задумал. Ты выложил ещё её нелюбезные фотографии на «Facebook» или что?

— Нет, конечно, нет.

— Тогда что?

— Да ничего. Просто я случайно взял кое-что, и могу добавить, она хочет, чтобы я вернул это.

Я бросаю на него озадаченный взгляд.

— DVD-плеер?

— В некотором смысле, да.

— Роберт, перестань изворачиваться и просто ответь мне.

Вздыхнув, он проводит пальцами по ткани топа моей пижамы.

— Ладно, возможно, в DVD-плеере был диск, который теперь принадлежит мне.

— Как фильм? — в недоумении я поднимаю брови.

— Да, как фильм. Секс видео Кары и Гарри, чтобы быть более точным.

Я охаю и прижимаю руку ко рту.

— О, мой Бог, ты серьёзно?

— Очень.

— Почему ты не отдашь её?

Он небрежно поводит плечами.

— Иногда хорошо иметь маленький залог. Кара слишком много знает обо мне, Лана. Эта запись гарантирует, что она никогда не предаст огласке компрометирующие меня материалы.

Теперь я настораживаюсь.

— Какие материалы?

Он пожимает плечами.

— Я принимал наркотики, когда мне было двадцать. Сейчас с этим покончено, но тогда Кара была со мной и была свидетелем всех моих глупостей. Если это вскрыется, то может разрушить мою карьеру.

Роберт принимал наркотики? Об этом даже Саша не знает. Я не слишком удивлена, хотя бы потому, что у него всегда была какая-то авантюрная склонность.

— Но если эта запись попадёт не в те руки, это может разрушить карьеру *Кары*, — возражаю я.

— Поэтому теперь мы квиты. Она держит свой рот на замке, а я надёжно держу запись взаперти.

— Не похоже, что она готова заключить подобную сделку, Роберт.

— Она согласится. У неё нет другого выбора.

Я отхожу от него и иду в спальню, пытаюсь уложить всё в своей голове. Я беру расчёску и несколько раз провожу по своим волосам.

— У *Кары* есть какие-то доказательства того, что она видела, как ты принимал наркотики? — спрашиваю я.

— Нет, но слухи могут быть столь же вредны, как и веские доказательства. Людям нравится верить в светские сплетни.

— Да, но вот только это, Роб. *Кара* может распространять слухи, но она никогда не сможет доказать то, что ты сделал, а у тебя есть диск, который можно продемонстрировать людям. Хотя она знает, что ты мог уже выложить его в интернет.

Роберт скрещивает руки на груди и выглядит раздражённым.

— Она знает, я держу своё слово, если она держит своё.

— Ты в этом уверен?

— Уверен на сто процентов.

Я скрещиваю руки на груди.

— Ладно, тогда. По-моему, она вернётся и будет преследовать тебя, но, похоже, нет никакого способа, чтобы изменить твоё мнение.

На какой-то момент его взгляд становится жёстким, и мне он не нравится.

— Ты не веришь, что я держу своё слово, не так ли? — спрашивает Роб.

— Я не гадалка. Не знаю, что ты сделаешь в будущем.

Мужчина подходит к окну и стоит, молчаливо уставившись на улицу. Наконец, его напряжение спадает, и Роб закрывает шторы.

— Прости, что нагрубил тебе, — тихо говорит он.

— Не нужно извиняться. Ты напряжён, — говорю я, стягивая одеяло и забираясь в постель.

— Можно я посплю здесь сегодня ночью? — спрашивает он, выглядя потерянным.

— Да, — выдыхаю я. — Я хочу этого.

Я представляю себе, что Роб снова может касаться меня, как делал это раньше.

Мужчина начинает раздеваться, пока не остается в одних трусах, и забирается ко мне в постель. Я выключаю лампу и поворачиваюсь на свою сторону. Роберт сразу же обнимает меня и притягивает к себе.

Я лежу в ожидании, но вскоре становится ясно, что спать со мной — это всё, что он намеревается делать сегодня ночью. Его дыхание замедляется у моей шеи, и только я полагаю, что возможно, он спит, как Роб устало шепчет мне на ухо:

— С тобой у меня самые лучшие сны.

Я поворачиваюсь, чтобы поцеловать кончик его носа, и вижу, что он уже спит.

На следующее утро Роберт и Саша уезжают рано на работу. Я одеваюсь вместе с ними, хотя у меня ещё есть несколько часов до смены. На пороге Роберт долго и глубоко целует

меня, и я прощаюсь, странно скорбя, что не увижу его весь день.

— До встречи, — говорит он, лукаво делая паузу, прежде чем заканчивает: — любимая.

У меня открывается рот от удивления.

— Любимая? — спрашиваю я, пока он выходит из дома, повернувшись ко мне лицом.

— Да.

Я смеюсь.

— Ладно, тогда, *любимый*. До встречи.

Весёлый смех Роба доносится с подъездной дорожки, и он исчезает на улице. Это хорошее настроение поражает очевидным контрастом с его настроением в дальнейшем. Я на работе просто прибираю после обеденной суеты и смотрю в окно. Роберт идёт через дорогу к ресторану, весь в чёрном, похожий на ангела-мстителя. Его рот плотно сжат, а поза кажется напряжённой. Этот факт ещё более усиливается, когда он проходит мимо столиков и стульев на улице, пнув один из стульев в приступе ярости.

Алистер стоит у бара, подсчитывая деньги в кассе. Он видит, как Роберт пинает стул, и входит в ресторан.

— Эй, что тебе сделал этот стул, приятель? — шутливо отзывается мужчина, так же опасаясь нрава Роберта.

Тот не смотрит на него, а вместо этого снимает солнцезащитные очки и взглядом ищет меня. Неожиданно я чувствую себя добычей.

— Мне нужно ненадолго воспользоваться твоим офисом, — говорит он Алистеру, приближаясь ко мне. — О, да, а Лана пусть сделает перерыв.

— Ладно. Не торопись, — отвечает Алистер, поднимая брови и бросая вопрошающий взгляд на другую официантку Данни.

Пожав плечами, та продолжает вытирать столики. Прежде чем я понимаю, Роберт хватая меня рукой за запястье и тянет в заднюю часть здания в офис Алистера. Он с шумом захлопывает дверь, тащит к столу и поднимает меня, чтобы усадить на столешницу.

Роб быстро расстёгивает мою блузку и снимает её. Бюстгальтер, который одет на мне — это белое кружево, и у него нет никакой подкладки, поэтому через ткань видна почти вся моя грудь. Роберт кажется довольным, оценивая её. Я пытаюсь прикрыться руками, но он отводит их.

— Нет, — говорит Роб охрипшим голосом. — Мне это нужно.

Мужчина садится на стул и одной рукой обнимает меня, притягивая ближе, а затем кладёт свою щеку мне на грудь. Большая часть его напряжения исчезает, и он издаёт долгий вздох.

— Что ты делаешь, Роберт? — тихо спрашиваю я, понимая, что с ним что-то случилось, но не знаю, что именно. — Вообще-то я работаю.

— У меня был чертовски дерьмовый день, детка. Мне просто нужно побыть с тобой несколько минут.

— Хорошо, — шепчу я, чувствуя бабочек от того, что Робу нужно побыть со мной, чтобы улучшить его дерьмовый день.

Я позволяю ему положить на меня голову и дышать несколько минут, прежде чем спрашиваю:

— Что случилось?

Роб вздыхает, давая понять, что не очень хочет об этом говорить, и ему требуется несколько минут, чтобы ответить.

— У меня была большая ссора с отцом. Есть один телеведущий, который пришёл в офис сегодня на встречу, потому что ищет нового представителя для связи с общественностью. Я пошутил по поводу телевикторины, которую он ведёт немного нелепо, а тот обиделся. Мы закончили встречу, но было ясно, что парень не собирается подписывать с нами контракт. Отец обвинил меня в потере контракта. Он сказал, что даст Джимми повышение по службе, ради которого работал я. Чёртов придурок.

Пока рассказывает, Роб медленно перемещает руку по моей ноге, продвигаясь мимо подола юбки. Чувствую, как становлюсь влажной только от близости его руки. Поглаживая волосы мужчины, я целую его в висок и говорю:

— Не волнуйся. Уверена, все пройдёт. Твой отец разозлился на тебя сегодня, но сомневаюсь, что он выполнит свои угрозы. Все видят, как много ты усердно работаешь и заслуживаешь повышения.

Я всегда думала, что Роберту легко работать с отцом. Но теперь понимаю, как это должно быть тяжело пытаться не выходить за рамки. Очевидно, он не должен был говорить то, что сказал, но Робу всегда было тяжело держать рот на замке.

Он подвигает лицо ко мне и посасывает губами мочку моего уха. Я хватаюсь за край стола и изо всех сил стараюсь подавить стон.

— Сегодня ночью я займусь с тобой любовью, — соблазнительно шепчет Роб.

Его слова дают моему сердцу быструю встряску.

— Я похороню себя в тебе так глубоко, Лана, так глубоко, что ты забудешь своё имя.

Одной рукой он опускает мой бюстгальтер вниз так, что может лизнуть край груди, и накрывает мой сосок своим ртом. Я впиваюсь ногтями в дерево, когда Роб покусывает его.

— Ещё, — выдыхаю я.

Его глаза темнеют от моей просьбы, и Роб снова нежно покусывает мой сосок. Воздух быстро вырывается из моего рта, а грудь поднимается и опускается, и моё возбуждение нарастает.

Роберт поднимает мою юбку и разводит шире мои ноги. Слышу, как рвётся ткань, и понимаю, что мужчина разрывает мои трусики и стягивает их с меня. Мой взгляд скользит вниз, и я вижу, как он запихивает ткань себе в карман. Отодвинувшись на стуле, Роб наклоняет голову чуть-чуть на бок и любит себя.

Он прикусывает губу и тянется вперёд, чтобы коснуться большим пальцем моего клитора. Всё моё тело содрогается от контакта. Роб рычит, уткнувшись в меня ртом. Внутри меня всё ликует. Тело хочет большего, начиная с того первого раза, когда он так сделал. Это самое восхитительное ощущение, которое я когда-либо испытывала, когда его язык танцует вокруг самой интимной моей части.

Схватив Роба за волосы, я сильнее притягиваю его рот к себе. Ответный смешок вибрирует по моим половым органам, вызывая острое покалывающее ощущение. Мужчина собственнически проводит рукой по нижней части моего живота, почему-то зная, что это заставит меня чувствовать приближающийся оргазм более глубоко.

Его тёмные глаза пронзают меня, пока он лижет прямо там.

— Мне нужно... — Я задыхаюсь. — Мне нужно больше.

Неожиданно Роб начинает сильнее кружить языком по моему клитору, и я крепко хватаю мужчину за плечи, издаю тихий крик удовольствия, и, дрожа, кончаю ему в рот.

— Ах, посмотри на себя, — восхищённо говорит Роберт, и его глаза сверкают, глядя на меня.

Он ласкает мою грудь, срывая стон с моих губ.

— Ты знаешь, как сильно я хочу трахнуть тебя прямо сейчас?

— А ты знаешь, как сильно я хочу, чтобы меня трахнули? — лениво спрашиваю я в ответ, ведь моё нынешнее возбуждённое состояние заставляет говорить более свободно, чем я бы говорила в другом случае.

Роб со стоном опускает голову на внутреннюю часть моего бедра.

— Это самая сексуальная вещь, которую я когда-либо слышал. Если бы для тебя это было не в первый раз, я был бы в тебе ещё десять минут назад.

— Ты заставляешь меня забыть себя, Роберт, — говорю я, серьёзно глядя на него сверху вниз. — Это, кажется, опасно.

Он потирает моё колено.

— Опасность — то, что делает это стоящим, красивым.

— Что, если я не могу позволить себе роскошь опасности?

— Ты можешь позволить эту роскошь со мной, — отвечает Роб.

Он откидывается на спинку стула и берёт коробку с салфетками со стола Алистера. Я неожиданно осознаю, что только что сделала в офисе своего босса в середине смены, чувствую себя взволнованно и пристыжено. Я молчаливо сижу, а Роберт приводит нас в порядок.

— Ты кажешься задумчивой, — замечает он, потянув на мне юбку вниз.

— Я просто думаю, — бормочу я, проводя руками по волосам.

— Прости за трусики. Я немного увлёкся, — усмехается Роб, поигрывая кружевом у себя в кармане.

— Да ладно. У меня осталось только полтора часа до конца смены, поэтому, надеюсь, что никто не заметит отсутствие моих трусиков, — шучу я.

Он поджимает губы и переплетает свои пальцы с моими.

— Я отпросился с работы на оставшуюся часть дня. Почему бы тебе не присоединиться ко мне?

Я качаю головой.

— Нет смысла. Я почти закончила. Я встречу с тобой дома.

Он улыбается, будто думает о чём-то хорошем.

— Тогда ладно. Это — свидание.

Наклонившись вперёд, Роб нежно целует меня в губы и снимает со стола. Он расставляет всё по местам, так что Алистер не сможет сказать, происходило ли что-то неблагопристойное в его офисе. После ухода Роберта из ресторана, я чувствую себя очень неловко, думая, что, возможно, все знают, что я только что сделала. Нет, конечно, но я не могу сдержать эту паранойю. Как только я заканчиваю работу, то еду домой на метро. Добравшись, я нахожу Роберта на кухне, который готовит что-то удивительное. Задняя дверь открыта, и я вижу, что он накрывает стол в беседке.

— Что ты задумал? — спрашиваю я с ухмылкой.

— Готовлю тебе ужин, а потом мы уходим.

— Уходим куда?

Роб кивает на листок, лежащий на столешнице. Это для вечера открытого микрофона в баре в центре города.

— О, ни в коем случае. Я говорила тебе, что не готова. И, даже если бы была готова, ты бы не пошёл со мной.

— Я не принимаю ответ «нет», — насмешливо говорит Роб. — Ты сделаешь это сегодня вечером, нравится тебе это или нет.

Я собираюсь и дальше протестовать, пока в его кармане не звонит телефон.

— Алло?

Тишина, но я слышу, как кто-то громко говорит на другом конце. Кажется, они злятся до невозможности, и через несколько секунд я узнаю голос Алана.

— Ну, я сожалею, но у меня этого нет. Просто была чёртова шутка, папа. Это не моя вина, что у этого человека нет чувства юмора.

На линии ещё больше крика.

— Я не должен выслушивать всё, — шипит Роберт, сильно напрягая челюсть.

Мужчина нажимает кнопку «конец разговора», пока его отец всё ещё говорит, и швыряет телефон на столешницу, затем поворачивается, чтобы помешать в кастрюле соус, который нагревается на плите.

— Он не будет рад тому, что ты бросил трубку, — говорю я Роберту.

— Он уже не рад, — отвечает мужчина низким голосом, заставляя мой желудок нервно перевернуться.

Раньше я слышала Роберта в гневе, но не так.

— Он говорит, что снимет процент от возможных денег, которые мы потеряли на этом контракте, из моей зарплаты.

— Но это смешно. Не похоже, что контракт был окончательным, даже и без твоей шутки.

— Скажи это моему отцу. Ему неизвестно здравомыслие.

Роб перестаёт размешивать соус, хлопнув руками по столешнице.

— Что действительно бесит меня, так это то, что я зарабатываю каждый пенни, занимаясь на этой работе. Предоставить мне работу — не похоже на его благотворительность. Я действительно приношу много пользы его компании.

Я подхожу и кладу руку ему на плечо, а затем легонько целую затылок, и он вздрагивает.

— Возможно, Саша не единственная, кому нужно поискать новую работу, — шепчу я.

Роб поворачивается, и его взгляд пронзает меня.

— Что это значит?

Я поднимаю руки.

— Эй, успокойся. Я просто думаю, что работа с членом семьи может быть тяжёлой, потому что это профессиональное и личное одновременно. Если бы ты не работал со своим отцом, ты бы не имел дело с личной стороной дела.

Его взгляд останавливается на мне, но он ничего не говорит. Молчание затягивается, пока становится невыносимым, поэтому я нарушаю тишину и говорю:

— Слушай, давай постараемся забыть обо всём, что произошло сегодня, а? Возможно, я спою сегодня на вечере открытого микрофона, в конце концов. Мне нужно преодолеть свои страхи на каком-то этапе, и сейчас самый подходящий момент.

Роберт кивает и возвращается к приготовлению еды.

— Я пойду, приму душ, а потом вернусь, и мы сможем поесть

— Да, конечно, иди, — отвечает он, но, похоже, мужчина менее дружелюбен, чем обычно.

Приняв лекарство, я провожу много времени в душе, смывая грязь этого дня. Когда

выхожу, то заплетаю волосы во французскую косу и надеваю кремовое винтажное платье в тёмно-синий горошек и тонкий чёрный кардиган вместе с парой тёмно-синих балеток. Спустившись, я нахожу Роберта, который сервирует ужин, состоящий из утки, приготовленной в собственном соку с красным вином, морковного пюре и покрытого карамелью пастернака.

Кто-то, определенно, знает, как готовить.

Он всё ещё ведёт себя молчаливо и задумчиво, и неважно, насколько ласковой я стараюсь быть с ним, это не помогает изменить его настроение. Как только доедаю, я откидываюсь на спинку стула, закрываю глаза и нежусь в последних лучах солнца. Я отказываюсь от попыток развеселить Роберта и просто довольствуюсь отдыхом.

Несколько минут спустя слышу, как он говорит.

— Твои волосы выглядят прекрасно.

По-моему, комплимент — это окольный путь его извинений за малоприятное поведение.

Открыв глаза, я бросаю на него взгляд.

— Спасибо.

— Хочешь десерт? — спрашивает он.

— Конечно. А что это?

— Я приготовил лимонный сорбет.

— Да ну? Ну, ты просто полон сюрпризов, — криво улыбаюсь я.

Роб прикусывает нижнюю губу и поднимается, чтобы принести десерт. Когда он возвращается, мы едим в менее напряжённой тишине, чем прежде, но всё равно, это не игривая теплота, к которой я привыкла. Перед тем, как уйти, мы вместе моем посуду и берём свои вещи. Всё ещё не могу поверить, что я, на самом деле, сказала, что буду петь сегодня вечером просто, чтобы развеселить Роберта. Но всё равно это действительно не развеселило Роберта настолько, как я надеялась.

Я беру рюкзачок, засовывая в него свою деревянную коробку и барабанную палочку. Это — поддержка, но я не смогу петь без них. У меня также есть диск с минусовками некоторых моих любимых песен, подготовленных специально для этого знаменательного события. Если бы Саша знала об этом, она бы сказала, что я — бедолага, и была бы права.

Я вхожу в комнату Роберта и вижу, как он вешает ремень камеры себе на шею.

— Ты берёшь камеру? — с любопытством спрашиваю я.

Роб бросает на меня взгляд и кивает.

— У меня настроение, подходящее для фотосъёмки

Интересно, какие фотографии он планирует сделать.

— Пошли, — говорит он, взяв меня за руку, и тянет по лестнице. — Я хочу выбраться отсюда на некоторое время. Я не отвечал на звонки моего отца, и у меня такое чувство, что он вот-вот объявится, чтобы отругать меня лицом к лицу. Он присылает сообщение, говоря, что я — пустоголовый, и всё, что меня заботит — это моя внешность и попытки быть смешным развратником.

Я изумлённо смотрю на него.

— Он действительно сказал это?

— Да. Очень хороший родительский подход намекать на то, что твой сын — глупый самовлюбленный недоумок.

На мгновение, в душе чувствую себя виноватой, ведь у меня раньше были подобные

мысли о Роберте.

— Тебя огорчает, что он сказал это?

— Конечно, да, — восклицает Роб, проводя рукой по своему лицу. — Всё, что я когда-либо хотел — это чтобы он гордился мной, но единственное, что когда-либо впечатляет его, если я веду себя так же, как и он, *или* зарабатываю ему кучу денег.

Я притягиваю мужчину в объятия.

— Ты — это не то, что он думает о тебе, — шепчу я.

Роб крепко сжимает меня.

— Я знаю, — шепчет он в ответ, нежно касаясь губами моих волос, и отпускает меня.

Стоит тёплый вечер, и мы, взявшись за руки, направляемся к станции метро. Такое чувство, что солнце сильно сопротивляется, чтобы остаться в небе. Одна из моих любимых вещей летом — это то, что не темнеет допоздна. Вроде, как будто вы бесплатно получаете дополнительный кусочек дневного света.

Роберт отпускает мою руку, и я поворачиваюсь, чтобы обнаружить его с камерой, фотографирующего землю. Сначала смущённая, я опускаю взгляд и вижу, что кто-то разбил стеклянную бутылку на тротуаре, и она разлетелась на тысячи мелких кусочков. Свет солнца светит сквозь них и это выглядит так, будто земля сверкает.

— Прелестно, — говорю я, вставая рядом с Робертом, чтобы посмотреть снимки, которые он сделал. — А я думала, тебе нравится фотографировать только тела.

Роб сосредоточен на камере, и затем отвечает:

— Тела были тем, что ты бы назвала моей сильной стороной, но иногда и другие вещи будет привлекать мой взгляд. Мне также нравится снимать группы общающихся людей. Ты можешь многое почерпнуть от языка тела.

— Хмм. Это очень серьёзно.

— Мама раньше всегда говорила, что я слишком много думаю о разных вещах.

— Неужели? Я бы никогда так не подумала о тебе.

Он лукаво смотрит на меня, пока щёлкает фотографии.

Я иду на попятную.

— Не в плохом смысле. Ты просто похож на человека, который делает то, что чувствует, не думая слишком много. В хорошем смысле. Ты не связан запретами.

— Да, хорошо, — отвечает Роб с оттенком печали в голосе, — иногда люди много работают, чтобы отобразить реальную картину, когда в реальности всё наоборот.

Я изучаю его, думая, что в Роберте ещё так много, что мне предстоит узнать. Мы едем на метро и выходим на Пикадилли. Бар недалеко оттуда. Не ожидаю, что там будет много людей в понедельник вечером, но заведение полностью забито. С другой стороны, это Лондон для тебя. Это такое место, в котором всегда кажется, будто час-пик, и если ты слишком замешкаешься, то тебя растопчут.

— Стол регистрации там, — говорит Роберт. — Иди, внеси своё имя, пока я возьму нам напитки.

— Ладно, только для меня апельсиновый сок.

Он быстро кивает и уходит. Господи, не испорти его настроение сегодня вечером. Молодая женщина на сцене играет на пианино и поёт балладу. Когда я представляла себе вечер открытого микрофона, то рисовала какой-то рок клуб, полный экстравагантных персонажей, но это место больше подходит для деловых людей, выпивающих после долгого энергичного дня. Я с трудом сглатываю, чувствуя, как слегка пересыхает у меня в горле.

Трясущимися руками мне удаётся заставить себя написать своё имя на листе бумаги на столе. Принять участие стоит десять фунтов, и я неохотно протягиваю деньги. Куда катится мир, когда ты должен заплатить, чтобы сделать кое-что, что может быть потенциально унижительным?

Мне говорят, что передо мной ещё четыре участника, и я подаю парню свой диск, сказав ему поставить шестую дорожку. Я замечаю Роберта, сидящего в кабинке немного вдалеке от сцены. Он потягивает из стакана виски, без интереса водит глазами по залу. Дама за пианино в чёрных туфлях и тёмно-красном облегающем платье поёт о любви самым ничем не примечательным образом. Моя нервозность нарастает, и я всё больше и больше осознаю, что эта аудитория не для меня. В основном, люди говорят о ней, и когда она заканчивает, они награждают её хреновыми нерешительными аплодисментами.

— Я в этом не уверена, — говорю я Роберту, потягивая апельсиновый сок и беспокойно покусывая ногти.

Он достаточно долго умудряется выбираться из своего подавленного расположения духа, чтобы сжать мою руку, и говорит:

— Это — подготовка, самая худшая часть. Когда ты будешь делать это, ты будешь в порядке.

— Надеюсь, ты прав, — говорю я, подталкивая его плечом. — А ты, пожалуйста, брось размышлять о своём отце. Это не принесёт тебе никакой пользы.

— Я постараюсь, — отвечает он, вздыхая, и очерчивает указательным пальцем ленивые круги на моем бедре.

Неожиданная идея приходит мне в голову. Я знаю одну песню, которая точно развеселит Роберта. Она одна из моих любимых, и даже когда я ненавидела Роба, я всё равно думала о парне, когда слушала её, как иронично это бы ни было.

— Я должна кое-что сделать, — говорю я. — Скоро вернусь.

Глава 15

Зайдя за кулисы, я прошу звукооператора поставить четвёртую запись вместо шестой. Он закатывает глаза от моего энтузиазма, но я не обращаю на это внимания, считая, что тот измучен от работы на этих паршивых вечерах открытого микрофона, где еженедельно должен терпеть хорошее, плохое и гадкое.

Я спешу обратно в кабинку и сажусь, а моё тело пульсирует с удвоенной энергией. Странно, как выбор песни может повлиять на то, как ты себя чувствуешь, уверенно или нет. Сейчас, когда у меня есть идеальная песня, я чуть ли не рвусь туда.

Несколько исполнителей выполняют свои номера, и даже Роберт, кажется, немного взволнован. Он продолжает нежно прикасаться ко мне к тем местам, которые заставляют меня ловить кайф при контакте, и соблазнительно говорит мне, что не может дождаться услышать моё пение, пропуская локон моих волос между пальцев. Скоро через динамики объявляют моё имя, и я вытаскиваю деревянную коробку и барабанную палочку. Я замечаю, как Роберт разглядывает инструменты со смесью удивления и любопытства.

Моё сердце громко стучит в ушах, когда я прохожу сквозь толпу и поднимаюсь по ступенькам на сцену. Перед микрофоном я откашливаюсь и прочищаю горло. Сейчас я пою для Роберта и только для Роберта, и меня не волнует, что обо мне думают другие.

— Привет, — говорю я, представляясь. — Меня зовут Лана, и эта песня называется

«Прекрасный Принц» Адама и Муравьев. Я хочу посвятить её моему другу, который сидит вон там, в аудитории, — и жестом указываю на Роберта, а он подносит руку ко рту, издав громкий свист, и кричит мне:

— Любимый!

Я краснею и смеюсь.

— Да, ты — друг, который парень, — шучу я в ответ, забыв на миг о переполненном баре.

Роб снова свистит и кричит:

— Прекращай всё это!

Ухмыльнувшись, я наклоняюсь к микрофону:

— Теперь замолчи.

Откинувшись на спинку стула, Роберт улыбается. На самом деле, небольшая группа людей посмеивается над нашим общением.

Посмотрите на меня, я действительно *могу* говорить перед залом, полным людей, и не краснеть.

Начинается вступление, и я поднимаю свою барабанную палочку и постукиваю ею по коробке, чтобы соответствовать ритму песни. Когда я пою вступление, перед тем как начать первый куплет, Роберт сжимает губы, сдерживая смех.

Пока пою, я концентрирую взгляд на Робе, тем самым говоря ему, чтобы он перестал быть щёголем, показывая мне, как красив, и что насмешек не стоит бояться. Надеюсь, парень понимает, что я подразумеваю и говорю о его отце. Я пою только пару строк, когда он теряет контроль и раздаётся его смех. Не жестокий, а радостный. Его глаза слезятся, и Роб так сильно смеётся, вытирая пальцами свои щеки.

Вскоре он берёт свою камеру и снимает меня.

Я пою ему о том, чтобы он никогда не ронял себя, забыв все свои критерии. Чтобы Роб уважал себя и тех, кто окружает его. Смех Роба затихает, и выражение лица становится серьёзным, когда он действительно слушает то, о чём я говорю сквозь текст песни. Его взгляд оживляется, как будто говоря о том, что мужчина хочет стащить меня со сцены в укромный уголок и заняться чем-нибудь плохим.

Я так поглощена всем происходящим, что забываю волноваться по поводу того, думает ли Роб, какая я хорошая певица. Когда песня заканчивается, я смотрю вокруг себя и понимаю, что весь бар пристально смотрит на меня. Я сглатываю и делаю поклон, надеюсь, они пьются только потому, что я стояла тут, постукивая барабанной палочкой по коробке, как ненормальная.

Секунду спустя все начинают хлопать, как сумасшедшие. Ладно, возможно, я действительно была... хороша?

Я спускаюсь со сцены, а Роберт стоит у лестница и ждёт меня. Он подносит мне руку.

— Мадам, — говорит мужчина. — Я склоняюсь перед вашей оригинальностью. Это определённно не то, что я ожидал.

— А чего ты ожидал?

— Честно? Я боялся, что ты сядешь за пианино и произведёшь впечатление Тори Амоса.

Я хихикаю.

— Ну, я рада, что моя непредсказуемость впечатляет тебя... — Я замолкаю. — Так тебе понравилось?

— Мне так понравилось, что отныне я заставлю тебя петь мне перед сном каждую ночь

тем хриплым голосом. Хотя возможно, после этого у нас дело до сна не дойдёт, — поддразнивает Роб, наклоняясь поцеловать мою шею. — Кстати, когда ты ударяла по коробке, твоя грудь покачивалась. Это было очаровательно.

Я смеюсь и отталкиваю его, но он опять притягивает меня к себе и томно целует в губы, тут всё: и языки, и горячая влажность. Отстранившись, я хватаю ртом воздух и понимаю, что мужчина выводит меня из клуба и садит в такси.

— Серьёзно, ты — молодец. Я горжусь тобой. Знаю, ты боялась сделать это, но у тебя получилось красиво, — говорит он нежным голосом.

Я краснею.

— Спасибо, Роберт. Это много значит.

Мы сидим бок о бок на заднем сидении, и Роберт водит вверх-вниз по моему бедру. От него исходит тепло, а его прежнее плохое настроение полностью исчезает. Через какое-то время таксист включает радио, и начинает играть песня «Дочь Трубача» Дэмиена Райс. Вся такая нежная и романтическая, певец рассказывает о девушке, как он не может отвести от неё взгляд. Воздух в такси густеет, но Роберт и я — единственные, кто может почувствовать это.

Небольшое пространство находится в тишине, за исключением нежного потока песни, плывущего вокруг нас. Тёмный взгляд Роберта смотрит прямо на меня, и он передвигает ладонями по моим предплечьям. Его губы раскрываются, когда взгляд падает на мою поднимающуюся и опускающуюся грудь, а моё дыхание становится быстрым и неглубоким.

Роб подносит губы к моей шее и проводит языком от ключицы до мочки уха.

— Чёрт, эта песня, — шепчет он.

— Я знаю, — шепчу я в ответ.

— Я никогда не перестаю думать о тебе, Лана. Такое чувство, что я думал о тебе всю свою жизнь.

— Не говори так, — вздыхаю я, когда он нежно водит по мне носом.

— Почему нет?

— Потому что это заставит меня влюбиться в тебя, — говорю я ему самым тихим голосом, чувствуя, что могу заплакать.

— Хорошо, — говорит Роб, вздыхая и прижимая лицо к моей коже. — Потому что я давно люблю тебя.

Мои веки дрожат от удивления, и я хватаю его за подбородок, притягивая лицо Роба к себе.

— Что?

Мужчина обхватывает меня за плечи и пристально смотрит мне в глаза.

— Я давно люблю тебя.

— Роберт, — говорю я, и в моём дрожащем голосе звучат надвигающиеся слёзы. — Не ври мне.

— Я не вру. На самом деле, я никогда не говорил более честно в своей жизни.

Я открываю рот, а мой мозг не работает и ничего не находится в ответ. Затем таксист прерывает нас, совершенно не понимая тех переворачивающих жизнь моментов, которые сейчас происходят, и объявляет:

— Это будет двадцать пять восемьдесят, когда будете готовы, пожалуйста.

Я выглядываю в окно и вижу, что мы прибыли домой. Я настолько поглощена Робертом, что, кажется, поездка занимает считанные секунды.

Роберт отстраняется от меня и вытаскивает из кармана бумажник, протягивая водителю

пятьдесят, и говорит ему оставить сдачу себе. Мы входим в дом, и он прислоняет меня спиной к стене у лестницы, нежно целуя. Слеза стекает по моему лицу, а сердце пытается осмыслить признание, которое он только что сделал.

— Ты действительно любишь меня? — спрашиваю я, отстраняясь назад.

— Да, — вздыхает он. — Возможно, ты — единственная женщина, которую я когда-нибудь полюблю. У меня их было много, так чертовски много, Лана, и ни одна из них не была достойна просто стоять рядом с тобой в переполненном школьном коридоре. Видеть, как блестят твои голубые глаза под солнцем, когда ты не знала, что я наблюдал за тобой. Ловить вид твоих рыжих волос, когда ты шла через поле между нашими домами.

Он проводит рукой по моей щеке.

Его слова поражают меня прямо в сердце. *Все это время* он любил меня, но скрывал, потому что не знал, как с этим справиться. Господи, мы потратили впустую столько времени, притворяясь, что ненавидим друг друга.

Кажется, каждая молекула воздуха полностью оставляет меня, когда он нежно берёт мою руку и ведёт меня вверх по лестнице. В его комнате я сажусь на край кровати, пока Роб роется в ящике и что-то ищет.

— Раньше я думала, у меня страх перед сексом, — шепчу я, и он останавливается, глядя на меня.

Я робко ёрзаю.

— Это действительно, но сейчас я не уверена. Когда я с тобой, то чувствую, что мне хочется секса.

Роб смеётся, и его тёмные ресницы оттеняют глаза. Мои щёки краснеют от смущения.

— Не то, чтобы никто не хотел быть со мной, я просто не могла заставить себя быть с ними, — объясняю я.

— Я знаю это, Лана, — отвечает Роб, и у него такой мягкий взгляд, как тающий шоколад. — Хотя это, не лучшая идея говорить мне это прямо сейчас. Мысль, что ты с другим мужчиной, заставляет меня нанести тяжкие телесные повреждения.

Я улыбаюсь ему.

— Как ты думаешь, что я чувствовала себя, думая о тех женщинах, с которыми ты был?

Он вытаскивает пачку CD-дисков, просматривая их, и отвечает:

— Тогда не думай о них.

Я мельком смотрю на него и отвечаю:

— Ладно.

Наконец, Роб находит то, что искал — альбом кремового цвета.

— Это тот «О» Дэмиена Райса? — спрашиваю я.

Роб кивает.

— Песня из такси в нём.

— Я знаю.

Он наблюдает за мной томным взглядом, включая CD-диск. Звучит нежная композиция акустической гитары, и Роберт подходит ко мне, опускаясь на колени на пол у моих ног. Мужчина медленно стаскивает мои балетки, ставит их у края кровати и проводит руками по моим голым лодыжкам. Омут сладострастия сворачивается спиралью у меня в животе, когда я пристально смотрю на него, тяжело дыша.

— Это очень романтичный альбом, — говорю я, пытаюсь отвлечь его внимание на что-то ещё, что-то другое, чем прикосновения ко мне.

— Из-за тебя я становлюсь романтичным, — говорит Роб, не отвлекаясь, и его взгляд по-прежнему сконцентрирован на моих лодыжках.

Мужчина поднимает мою ногу и подносит её к своим губам так, а затем пристально смотрит на меня и клянётся:

— Я сделаю это приятным для тебя, Лана.

— Это кажется превосходным.

Я сдерживаюсь, когда Роб передвигает руку и гладит мой живот.

— Блин, я обожаю тебя. Мне нравится, какими большими становятся твои глаза.

Из меня вырывается стон, когда мужчина притягивает меня ближе к краю кровати и начинает расстёгивать мое платье. Оно свободно свисает по сторонам, открывая моё нижнее бельё под ним. На мне надет комплект: бюстгальтер и трусики, которые он купил мне. Роберт берёт меня за предплечья обеими руками и гладит их вверх-вниз, как только что делал с моими лодыжками.

— Скажи мне, что ты хочешь это, — шепчет Роб, и его взгляд сосредоточен на моём теле, будто соображает, как взять меня.

— Я хочу это, — говорю я с тихим всхлипом.

— Тогда раздень меня.

Его слова звучат, как нежное распоряжение.

Я делаю, как Роб просит — снимаю его рубашку, а он наблюдает за движением моих рук. Наклонившись, я целую его в шею, пока расстёгиваю ремень, а мужчина сглатывает, толкает меня на кровать и не спеша, снимает с меня платье и бюстгальтер. Он изучает мою наготу, стягивает трусики и гладит мягкие спутанные завитки между ног. У меня немного дрожат руки, и я кладу их ему на плечи.

— Ты нервничаешь? — спрашивает Роб.

Я сглатываю слюну.

— Немного.

— Не нервничай. Я позабочусь о тебе.

Его взгляд встречается с моим.

— Будет больно.

Он глубоко вздыхает.

— Возможно, ужалит, но на второй или третий раз будет лучше. Во всяком случае, так мне сказали.

— Ты никогда не был с девственницей?

Роб нежно улыбается.

— Это первый раз для нас обоих, малышка.

Мужчина целует мой сосок и начинает поглаживать у меня между ног. Чувствую, как становлюсь мокрой. Кажется, весь этот день, как один сплошной поток прелюдии. Он совершает медленные круги вокруг моего клитора до тех пор, пока у меня не начинается перехватывать дыхание, и я опираюсь на его тёплое плечо.

Роб целует меня между грудей, а когда добирается до лобка, то очень долго, влажно и трепетно ласкает его языком. Оставив меня на секунду, он отправляется к комоду и вытаскивает что-то маленькое — презерватив. Вернувшись ко мне, мужчина разрывает обёртку зубами. Просто видеть, как он делает это — уже колоссальный кайф. У меня в голове всё смешивается в ожидании. Не имею понятия, как это будет выглядеть, ведь всё, что я знаю — это то, что ужасно хочу этого и жажду.

Я с любопытством наблюдаю, как несколько раз Роб возбуждает себя рукой и спускает резинку по своей эрекции, гордо стоящей по стойке «смирно». Затем он замирает, пристально глядя на меня, пододвигается поближе, берёт мочку моего уха в свой горячий влажный рот и помещает головку пениса у моего входа. Такое чувство, что румянец расплзается по всему моему телу.

— Дыши медленно и глубоко, ладно? — шепчет он низким голосом. — Если тебе понадобится остановить меня, просто скажи это. Это всё для тебя, Лана.

Чувствую, как Роб осторожно входит в меня, и сильно закусываю губу. Он замечает, как я напрягаюсь, поэтому одной рукой держит себя надо мной, а другой рукой сплетает пальцы с моими. Это соприкосновение и глубокий вдох успокаивают меня.

— Люблю тебя, — выдыхает он, целуя мои губы в поразительном поцелуе, и полностью входит в меня.

Я вскрикиваю, чувствуя, будто меня растянули. Боль острая и жалящая, прямо как сказал Роберт. Его язык встречается с моим, и я стараюсь сосредоточиться на этом вместо боли.

Роб стонет, медленно входя и выходя из меня. Могу сказать, что мужчина сдерживается, и я рада этому, так как не уверена, что смогла бы выдержать, если бы он не сдерживался. Моё тело пылает, как в аду. Это, кажется хорошо и плохо одновременно, но почти облегчение иметь часть Роберта внутри себя. Это самая глубокая связь, которую, возможно, мы можем иметь, моё сердце бьётся так быстро, и бабочки порхают в груди.

— Ты удивительная, — говорит он, постанывая.

Иметь возможность видеть его в таком состоянии стоит любой боли, которую я чувствую прямо сейчас.

Я протягиваю руку и провожу пальцами по капелькам пота на его лбу.

— Ты такой красивый, — говорю я трепетным голосом.

— Только сейчас, потому что ты делаешь меня таким, — говорит Роб, и меня глубоко поражают его слова.

Ощущение его внутри себя снова жжёт, поэтому я подношу свой рот к его плечу и инстинктивно кусаю. Роб издаёт тихое проклятье, наклоняет голову и наблюдает за мной. Он смотрит вниз между нашими телами, видя, как входит и выходит из меня. Его рот приоткрыт. Я беру назад всё то, что сказала раньше — *это* самая эротичная вещь, которую я когда-либо видела.

Боль становится терпимее, чем больше он входит в меня, медленно и спокойно, покусывая губу и сдерживаясь, чтобы не двигаться быстрее. И сильнее. Звук того, как Роб хлопает по мне, раздаётся над музыкой Дэмиена Райса, поющего, чтобы Эми пришла посидеть у его стены, и, услышав это, я откидываю голову на подушки и тихо постанываю.

— Господи Иисусе, — говорит Роберт, и капелька пота стекает по его носу. — Не знаю, могу ли я... сдерживаться.

Мужчина движется быстрее, и ритм почему-то собственнический, будто помечая меня, затем падает на меня, выливаясь, и кончает. Я быстро и с трудом дышу, и у меня расширяются глаза, наблюдая за тем, как он стонет от удовольствия. Роб обнимает меня и переворачивается так, что я лежу на нём. Проводя кончиками пальцев по моим рёбрам и бёдрам, кажется, он трепещет от удовольствия, а согревающая улыбка касается его губ.

— Ты слишком милая, — говорит Роб.

Мужчина всё ещё во мне, и, несмотря на дискомфорт, не хочу, чтобы он выходил. Я хочу

заснуть вот так, вдвоём, чтобы мы были соединены самым основополагающим и совершенным образом.

— Хммм? — издаю я вопрошающий звук, слишком погружённая в свои мысли, чтобы произнести нужные слова.

— Те небольшие стоны и всхлипывания, которые ты издаёшь, — объясняет Роб. — У них есть сила, чтобы полностью уничтожить меня.

Я нахожу это приятным, прижимаюсь лицом к его шее и провожу носом по его вспотевшей коже. Он так хорошо пахнет и вызывает приятные ощущения. Спустя какое-то время, Роб, наконец, переворачивается, выходит из меня и снимает презерватив. Мужчина кидает его в корзину в углу комнаты, и я понимаю, что он всё ещё не вернулся ко мне. Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него, но вижу, как он пялится на кровь на простыни. Роб протягивает руку, будто собирается прикоснуться к ней, но потом останавливается.

Мужчина решительно выпрямляет плечи и тянет одеяло, чтобы прикрыть пятно.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, волнуясь.

Он проводит рукой по взъерошенным волосам.

— Да.

Секунду Роб молчит и продолжает:

— Не то, чтобы я не ожидал, что будет кровь — просто, будто я снова причинил тебе боль или что-то подобное. Мне надоело делать тебе больно.

Я хватаю его за плечо, притягиваю к себе и обнимаю, прикрывая нас одеялом.

— Мы начинаем с чистого лица, Роберт. Просто больше не причиняй мне боль. Это всё, что я прошу.

Он очень сильно прижимает меня к себе.

— Не буду, — шепчет он тихое обещание. — Не буду.

После этого Роб использует свои пальцы, чтобы отправить меня в самую прекрасную вызванную оргазмом дремоту. Проснувшись на следующее утро, всё, что я могу унюхать в комнате — это секс и Роберт. Запах вторгается в мои чувства, заливая меня. Я нервно задаюсь вопросом, была ли Саша дома, и слышала ли нас прошлой ночью, но потом вспоминаю, что её машины не было на подъездной дорожке, когда мы вернулись, поэтому должно быть, она вернулась домой позже... после того, как мы заснули.

Роберт прижимается лицом к ложбинке на моей шее и, вытянув ноги, я чувствую совершенно другие ощущения. Это вроде того, когда вы делаете новое упражнение, воздействующее на мышцы, которые никогда не использовали, и на следующий день чувствуете, как болит всё тело. Это самое близкое описание, которое я могу дать.

Мужчина, который занимался любовью со мной, настолько восхитительно обнажённый и более совершенный, чем любая древнегреческая статуя, которые я изучала столько лет. Гармония его черт была запрограммирована в моей голове, чтобы рождать в дальнейшем влечение и страсть, нравится мне это или нет.

Роб улыбается мне в кожу.

— Доброе утро, красавица.

— Доброе утро. Ты сегодня идёшь на работу? — спрашиваю я, замечая, что сейчас ровно семь часов.

Вздыхнув, он приподнимается и чешет затылок.

— Да, жаль, что я не могу остаться здесь.

— Мммм, это был бы идеальный день.

Роб хихикает и нежно накрывает ладонью мою грудь.

— Тогда мы сделаем это в эту субботу.

Его взгляд становится серьёзным, и мужчина с заботой смотрит на меня.

— Как ты себя чувствуешь? Есть болезненные ощущения?

— Немного побаливает, но нет ничего, что не исправит долгое пребывание в ванной.

Роберт стонет и отпускает мою грудь, наклоняясь, чтобы печально поцеловать её на прощанье.

— Не подавай мне идей. Я близок к тому, чтобы отпроситься с работы.

— Не нужно. Не после того, что случилось вчера с твоим отцом.

— Знаю. Чёрт, я действительно не хочу сегодня встречаться с ним лицом к лицу.

Обещай, что в час придёшь в офис и пообедаешь со мной. Так, по крайней мере, у меня будет хоть что-то, что я буду ждать с удовольствием.

— Хорошо, конечно. Я раньше никогда не была в компании твоего отца.

Абсолютно голый он встаёт с кровати и начинает рассказывать, как мне добраться.

— Повернёшь налево возле Вассино, пройдёшь минут пять, и ты там. Ты не сможешь пропустить её. Скажи девушке за стойкой, что ты пришла повидаться со мной, и она пропустит тебя. Мой офис на шестом этаже. Я кое-что закажу.

Я улыбаюсь.

— Ладненько. С нетерпением жду этого.

Роб крепко целует меня, затем направляется в ванную принять душ и собираться на работу. Я падаю на кровать, закрыв глаза и вдыхая его запах на подушках. После его ухода я принимаю ванну, беру с собой книгу и позволяю себе долго полежать в приятной воде. Но потом снова чувствую себя собой. Видения прошедшей ночи проносятся у меня в голове, заставляя покраснеть, хотя я совершенно одна. И неожиданно меня поражает. Я больше не девственница.

Положение кажется странным и чужим, что теперь это позади; этой вымышленной мифической вещи, которая когда-то заставляла меня чувствовать себя так отчуждённо, не стало. Должна ли я чувствовать себя иначе? Как новый человек? Ну, если должна, я не чувствую это. Я всё ещё я, и все эти часы, которые провела, беспокоясь об этом, кажутся теперь такими смешными.

Я готовлюсь к обеду с Робертом. Мне любопытно увидеть, какая компания Алана. Интересно, будут ли поблизости знаменитости.

В метро до района Найтсбридж я замечаю, что кто-то оставил экземпляр «Дейли Мейл» на свободном месте. Забыв взять с собой мой iPad, я беру газету и листаю страницы. Я ищу раздел шоу бизнеса, чтобы посмотреть, есть ли там что-то, что написала Саша. В основном, её статьи публикуются на веб сайте, но иногда публикуются на бумаге. Неожиданно я открываю новую страницу и вижу довольно длинную статью, причисленную Саше Филипс. Заголовок гласит: **«Поп звезда Молли Уиллис признаётся в выкидыше».**

Господи Иисусе, Саша, даёшь такие нелюбезные заголовки, почему?

Статья подробно рассказывает, как по слухам Молли действительно несколько недель назад *была* беременна, но когда случился выкидыш, она скрыла его, утверждая, что вообще не была беременной, и кто-то всё сфабриковал. Вчера вечером источник, близкий к поп-звезде, рассказал, что же было на самом деле.

Меня слегка подташнивает, пока я читаю, как несколько хорошо известных обозревателей жёстко набросились на Молли и назвали её безответственным чудовищем,

говоря, что у неё случился выкидыш из-за пьянства и гулянок на ранних стадиях беременности.

Я рада, что Саша только констатирует факты, не выражая своего собственного мнения по этому вопросу. На самом деле это удивительно, учитывая, что её начальство склонно к тому, чтобы подталкивать её к выражению таких точек зрения. Им нравится противоречия, ведь они полностью меняют позицию Мейл. Должно быть, она оставалась до конца верна своим принципам на этот счёт. Но всё, о чем я могу думать — это *бедняжка Молли*.

Я вспоминаю то время, когда видела её по телевизору, и было что-то печальное в очертании её губ. В тот самый момент, вероятно, она оплакивала своего потерянного ребёнка, но на публике ей пришлось взять себя в руки.

Что за странный мир, где однажды тебя провозглашают самой красивой женщиной Британии, а затем навешивают ярлык чудовища за то, что тебе не повезло, когда потеряла ребенка.

В наши дни СМИ действуют жестоко с неубедительным фасадом нравственного возмущения, хотя на самом деле, это всё *злорадство*, испытывая удовольствие от страданий другого человека. В этот информационный век мечи и ножи больше не предпочитают, а использует оружие — слова.

Мечи и ножи кажутся более простыми, но менее коварными. Никто не притворяется хорошим человеком, когда наносят тебе удар в живот.

Вытащив телефон, я отправляю Саше краткое сообщение: *«Видела твою статью в сегодняшней газете. Жаль, что тебе приходится писать такие вещи. Бедная девочка»*.

Когда выхожу со станции метро, я получаю от нее длинное сообщение: *«Если бы ты знала, что другие журналисты пишут о ней, ты бы так не говорила. Моя статья была поистине мажорной. Мой редактор хотел, чтобы я кое-что изменила, чтобы сделать её более сенсационной. Я сказала ему «нет». В данный момент я в двух шагах от увольнения. Но да, я знаю. Нынче это всё найти-поднять-шумиху-уничтожить. Молли нашли, подняли шум, а теперь её уничтожают. Это удручает»*.

Минуту спустя она присылает другое сообщение: *«Размышляю о том, чтобы стать автором поздравительных открыток. Ведь самое худшее, что мне когда-либо придётся сочинять — это выражение сочувствия и соболезнования»*.

«Найти-поднять-шумиху-уничтожить». Раньше я никогда не думала об этом в таком ключе, но это идеально описывает современную поп-культуру. Саша такая умная. Ты — творческая личность и поднимаешься от безызвестности к славе, удаче и бесконечному восхищению, но в один прекрасный день кто-то решает, что ты стал слишком самонадеянным, или приревновал тебя к твоему успеху, и решает поставить тебя на место.

Когда думаешь о такого рода последствиях, действительно кажется, что вообще не стоит пытаться прославиться.

С этими мрачными мыслями в голове, я направляюсь в «Пиар компанию Филипс».

Глава 16

Добираясь до работы Роберта, я отправляю Саше краткое сообщение: *«Это было бы забавно. Давай вечером пообедаем дома и потусим. Кажется, у тебя был трудный день»*.

Она отвечает: *«Очень трудный. Это свидание»*.

Темноволосая администратор улыбается мне, когда я вхожу через большие стеклянные

и стальные двери. На мне надет свободный кардиган без застёжки поверх платья, и рукав немного застрял на ручке. Сотрудники приходят и уходят, а я неловко стою на их пути. Я глупо морщусь, освобождая проход, и иду к стойке администратора. Высокий охранник стоит в стороне холла, сжимая губы и сдерживая смех.

— Здравствуйте, я на встречу с Робертом, — говорю я, неуверенно оглядываясь, ведь в этом месте выгляжу, как белая ворона.

Администратор изумлённо поднимает бровь.

— Это большое здание с несколькими компаниями. Надо быть более конкретной, милая.

— Э, Роберт Филипс из «Филипс Пиар».

Её взгляд мечтательно загорается. Да, она точно знает, о ком я сейчас говорю. Кто не заметил произведение искусства, которым является мой совершенно новый бойфренд, однако испорченный, каким он может быть внутри?

— Ах, *Роберт*, — говорит она, и я не знаю, как растолковать её тон. — Он упомянул, что кто-то придёт к нему на обед. Поднимитесь на лифте на шестой этаж, а я позвоню, чтобы сообщить, что вы идете.

Натянуто улыбнувшись, я благодарю её и захожу в лифт с другими людьми. Когда добираюсь до шестого этажа, он пустеет, и я остаюсь одна в кабине. Дверь со звоном открывается, и я захожу в коридор с серыми стенами и кофейного цвета ковром. Роберта нигде не видно, поэтому я иду по коридору, читая имена на дверях офисов, чтобы понять, смогу ли самостоятельно найти его. Я смеюсь, наконец, добравшись до офиса Роберта, и вижу, кабинет Джимми прямо рядом с ним. Интересно, это парень всё ещё докучает Саше свиданием.

Слышу голоса внутри, поэтому стучу и жду, когда кто-нибудь впустит меня. Спустя несколько секунд женщина сорока лет открывает дверь. Она похожа на рыжеволосую Сару Джессику Паркер, одну из тех женщин, чьи черты лица, кажется, не делают лицо привлекательным, но это не так. Ещё я замечаю, что наши волосы почти одного оттенка рыжего цвета. Хотя цвет её глаз отличается от моих, они совершенно коричневые и золотистые, как карамель.

Она вежливо улыбается мне.

— О, здравствуйте, вы новый интерн, которого прислали?

Я не успеваю ответить, так как Роберт подходит и улыбается.

— Она не твой интерн, Оливия. Это моя девушка, Лана.

Роб обвивает меня рукой за талию, и пока мой мозг переваривает имя «Оливия», добраясь до шокирующего факта, что это и есть та замужняя женщина, с которой был Роберт, я протягиваю руку, чтобы пожать её.

У неё чуть-чуть расширяются глаза, и она отвечает на моё рукопожатие.

— Приятно познакомиться с тобой, — говорит она, улыбаясь и оценивая меня.

Возможно, женщина думает, как я не подхожу Роберту, ведь мы похожи на противоположности — он в костюме, а я в причудливой винтажной одежде.

— Мне тоже приятно с Вами познакомиться, — говорю я, убирая руку, и позволяю Роберту крепче прижать себя.

— Я так понимаю, ты из Ирландии? — говорит она.

На ней надето облегающее тёмно-синее платье, а длинные волосы закручены на затылке.

Украдкой поглядываю в сторону и вижу, как Джимми и ещё какой-то мужчина находятся в офисе Роберта, и вздыхаю с облегчением. По крайней мере, она была не наедине с ним.

Я смеюсь.

— Да, акцент выдал меня?

Женщина жестикулирует большим и указательным пальцами.

— Немного.

Её взгляд смещается на Роберта, и она удовлетворённо улыбается ему.

— Кто бы мог подумать? У тебя слабость к рыжеволосым, Роб. Должно быть, я тебе привила к ним вкус.

Роберт хмурится, а Оливия от удовольствия поджимает свои губы. Мало она знает, ведь я уже хорошо знакома с их историей.

Передвинув руку на моё бедро, Роб наклоняет голову и целует в ложбинку моей шеи, затем с обожанием смотрит на меня и отвечает:

— На самом деле это сделала Лана, дорогая Оливия.

Та раскрывает рот и с секунду не говорит ни слова.

— Ну, — раздражённо изрекает она. — Мне лучше уйти. Наслаждайтесь своим обедом, — женщина делает резкое ударение на слове «обед», ехидное, если вам угодно.

После этих слов она выходит из кабинета, покачивая бёдрами и как бы пытаюсь сообщить языком тела, что ей наплевать.

Роберт вздыхает, и качает головой.

— Подумать только, меня избили из-за этой женщины.

— Сейчас она вернулась к своему мужу? — нетерпеливо спрашиваю я.

Он с удивлением смотрит на меня.

— Как ты узнала?

— Я услышала имя «Оливия», и сложила вместе два и два. Так это она?

— Её муж зарабатывает по полмиллиона фунтов в год. Как ты думаешь?

— Тогда я приму это, как «да».

Джимми с другим мужчиной проходят мимо нас, кивают Роберту на прощание и продолжают свой «слишком серьёзный» разговор. Закрыв дверь, Роберт поворачивается и впивается в меня губами, заставляя своим языком мои губы раскрыться. И только я начинаю расстёгивать его рубашку, как звонит телефон на столе. Неохотно он отстраняется от меня и идёт отвечать на звонок. Пользуясь случаем, я осматриваю кабинет.

— Да, это прекрасно. Принесите его наверх, — говорит он, а затем смотрит на меня и кладёт телефон. — Еда в пути.

Кивнув, я рассматриваю типичный вид Лондона из окна. Роб соблазнительно рычит и дефилирует ко мне. Его взгляд встряхивает мои нервы, и со смехом взвизгивая, убегаю от него. Он гоняется за мной вокруг стола добрых три минуты, пока не раздаётся стук в дверь. Я прислоняюсь к окну и пытаюсь отдышаться. Кто бы знал, что я способна быть такой игривой?

— Войдите, — зовёт Роберт.

Входит невысокий белокурый парень с двумя коричневыми бумажными пакетами и бутылкой газированного виноградного сока. Он ставит всё это на стол, и, получив чаевые от Роберта, уходит. Я быстро прохожу в ванную комнату и принимаю лекарство. Вернувшись, чувствую себя игривой, поэтому иду и сажусь на стул Роберта вместо того, чтобы сесть на

один из трёх стоящих стульев перед его столом. Это большой кожаный вращающийся экземпляр, божественно удобный и чертовски дорогой.

Порывшись в сумках, я нахожу греческий салат, хлеб, хумус и масло.

— Кажется, это вкусно, — говорю я, откусывая кусочек хлеба.

Я поднимаю взгляд и вижу, что Роберт стоит передо мной с протянутой рукой. Беру её, и он вытягивает меня из кресла, стремительно занимая моё место и располагая у себя на колени. Мужчина обнимает меня за талию, пытаюсь дотянуться до еды, и я опускаю голову ему на плечо.

Чувствую, как его низкий тембр голоса вибрирует у меня за спиной, когда он спрашивает:

— Хочешь есть?

— Очень, — шепчу я.

Роб берёт хлеб, окунает его в масло и подносит к моему рту. Я откусываю кусочек, и мужчина мурлычет в знак одобрения. Я должна толкнуть его локтем в бок, чтобы он не вёл себя глупо, но на самом деле, прихожу к выводу, что мне очень нравится, когда он кормит меня.

— Итак, — небрежно начинаю я через несколько минут после того, как любезно съедаю кусочки еды от Роберта. — Для чего ты встречался с Оливией?

Он хихикает.

— С Джимми и Конрадом, хочешь сказать?

— Да, и те двое, — говорю я, изображая забывчивость, и наливаю немного сока в стакан на столе Роберта.

— У одного из наших клиентов — кинозвезды на этих выходных состоится большая премьера, поэтому мы делали кое-какие приготовления. Оливия будет сопровождать его на этом мероприятии. Она великолепно справляется с прессой и знает, как воздействовать на них.

— Ха.

Роберт передвигает руку вверх по моему бедру. Чувствую его дыхание у своей шеи, и он хрипло спрашивает:

— Ты ревнуешь к ней, маленькая рыжуха?

Я пожимаю плечами.

— Трудно не ревновать, зная, что ты спал с ней за спиной у её мужа, а потом так лестно говоришь о ней.

— Мы заполняли пустоту друг друга. Её муж богат, но он, как тряпка в постели. И я дал ей те ощущения, которые она искала. Я хотел женщину с рыжими волосами, поэтому она не осталась в стороне и позволила трахаться с ней.

Когда Роб произносит последнее предложение, то проводит рукой по моим волосам, как бы подчёркивая свою невысказанную мысль. Он хотел женщину с рыжими волосами, потому что хотел меня многие годы, но не мог иметь.

— Хорошо, я больше не ревную, — весело говорю я ему.

— Я тоже так думаю, — отвечает он, усмехаясь, и отодвигая еду. — Итак, что ты думаешь о моём офисе?

— Восхитителен, — насмешливо говорю я.

Роб смеётся.

— Что это значит?

— Это бездушный офис карьериста в дорогом районе, Роберт. Что ты предполагаешь, я думаю о нём?

— Предполагаю, ты думаешь, что он сексуальный, и хочешь пошалить в нём со мной, — выдыхает мужчина, пощипывая губами по моей шее.

— Ну, когда ты представляешь его так, полагаю, я могла бы соблазниться. У тебя привычка к подобным вещам?

— Я никогда не занимался сексом в своем офисе, если ты это спрашиваешь.

— Даже с Оливией? Это было бы ужасно удобно просто проскользнуть сюда, когда у вас было маленькое свидание.

— Мы только встречались после работы. Оливия — профессионал с большой буквы. Она бы никогда не рискнула работой даже ради самой сексуальной задницы в этом здании, — шутит он, лаская меня языком за ухом.

Я хихикаю и вздыхаю одновременно, передвигаясь на его коленях, и чувствую, как Роб твердеет, блуждая руками по моему телу. Облизывая губы, я поворачиваюсь, чтобы поцеловать его в подбородок, и каждое моё нервное окончание горит в предвкушении того, что мужчина может сейчас сделать со мной при свете дня, а прямо за дверью находятся его сослуживцы.

Роб нежно покусывает зубами мочку моего уха.

— Быть внутри тебя прошлой ночью было самым лучшим, что я когда-либо чувствовал.

Его слова заставляют разлиться розовый румянец по моему телу.

Я подношу руку к выпуклости на его брюках, и возбуждение проносится по мне, когда Роб громко стонет. Это даёт мне пьянящее ощущение власти, что я могу так влиять на него. Фантазия, как я стою на коленях и делаю минет, проникает в мою голову. Стараюсь слишком много не думать, а просто позволяю телу проявить инициативу, и соскальзываю с его колен. Я опускаюсь коленями на ковёр, а Роберт таращится на меня с открытым ртом, осознавая мои намерения.

— Лана, — хриплым голосом говорит он.

Я посылаю ему дразнящую улыбку.

— Роберт.

Протянув руку к пряжке его ремня, я расстёгиваю пуговицу на ширинке, стягиваю молнию, и, подняв взгляд, вижу, как адамово яблоко подпрыгивает в его горле. Если кто-нибудь прямо сейчас вошёл бы в кабинет, он просто увидел бы Роберта, сидящего за столом, и остался в неведении, что же на самом деле происходит внизу.

Роб помогает мне стянуть брюки на бёдра, освобождая свою эрекцию. Я всегда боялась мысли о минете, думая, что это будет трудная и сложная процедура, но с Робертом я стремлюсь к этому. Хочу, чтобы ему было хорошо.

— Господи, — вздыхает мужчина, когда я подношу губы, чтобы поцеловать кончик его пениса.

Для пробы я открываю свой рот и беру внутрь примерно дюйм.

— Ах, чёрт побери. Лана, я люблю тебя.

Роб напрягает челюсть и хватается за кожаные ручки своего кресла.

Одно только его обращение делает меня мокрой, и я жажду фрикций там, внизу. У меня в голове эхом отзываются в каком-то глубоком тёмном укромном уголке слова «я тоже люблю тебя», но я не смею позволить им прозвучать.

Открыв рот шире, я беру в себя так много, как только могу, и начинаю двигаться вверх-

вниз. Роб протягивает руку, хватая мои волосы и оборачивает их вокруг запястья, мягко потягивая и постанывая. Я подношу свой рот к головке и вращаю языком вокруг неё, тем самым заставляю его разразиться чередой ненормативной лексики. У меня между ног пульсирует, требуя его прикосновений, поэтому я увеличиваю скорость и тайно запускаю руку под подол платья, поглаживая себя под трусиками. Мне до сих пор немного больно с прошлой ночи, но нежное воздействие собственных пальцев ощущается потрясающе. Возбуждающе. Запретно.

Я нуждаюсь в облегчении, ведь делая минет Роберту, я заводжусь сильнее, чем предполагала.

— О, Боже, ты трогаешь себя? — спрашивает он, вытягивая шею.

Ни на минуту не доверяй Роберту.

Я ничего не говорю, но выпускаю член Роба из своего рта и провожу языком по всей его длине.

— Чёрт, ты *трогаешь* себя. Заставь себя кончить для меня, детка. Ах, это удивительное чувство.

Роб запускает руку мне под бюстгалтер и сжимает сосок. Чувствую приближение оргазма и продолжаю сосать его, быстрее потирая свой клитор. Когда он в последний раз сильно сжимает мой сосок, я бьюсь в конвульсиях и кончаю, чувствуя, как мужчина изливается в мой рот. На какой-то момент я не знаю, что делать. Это мой первый минет, и мне непонятно, каковы надлежащие правила поведения. Секунду спустя я проглатываю, слегка морщась, от незнакомого ощущения.

Я опускаю голову на бедро Роберта, и он гладит мои волосы.

Мужчина откидывается на спинку кресла, и в его тёмных глазах я вижу чистое неподдельное желание.

— Мы будем причиной ущерба, — говорит он мне с лёгкой дрожью в голосе.

Поглаживая большим пальцем мою верхнюю губу, Роб проскальзывает внутрь моего рта и выскальзывает обратно.

Он выглядит испуганным, будто никогда не ожидал, что я совершу поступок, который только что сделала. Ну, таких нас двое, ведь я тоже никогда не ожидала этого. Роб встаёт и натягивает брюки, а я беру салфетку со стола и вытираю рот.

— Ты можешь воспользоваться ванной, чтобы привести себя в порядок, если хочешь.

— Я бы не прочь, спасибо, — говорю я, поднимаясь с пола. — Не хочешь пойти первым?

Роб фыркает и отводит взгляд.

— Нет, я в порядке.

Ладно. Может быть, ему нравится моя слюна на нём? Вернувшись из ванной, я сажусь Роберту на колени, а он просто обнимает меня до конца обеденного перерыва, и мы доедаем последние кусочки еды. Я так расслабляюсь, когда мужчина ласково проводит руками вверх и вниз по моим предплечьям, что почти засыпаю. У меня закрыты глаза, когда дверь кабинета распахивается, и появляется Алан. Господи, я знаю, это его компания и всё такое, но он мог бы, хотя бы сначала постучать.

Алан видит нас в обнимку и сразу же всё понимает.

— Привет, Лана, приятно снова видеть тебя, — говорит он с искусной улыбкой, прежде чем посмотреть на Роберта и поднять бровь. — Так это происходит, не так ли? Не могу сказать, что предвидел.

Роберт целует меня в лоб, улыбаясь.

— Да, это так.

— Хорошо, очень хорошо. Если вы закончили с обедом, я бы хотел поговорить.

Я торопливо встаю с колен Роберта и поправляю платье.

— Увидимся дома, да? — тихо говорю я, нежно целуя его в губы.

— Да, увидимся, — говорит он, проводя рукой по моим волосам и притягивая меня для более глубокого поцелуя.

Когда уйду, Алан кивает мне, и я закрываю дверь. Надеюсь, он не устроит Роберту большой нагоняй за его вчерашнее поведение. Не в состоянии сдержать себя, я остаюсь и прислушиваюсь.

— Тебе лучше не терять голову с этой, — говорит Алан своим характерным голосом, чётко звучащим через дверь.

Он говорит обо мне?

— Я не буду обсуждать Лану с тобой, отец. Итак, о чём же ты хотел поговорить?

О, полагаю, он говорит обо мне.

— Я имею в виду, что, по крайней мере, у Кары деньги имеются, — продолжает Алан, — и недаром же она жестоко обошлась с тобой, забрав квартиру. У Ланы Суини нет ни гроша за душой. Она явно с тобой только из-за преимуществ, которые это принесет ей.

Ладно, какого чёрта? Тон Алана такой узнаваемый. В конце концов, я потратила половину своего подросткового возраста, слушая, как Роберт подражает ему. Да, его отец, определенно, тот, кто учил парня, как усовершенствовать искусство непринуждённой жестокости. У меня руки чешутся, чтобы войти и сказать Алану, куда он может засунуть своё мнение.

— Лане наплевать на подобное дерьмо, поэтому перестань судить её по своим стандартам. Пожалуйста, можем мы сменить тему?

Алан издаёт преувеличенный вздох.

— Хорошо, хорошо, но помни, я предупредил тебя. Теперь о вчерашнем...

Как только он начинает говорить о делах, я оставляю их. Выхожу из здания всё ещё в шоке от того, как Алан говорил обо мне, хотя раньше он был таким очаровательным и вежливым.

В Уголке Ораторов я нахожу Фариду, который стоит среди группы мужчин с толстой коричневой сигарой между пальцев и произносит речь «Проблема с Дэвидом Камероном». Он разделяет свою тему на шесть частей, одна из которых просто называется «Волосы Дэвида», затрачивая добрых пять минут, анализирует способ премьер-министра прикрывать свою лысину, и как это отражает его политические действия. Должно быть, это довольно хороший способ, так как я никогда не замечала сказанную «накладку». Он подвергает критике больше комический подход, чем что-то глубоко политическое, а тем, кто слушает, кажется, очень нравятся его шутки.

Заметив меня, мужчина подходит к концу темы и приветствует меня сигарой. Он заканчивает, и к нему подходит темноволосый мужчина, намереваясь задать Фариду несколько вопросов, но тот отмахивается от него, говоря, что ему нужно отойти.

— Ты куда? — спрашиваю я, улыбаясь ему, когда мужчина проходит мимо меня.

Он пожимает плечами и оглядывается на группу, которая без него продолжает его тему.

— Сегодня нет настроения отвечать на вопросы, девушка. Иногда просто хочется высказать свое мнение и оставить всё, как есть, — затем он довольно резко гасит сигару о

металлический забор и уходит.

Эх. У него странное настроение. Опять же его характер в целом порой может быть просто странным. Это в некотором роде поражение — замыслить сказать речь, если после неё ты не собираешься разрешать задавать вопросы, но, полагаю, у каждого свои порядки.

Когда я замечаю старика в длинном бежевом пальто, строящего мне глазки, то решаю, что пора уходить. Лондон может быть захватывающим местом для проживания. Однако обратная сторона — это то, что вы должны опасаться придурков и чудаков, притаившихся за каждым углом. Это происходит на территории с большим населением.

Дома я делаю обычный массаж ног и немного занимаюсь. Я планировала много прочитать этим летом, но Роберт отчасти присвоил себе моё время. Всякий раз, когда он рядом, я, как правило, забываю обо всём. Не знаю, хорошо это или плохо.

Звонит моя мама, и мы болтаем больше часа, а в шесть Саша присылает мне сообщение о том, что привезёт суши на ужин. Роберт возвращается домой позже, чем обычно, когда мы уже накрываем на стол. Он обнимает меня одной рукой за талию, а другой закидывает ролл «Калифорния» себе в рот.

— Привет, красивая, — говорит Роб, проводя носом по моей шее.

— Эй, ты не мог бы остановиться? — жалуется Саша, сидя на табуретке у стола. — Я пытаюсь поесть.

Роберт улыбается, показывая зубы, и просто отвечает:

— Нет.

Когда мужчина слегка задевает губами у меня под ухом, чувствую покалывание по всему своему позвоночнику. Пытаясь отвлечь себя, я поворачиваюсь к Саше и спрашиваю:

— Ну, как прошёл твой день?

— Вот, блин. Ладно, средне. Конец всё ещё не определён. О, я встретила с Алистером за обедом и рассказала ему.

— Рассказала ему..? — озадаченно спрашиваю я.

— Ну, ты знаешь, о том, что я лесбиянка, — объясняет она, забавно и нервно шевеля губами.

— Это замечательно, Саша! Что он сказал?

— То же самое, что и Роберт, он всё знал, — она указывает роллом на своего брата. — Вы двое — парочка всезнающих ублюдков.

Роберт хихикает.

— Ну, если тебя это утешит, я никогда не подозревал.

Саша смеётся.

— У тебя нулевая способность отличить гомосексуалиста от человека обычной ориентации. Неважно. Помнишь того редактора, о котором я тебе рассказывала? Тот, кто всегда изводит меня?

— Да.

— Он рвал и метал, когда я отказалась внести изменения, которые предложил для той статьи о Молли Уиллис. И сказал мне, что закроет глаза на этот раз, но если я снова выкину такой номер, меня уволят. У меня почти руки чешутся, чтобы продолжать доставать его, и вытащить себя из бедственного положения.

— Кто этот придурок? — спрашивает Роберт, прищуривая глаза, в нём проявляется заботливый брат.

Саша качает головой.

— Никто, с кем я не могу справиться.

Мы доедаем ужин и проводим остаток вечера за просмотром фильмов в гостиной. Роберт тянет меня прилечь рядом на диване, заползает рукой мне под майку и вдумчиво поглаживает мой живот. Саша слишком театрально зевает на середине одного из фильмов и говорит, что собирается лечь спать. По-моему, она делает это нарочно, ведь ей не придётся видеть, как Роберт вкрадчиво лапает меня перед ней.

У меня пылают щёки, а тело буквально содрогается от желания к тому времени, когда она уходит.

— Пошли, — шепчет мне на ухо Роберт, — по-моему, мы тоже должны немного поспать.

Он ведёт меня в мою комнату, где я начинаю переодеваться в пижаму. У меня нет шанса надеть её, потому что Роб вырывает одежду и тащит меня на кровать в одном нижнем белье. Затем быстро отстраняется, говорит мне не двигаться, и уносится из комнаты, изрекая, что сейчас вернётся. Я делаю, как он просит, и ожидаю в предвкушении. Когда мужчина возвращается, у него в руках камера, и как я и ожидала, очертания презерватива в кармане.

Как обычно, при виде камеры у меня сердце бьётся быстрее. В равной степени я люблю и ненавижу, когда он фотографирует меня.

Пока я всё ещё лежу на кровати, Роб начинает делать снимки под косым углом. Он опускается коленями на кровать и протягивает руку, чтобы стянуть мои трусики чуть ниже моей лобковой кости, фотографируя.

— Роб, — говорю я, тяжело дыша.

— Что? — отвечает он, в улыбке изгибая свои губы.

Роб перебирает пальцами край моих трусиков, оказывая давление подушечкой большого пальца.

— Иногда это уж слишком.

Мужчина выглядит довольным.

— Конечно, спасибо. Теперь раздвинь ноги для меня.

Я дрожу и вздыхаю.

— Боже, почему ты должен говорить такие сексуальные вещи? Я не защищена от них.

Роб хихикает, и, сделав ещё несколько снимков, откладывает камеру, овладевает моими губами во влажном поцелуе и стягивает трусики по моим ногам. Я помогаю ему с его одеждой, и вскоре мы оба, голые, просто смотрим друг на друга. Головка его пениса двигается по моему клитору, заставляя меня стонать. Презерватив лежит на одной из подушек, и Роберт разочарованно смотрит на него.

— Жаль, что мы должны пользоваться этим, — говорит он, откидывая голову от удовольствия и трения между нашими телами.

Закусив губу, я спрашиваю:

— Неужели мы *должны* пользоваться им?

В его взгляде мелькает нерешительность.

— Чёрт. Да, должны. Я не проверялся. Знаю, у меня ничего нет, но, на всякий случай, я не хочу подвергать тебя риску.

— Ладно, — шепчу я, зажмуривая глаза и желая, чтобы мужчина был во мне.

Роб наклоняется и проводит языком между моих груди, пощипывая пальцами соски. Быстро, как молния, он надевает презерватив.

— Хмм, твоя манера входит в привычку, — мурлычет Роб, перекидывая мою ногу через

своё бедро и медленно входя в меня.

Он восхитительно наполняет меня, и хотя всё ещё есть незначительная болезненность, в этот раз это ощущается по-другому. Схватив его за плечи, я постанываю и закрываю глаза от ощущений.

— Чёрт, — шипит Роб, и всматривается в моё лицо, проявляя интерес к моей реакции на него. Мы замираем на какой-то момент, я смотрю на него, он смотрит на меня, а наши тела связаны и крепко сцеплены вместе. Роб перемещает руку вниз по моей шее и кладёт её на ключицу, снова начиная двигаться. Сначала мужчина делает всё медленно, но постепенно толчки становятся быстрее.

Когда Роб сильнее вторгается в меня, я вскрикиваю, а он стонет в ответ. Вспомнив, что Саша спит в своей комнате по коридору, я пытаюсь успокоиться, но это трудно, когда мужчина делает это так сильно. Я теряюсь, и всё, что хочу — ещё.

— Ты даже не знаешь, как ты прекрасна, — выдыхает Роб, тяжело дыша. — Ты уничтожила меня для кого-то другого в тот самый первый раз, когда я увидел тебя.

Я впитываю его слова, понимая, что Роб сделал то же самое со мной. В тот день, когда я познакомилась с Сашей, они переезжали в коттедж, и она представила мне своего брата Роберта, не думаю, что я когда-либо видела такого красивого парня. Он так сильно взволновал меня, что я едва могла говорить. Прерывая мои мысли, Роб хватает меня за талию и неожиданно переворачивает так, что я оказываюсь на нём сверху, когда он всаживается в меня.

Роб обхватывает низ моего живота своей большой тёплой рукой и прижимает пальцами, когда помогает найти собственный ритм и просто придерживать его. Стесняясь поначалу, я двигаюсь вверх и вниз по его члену, а когда нарастает удовольствие, я забываю всю застенчивость. Мужчина переплетает свои пальцы с моими, держа мои руки, и бормочет мне нежные сексуальные слова о том, как идеальна моя грудь, и как он одержим моими губами. Единственное, что доходит до меня — это то, когда Роб говорит, что я его, я принадлежу ему, а он мне.

Моё сердце переполнено чувствами от его собственнического обожающего и боготворящего взгляда, будто я самое удивительное, что он когда-либо видел. Тут я больше не могу сдерживаться. Я должна выпустить эти слова или, кажется, они уничтожат меня. Он кружит пальцем вокруг моего клитора, доводя меня до оргазма, и я кончаю с ним, а фраза: «Я люблю тебя» срывается с моих губ.

У Роберта открывается рот, когда он понимает, что я только что прошептала ему.

— Я тоже люблю тебя, — говорит мужчина в ответ, почти рыча, и чувствую, как он наполняет меня, кончая долго и сильно.

Плюхнувшись ему на грудь, я закрываю глаза и засыпаю через несколько секунд.

Я просыпаюсь чуть позже на секунду, потому что Роберт выходит из меня. Он идёт в ванную вымыться, а когда возвращается, обнимает меня. Я просыпаюсь уже ранним утром, а Роберт уходит на работу. Как обычно, жаль, что он должен идти. Я так влюблена, что просто хочу провести целый месяц наедине с ним, ничего не делая, а только занимаясь сексом, есть и смеяться. Возможно, даже говоря о нашем прошлом, мы действительно чувствовали, что возводили фальшивую стену ненависти.

Роб стоит возле кровати и смотрит на меня, а утреннее солнце светит сквозь занавески.

— Мне приснилось? — спрашивает он, улыбаясь мне. — Или прошлой ночью ты сказала, что любишь меня?

Несмотря на улыбку, мужчина выглядит беззащитным, редкость, которую можно увидеть в Роберте. Кажется, будто я держу его счастье в своих руках, и независимо от того, как отвечу, это очень важно в его судьбе.

Улыбаясь в подушку, я натягиваю простынь, чтобы прикрыть грудь, и отвечаю:

— Да, сказала. И я люблю.

Это так красиво — видеть улыбку на его губах. Вдруг, кажется, что в нём зажегся свет, которого раньше не было, будто трещина в душе Роба прочно затянулась.

Мужчина встаёт на колени у кровати и гладит мои волосы.

— Ты любишь меня, малышка?

— Я люблю тебя, Роберт, — мурлычу я, наслаждаясь ощущением от его прикосновения.

— Я тоже люблю тебя, — отвечает он, широко улыбаясь, затем наклоняется, чтобы оттянуть простынь, и провести носом по каждой моей груди.

Подобрав одежду, сброшенную прошлой ночью, Роб выходит из комнаты, посылает мне воздушный поцелуй и тихо закрывает за собой дверь.

Глава 17

Следующие несколько недель, как счастливое переполненное сексом помутнение. Роберт и я находим способы проводить вместе как можно больше времени, насколько это возможно. Когда у меня выходные, я обедаю с ним в его офисе, куда он заказывает вкусные деликатесы, некоторые из которых немного сытные, и мне не следует это есть, но я на седьмом небе от счастья, чтобы проявлять осторожность. Я никогда не чувствую *недомогание*, просто иногда небольшую усталость, ведь это не должно навредить моему здоровью. Или, возможно, моё счастье почему-то берёт верх над этим.

Ночью Роберт проскальзывает в мою комнату, раздевает меня догола и часами занимается со мной сумасшедшей, пылкой и страстной любовью. Я вспоминаю строки из песни «Я видел сон» про приходящих ночью тигров с их мелодичными голосами, как раскаты грома. Ласковый голос Роберта разносится, как гром, а его губы и тело оставляют отпечаток, овладевая мной.

Просто скажу, я не сплю столько, сколько спала раньше.

Когда Роберт во мне, у него есть такая привычка шептать мне на ухо пикантные штучки, типа «*твоя упругая маленькая киска была создана для меня*», или «*мой член идеально подходит тебе*». Я привыкаю к грязным разговорам (и нахожу, что мне, на самом деле, это очень нравится).

Его дыхание на моей коже, как таинственный и туманный дым. Кажется, будто Роба никогда не бывает достаточно, и честно говоря, мне тоже. Я становлюсь более уверенной в сексе, иногда даже играю ведущую роль и беру на себя инициативу. Всякий раз, когда я делаю так, у Роберта появляется такое выражение лица, будто он не смог бы возбудиться сильнее, если бы попытался.

Пару дней назад, утром, я проснулась и обнаружила, как Роб облизывает языком у меня между ног. Всё, что я смогла сделать — это потянуться, как кошка, и застонать от того, как великолепно это было. Наши тела постоянно вращаются друг против друга, в соответствии с тем, что мы хотим и в чём нуждаемся.

Прошло четыре недели, когда Роберт сдал анализы на венерические заболевания, чтобы убедиться, что незащищённый секс безопасен для нас. Результаты ещё не вернулись, но,

очевидно, мы с нетерпением ждём тот день, когда они придут, чтобы быть вместе без всяких преград.

Когда иду на обследование к местному терапевту, то прошу врача о противозачаточных таблетках. Кажется, он колеблется, так как это может в какой-то мере повлиять на мой диабет, но я настаиваю и, в конце концов, врач даёт рецепт, говоря, что соответственно мне придётся произвести корректировку потребления инсулина. Затем он проверяет сахар у меня в крови и хмурится, глядя на промежуточный отчёт семейного врача, и отмечает, что уровень моего сахара не так уж хорош, как был.

Я подозревала, что так и будет, но об этом не беспокоюсь. Вместо этого я соглашаюсь быть более осторожной с сегодняшнего дня. В последнее время жизнь была бурной, и у меня не было такого же количества времени, чтобы планировать здоровое своевременное питание и упражнения, как раньше. Я раз или два забывала про инсулиновые инъекции, что совсем не похоже на меня. Это вредно, и обследование, как небольшой шок, который нужен мне, чтобы прийти в себя.

Я всё ещё не рассказала маме о Роберте и о том, что мы были вместе, ведь, если бы рассказала ей, вероятно, она прилетела бы в Лондон и за шиворот утащила бы меня домой. Работая в полиции, она всегда думает, что лучше для других.

Иногда я ей звоню, и она читает мне ещё одну лекцию о необходимости быть осторожной, когда я в городе одна, и осмотрительней заводить новых друзей, потому что они могут оказаться психами. Мне кажется, я кричу на неё, говоря, что она не может всегда продумать жизнь в идеально правильном соотношении. Так иногда ваши эмоции наполняют вас до точки взрыва, и вам приходится следовать за ними туда, куда они хотят вас вести.

Конечно, как ни удивительно, я никогда не говорю этого. Мама — самый худший человек, с кем можно спорить, потому что она блестяще сохраняет спокойствие и хладнокровие, а я наоборот. У неё есть способ заставить себя быть неуверенной и неуравновешенной. Я часто начинаю кричать, а лицо покрывается красными пятнами.

В последнюю неделю июля Олимпийские игры в самом разгаре, и город кажется сумасшедшим местом. Во время регулярных визитов Уголка ораторов в Гайд-Парке я вижу людей со всего мира и слышу ещё более страстные споры, чем раньше. В воздухе стоит гул. Или, может быть, это просто потому, что я так сильно люблю Роберта, и мне кажется, тону в собственных гормонах и телесных химических реакциях. Внезапно всё кажется красочным и ярким.

Однажды днём Саша просит меня посидеть с ней, пока разговаривает по скайпу с мамой. Это грандиозное событие. Она собирается открыться ей. Лиз сидит перед камерой старого компьютера на кухне, нервно уставившись в него, и явно думает, у нас плохие новости.

Я не могу осуждать её.

У Саши очень серьёзное лицо, будто она собирается признаться в убийстве. Мне ещё предстоит многое сделать, чтобы показать подруге, что ей не нужно стыдиться того, кто она есть.

— Привет, девочки, вы хорошо выглядите, — говорит Лиз, беспокойно двигаясь из стороны в сторону на стуле.

— Спасибо, Лиз, — говорю я, пытаюсь казаться настолько весёлой, насколько это возможно, чтобы свести на нет мрачное настроение Саши.

— Мама, — хрипит Саша, — я кое-что должна рассказать тебе.

Знаете, Саша действительно делает над собой усилие, когда называет свою мать «мамой», а не по имени.

— Что такое? — тихо и немного взволнованно спрашивает Лиз.

Несмотря на то, что Лиз и моя мама лучшие подруги, они совершенно разные. Лиз легкомысленная и не умеет скрывать свои чувства, в то время как моя мама «эмоционально недоразвитая». Она говорит отчасти прямолинейно и, по сути. Знаю, она любит меня, просто не способна показать это обычным способом. Вместо того, чтобы обнять меня, как это часто делала моя бабушка Пенни, мама сурово похлопает меня по плечу или молчаливо кивнёт в знак одобрения.

Издав глубокий вздох, Саша прямо выдает.

— Я лесбиянка.

Лиз удивлённо кашляет.

— Что это было, милая?

Саша начинает молотить вздор, теребя край футболки.

— Я пытаюсь быть нормальной и просто рассказать людям, поэтому сейчас я говорю тебе, мама. Я — лесбиянка, и мне нравятся девушки.

— Ох, — говорит Лиз, широко раскрывая глаза и кивая головой. — Право, — слабая улыбка появляется на её губах, и она смеется. — Ради Бога, Саш, я думала, что ты собираешься сказать мне, что тебя обвиняют в вооруженном ограблении. Это замечательно. Я рада, что ты рассказала мне. Честно говоря, я всегда подозревала, что это так.

Саша возмущённо вскидывает руки, и я заливаюсь смехом.

— Чёрт побери, все уже знают?

— Саша, поменьше чертыхайся, пожалуйста, — говорит Лиз, кривя губы с отвращением.

— Ой, да ладно, ты не можешь ругать меня за это, ведь потом пойдёшь и сама это произнесёшь, — с юмором говорит Саша. — Никакие добавления не делают это неожиданно целомудренным.

И вроде бы всё снова нормально. Мы болтаем с Лиз ещё час или около того. Когда «всплывает» вопрос о том, чтобы рассказать об этом отцу, я ожидаю, что Саша отмахнётся от него, но к удивлению, девушка не делает этого. Она прямо садится и сообщает нам, что собирается рассказать ему в следующее воскресенье, когда пойдёт к нему на ужин. Саша также заставляет меня пообещать, что я пойду с ней для моральной поддержки, а я отвечаю, что буду рада.

Мы прощаемся с Лиз и устраиваемся поудобнее на кровати Саши.

— Итак, как теперь ты себя чувствуешь, когда открылась маме? По-моему, мне следует испечь торт или что-то в этом роде, чтобы отпраздновать.

Она смеётся, качая головой.

— Без тортов, пожалуйста. Хотя это приятно, наконец, я стала зрелым взрослым человеком. Кто бы мог подумать, что, на самом деле, это было во мне, а? — говорит она, поднимая телефон и просматривая сообщения.

Я киваю и улыбаюсь, радуясь, что подруга счастлива.

— Хотя мне ещё предстоит пройти длинный путь, — продолжает она, и её настроение немного мрачнеет. — Есть одна девушка-барменша, которая мне нравится в том месте, где я по утрам пью кофе перед работой. Светлые волосы, очень красивая, но, всякий раз, когда я пытаюсь поговорить с ней, то просто чувствую себя гнусной лесбиянкой, похотливо глазеющей на натуралку.

— Откуда ты знаешь, что она натуралка? — с любопытством спрашиваю я.

Саша наклоняется ко мне.

— Ну, она всё время носит такие облегающие платья с цветочным принтом.

Я хлопаю её по руке.

— Саш! Это не значит, что она натуралка. Просто посмотри на Порша де Росси. И вообще, ты из тех лесбиянок, которые смогли бы превратить даже натуралку в бисексуалку.

Она ухмыляется и поближе наклоняется ко мне, хрипло спрашивая:

— О, неужели. Ты пытаешься сказать мне что-то, Лана?

В этот момент Саша очень напоминает мне Роберта, что по-настоящему страшно.

— Заткнись! Ты знаешь, что я имею в виду, — хихикаю я, отталкивая её.

Она смеётся и снова прослушивает свой телефон.

— Я не знаю. Ты встречаешься с моим братом-близнецом. Возможно, это просто потому, что ты тайно хочешь меня, а он наилучшая альтернатива.

Роберт не наилучшая альтернатива, он *единственный*, но я не говорю ей этого. Не хочу докучать людям с моими новообретёнными и неясными чувствами к нему.

Я долго смотрю на неё в изумлении, пока Саша не поднимает взгляд от телефона.

— Эй, я просто шутила — прими успокоительное. Мы знаем, что я была непристойно влюблена в *тебя*. Кажется, я проведу остаток жизни с неадекватной любовью к своим друзьям, тайно умирая в душе.

Я стараюсь не думать об этой последней фразе. Неужели она умирала в душе, когда мы были подростками? Вместо этого я поджимаю под себя ноги и сажусь прямо.

— Ты не можешь допустить, чтобы это случилось. И единственный способ быть открытой, если тебе кто-то нравится. Чёрт, Саша, ты живёшь в Лондоне. На каждом углу есть лесбиянки. Тебе нужно выйти и познакомиться с ними.

— Хорошо, хорошо, — говорит она, поднимая руки. — Я приглашу на свидание девушку-барменшу и увижу, что она скажет. Худшее, что может произойти, это то, что она сожалеет, но меня это не волнует.

— Точно! — с энтузиазмом говорю я, давая ей «пять».

Саша делает то же самое в ответ, хотя бросает на меня взгляд, дающий понять, что я очень странный человек.

Вечером перед большим «откровенным» ужином в доме Алана на Хампстед-Хит я стою в спальне, сворачивая чистую одежду, которую только что вынула из сушилки. Это был напряжённый день, и я вообще с трудом встретила с Робертом.

Спустя мгновение чувствую, как сильные руки Роберта обвивают меня, и запах его одеколона: «Армани Код». Иногда мне нравится брызгать немного на себя просто так, чтобы это напоминало мне о нём, когда Роб не со мной. Даю слово, это не так странно, как кажется.

Обвивая одной рукой за талию, он толкает меня так, что я нагибаюсь и ударяюсь руками о поверхность кровати. Роб опускается к моим ногам, разводит их и шуршит пальцами по моим трусикам под юбкой. Расстегнув молнию, мужчина стягивает с меня юбку. Я даже не удосуживаюсь спросить, что он делает, потому что уже знаю. Я тоже сегодня скучала по нему.

— Хмм, — бормочет он, нежно хлопая меня по заднице.

Роб оттягивает мои трусики в сторону так, что может засунуть в меня палец.

— Уже мокрая, — продолжает он, всасывая воздух сквозь зубы.

Мужчина погружает ещё один палец, и я вздыхаю, затем вводит третий, полностью заполняя меня.

— Пожалуйста, — хнычу я.

Роб продолжает водить туда-сюда до тех пор, пока я не поднимаюсь и не начинаю умолять войти в меня. Он хватается меня за талию, кажется, Роб легко может обхватить её ширину своими большими руками.

— У тебя самая совершенная задница, которую я когда-либо видел, — говорит Роб мне, искушающим тоном.

Сильно прижав свою эрекцию к моей попке, Роб скользит рукой между моих ягодиц и проводит по месту, которого прежде не касался. Я дергаюсь в ответ, но он подносит другую руку вперёд, чтобы успокаивающе потереть мой живот, успокаивая, будто я нервная лошадь или что-то в этом роде.

— Роберт, нет, — нервно прошу я.

— Шшшш, — говорит он хриплым голосом. — Просто дай мне...

Следующее, что я слышу — это расстёгивающуюся молнию его брюк.

— Вчера я получил результаты, — шепчет Роб, проводя языком по моей шее.

Я даже не способна реагировать на то, что он говорит. Всё, что я знаю — это то, что взорвусь, если Роб ничего не сделает, чтобы сокрушить эту нездоровую потребность во мне.

Он готовится и проникает в меня, описывая пальцами круги вокруг моего заднего прохода. Я сразу же осознаю разницу, чувствуя его в себе без презерватива, и насколько это лучше. Как правильно это ощущается.

— Господи Иисусе, это чертовски божественно, — стонет Роб.

Потянув меня обратно к себе за шею, мужчина быстро ударяет по мне и ворчит. Я теряюсь в ритме, не понимая, что его большой палец давит на мой анус, описывая круги вокруг него, и совсем чуть-чуть проскальзывает внутрь.

— Чёрт, — ругаюсь я. — Это... это...

— Неожиданно, но приятно, — подсказывает Роберт, задыхаясь. — Я хочу претендовать на каждую часть тебя.

— Да!

— Тебе нравится это, красивая? — спрашивает он, покусывая мочку моего уха.

— О, Боже.

— Просто чувствуй это, — говорит Роб мне и, кажется, что он везде, его голос, тело, полностью покрывающий каждый дюйм меня.

Мужчина всё глубже продвигает большой палец, а я никогда и не знала, что что-то запретное может быть таким приятным, особенно в сочетании с толчками его пениса внутри меня.

Роберта опускает голову в ложбинку моей шеи, и когда кончает, впивается зубами в мою кожу. Я пытаюсь приглушить свои крики, но они вылетают громко и неуверенно. Он выходит из меня и крепко стискивает, сильно прижав мою спину к себе, а затем начинает кружить по моему клитору и, спустя секунды, я кончаю.

Откинув одеяло, Роб поднимает меня на кровать и вынуждает лечь ему на грудь. В тёмном безмолвном доме, я чувствую себя удовлетворённой и целостной. Я долго переживаю случившееся, только чтобы убедиться, что заснула, и мои мысли соединились с моими мечтами.

На следующее утро я не чувствую себя замечательно. Слабость в теле, и я просто хочу

остаться в постели и отдохнуть, но знаю, что сегодня нужна Саше, поэтому делаю хорошую мину и иду на прорыв. По дороге к Алану она лихорадочно покусывает ногти, сидя на заднем сидении в машине Роберта. Я поворачиваюсь, протягиваю руку с переднего сидения и сжимаю её руку в своей.

— Эй, мы пойдём на церемонию закрытия Олимпийских игр на следующей неделе, — говорю я ей. — Это будет удивительно. Почему бы тебе просто не думать об этом, а с нетерпением ожидать и перестать беспокоиться о том, как отреагирует твой отец?

Она стискивает мои пальцы и безрадостно смеётся.

— Тебе легко говорить. Твой отец не Алан Филипс — профессиональный распространитель неприятностей.

У меня вообще нет отца, но сейчас не время говорить обо мне.

— Ладно, ну, как насчёт этого? Если твой отец скажет что-то, что причинит тебе боль, я двину ему между ног.

Она нежно улыбается мне, а Роберт шутливо предупреждает:

— Ты не сделаешь ничего подобного. Отец никогда не испугается судебного процесса или двух. О, и говоря об Олимпийских играх, — говорит он, изгибая бровь на Сашу в зеркало обзора заднего вида, — ты уже решила, кому отдашь те лишние билеты?

Вздыхнув, Саша закатывает глаза.

— Хорошо, ты можешь взять один. Какой бы я была сестрой, если бы отказала тебе, а?

Роберт качает кулаком в знак победы, отвечая:

— Очень, очень плохой сестрой на самом деле.

Когда мы добираемся до дома, Мелани открывает дверь в потрясающем облегающем персиковом платье. Она видит руку Роберта на моём плече, и я замечаю еле различимое раздражение на её губах. Можно подумать, она с Аланом для того, чтобы добраться до его сына или что-то подобное. Ну, это и ещё деньги.

Она приветствует нас. Мы проходим в роскошную гостиную и садимся, а кое-кто, кого можно охарактеризовать только как дворецким, приносит нам напитки. Чувствую себя, будто я только что вышла на съёмочную площадку «Аббатства Даунтон».

Алан разваливается в кресле, потягивая из бокала шерри. Мы ведём вежливую беседу, пока не возвращается дворецкий, сообщая, что ужин накрыт. В столовой Роберт отодвигает мне стул, и я моментально думаю о нём, как о безупречном джентльмене, прежде чем тот прошуршит пальцами по моей попке. Ладно, возможно, не *безупречный*.

— Итак, Саша, милая, расскажи мне, что происходит на работе? Я видел ещё одну твою статью в газете на прошлой неделе, очень хорошо написано! — гордо восклицает Алан.

Статья, о которой он упоминает, опять была о Молли Уиллис, и как вся негативная реакция прессы о выкидыше стала причиной её депрессии. Она пыталась выпить целый флакон лекарства, очевидная попытка самоубийства или крик о помощи, и сейчас госпитализирована в реабилитационный центр небольшого монастыря для лечения.

Знаю, она просто ещё одна молодая знаменитость среди десятков тех, кого пресса съедает заживо, но по некоторым причинам, я не могу перестать думать о её истории. Возможно, потому, что слежу за ней с самого начала лета. Мне никак не удастся выкинуть из головы режущую природу жестокости, вылитой на неё, как высоко вознесли и обожали, а потом швырнули в пучину, где акулы могут сожрать девушку живьём.

Не только это, но на самом деле, никому *нет дела*. Не совсем. Люди читают истории о ней, и их реакция немного больше, чем пожатие плеч и «эээ, она это заслужила».

В каком мире мы живём, где уровень сочувствия у людей опустился так низко?

Неужели мы так пресыщены и безразличны ко всему, что больше не имеем истинной способности к состраданию?

Эти мысли занимают меня, и теории, которые возникают из них, кажутся в некоторой степени важными, будто я на грани момента «эврика!», где внезапно точно пойму, почему так озабочена.

Когда возвращаю внимание к разговору, то нахожу, что Саша вводит отца в курс своих дел на работе. Роберт сидит рядом со мной и довольно очевидно под столом выбрасывает вперед ногу, пиная Сашу. Она сердито смотрит на него, а он расширяет свои глаза, как бы говоря: «Скажи ему!»

Подруга откашливается, и у неё краснеют щеки.

— Эээ, в настоящее время у меня есть кое-что ещё, что я хотела рассказать тебе.

Алан широко улыбается, расправляя салфетку себе на колени.

— О, неужели, что это? Тебя выдвинули на повышение?

— Нет. Это что-то более личное.

Внезапно улыбка Алана исчезает, и он расправляет плечи.

— Саша, ты знаешь, я не люблю говорить о таких вещах за ужином. Расскажешь позже, — говорит он, отмахиваясь от неё.

Вижу, как у Саши увлажняются глаза, и немедленно испытываю желание обнять и вытащить её отсюда. Она проглатывает комок в горле, смахивая слёзы.

— Нет, отец, — сурово говорит она. — Я хочу рассказать тебе сейчас.

— Саша, — предупреждает её Алан, хмуря тёмные брови.

Невежественная Мелани, как всегда, перебивает:

— Дай ей сказать, Алан. Давай, я хочу услышать её новости.

Саша сверлит взглядом Мелани, и если бы взгляд мог бы убить, она была бы мертва. Затем девушка переводит пристальный взгляд к отцу и резко вдыхает, прежде чем выдохнуть.

— Я хотела рассказать тебе, отец, и уже рассказала маме на прошлой неделе, — это то, что я лесбиянка.

— Саша! — восклицает Алан, вставая в негодовании и подходя к ней. — Пошли в мой кабинет со мной. Сейчас.

Мелани мямлит сама себе: «Боже мой», выглядя ошеломлённой и наивной.

— Нет, отец. Я не позволю тебе разрушить это. Я призналась тебе. Дело сделано. Теперь ты можешь принять или нет. В данный момент меня это не волнует.

— Ну, в таком случае, тебе лучше уйти.

— Отец! — взрывается Роберт, поднимаясь и хлопая руками о стол. — Ты серьёзно?

Входит дворецкий и выносит тарелки с горячей едой, понимая, что семейный конфликт полным ходом, поэтому поворачивается на каблуках и уходит. Я бы поаплодировала его профессионализму, если бы не беспокоилась о Саше.

— Да, я невероятно серьёзен. Твоя сестра знает, что я не позволяю такого рода штучки. Она делает это, чтобы досадить мне.

Роберт недоверчиво смеётся.

— Ты думаешь, она рассказала тебе, что лесбиянка, чтобы досадить тебе? Папа, да ты бредишь.

— Не вмешивайся, Роберт. Ты не в том положении, чтобы говорить.

Саша отходит к стене, опустив плечи, когда Роберт и его отец принимают боевую стойку.

— О, да, и что это должно означать?

— Это значит, что ты не укладываешься в сроки на работе в течение нескольких недель. Не думай, что я не заметил. И я точно знаю, это все потому, что ты проводишь всё своё время с этой маленькой штучкой.

Чувствую, что хочу исчезнуть, когда Алан останавливает неодобрительный взгляд на мне. Неожиданно у меня появляется возможность непосредственно испытать крошечный проблеск того, с чем Саша и Роберт имеют дело всю жизнь.

— Какого чёрта это имеет отношение?

— Это значит, если ты не сядешь, не заткнешься и не начнешь делать работу, за которую я тебе плачу, тебя уволят с позором.

Саша наклоняется и хватается Роберта за руку.

— Ну же, Роб. Давай просто уйдём. Мы не должны выслушивать это. Он нам не нужен.

Брат и сестра долго смотрят друг на друга, будто приходит нежданное озарение, что это правда, они не нуждаются в одобрении своего отца, чтобы жить своей жизнью. Моё сердце бьётся быстро, просто наблюдая за ними.

Потом нежданно-негаданно Роберт смеётся.

— Ты права, Саш. Ты чертовски права.

Он подходит ко мне, помогая встать с места, и делает знак Саше, выйти первой из дома.

— Вернитесь сюда сию минуту, — требует Алан, следуя за нами в прихожую.

— Что? Только минуту назад ты велел Саше уйти. Мы вернёмся, когда ты перестанешь быть такой ханжой, — язвительно говорит Роберт.

— Ты забыл, под чьей крышей вы живёте?

— Утром мы съедем, если это то, чего ты хочешь, — говорит Саша с примесью злости в словах.

— Это не то, что я имел в виду, — отвечает Алан, сбавляя обороты. — Просто вернитесь в столовую, мы можем обсудить это.

— Отец, я устала. Знаешь ли ты, сколько потребовалось силы воли, чтобы сегодня прийти сюда и сказать тебе то, что я сказала? А потом ты кричишь и разрушаешь все мои надежды. Я должна идти.

— Саша, — умоляет Алан.

Выражение её лица немного смягчается.

— Нет, папа. Я не могу сделать это. Ты отреагировал так, как ты это сделал, и я просто не могу быть рядом тобой прямо сейчас.

С этими словами она выходит за дверь. Алан хватается Роберта за руку, а другой рукой ерошит его волосы.

— Послушай, сын. Скажи ей, что я прошу прощения. Я просто... она должна была сказать это мне наедине, а не за ужином перед Мелани и всё такое.

Роберт быстро убирает руку.

— Это чертовски неважно, даже, если бы она объявила об этом пред чёртовой Палатой Общин, папа. То, как ты говорил с ней, было настолько отвратительно, что я не могу разрушить это даже для тебя. Ты думаешь, что все остальные — это проблема, мы не соответствуем твоим стандартам, когда на самом деле, проблема внутри тебя, и пока ты не научишься изменять свои нелепые взгляды, проблемы будут продолжаться.

Алан хлопает глазами на своего сына, округляя их. Возникает долгое молчание и, в конце концов, он изрекает, упав духом:

— Просто скажи ей, что я сожалею.

Роберт качает головой, как будто разочарованный.

— Да, я скажу ей, — его слова получаются резкими, и он уводит меня из дома.

Поездка домой на машине происходит в тишине. Я сижу на заднем сидении с Сашей, молчаливо держу её за руку и пытаюсь дать понять, что всё будет хорошо.

— Какого чёрта... — издает Роберт, когда мы подъезжаем к дому.

Я слежу за его пристальным взглядом на широко распахнутую входную дверь.

О, чёрт. Нас обокрали.

Этот день действительно не мог стать ещё хуже.

— Одна из вас забыла закрыть дверь, когда мы уезжали? — спрашивает Роберт с ложными надеждами.

Саша говорит:

— Нет, я точно помню, что заперла её.

Секунду или две мы обмениваемся взглядами и выходим из машины.

— Обе оставайтесь здесь и позвоните в полицию. Я проверю, находятся ли они внутри.

Я удерживаю его.

— Нет, ты не можешь идти туда. Что, если они вооружены?

Мы слышим шум падающей на пол мебели, доносящийся изнутри, и прежде чем я могу остановить его, Роберт бросается в дом. А Саша и я бежим за ним. Шум доносится сверху, и мы перескакиваем через ступеньку.

Поочередно просматривая каждую комнату, наконец, мы находим источник разгрома, который доносится из комнаты Роберта. Шум стекла, ударяющегося о стену и разлетающегося вдребезги, звучит у меня в ушах.

Роберт осторожно открывает дверь, стоя передо мной и Сашей, чтобы заслонить нас. Внутри мы обнаруживаем обезумевшую Кару. У неё безумные тёмные глаза, и она стоит посреди разгромленного владения Роберта, самодовольно держа его камеру в руке.

— Ну, ну, ну, — с удовлетворением говорит она пронзительным голосом. — Вы двое в каком-то смысле сексуальные извращенцы, не так ли?

Её пристальный взгляд переходит от меня на Роберта и обратно, когда она прокручивает снимки. Меня поражает, как кувалдой то, что она просматривает снимки, где он снимал меня, те, которые, я всегда думала, увидит только он.

— Кара! Что, чёрт возьми, ты делаешь, чокнутая? — шипит Саша, со страхом глядя на побоище, учинившая эта маленькая женщина.

— Твой брат украл то, что принадлежит мне. Я только пыталась вернуть это, — говорит Кара, насупившись.

— Господи Иисусе, Роб. Что ты сделал на этот раз? — спрашивает Саша, поворачиваясь к брату.

Не обращая на неё внимания, он устремляет пристальный взгляд на Кару и требует:

— Отдай это прямо сейчас.

Внезапно я чувствую, как моё тело начинает дрожать, а руки трясутся. Мысль, что у Кары есть те снимки, и она покажет их другим людям, наполняет меня ощущением острой тревоги. Я хватаюсь за грудь, поскольку моё сердце бьётся сильно и быстро.

Пот струится по мне, и я покачиваюсь, будто только что пробежала марафон. У меня

сжимается горло от жажды и темнеет в глазах. Затем давление тонны кирпичей падает на меня, и я смутно понимаю, что падаю в обморок. Потеряв все силы, я вскрикиваю от дурноты, и Роберт встревожено быстро поворачивается ко мне лицом. Кара использует его сиюминутное отвлечение, чтобы убежать, сжимая камеру в руках, и выскакивает из комнаты.

Роберт ловит меня в свои объятия, и я падаю на пол.

Интерлюдия 4

Роберт

Май 2005

Я решил бросить школу.

Об этом я никому не сказал, даже маме, но на прошлой неделе мистер Бреннан загнал меня в угол в пустом коридоре после тренировки по плаванию, сильно прижав к бетону, и в недвусмысленных выражениях объяснил, что если я не сделаю, как он скажет, то усложнит мне жизнь. Ха! Будто он это уже не сделал.

Я так и не узнал, что он собирался сказать мне, потому что начистил ему рыло.

С тех пор он находился на больничном, но никому не сказал ни слова о причине своего отсутствия. Полагаю, боялся, что я пойду к директору и дам ему понять, как он распускал руки.

Надеюсь, он действительно испытывал страдания, гад.

В эти выходные будет мой и Сашин восемнадцатый день рождения. Но от истории с мистером Бреннаном я не чувствовал никакой радости от этого. Дело в том, что приедет отец, а это происходит только один раз в два или три года. Он арендовал местный клуб и устраивал большую вечеринку для всех наших друзей.

Как всегда, мама сокрушалась, когда я объявил, что бросаю школу. Я ожидал, что отец будет в ярости, но, к удивлению, этого не произошло. Он сказал маме, что я теперь взрослый и должен самостоятельно принимать решения. Он раздражён, потому что мама встречается с каким-то новым мужиком, а ему хочется облапошить её. Разумеется, я не жалею, поскольку это работает в мою пользу.

Это была ужасная неделя. Когда я вернулся домой после инцидента с мистером Бреннаном, костяшки пальцев были красные, ободранные и кровоточащие, потому что я очень сильно ему врезал и проплакал несколько часов. Плакал, как маленький ребёнок. Единственный человек, которой мог бы утешить меня в эти мрачные часы, была Лана, но она спала в своей постели, совершенно не подозревая о том, как сильно я нуждался в ней.

Отец сказал, что раз мне исполняется восемнадцать, я могу переехать в Лондон и работать в его агентстве. Эта идея была, как глоток свежего воздуха, как свобода, ведь мне нужно было убраться из душья этой деревни. Подальше от школы и таких чокнутых, как мистер Бреннан, подальше от моего дома, где я постоянно видел Лану и пытался не трогать её. Пытался не причинить ей боль, но в любом случае, делал это.

В прошлом году я понял, что моей сестре нравятся девушки, и теперь, если задуматься, она действительно могла быть влюблена в свою лучшую подругу. Не мог поверить, что раньше никогда не замечал, как она всегда защищала Лану от меня, такая заботливая. Не говоря уже о том, как она оценивала её задницу, когда Лана не видела.

Что мы за пара, близнецы брат и сестра влюблены в одну и ту же девушку.

Ну, не уверен, зашла ли привязанность Саша так глубоко, как любовь, но моя уж точно зашла. Так или иначе, это заставляло меня чувствовать себя ещё хуже, потому что сейчас я питал тайное влечение к девушке моей сестры.

Я везде ходил с бинтами на руках, притворяясь, что поранился, когда упал на камни на пляже. И был шокирован тем, как все поверили в эту историю, если учесть, что я порезался в одном и том же месте на каждой руке. Сегодня вечером вечеринка. И ссадины уже достаточно зажили, чтобы оставить их открытыми.

Отец остановился в гостинице, сказав, что встретится с нами в клубе, хотя я думал, он не очень хотел туда идти, ведь там будет мама со своим новым кавалером. Не говоря уже о том, что будет присутствовать мать Ланы, а он никогда с ней не ладил. Честно говоря, возможно, он немного побаивался её. Эта женщина создана, как кирпичный сортир. Интересно, откуда у Ланы такое тонкое и женственное телосложение.

Перед вечеринкой я встретился с Дином и Лиамом, чтобы стильно опоздать. Саша уже там, окруженная школьными друзьями. Лана сидела рядом с ней, одетая в милое красное платье, а её бледная идеальная кожа вся была выставлена напоказ. Пару месяцев назад ей сняли брекететы, и теперь, когда я вижу её улыбку или смех на Сашины шутки, она выглядела ещё прелестнее, чем раньше.

У меня инстинктивно напряглась челюсть, когда я заметил, что Ронан тоже здесь. Должно быть, Саша пригласила его. Боже, я ненавижу этого маленького засранца, который всегда подлизывался к Лане и никогда не отходил от неё. Когда я вошёл, парни из моего класса начали приветствовать меня радостными возгласами и аплодисментами. Отец открыто повёл меня в бар, без умолку болтая о том, чтобы купить мой первый законный алкогольный напиток.

После этого всё стало размытым. Обслуга продолжала ставить свежие напитки передо мной, и я выпивал их. Пели песню «С Днем Рождения». Парни и девушки выстроились в линию, чтобы восемнадцать раз поцеловать нас с Сашей. Я горько смеялся про себя, думая, что Саша больше бы предпочла получать поцелуи от моей линии. Кроме того, единственная девушка, которую я хотел целовать — это Лана, но я видел, как она улизнула в ванную.

Смутно осознал, у отца с матерью происходил грандиозный скандал, и мама выбежала из клуба, а её приятель последовал за ней, но не думаю, что он продержится и неделю. Мама Ланы наградила отца взглядом нескрываемой брезгливости и ушла вслед за мамой.

Скоро большинство родителей уходит, и я, похоже, вырублюсь в одной из кабинок. Пара девушек подошла ко мне, но, серьезно говоря, у меня не было интереса. Всё, что я мог делать — это пялиться на Лану, которая дурачилась и тупо танцевала с Ронаном. Я заснул, положив голову на стол, как минимум на полчаса, а когда проснулся, почувствовал, будто немного протрезвел.

Обводя взглядом комнату, я увидел, что большинство людей или танцевали, или «обжимались» по тёмным углам. Лана сидела одна за столом, потягивая из стакана сок. У меня появилась странная мысль, что её платье, как красный флаг, а я неуправляемый бык, желающий атаковать.

Мне кажется, что пойти туда в нетрезвом состоянии будет хорошей идеей. Когда я поднялся, какая-то пьяная брюнетка возникла у меня на пути и обвила мою шею руками, и мне пришлось буквально оторвать её от себя. Я подошёл к столу, и Лана смотрела в меня, выглядя усталой, будто предпочла бы быть где угодно, но не здесь.

— Эй, пошли со мной, — сказал я, схватил девушку за тонкое запястье, и вытащил с

места.

— Роберт! Отпусти меня, — запротестовала она, цепляясь за мою руку и глядя большими и испуганными глазами.

Я вытащил её на улицу и завёл за угол здания, где темно, и был только тусклый свет уличного фонаря. *«То, что надо»*, — подумал я. *«Я расскажу ей всё. Как думал о ней всё время, как мне казалось, что не могу дышать, когда не мог увидеть её, что все издевательства были просто моей извращенной формой привязанности»*.

Прижимая девушку к кирпичной стене, я положил руки ей на плечи и впился в неё губами.

— От тебя пахнет алкоголем, — сказала она, морща нос, что заставило меня ещё больше желать её поцелуя.

— Ты пахнешь как... — я сделал паузу, наклоняя лицо к её шее и втягивая воздух. — Лимоны и цветы.

Она прижала руку к моей груди и оттолкнула меня, но я наклонился ещё ближе. Я никогда не мог подойти так близко. Когда я коснулся её лбом, она замерла.

— Ты зачем здесь? — спросила Лана чуть-чуть писклявым голосом. — Все твои друзья внутри.

— Мне насрать на них.

При этих словах выражение её лица стало бесчувственным.

— Это уж точно твоя проблема, Роберт. Тебе на всех насрать.

Её слова заставили меня задуматься. В них так много яда, и я подумал, она способна властвовать надо мной. Я отодвинул более глубокие мысли в пьяном мозгу и засмеялся, покачивая пальцем у её лица.

— Ты только что сказала «насрать». Дурно, дурно.

— Дай мне уйти, — приказала она, выпрямляя осанку.

Обняв её щеки руками, я всматривался в её глаза, и она открыла рот от изумления. Я был в миллиметре от того, чтобы поцеловать её, но всё равно не целовал. Возможно, я занимал каждый дюйм пространства в её прошлом, и меня поразило осознание того, что я больше не смогу этого сделать.

Не смогу продолжать губить её ни для кого-то там ещё, ведь это то, что я делал. То, как выражение её лица становилось мечтательным, когда она думала, что, возможно, я её поцелую, говорило обо всём. Она тоже хотела меня и протягивала безнадежную свечу для нас обоих. Я не собирался обременять её собой, потому что я только уничтожу её, как уничтожаю всё остальное.

Господи Иисусе. Имею в виду, у меня было ещё полтора месяца, и я уйду. Я избил своего учителя английского до полусмерти. Кажется, я ничего не мог сделать правильно, и Лана являлась ярким примером этого. Я обижал её с самого первого дня, как мы познакомились.

Я увидел, как она вздрогнула, когда я отстранился, будто ожидая удара. Да, я не мог сделать это. Не мог признаться, ведь она всё равно никогда бы не поверила.

— Иди домой, — прошептал я, печально глядя на неё. — Я больше не хочу, чтобы ты была на моей вечеринке.

Слезы наполнили её глаза, а затем она бросилась прочь от меня, вытаскивая из кармана телефон и звоня своей маме, чтобы та забрала её.

Я пристально смотрел на здание, прислушиваясь к шуму от подростков внутри, но у

меня не было желания снова присоединиться к ним. Вместо этого я разглядывал участок поля в мягком освещении фонарей. Я быстро возвратился, проскользнул за барную стойку, и когда никто не видел, схватил бутылку водки и выскользнул обратно.

Лана уже ушла.

Я лежал в центре поля, глотая водку и глядя на звезды.

Через два дня я уезжаю в Лондон с отцом, оставляя девушку, которую люблю, поэтому она может, наконец, быть свободной от меня.

Кто бы подумал, что самый жестокий парень в мире может быть таким самоотверженным?

Часть пятая

Жестокость — это круговорот

Глава 18

Первое, что замечаю — я не в своей постели. Второе — у меня безумно болит голова. И третье — то, как Роберт напряжённо сидит в больничном кресле и смотрит на меня глазами, полными страха.

Увидев, что я проснулась, он вскакивает и притягивает стул к краю кровати. Я немного зависаю, обводя взглядом комнату. В своей жизни я побывала во многих больницах, но эта не похожа на другие.

— Очень хорошая комната, — говорю я, но мой голос получается совсем сухим.

Что за странная и обыденная вещь думать об этом после такой передряги.

Роберт берёт мою руку.

— Это частная больница, Лана, детка, ты помнишь, что случилось с тобой?

— Да, я упала в обморок, — шепчу я со странным безразличием.

— Ты не просто упала в обморок, у тебя была тяжёлая форма гипогликемического шока. Со вчерашнего дня ты была в диабетической коме, — он останавливается, теребя прядь волос. — Господи, я думал, ты умрёшь.

Диабетическая кома. Блин. В тревоге из меня вырывается вздох. Это то, чего я всегда боялась, то, что могло случиться, если я не буду надёжно беречь себя. Когда у тебя заболевание, как моё, существует столько опасностей, столько побочных эффектов и неблагоприятных реакций. Однако я не ожидала этого и перестала видеть угрозу. Полагаю, это был стресс из-за Кары, вломившейся в дом, который и стал решающим катализатором.

Кара.

Чёрт.

В панике я пытаюсь сесть, но Роберт укладывает меня обратно.

— Эй, красивая, расслабься. Тебе нужно отдыхать, — говорить он, поглаживая мои волосы.

— Но Кара — она сбежала с камерой.

— Нет. Я забрал её, когда пошел к ней и вернул домашнее видео. Это единственный раз, когда я оставил тебя после того, как ты вчера попала в больницу.

Из меня вырывается вздох облегчения.

— О, Слава Богу.

— У нас был долгий разговор, и она, кажется, успокоилась. Она сказала мне, Гарри

порвал с ней, когда узнал, что я забрал диск. С тех самых пор она и психовала. Когда я был там, пришла её мать Элеонор, чтобы заставить вернуться домой. Она узнала, что у Кары нарушение пищеварения и хочет, чтобы та легла в клинику на лечение.

— Правда? Ну, это будет хорошо для неё. Она уничтожит свой организм, если будет продолжать вызывать у себя рвоту.

Роберт тянет за свои уже растрёпанные волосы.

— Я так сожалею о том, что она сделала. Не ожидал, что Кара зайдёт так далеко. Это больше не повторится. Я сделал копию диска, прежде чем вернул оригинал, поэтому если она попробует выкинуть что-нибудь ещё, то я могу использовать это против неё.

Его слова доходят до сознания, и гнев пульсирует по моим венам.

— Роберт, Господи Иисусе. Ты тупой? Ты не должен был делать этого.

Мне хочется сказать больше, но слабость овладевает мной.

— Малышка, я должен защитить тебя от неё.

Я пытаюсь оставаться спокойной, зная, что переживания лишь послужат поводом для нового приступа, и говорю ему:

— Неужели ты не видишь? Ты просто снова делаешь ту же самую хрень. Я и прежде говорила тебе, что спровоцирует твое преследование, и это снова будет. Я не могу..., — и я теряю голос, когда в комнату входит медсестра.

— Ах, ты проснулась. Как ты себя чувствуешь, дорогая?

Она смотрит на меня сочувствующим взглядом.

Не желая быть рядом с Робертом прямо сейчас, я отвечаю:

— У меня болит голова, и я очень устала. Не могли бы Вы сказать моему другу, что я хотела бы, чтобы меня оставили в покое на некоторое время?

— Что? Ни за что. Я не уйду, — громко восклицает Роберт.

— Послушай, тебе нужно дать ей немного отдохнуть. Она пережила потрясение, — говорит ему медсестра спокойным голосом, выпроваживая его.

— Это полный бред, Лана. Нам нужно поговорить.

— Такие выражения не допустимы, сэр, — говорит медсестра более сурово.

— Я плачу за эту чёртову комнату, поэтому буду использовать такие выражения, какие мне нравятся.

— Я настаиваю, чтобы Вы ушли. В противном случае, буду вынуждена выпроводить Вас из здания.

Роберт пристально смотрит на меня, и по выражению его лица, понимаю, что ему больно, но сейчас я не в состоянии пожалеть его. Не после того, что он только что мне сказал. Как Роб может серьёзно полагать, что хранение копии домашнего видео Кары после того, как вломилась в его дом, будто ненормальная, является хорошей идеей? Наконец, выражение его лица теряет часть своей жесткости, ссутулившись, мужчина медленно открывает дверь и покидает комнату.

Через час приходит врач поговорить со мной и повторяет то, что Роберт уже рассказал мне. Я впала в диабетическую кому после того, как перенесла гипергликемический шок. Мы какое-то время беседуем, и он составляет для меня реабилитационный режим.

На следующий вечер я выписываюсь. Проходя по вестибюлю, я просматриваю телефон, чтобы позвонить Саше, и замечаю, что она и Роберт уже ожидают меня. Роберт нежно обнимает меня и извиняется за своё вчерашнее поведение, целует и говорит, в какой он был панике из-за меня. Я остаюсь холодна, не зная, как обращаться с ним.

Саша сжимает мне руку, а одинокая слеза стекает по её щеке, передавая страх, который она испытала, когда я была без сознания. Она говорит, что Роберт рассказал ей всё о полном провале с домашним видео, всё время бросая на брата злобный взгляд. Во всяком случае, кажется, ему стыдно.

Я думаю о причинах моего шока и других вещах, которые накапливались последние несколько недель. То, что я мало спала, когда Роберт был в моей постели, или то, как была поглощена им, что не уделяла достаточно внимания и времени своему здоровью и уровню сахара в своей крови, и чему-то там ещё в этом отношении.

Прежде я говорила об этом так много раз, но он заставлял меня забыть о себе, и это не его вина. Роб не виноват, что я так влюблена в него, и это делает меня беспечной. Всё, о чём я могу думать — это быть с ним, к чёрту все важные вещи, которые могли бы означать разницу между жизнью и смертью.

В худшем случае, я могла бы вчера умереть. Моя короткая жизнь могла бы прийти к резкому концу между одной секундой и следующей.

Когда Роберт пристёгивает мне ремень безопасности в машине, я прихожу к полному пониманию того, что, хотя он и заставляет меня чувствовать себя удивительно, но также совершенно пагубно влияет на моё здоровье. Пусть я и говорила, что люди иногда должны следовать за своими эмоциями туда, куда они хотят идти, для меня это действительно не выход. Сейчас я это понимаю.

И потом весьма трагично знаю, что я должна разбить своё сердце, если хочу выжить.

И его тоже.

Роберт всегда был и есть торнадо, влетающий в мою жизнь, иногда делает её лучше, но в основном, делает хуже.

О, Боже, насколько ясно я мыслю? Я слишком устала, чтобы говорить. Всё, что знаю — это то, что в данный момент мой страх умереть молодой перевешивает страх быть жалкой и одинокой. Я побывала в коме в возрасте всего лишь двадцати двух лет, и это, конечно, ненормально.

Мне нужно поговорить с моей бабушкой. Она — единственный человек, которого я знаю, кто достаточно мудр, чтобы дать мне совет, и кто может оставаться беспристрастным, в отличие от моей матери.

Роберт весь такой тихий и любящий, когда мы возвращаемся домой. Он несёт меня по лестнице в постель и спустя несколько минут возвращается в мою комнату, подавая сломанный пополам диск — копию, которую сделал.

Роб не говорит ни слова, но ему и не нужно. Сломав диск, он показывает мне, что я была права, и хранение его на каком-то этапе снова *спровоцирует* его преследование. Всё-таки сомнения остаются в моей голове. Мужчина поправляет мое одеяло, целует меня в лоб и уходит. Я беру телефон и набираю свой домашний номер.

— Алло-о-о-о-о-о-о, — отвечает моя сестра Элисон, говоря бодро, как всегда.

— Привет, Элли, это — Лана. Бабушка рядом?

— Да. Она в саду. Хочешь, чтобы я позвала её?

— Если это не проблема.

— Хорошо, сейчас вернусь, — мнетя она. — У тебя странный голос, сестрёнка. С тобой всё в порядке?

Я уже приняла решение, что не расскажу своей семье о коме. Это вызвало бы большую драму, и я полна решимости следить за тем, чтобы это не повторилось снова.

— Да, со мной всё в порядке. Теперь иди за бабушкой.

Спустя минуту на линии звучит голос бабули, её знакомая интонация, успокаивающая меня, как ничто иное.

— Лана, милая, так приятно слышать тебя, — говорит она, создавая впечатление отдохнувшей и полной здоровья, несмотря на то, что находится уже в почтенном возрасте семидесяти двух лет.

Мы немного болтаем, и я постепенно рассказываю ей о своём времени с Робертом этим летом, и о том, как мы влюбились, и возможно, мы уже раньше любили друг друга, прежде чем всё даже началось. Она спокойно слушает, позволяя мне высказаться.

Единственные моменты, о которых я не рассказываю — это секс и кома, решая, что секс, определённо, слишком откровенный для старомодных ушей моей бабушки, а кома могла бы, как ни странно, отправить её туда же.

— Ну, нет никаких сомнений, что вы любите друг друга, — говорит бабуля, когда я заканчиваю рассказ.

— Да, но стоит ли беречь любовь, которая при этом убивает тебя?

— Милая, ты излишне эмоциональна, — упрекает меня бабуля.

Мне трудно заставить её понять, когда не можешь рассказать всё.

— Нет, бабуля, поверь мне. Когда я с ним, мне трудно дышать, не говоря уже о том, чтобы заботиться о своём здоровье.

— Почему ты не объяснишь ему это, дай ему знать, если он не хочет, чтобы тебе стало плохо, то должен просто принимать участие и заботиться о тебе, как и ты сама.

Ну, есть то, в чём я не сомневаюсь, что Роберт из кожи вон лез бы, чтобы изо всех сил помочь мне. Единственная проблема заключается в его неуправляемости и непредсказуемости, и когда я с ним, то обязательно буду вовлечена в это.

— Ты права, бабушка. Послушай, я устала, но спасибо тебе за то, что позволила мне поговорить с тобой. Это действительно помогло.

Положив трубку, я кладу голову на подушку и закрываю глаза, позволяя умственному и физическому истощению взять над собой верх.

На следующий день Роберт настаивает, чтобы остаться дома и быть со мной. В тот момент, когда я просыпаюсь, он входит в мою комнату, достаёт из тумбочки мой кейс с инсулином и спрашивает, не покажу ли я ему, как этим пользоваться, чтобы мне не пришлось делать это самой.

Я отмахиваюсь от него, говоря, что пока ещё не инвалид.

Роб смотрит на меня так, будто я преувеличиваю, но не спорит. Вместо этого он садится рядом со мной, постигая каждый этап процедуры. Когда я заканчиваю, откидываюсь на подушки, и в моей голове всё перемешивается. Так или иначе, прошлой ночью я приняла решение, и это будет нелегко сообщить Роберту.

— Ты — удивительная, — говорит он, разглядывая меня. — Хочешь позавтракать? Я сделаю что-нибудь, что тебе нравится.

— Ты не должен обращаться со мной, как с новорожденной, Роберт, — неоправданно огрызаюсь я.

Моя совесть гложет меня за то, что я собираюсь сделать. С одной стороны, чувствую себя крайне эгоистично, предпочитая ему своё собственное благополучие, но с другой стороны чувствую, что права. Я не создана, чтобы жить в вихре Роберта, и никогда не была создана для этого.

Он хмурит брови и тянется, чтобы погладить мою руку.

— Лана, ты только что была в коме. Я люблю тебя и хочу заботиться о тебе.

Сглотнув комочек и спрятав слёзы, я убираю руку вне зоны его досягаемости.

— Но в том-то всё и дело, Роб, ты не заботишься обо мне. На самом деле, ты делаешь всё совсем наоборот.

Его взгляд заставляет скрутиться мой желудок. В его глазах я вижу каждую толику сожаления, которую он чувствует, и вред, который причинил мне за эти годы. Наконец, Роб говорит:

— Ты думаешь, я не чувствую свою вину за то, что сделала Кара? За то, что она сделала это из-за меня, и за то, что ты пострадала? Я говорил себе, что никогда не сделаю ничего такого, чтобы снова причинить тебе боль, но, так или иначе, я сделал это. Я никогда не прощу себя за это.

Я протягиваю руку и сжимаю его запястье, не в состоянии устоять перед тем, чтобы утешить, несмотря на то, что Роб — причина этого беспокойства.

— Я не говорю, что ты сделал это намеренно. С этим ничего не поделаешь, и такое происходит с людьми в твоей жизни. Ты доставляешь неприятности и рискуешь — это твоя природа. Это так же и то, что делает тебя настолько захватывающим человеком, что хочется быть рядом с тобой, но, как правило — это другие люди, которые отвечают за последствия тех рискованных поступков. Пребывание в коме заставило меня понять, что я гораздо более хрупкая, чем думала, и не могу позволить себе роскошь быть с тобой.

Роберт запускает руки себе в волосы, закусив нижнюю губу зубами.

— Что ты хочешь сказать, Лана?

— Думаю, ты знаешь, что я хочу сказать, — шепчу я.

— Нет, чёрт побери, я не знаю. Не смей думать о том, чтобы забрать этот покой у меня. Всё это лето я чувствовал больше, чем когда-либо раньше. Ты не можешь просто щёлкнуть пальцами и перестать любить кого-то.

— Я всегда буду любить тебя, возможно, себе во вред, но я больше не могу быть с тобой.

Роб хватается меня за подбородок, сжимая веки, и снова открывает их.

— Я не позволю тебе сделать это, ведь слишком сильно люблю тебя.

— Роберт, пожалуйста.

Мои глаза наполняются влагой, и я чувствую внезапную острую боль в груди. Я задыхаюсь и прижимаю руку к этому месту, пытаюсь снять массажем боль.

— Что? Что случилось? С тобой всё в порядке? — лихорадочно спрашивает он.

— Я в порядке, просто небольшая боль в груди. Сейчас она прошла.

Роб расслабляется, вытирая рукой рот.

— Чёрт, я снова делаю это, не так ли?

— Нет, просто... просто сильно не драматизируй. Просто прими это, как должное, — говорю я сквозь слёзы.

Посмотрев ему в глаза, вижу, как он тоже плачет, и это странное чувство, заставить такого человека, как Роберт, плакать.

— Я докажу тебе, что могу быть тем, кто тебе нужен.

— Не...

— Нет. Я докажу, — категорически прерывает меня Роб, вытирая глаза.

— Всё кончено, Роберт, — говорю я, пытаюсь заставить слова казаться окончательными, ведь затягивание только причинит боль нам обоим.

— Это никогда не кончится между нами, Лана, и скоро ты это поймешь.

Больше не в состоянии слушать его, я встаю с постели, одеваюсь и спускаюсь вниз, чтобы приготовить завтрак. Роб не следует за мной, но приблизительно минут через пятнадцать я слышу, как открывается и закрывается входная дверь, предупреждая о его уходе. Возможно, в конце концов, он решил пойти сегодня на работу.

Сидя у кухонного окна и глядя на большой сад на заднем дворе, я вытираю ещё одну слезу и надеюсь, что их не последует слишком много.

Следующие пара дней самые мучительные в моей жизни. Всё плохое, что было раньше, меркнет в сравнении. Роберт — человек, у которого, как я думала, иммунитет к эмоциям, смотрит на меня, как побитая собака, каждый раз, когда мы остаёмся в одной комнате. У него есть один бзик — он сплетает свои руки, будто старается удержаться, чтобы не притянуть меня в свои объятия.

В какой-то момент чувствую себя последней трусихой и думаю раньше вернуться домой, но я не хочу впустую тратить последние недели с Сашей. Когда вернусь в Ирландию, нам не придётся видеться друг с другом, кто знает, как долго. Она останется в Лондоне, а я буду учиться в Дублине.

Это — муки, всё ещё жить в этом доме с Робертом, но я решительно настроена пережить следующие три недели.

В пятницу днём я направляюсь наверх в свою комнату, а Роберт спускается вниз. Когда мы проходим мимо друг друга, он хватается за руку и сжимает её. Я останавливаюсь, закрыв глаза, и глубоко вдыхаю, чтобы сохранить спокойствие.

Роб притягивает наши сомкнутые пальцы к своему рту и целует костяшки моих пальцев.

— Ты знаешь, как это видеть такую красоту и не иметь возможности прикоснуться к ней? — спрашивает он, напряжённо глядя в мои глаза.

— Перестань. Ты ведёшь себя глупо, — говорю я, пытаюсь вытащить свою руку.

— У меня слабость к тебе, — парирует он.

— Роберт, мне нужно идти, — шепчу я, и мой голос почти срывается.

Он поджимает губы, роняет мою руку и позволяет пройти мимо, застыв на лестнице и глядя мне вслед. Остаток вечера я почти не выхожу из комнаты, слишком напуганная возможностью ещё одной такой встречи.

На следующий день Саша получает звонок от отца с извинениями. Он говорит ей, что нашёл в себе силы принять то, кем она стала и жить с этим дальше. Она отвечает, что с его стороны было очень благородно простить её сарказм. В конце концов, они решают попробовать больше не ссориться, но я чувствую, что понадобится долгое время, чтобы они стали также близки, как Саша с мамой. Если это вообще возможно.

В воскресенье Церемония закрытия Олимпиады. Такие крупномасштабные события я всегда находила очень напряжёнными, поэтому нужно позаботиться о том, чтобы достаточно отдохнуть и спокойно находиться в толпе. Я довольно точно соблюдаю режим, и с каждым днём мне становится всё лучше. Однако никто не говорил мне, как разбитое сердце может повлиять на тело. Какого это, постоянно чувствовать себя так, словно в тебя вонзается нож, и твоим лёгким не хватает воздуха.

Напрасно я надеюсь, что эмоциональный упадок не вызовет физической слабости. Самый верный путь к выздоровлению — не терзать себя, но я всё ещё не представляю, как этого добиться. Надеюсь, пройдет. Должно пройти. Мне было десять, когда умер дедушка, и я не думала, что горе от его кончины когда-нибудь исчезнет. Для отца он был самым

близким человеком. Но прошли недели, а затем месяцы, и боль утихла.

Если мне повезёт, то моя любовь к Роберту тоже утихнет.

Саша, наконец-то, приняла решение и пригласила Поппи — девушку-бариста на свидание, на что та ответила согласием. Я была очень рада услышать об этом. Хорошо, что Саша придёт с ней на церемонию, так нас будет больше, и напряжённость между мной и Робертом не будет столь мучительной.

Мы словно неосознанно мучаем самих себя, зная, что между нами всё кончено, но не в состоянии сделать решающий шаг и окончательно разойтись. Роберт запросто может снять квартиру где-нибудь ещё, а я могу уехать домой раньше, но мы не используем эти возможности. Скорее всего, потому что полный разрыв отношений ранит нас больше, чем то состояние, в котором мы находимся сейчас.

Я возвращаюсь домой из аптеки и спешу подняться в комнату, чтобы подготовиться к вечеру. Как только я открываю дверь, у меня возникает чувство *дежа-вю*, потому что Роберт снова сидит на полу возле окна и читает мою копию гомеровской «Одиссеи».

— С твоей комнатой что-то случилось? — небрежно спрашиваю я.

Моё сердце колотится, пока я убираю лекарство в ящик и сбрасываю обувь.

Прежде чем вернуться к книге, он мельком смотрит на меня:

— Мне просто здесь нравится.

— Хо... рошо.

Неловкая тишина повисает между нами, и в попытке заполнить её, я спрашиваю:

— Ждёшь сегодняшнего вечера?

Роб протяжно вздыхает и наклоняет голову, чтоб взглянуть на меня.

— А ты как думаешь? — спрашивает он в ответ.

В его словах столько скрытого смысла, что я не знаю с чего начать их толкование.

— Должно быть, ты устал — полувопросительно отвечаю я.

— Так вот, каков твой ответ — говорит он с каменным выражением лица, кладя книгу на пол и потирая лоб.

Я хочу спросить, всё ли с ним хорошо, но и так очевидно, что как и я, Роб далеко не в порядке. А такой вопрос приведёт только к очередному спору, с которым я не в состоянии сейчас справиться.

Господи Боже, правильное ли решение я приняла?

Я была уверена в этом, но теперь мне кажется, что сделала только хуже.

Взяв себя в руки, иду в гардероб и беру юбку с блузкой, которые сегодня планирую надеть. Мне нужна моя туалетная сумочка. Проблема в том, что она находится на верхней полке прямо за головой Роберта.

— Можешь передать мне ту синюю сумку? — спрашиваю я, показывая на неё.

Он смотрит на неё, и в его взгляде читается расчётливый блеск.

— Возьми сама.

Раздражённая, я пересекаю комнату, чтоб забрать сумку. Как только я нависаю над ним, пытаюсь её достать, внезапным движением мужчины обхватывают мою лодыжку своими тёплыми руками. Слава Богу, на мне шорты, ведь иначе он смог бы заглянуть мне под платье. Тем не менее, Роб мягко поглаживает большим пальцем моё самое чувствительное место, и я начинаю таять, закрываю глаза на мгновение и просто... наслаждаюсь этим.

— Лана, — тихо шепчет он. — Открой глаза.

Я чуть поворачиваю голову и смотрю на него сверху вниз. У него приоткрыт рот, а грудь

тяжело вздымается, как и моя. Другой рукой Роб берёт вторую мою лодыжку, начиная массажировать и её.

— Детка, ты выглядишь напряжённой, — говорит Роберт тем низким голосом, который использует только во время секса, или когда намеревается затащить меня в постель.

Я дрожу всем телом.

— Не называй меня так, — слабо пытаюсь протестовать я.

Быстро, как молния, Роб хватает меня за ноги и тянет на себя, и я оказываюсь у него на коленях и обхватываю его бёдра ногами, пока он медленно передвигает руки к изгибам моих ягодиц. Тут же ощущаю, как у него между ног усиливается напряжение, и не могу удержаться от соблазнительных телодвижений.

Плохо, *очень* плохо.

Чувствую, как у меня краснеют щеки, когда Роб кладёт голову мне на грудь и вдыхает мой аромат.

— Я скучаю по тебе, — бормочет он, уткнувшись в меня.

— Роберт... — начинаю я, но запинаюсь, не зная, что сказать.

Роб ныряют пальцами в мою плоть, и у меня возникает мучительно-сладкая боль от этого. Он немного отстраняется и смотрит мне в глаза, и наше дыхание смешивается. Секунду спустя здравый смысл берёт надо мной вверх, и я практически выпрыгиваю из его объятий.

— Тебе лучше уйти, — грустно говорю я.

Поднявшись, Роб смотрит на меня, наполовину ласковый и любящий, а наполовину сердитый и раздражённый.

— Это просто полное дерьмо — ты знаешь это, не так ли? Ты пытаешься наказать меня за прошлое? Вот, что ты делаешь?

Я хмурюсь в замешательстве:

— Что? Конечно, нет. Я бы никогда...

— Забудь, — говорит он со злостью, шагает мимо меня и выходит за дверь.

Я долго смотрю ему в след, прежде чем заставлю себя идти в душ.

Позже Саша оказывается третьим лишним между мной и Робертом, так как в метро мы сидим бок о бок, и я чувствую вину перед ней. Её подруга Поппи должна встретиться с нами на стадионе, а до тех пор Саша должна терпеть нас, с трудом игнорируя обоих.

Дорога до стадиона оказывается совсем не такой, как я ожидала. В воздухе стоит неясный гул толпы, двигающейся в одном направлении, витает атмосфера возбуждения и предвкушения праздника. Саша замечает у входа Поппи и бежит встретить её. Эта девушка действительно симпатичная: натуральная блондинка с огромными зелёными глазами. Саша обнимает её, целует в щёку, и моё сердце наполняется нежностью, когда я вижу, что мой лучший друг становится сама собой и не боится показать это всему миру.

— Лана, — слышу, как моё имя срывается с губ Роберта, я отворачиваюсь от Саши и смотрю на него.

— Похоже, здесь все будут сходиться с ума. Обещай, что ты будешь держаться рядом со мной, и скажешь, если плохо почувствуешь себя.

Боль в его глазах едва не заставляет меня вздрогнуть. Я испытываю неловкость за то, что раньше с нами произошло.

— Да, хорошо. Спасибо, что приглядываешь за мной.

Он не отвечает, но его взгляд говорит сам за себя. Саша и Поппи присоединяются к нам,

и мы обмениваемся приветствиями, прежде чем направиться внутрь. Наши места в зоне для стоячих мест рядом со сценой. Зона уже битком забита, и когда мы, наконец, находим наши места, я замечаю, что это, должно быть, VIP зона, так как людей здесь намного меньше и все одеты в официальные тренировочные костюмы — без сомнения, это спортсмены с игр.

Это единственный случай, когда мне хотелось бы стать выше. Слышу, как на сцене поёт Эмили Санде, но почти ничего не вижу из-за людей, стоящих передо мной. Вместо этого я вытягиваю шею и наблюдаю шоу на гигантском мониторе сверху. Саша и Поппи покачиваются в такт музыке, смеясь и болтая друг с другом. Я смотрю на Роберта и вижу, как он улыбается, и мне с трудом удаётся игнорировать нежные потоки любви в его глазах.

— Поразительно, правда? — вздыхает он. — Прямо здесь и сейчас мы становимся свидетелями истории, мой маленький рыжик.

— Поразительно и потрясающе, — соглашаюсь я, поворачиваясь, чтобы охватить взглядом весь стадион и тысячи людей в нём.

Он смеется:

— Ты слишком милая.

Я показываю ему язык и возвращаюсь к шоу. Радостное возбуждение, царящее здесь, поднимает мне дух, а вскоре мы с Робертом поём хором и танцуем под музыку, забыв на время наши разногласия. Группа «Мэднесс» исполняет на сцене песню «Наш Дом», и все вокруг им подпевают. Мгновение спустя чувствую, как он обвивает мою талию своими сильными руками.

Одеколон Роберта заполняет воздух, а его грудь прижимается к моей спине.

— Я не смог удержаться, — говорит Роб мне в ухо, перекрывая музыку.

У меня не хватает духу отбросить его руки, и в его объятьях, я позволяю Робу держать меня.

— Хочешь пить? — спрашивает он.

— Немного.

— Я принесу воды, хорошо?

— Хорошо.

Роб ненадолго оставляет меня и возвращается с двумя пластиковыми стаканчиками ледяной воды. Я делаю большой глоток, не представляя, сколько мне потребуется. С трудом понимаю, что сейчас на сцене «Pet Shop Boys», но не могу сосредоточиться ни на чём, кроме Роберта, как он пьёт воду, как движется его горло, и как капля воды стекает по шее. Когда Роберт заканчивает пить, мы ещё долго смотрим друг на друга.

По его взгляду кажется, что он вспоминает и прокручивает в голове каждое наше соитие. Честно говоря, я заливаюсь румянцем. Роберт вытирает каплю со своей шеи. Я опускаю глаза, и под его хихиканье, обращаю внимание на сцену.

— Ты там что-то можешь увидеть? — хрипло спрашивает он.

Я наклоняю голову и пожимаю плечами.

— Немного.

— Иди сюда. Можешь сесть мне на плечи. Так тебе откроется самый лучший вид.

Я смотрю на него, сомневаясь.

— Тебе не будет неудобно?

Роб цинично поднимает бровь.

— Лана, в зале я поднимаю вес гораздо больше, чем ты. Давай, залезай.

Он наклоняется так, что его плечи оказываются достаточно низко, и я могу забросить на

него ноги. Взявшись за его правое плечо, я поднимаю одну ногу, но не успеваю опомниться, как Роберт затягивает меня себе на плечи, встаёт, и оказываюсь в воздухе. Я нервно вскрикиваю, и в страхе сжимаю бёдра вокруг его шеи. Всегда знала, что Роберт довольно высокий, но находится на такой высоте дико страшно.

— Тебе лучше не ронять меня, — говорю я с тревогой.

— Я о таком даже не мечтал, — мурлычет он, кладя руки на мои ноги и удерживая меня на месте.

Спустя некоторое время я полна восторга от того, сколько можно увидеть с этого места, и полностью погружаюсь в представление. Чуть позже Роберт слегка поворачивает голову, и чувствую его щетину внутренней стороной бедра. Ощущаю покалывание практически каждого волоска по пути к своему лону. У меня перехватывает дыхание, и я вижу, как глубоко Роб дышит.

— Прости, — говорит он, — небольшой спазм в шее.

Ещё бы.

— Я лучше спущусь.

— Нет, — отвечает он, сжимая мои колени. — Не двигайся. Я никогда не чувствовал себя более счастливым, чем сейчас, находясь между женских ножек.

Его голос становится ниже, от чего я ощущаю вибрацию внизу живота. И вдруг меня словно ударяет под дых. Я понимаю, насколько моё поведение было ужасным, когда позволила Роберту прикоснуться ко мне, зная, что ни к чему хорошему это не приведёт, ведь к концу вечера это всё закончится. Я поступаю с ним очень жестоко, даже не осознавая этого.

Прежде чем Роб успеваает что-либо сделать, я с трудом спускаюсь с его плеч.

— Я должна извиниться, Роберт. Прости, если у тебя создалось какое-то неправильное впечатление.

— Лана, заткнись, — говорит он, обхватывая ладонями моё лицо.

Я отодвигаюсь, чтобы он не смог до меня дотронуться.

Саша и Поппи не обращают на нас внимания и сходят с ума по Энни Леннокс, которая двигается вокруг сцены на огромном сооружении, а вокруг всё чёрно-красное и невероятно эффектное.

— Вероятно, мне не стоило приходить сюда, — говорю я, мучительно глядя на него.

— Ты слишком много думаешь, — возражает он, пытаюсь подойти ближе, но я всё равно отхожу.

Внезапно, я чувствую себя, словно в клетке. Вокруг слишком много людей. Повсюду ощущаю присутствие Роберта, и мне нужно приложить усилия, чтобы убраться отсюда.

Не говоря ни слова, я поворачиваюсь на пятках и пробираюсь через толпу. Роберт бежит за мной, крича моё имя, но вскоре я исчезаю среди людей и больше его не слышу.

Глава 19

У меня уходит целая вечность, чтобы выбраться со стадиона. По пути встречается слишком много охраны и обычных людей. В конце концов, я достигаю выхода, вдыхаю полной грудью и продолжаю отчаянно быстро двигаться прочь от стадиона, чувствуя, что вот-вот сойду с ума. Внезапно обнаруживаю, что стою на незнакомой улице, пытаюсь выровнять дыхание, как вдруг мимо меня проносится машина.

Я вглядываюсь в свет фар, мои глаза застилают слёзы, а голова начинает кружиться. Мне нужно поймать такси, чтобы поехать домой, поесть и немного отдохнуть.

— Лана! — слышу я крик Роберта, поворачиваюсь и вижу, что он бежит ко мне с другой стороны улицы.

Я не в состоянии встретиться с ним лицом к лицу, и поэтому снова начинаю идти.

— Чёрт возьми, во что ты со мной играешь? — кричит Роб, приближаясь ко мне.

Секунду спустя он хватается меня за руку и заставляет остановиться на ходу.

Я пытаюсь дышать медленно и спокойно ему говорю:

— Отпусти меня, Роберт. Я не могу быть с тобой.

— Почему? Почему ты с таким упорством усложняешь то, что должно быть простым?

— Потому что *на самом деле* всё сложно. У нас с тобой абсолютно разные понятия о сложности. Просто я... быть с тобой — не очень хорошая идея. Всё это только ранит, делает меня больной и слабой. Возвращайся на стадион. Я поймаю такси и поеду домой.

Прежде чем он что-то отвечает, я замечаю свободное место в пробке. Видимо там такси съезжает с дороги, поэтому я двигаюсь ему навстречу.

— Пожалуйста, не уходи от меня, — отчаянно говорит мне Роберт.

Я прохожу уже половину пути, когда мужчина хватается меня за запястье в попытке развернуть. Пытаясь вырваться, не замечаю, что пробка снова двигается. Сигнал огромного грузовика бьёт по моим ушам, я бросаю взгляд в сторону и вижу, что машина всего в нескольких футах от нас. Как раз перед столкновением я с силой отталкиваю Роберта с дороги, и мы падаем на тротуар, а я оказываюсь сверху.

— Чёрт, — пыхтит он, осознавая, что едва не убил нас.

Случившееся заставляет меня рассмеяться.

— Видишь! Да ты, чёрт возьми, не можешь даже о себе позаботиться. Ты такой безответственный. Нас чуть не сбили!

— Извини, Лана. Я даже не подумал об этом. Пожалуйста, давай просто пойдём домой и там поговорим.

С трудом поднявшись на ноги, я вытягиваю руки, чтобы отгородиться от него.

— Не надо, Роберт. Просто не надо, хорошо?

Его погрустневший взгляд в одно мгновение заставляет меня пожалеть о том, что грузовик нас так и *не сбил*. По крайней мере, мы бы избавились от страданий. Он продолжает сидеть на дороге, а я перехожу дорогу в безопасном месте и, в конце концов, добираюсь до дома.

Проснувшись рано утром, я в срочном порядке начинаю собираться, чтобы поскорее покинуть этот дом. Слышала, как Саша и Роберт громко разговаривали около часа ночи, но никто из них так и не вошёл ко мне в комнату. Думаю, Роберт уже объяснил сестре, почему я ушла. Не могу даже вообразить, что он чувствует. Хотя, наверное, могу, ведь я чувствую то же самое.

Это пройдёт.

Должно пройти.

Я одеваюсь и пакую вещи, планируя остаться так долго, насколько это возможно.

Долго брожу по Британскому Музею, разглядывая картину с изображением Медеи, и думаю о том, как её муж Ясон покинул Медею ради принцессы по имени Главка. Она отомстила им, послав Главке в качестве подарка платье, покрытое ядом, из-за чего принцесса погибла. Затем Медея убила их с Ясоном детей. Раньше я часто удивлялась тому,

как она могла быть такой бессердечной, а я сама никогда бы не была такой чёрствой. Теперь я понимаю, какого это. Конечно, я ни за что не буду её оправдывать, но теперь догадываюсь, *почему* женщина это сделала. Чувствую себя бесчувственной всего лишь из-за того, что сдерживаю свою любовь к Роберту.

Бесчувственная и эгоистичная, но отчаянно жаждущая жить.

Всегда есть причина жестокости, и неважно, большая она или маленькая.

После ленча я иду в Уголок Оратора и с радостью замечая там Фариду, который стоит на своём обычном месте, только в этот раз курит не сигару, а сигарету. Он кивает мне в качестве приветствия, но мы не заговариваем. Возможно, мужчина замечает мой задумчивый взгляд, по которому понимает, что я глубоко погружена в свои мрачные мысли.

Между дебатами возникает временное затишье, и безмолвие прерывается лишь тихим ворчанием и разговорами. В этой тишине я вижу для себя хорошую возможность поделиться мыслями, что переполняют мою голову. Чувствую, если я не поделюсь ими, я просто взорвусь. Как во сне, я встаю перед собравшимися и начинаю говорить, но мой голос такой низкий и неуверенный.

— Я... я хочу поговорить о жестокости.

Осторожно оглядываюсь и с удивлением понимаю, что никто меня даже не слушает. Прочистив горло, я продолжаю.

— То случайное добро, которое вы совершаете каждый день, но даже не задумываетесь об этом, и более серьёзные поступки, те, на которые вы не обращаете внимания, постепенно приводят Вас к безумию. Иногда жестокость может быть милосерднее. Как террорист-смертник, вы все продумываете и убеждаете себя, что причины для этого великодушны и оправданы. Но получается настолько иронично, что после всех страданий и раздумий выбранная Вами месть окажется случайной. Вы заходите в толпу людей, которых даже не знаете, и нажимаете красную кнопку, или же начинаете беспорядочно стрелять, не заботясь, кто попадет под обстрел — и делаете это так долго, пока не попадете в *кого-нибудь*. Никакие политические и религиозные причины в мире не сравнятся с нуждой открыть свои чувства и достать их из себя. Когда кажется, будто тебя съедят заживо, если ты не сделаешь хоть что-то, чтобы успокоить это пламя внутри себя.

Я прерываюсь, обводя взглядом толпу, и понимаю, что завладела вниманием не меньше трети собравшихся. Фарид заинтриговано смотрит на меня, продолжая попыхивать сигаретой. Глубоко вздохнув, я продолжаю:

— Жестокость редко забывается. Вы ощущаете это ещё ребенком. Кто-то забирает вашу игрушку или бездумно пинает ваш песочный замок. Красивый мальчик входит в вашу жизнь, он видит то, что ему не нравится или не понимает, и старательно пытается показать, как он Вас ненавидит, постоянно отдавая себе полный отчет в пороках, которые вызывают эту ненависть. Потом Вы становитесь старше и мудрее, но не забываете эту жестокость. Не можете её забыть, потому что нет ничего сильнее и осязаемее в человеческом мозгу, чем память о дурном обращении. И чувствуете унижение из-за этого. Вы заикливаетесь на этом человеке и задаетесь вопросом: «Почему так произошло? Почему с Вами так поступили? Стоящая причина или нет?» Может, это то же самое, если бы кому-нибудь не понравились Ваши волосы или рисунок губ. Или может быть, Вы настолько несовершенны, что это нельзя проигнорировать — люди просто *обязаны* ткнуть Вас носом в эти маленькие недостатки и отметить каждую деталь несовершенства. Поэтому жестокость так сложно простить. Эти воспоминания, за которые Вы так упорно держитесь, словно камень, привязанный к рукам.

Они тащит Вас вниз, говоря, что Вы не можете просто взять и отпустить обиду. Вы не можете и не должны прощать того, кто причинил Вам зло, потому что если это сделали в первый раз, то сделают снова, правда? Невозможно ведь изменить фундаментальные аспекты личности. Но затем приходят сомнения. Вы сравниваете ребенка, который был жестоким раньше, с взрослым, который таким уже не выглядит, и спрашиваете себя: «Может, он изменился, и это была просто юношеская глупость? Возможно, они возникли в человеке, который изначально заслуживает прощения?» А потом Вы осознаете, что жестокость — это лишь симптом более глубоких причин. Вам хочется простить его, потому что причина, по которой тот мальчик обидел Вас, всё-таки была. Мальчик, разрушивший замок, был растерян и смущен, и с ним точно также обходился отец, который привил ему эти сомнительные ценности. Он понятия не имел, что делать с чувствами внутри него, поэтому ему пришлось дать им выход. Или, может, вы — девушка, понимающая, что её отец никогда не примет правду, скрытую от него маской благополучия. Поэтому Вы прячетесь, живете во лжи и терпите жестокость родителя, который просто не может раскрыть глаза и признать Вас такой, какая есть. Вы можете быть поп-звездой, достигнувшей славы и теперь живущей, словно в сказке, но осознаете, что реальность — это далеко не сказка. Вы замечаете в воде, по которой ходите, акул, а они ждут, пока упадет хоть одна капля вашей крови, пока Вы не обнаружите хотя бы один крошечный недостаток, и тогда они смогут начать охоту. Неважно, какую форму принимает жестокость, но она часто порождает сожаление. Это чувство раскаяния, когда Вы начинаете жалеть, что поступили так, а не иначе. Жалеете, заставив любимую девушку думать, что Вы ненавидите её. Жалеете, сказав дочери, что не примете её, пока она не подчинится Вашей воле. Жалеете о написанной истории, которая толкает эту поп-звезду к краю и принуждает её расстаться с жизнью. И твердите себе, что, хотя кто-то, обокрав Вас, тоже поступил жестоко, Вы никогда не должны опускаться до их уровня и пытаться украсть что-то у них. Теперь Вы понимаете, что, в сущности, жестокость — это замкнутый круг. Кто-то причиняет боль, и она начинает распространяться, становится всё больше и больше, пока не превратится в петлю. Отец причиняет боль сыну, сын — девушке, девушка отвечает тем же, и я уверена, что сын вернет всё это отцу. Но может, это и неправда, потому что даже когда тот парень был преисполнен ненавистью к Вам, Вы не испытывали к нему таких же чувств. Должно быть, просто защищались, верно? Но Вы вглядываетесь, оцениваете собственные действия и делаете поразительное открытие, что что-то в структуре жизненного порядка поменялось. Внезапно, сила меняется, и Вы становитесь тем, кто причиняет боль другому. Вы — тот, кто всегда считал себя жертвой жестокости и ничего более, превратились в преступника. Вы всматриваетесь в свою жизнь и понимаете, что Ваш страх стал причиной разбитого сердца. Оглядываясь в прошлое, понимаете, что именно Вы были причиной страданий, хоть и не осознавали этого. Ваша болезнь заставила семью волноваться и переживать за Ваше здоровье. Иногда Ваша жестокость была пассивной только из-за факта Вашего существования, потому что Вас хотела девушка, но знала, что не сможет получить желаемого. И парень хотел того же, но Вы тоже были ему недоступны, ведь невозможно было простить его прошлую ненависть. Возможно, если бы Вы не были такой робкой, осторожной и слабой, остальным было бы проще преодолеть воздвигнутые Вами барьеры. Может, Ваше стремление спрятаться было жестоким по отношению к тем, кто хотел, чтобы Вы раскрыли свою душу. Думаю, я просто хочу сказать, что жестокость — это неотъемлемая часть нашей души. Вы можете просмотреть историю, изучить страницу за страницей, и даже, если это не лежит на

поверхности, жестокость там есть всё равно, она коварно отравляет любого, кто имеет к ней отношение. Словно вирус, она растёт и простирается всё дальше, иногда даже превращается во что-то другое, например, страх, месть или использование в своих целях. Но, в конце концов, в нашем замысле возникает трещина и, кажется, единственный способ искупить вину — прекратить любое взаимодействие с людьми. И перед нами встает затруднение, потому что жизнь без человеческого общения — это не жизнь.

С последними словами мой голос становится всё тише и тише, а затем я полностью замолкаю и ощущаю, словно говорила, не переводя дыхания. Постепенно осознаю, что слезы стекают по моему лицу. Я смотрю на дюжины глаз, уставившихся на меня, и чувствую, как подступает страх. На мгновение мне кажется, что я совсем одна, и словно сумасшедшая, строю теории сама с собой. Фарид начинает хлопать, и к нему присоединяются остальные, а вскоре ко мне начинают подходить люди, спрашивая о рассказанной речи, и просят детально разобрать её по пунктам.

Но я не могу дать им того, что они просят. Теперь понимаю, что имел в виду Фарид, когда говорил о Дэвиде Кемероне. Он просто хотел высказаться и оставить свои слова здесь. Иногда чрезмерный анализ убивает подобные желания. Поэтому я говорю окружающим, что мне очень жаль, но нужно идти.

Как в трансе я иду к станции метро, чтобы уехать домой. Никогда бы не подумала, что я смогу найти слова и выразить мысли, крутившиеся у меня в голове. Это был момент моего прозрения. Знаю, для чего нужны были все эти слова. Я не просто пыталась прояснить свои чувства к Роберту, а составляла теорию. Тезис.

Может, сумасбродство и разбитое сердце этим летом были не напрасны. Возможно, мне предназначено пройти через всё это, чтобы я смогла увидеть большую картину и осознать, о чем я действительно буду писать свою диссертацию — «Природа жестокости».

Исследование круговорота жестокости в реальной жизни позволило мне понять его природу в мифологии, которую я изучаю.

Я могу понять, почему Медея убила своих детей. Почему Афина превратила волосы медузы в змей и сделала её красивое лицо настолько уродливым, что все, кто его однажды увидел, превращались в камень. Почему король Лай хотел убить своего сына Эдипа, чтобы пророчество, согласно которому мальчик убьёт короля, не исполнилось. Ни одна из этих причин: месть, ревность, отвращение и страх — их не оправдывает. Они реальны, запутаны и жестоки, в точности, как и люди. Сейчас я понимаю это.

Когда приезжаю домой, Саша загорает в саду. Я сажусь рядом с ней на траву, не заговаривая первой.

— Думаю, мне нужно домой, — мой шёпот нарушает тишину.

Прикрыв глаза рукой, она грустно смотрит на меня и спрашивает:

— Это из-за Роберта?

Я киваю, не в силах сказать что-либо ещё из-за душивших меня слёз.

— Я чувствовала, что всё к этому идет, ещё с вашего разрыва. Ваши чувства были такими сильными, а затем — пуф! — и всё исчезло.

— Да, — говорю я тонким голосом.

Я срываю ромашку по самый корень и начинаю перекачивать её между большим и указательным пальцами, наблюдая, как чудные белые лепестки кружат в воздухе.

Спустя некоторое время Саша объявляет:

— Я сегодня уволилась.

Я изумленно смотрю на неё.

— Ты? Почему?

— Работа не делает меня счастливой. Ты это знаешь. Но, самое главное, мне предложили другую работу.

— Неужели! Это здорово, Саша. Что за работа?

— Журнал о культуре, здесь в Лондоне. Я буду вести колонку о местных выставках и тому подобное, — отвечает она, поворачиваясь ко мне и широко улыбаясь.

— Это всего лишь небольшие публикации, а зарплата не покрывает и половины той, что была в «Майле», но, думаю, мне хватит и этого.

— Я так рада за тебя, — мягко говорю я.

Подруга с любопытством смотрит на меня.

— Знаешь, ты никогда не рассказывала, почему порвала с Робертом.

Я хмурюсь. Мне не нравится то, куда она пытается завести разговор.

— Это одна из тех вещей, о которых не хочется говорить. Слишком свежи воспоминания.

— Ну, это можно понять, — говорит она, поднимаясь. — Если как-нибудь захочешь поговорить, я вся во внимании. Определённо, я никогда не видела, чтобы мой брат так страдал из-за девушки, — она замолкает и выдыхает воздух. — В любом случае, я собираюсь заказать ужин. Чего бы тебе сегодня хотелось?

Заняв её место под солнышком, я с трудом пытаюсь улыбнуться и выкинуть Роберта из головы.

— Удиви меня.

Этим вечером Роберт не приходит домой. Не могу с точностью утверждать, что ему очень плохо и он не может видеть меня, или потому что снова пассивно-агрессивный. Я звоню маме и сообщаю, что скоро приеду домой. Даже не пытаюсь скрыть своё ликование, она настолько счастлива, что даже не спрашивает, *почему* я возвращаюсь домой, ведь ей никогда не нравилась моя идея поехать в Лондон. Я бронирую билет на самолет на завтрашний вечер и начинаю собираться. Затем звоню Алистеру и сообщаю, что не вернусь в ресторан, но он не слишком огорчён, так как через пару недель я бы всё равно ушла.

Саша отпрашивается с работы на несколько часов, чтобы отвезти меня в аэропорт. Когда настанет время уезжать, я уныло прощаюсь с домом, эгоистично радуясь тому, что Роберт так и не показывается. Полный разрыв будет самым простым выходом для нас обоих.

К сожалению, как только Саша кладёт сумки в багажник, Роберт появляется на дорожке к гаражу. Выйдя из своего «Мерседеса», он встаёт перед нами и почёсывает шею ключами.

Его красивые глаза за завесой грусти останавливаются на мне.

— Уезжаешь?

— Да, думаю, так будет лучше, — мягко говорю ему я.

— Так не будет лучше, — констатирует он, но в его словах нет злости, лишь горестная покорность.

— Жаль вас прерывать, но если мы не поедим прямо сейчас, то ты, детка, опоздаешь на самолёт, — говорит Саша, зажигая сигарету и затягиваясь.

Я смотрю на неё, но ничего не говорю. Взглянув на меня и Роберта, она смущённо кивает и проскальзывает на водительское сидение.

— Полагаю, не в моих силах изменить твоё решение, — говорит Роберт.

Я трясую головой и не нахожу подходящих слов.

Роб глубоко вздыхает, и вот уже стоит передо мной, заключая в прощальные объятия, и держит меня так, словно не хочет отпускать.

— Я буду скучать по тебе, Красная Шапочка, — шепчет он, вдыхая аромат моих волос.

— Я тоже буду скучать, Роберт.

Отстранившись, мужчина обхватывает мои плечи тёплыми руками и разглядывает меня с натянутой улыбкой.

— До следующего раза, а?

Не могу сдержаться и мягко улыбаюсь ему.

— До свидания, Роберт.

Его непринуждённая улыбка исчезает.

— До свидания, Лана.

Я забираюсь в машину и наблюдаю, как Роб стоит на подъездной дорожке и смотрит нам вслед.

Глава 20

Прибыв в аэропорт Дублина, я вижу маму, бабушку, Лиз и сестру, которые ожидают меня и поздравляют с возвращением домой. До этого момента я даже не осознавала, как сильно скучала по ним. Разглядывая их родные лица, чувствую себя, словно в старом уютном одеяле.

Элисон засыпает меня вопросами о Лондоне, вроде, *ходила ли я на какой-нибудь стоящий концерт и видела ли каких-нибудь знаменитостей*. Я рассказываю ей о церемонии закрытия Олимпиады, и у неё отвисает челюсть чуть ли не до пола. Затем о вечеринке на день рождения Алана, где было довольно много людей, но расцвет их карьеры пришёлся на восьмидесятые, поэтому она не понимает и половины.

— Ты выглядишь немного бледной, дорогая, — говорит мама, оглядывая меня в зеркало заднего вида, — надеюсь, ты берегла себя.

— Берегла, — быстро отвечаю я, — просто полёт меня утомил.

Лиз обнимает меня руками за плечи.

— Хорошо, что ты вернулась, Лана. Думаю, тебе многое нужно сделать, прежде чем ты вернёшься в колледж.

Я киваю, и оставшуюся поездку мы мирно болтаем.

Следующие несколько недель разительно отличаются от предыдущих. Хорошо быть дома, но в душе я ощущаю пустоту из-за отсутствия Роберта. Не могу перестать думать о нём, скучать и гадать, нашёл ли он себе другую девушку. Думала, время облегчит боль, но всё стало только хуже. В голове я постоянно рисую лицо Роба, переживая, что забуду его черты. Тот факт, что это я решила закончить отношения, делает тоску тяжёлой ношей.

Однажды вечером я делаю ошибку, когда в кои-то веки захожу на «Фейсбук». Вижу, что Роберт загрузил и отправил фотографии меня в тот день, когда я уезжала из Лондона. На них видно, как мы вдвоём валяемся на траве на заднем дворе, он обнимает меня руками, а наши взгляды освещены солнцем. Ниже написан комментарий: «Уже скучаю».

Думаю о фотографиях, что он сделал за те несколько недель, пока мы были вместе. Я так торопилась убежать, что даже не позаботилась попросить его удалить их. Часто ли он смотрит на них? Странно, но я завидую, что у него есть эти фотографии, а меня ничего.

Не в состоянии дальше смотреть, я отключаю свой аккаунт и закрываю ноутбук.

Спустя пару часов мне звонит Саша, словно это Роберт подговорил её (что одновременно раздражает и радует). Она спрашивает меня о «Фейсбуке», и я отвечаю, что просто переросла его. Нет нужды объяснять, что напоминания о её брате очень ранят.

Прежде чем я успеваю что-либо осознать, наступает конец сентября, и вот я встаю рано утром в понедельник, чтобы успеть на поезд в Дублин, и пойти в колледж. У меня встреча с научным руководителем, и я собираюсь предложить ему свою идею в качестве новой темы. Ещё я планирую немного позаниматься в библиотеке. Сейчас неделя первокурсника, и скажу только, что библиотеки будут пустовать, а бары в кампусе набиты под завязку.

В последнее время я не очень забочусь о своей внешности, меланхолия от тоски по Роберту заставляет меня проводить большую часть дней в пижаме. Если бы мама не работала так долго, она бы наверняка это заметила и начала бы расспрашивать, почему я такая несчастная.

Решив взяться за дело всерьёз, я зачёсываю волосы набок во французском стиле и оставляю концы свободными. Надеваю серую юбку-карандаш, удобные ботинки и шерстяной кремовый джемпер. Эта одежда не слишком яркая, но, по сравнению с моей предыдущей одеждой, практически достойна «Оскара».

Прибыв на Станцию Пирс, я немного прогуливаюсь по дороге, которая проходит мимо чёрного входа в «Тринити Колледж». Там повсюду первокурсники, все очень энергичные и оживлённые. Внезапно я чувствую себя одинокой, размышляя о том, как все мои друзья уже закончили обучение, нашли работу, или переехали в другую страну.

Сначала я иду в офис своего руководителя и рассказываю, как в своей работе хочу провести сравнение между жестокостью в классической и современной эпохе. Он выглядит заинтересованным и даёт указание продвигаться с этим исследованием дальше. Выйдя из офиса, я иду решать вопрос о регистрации. Мне хочется побаловать себя, и я обедаю в своём любимом местечке в городе — ресторане на крыше магазина «Маркс и Спенсер».

После обеда я направляюсь в библиотеку, где долго стою снаружи и перетряхиваю сумку в поисках студенческой карточки, которую нужно вставить внутрь, чтобы войти. Едва я нахожу её, как чувствую на себе чей-то взгляд. Обернувшись, я вижу группу удаляющихся студентов. Моё сердце бьётся сильнее, когда я понимаю, что телосложение одного из них мне до боли знакомо. Определённо, рост, фигура, стрижка и всё остальное, как у Роберта.

Я трясусь головой, убеждая себя, что это лишь воображение, и решаюсь, наконец, зайти внутрь. В библиотеке я провожу гораздо дольше, чем планировала, как всегда погружаясь в учёбу с головой. Придя домой, бабушка разогревает мне запечённого цыпленка, и мы говорим о моём первом дне. Она не задает мне ни одного вопроса о том телефонном звонке несколько недель назад, когда я рассказала ей о своих романтических переживаниях, за что я ей очень благодарна.

На следующее утро я сижу на подоконнике и ем завтрак, а мама собирается на работу, застёгивая пуговицы на блузке, и стоит перед камином. Через дорогу я вижу машину на подъездной дорожке — очень знакомую машину. Передняя дверь открывается и выходит Лиз, сопровождаемая своим сыном.

Я от удивления раскрываю рот, роняя ложку, и она громко звякает.

— Лана, что-то случилось? — спрашивает меня мама, хмурия брови.

— Там что, Роберт? — говорю я дрожащим голосом, указывая в окно.

Теперь он обнимается с Лиз и садится в машину.

— О, да, Лиз упоминала что-то насчёт чрезмерных посещений сына, — и мама цинично

смеётся. — Вероятно, он решил прервать карьеру и вернуться в колледж, чтобы получить степень. Эти несколько лет они почти не виделись, но душевно поговорили и решили отложить прошлые разногласия в сторону.

Мама поднимает брови, тем самым выражая своё отношение. Ей никогда не нравился Роберт, и она не доверяет его стремлению быть хорошим сыном. Внезапно у меня возникает желание попытаться оправдать его, но я сдерживаюсь.

Итак, именно Роберта я видела вчера в группе студентов. Я ведь чувствовала, что кто-то на меня смотрит. Значит, это был он?

— Он что, не может получить степень в Лондоне? — бормочу я свои мысли вслух.

— Мог бы и там, но здесь учится гораздо дешевле, — отвечает мама.

Ха, да всё это чушь. Может, и дешевле, но я точно знаю, Роберт никогда не нуждался в деньгах. В сердце закрадывается подозрение, но в животе начинают порхать бабочки. Роберт здесь. Мой Роберт. Мужчина, по которому я скучала, как сумасшедшая.

Столкнуться с ним на улице слишком большая ошибка, поэтому я решаю заниматься дома. Но у меня нет нужных книг, только интернет, поэтому на следующий день мне придётся выйти.

По пути в город я сгрызаю почти половину ногтей, думая о Роберте. Что он изучает? Он остановится в доме своей матери или где-нибудь ещё? Он уже завёл друзей? Ну, так как я видела его в кампусе с другими, полагаю, уже завёл.

В библиотеке я запасаясь кучей книг и пищу бесчисленное множество пометок, пытаюсь сосредоточиться на теме своей работы, вместо стука сердца, знающего, что Роберт где-то рядом.

Около двух я иду перекусить. Присаживаясь за столик в кафе «Баттери» с супом и сэндвичем, я рассматриваю группу шумных студентов около себя. Неподалеку обедает компания парней, одетых в ярко раскрашенную одежду семидесятых. Очевидно, они думают, что делать с «Неделей Первокурсника».

Едва я переключаю своё внимание на еду, как слышу взрыв смеха, доносящийся от столика напротив меня. Сэндвич застывает на полпути ко рту, когда я поднимаю глаза и вижу Роберта. Он ставит поднос и садится за стол, а его тёмный взгляд оказывается вровень с моим. Я поражена тем, как непривычно видеть его в образе студента. Ведь я привыкла, что Роб выглядит, как настоящий бизнесмен, и большую часть времени одевается в строгие дизайнерские костюмы.

Теперь на нём надеты чёрные джинсы, ботинки и серая футболка.

Выглядит он потрясающе. Изысканно. Или, возможно, это из-за того, что я не видела его так долго, и просто пожираю Роба глазами, будто меня неделю не кормили.

Чувствую смущение, не желая игнорировать его и притворяться, что мы незнакомы (честное слово, это было бы просто смешно), я глупо махаю ему и продолжаю поедать сэндвич. Он что-то говорит друзьям и машет мне в ответ.

Я хмурюсь, глядя на него, и мне кажется, Роб жульничает, появившись здесь. Всё пошло не так, как предполагалось. Единственный способ держаться от него подальше — жить в другой стране.

— Привет, — говорит Роб, пряча руки в карманы джинсов и покачиваясь на пятках взад-вперёд.

— Привет, — тихо отвечаю я, жуя сэндвич.

— Крутой сюрприз, а?

— Что?

— Имею в виду, что я здесь. Готов поспорить, ты такого не ожидала.

Я пожимаю плечами.

— Вообще-то я знала. Мама сказала. К тому же вчера утром я видела тебя у дома Лиз.

— А... — Он обаятельно усмехается, — вот, почему тебя так сложно было найти.

Решив не говорить ему о том, что вчера осталась дома, чтобы не столкнуться с ним, я отвечаю:

— Я выпускник, и не хожу на лекции, а большую часть времени провожу в библиотеке.

И тут же чувствую досаду от того, что сообщила ему об этом. Теперь Роб знает, где меня найти.

— Точно, — говорит он с усмешкой, потирая щетину.

— Ну, так что ты изучаешь? — спрашиваю я, чтобы избавиться от неловкости.

— Кинематограф. У них это самое близкое к фотографии, — Роб скромно улыбается, — я довольно взрослый студент.

— Неужели ты не мог изучать это в Лондоне? Спорю, у них курсы намного лучше.

— Мог, — соглашается он. — Но есть одна проблема.

— Какая...

— Тебя нет в Лондоне, Лана.

— Оу.

Его улыбка становится шире, когда он хрипло шепчет:

— Точно, «оу».

— Ну, что ж, — говорю я, отряхивая руки, — лучше я пойду в библиотеку.

— Ты и половины не съела.

Я устало смотрю на поднос, понимая, что Роб прав, и быстро опускаюсь на сидение и выпиваю глоток воды.

— Малыш, я здесь не для того, чтобы ты чувствовала себя не в своей тарелке, — говорит он, опираясь на стол обеими руками и наклоняясь так, чтобы видеть мои глаза.

У меня перехватывает дыхание от нежности в его взгляде.

— Я здесь для того, чтобы сделать то, что обещал. И собираюсь доказать тебе, что именно я тот мужчина, который тебе нужен.

— Роберт, не нужно этого делать, — шепчу я, не глядя на него.

— Я сделаю это, Лана. Слушай, почему бы тебе не присоединиться и не поесть со мной и моими друзьями? Ты выглядишь очень одинокой?

— Всё нормально, — говорю я, изучая двух женщин и мужчину, с которыми он пришёл. — Рада, что ты завёл себе друзей.

— Ну, у нас, в общем-то, и выбора не было. Мы — единственные взрослые на нашем курсе. Поэтому либо мы объединяемся, либо зависаем с компанией раздражающих восемнадцати леток.

Как только Роб говорит это, один из парней в одежде семидесятых выскакивает из-за стола и начинает исполнять танец Джона Траволты.

— Видишь, что я имею в виду?

Я не могу удержаться и хихикаю.

— Тебе бы лучше пойти и съесть всё, пока не остыло.

— Да, — вздыхает он, поедая меня глазами, — ты права. Увидимся, Красная Шапочка.

С этими словами Роб возвращается к столу. Остаток дня я стараюсь не попадаться ему

на глаза. Когда я вечером возвращаюсь домой, мама и Лиз сидят на кухне, пьют чай и болтают. Я без сил падаю на стул около них. Никогда бы не подумала, что так много сил понадобится для того, чтобы избежать кого-нибудь.

— Милая, хочешь чашку чая? — спрашивает мама.

— Не отказалась бы.

Лиз весело смотрит на меня. У неё на лице широкая улыбка и довольный блеск в глазах.

— Лиз, хватит пялиться. Ты меня пугаешь.

Мама наполняет чашку и добавляет молока.

— Лана, не разговаривай так с Лиз.

Я устало смеюсь.

— Что? Это правда. Она мне так улыбается, словно я только что сказала о покупке для неё нового дома.

— У меня сегодня хорошее настроение, — говорит Лиз. — Что с того?

Едва мама отводит взгляд и подмигивает мне.

— Держи. Сегодня Лиз просто радостная. Нет нужды быть грубой, — говорит мама, убирая грязные тарелки в раковину.

Когда она открывает кран, Лиз наклоняется и сжимает мою руку.

— Знаешь, Роберт здесь. Он учится в «Тринити», как и ты.

— Да, знаю. Я столкнулась с ним сегодня, — говорю я.

У неё округляются глаза и загораются любопытством.

— Оу. И как всё прошло?

— Отлично, — и я прищуриваю взгляд, — есть что-то, чего ты не рассказала мне, Лиз?

— Нет, нет, конечно, нет, — отвечает она, сжимая губы и стараясь не улыбаться.

— Лиз.

— Что?

— Роберт что-то тебе сказал, не так ли?

— Возможно.

Я глубоко вздыхаю.

— Так ты знаешь о нас?

Она сжимает мою руку и взволновано ёрзает в кресле.

— Да. И раз так, знай, я скрестила пальцы, чтобы ты вернулась к нему. Он действительно начал жизнь с чистого листа. Я и не думала, что такое возможно, но мой мальчик по уши влюбился в тебя.

— О чём вы двое шепчетесь? — спрашивает мама, отворачиваясь от раковины и вытирая руки о фартук.

Я смотрю на Лиз и мотаю головой, чтобы она ни слова не говорила маме.

— О, пожалуйста, давай я скажу ей, Лана!

— Лиз! — протестую я, ужасаясь её несдержанности.

— Скажешь мне что? — спрашивает мама.

И прежде чем я успеваю остановить женщину, Лиз всё разбалтывает:

— Роберт и Лана встречались.

Мама тут же опускает руки вниз.

— Повтори, пожалуйста?

— Твоя дочь и мой сын влюблены друг в друга.

— Были влюблены, Лиз. Прошлое время. Теперь всё кончено, — вру я.

Я тяжело сглатываю и смотрю на маму. У неё на лбу бьётся жилка.

— Лана, пожалуйста, скажи, что это неправда.

— Ох, да брось, — говорит Лиз. — Мой мальчик больше не такой шалопай, каким был раньше. Он повзрослел. Только подумай об этом, Фиона. Наши дети могут пожениться — как это было бы прекрасно? Мы станем практически сёстрами.

Строгое выражение лица мамы смягчается, как только она заряжается энтузиазмом Лиз. Вытащив стул, она садится и смотрит на меня с любопытством.

— Ты сказала, что всё кончено. Что произошло?

— Ничего особенного, — снова вру я, — просто не получилось.

— Да, ну что ж, возможно, так будет лучше, — удовлетворившись, она скрещивает руки.

— Фиона!

— Тише, Лиз. Я больше ничего не имею против твоего сына, но Лана очень ранимая девочка. Она не создана для таких, как Роберт. Он бы съел её заживо.

У меня отвисает челюсть, когда я понимаю, что слова мамы в точности похожи на мои. Как я и сказала Роберту, мы не можем быть вместе из-за моей болезненности и хрупкости. Господи Боже, я что, всё это время просто повторяла слова своей матери? Я пытаюсь разобраться, каковы были мотивы моего расставания с Робертом, и были ли они вызваны её наставлениями? Неужели они настолько укоренились во мне, что я не замечала их с самого начала?

— Пф, я не собираюсь это выслушивать, — говорю я, вставая со стула и покидая комнату.

— Лана, я не хотела тебя обидеть, — зовёт меня мама, и в её голосе чувствуется беспокойство.

Я даже не утруждаю себя ответом.

Пару часов спустя кто-то стучится ко мне в комнату. Я вздыхаю и приглашаю зайти. На пороге появляется мама и присаживается на край кровати. Я тоже устраиваюсь поудобнее, и в уютной розовой пижаме чувствую себя маленьким ребёнком.

— Знаю, иногда я могу переступить границы дозволенного, — говорит она, заламывая руки. — Я не нарочно, честное слово. Прости за то, что сказала раньше.

Я сажусь и обхватываю колени руками.

— Всё в порядке, мам. Знаю, в глубине души ты хотела, как лучше.

Наступает тишина.

— Я заметила, что ты изменилась с тех пор, как приехала домой. Ты всё время кажешься грустной.

Я удивлённо смотрю ей прямо в глаза.

— Да, в общем-то, мне немного грустно.

— Это из-за вашего расставания?

Я киваю, и не в состоянии совладать с собой, поворачиваюсь к окну, где на небе уже высыпали звёзды.

— Ну, что ж, поправь меня, если я неправа, но Лиз думает, что главная причина, по которой Роберт вернулся, потому что он хочет быть рядом с тобой. В этом случае, зная, что он оставил весь этот блеск и гламур роскошной жизни, я могу признать, что его действия достойны восхищения.

Я раздражённо смотрю на неё и смеюсь.

— О, неужели, блеск и гламур?

Она махает рукой:

— Брось, ты знаешь, что я имею в виду. Эта вульгарная лондонская жизнь, которую ведёт его отец. Похоже, он переехал сюда именно для того, чтобы показать, что ты ему важнее, чем всё остальное.

Боже правый, мама определённо поменяла своё мнение. Лиз, должно быть, что-то поведала ей после того, как я вылетела из кухни. В таком случае, она рассказала маме всё то, что Роберт поведал ей во время их разговора по душам. Эта мысль вызвала во мне желание броситься вон из комнаты, пересечь поле на пути к дому Лиз, кинуться в его объятия, молить его простить за то, что я была такой трусихой и порвала с ним. Но я этого не сделаю, потому что, как уже говорила, я — трусиха.

— Ты что, даёшь мне свое благословение? — спрашиваю я, подняв бровь.

— Ничего я тебе не даю, Лана. Ты достаточно взрослая, чтобы сама принять собственное решение. Я просто хотела поговорить с тобой. Слишком долго я откладывала это.

С этими словами она встаёт, нежно гладит меня по голове и уходит.

На следующий день мама, бабуля и Элисон отправляются на семейный обед в деревню. У меня нет настроения, поэтому я остаюсь дома. Мама просит меня открыть Лиз, когда та придёт за яблочным пирогом, что ей оставила бабуля. Бабуля у нас сезонный пекарь. Каждые пару месяцев у неё наступает период, когда она печёт дюжины пирогов из яблок и ревеня, чтобы потом раздать их всем соседям.

Я планирую понежиться в ванной, поэтому оставляю входную дверь незапертой, чтобы Лиз могла сама войти и забрать пирог. Мы живём практически в глуши, поэтому шанс быть ограбленными невелик. Проведя двадцать минут в ванной, слышу стук в дверь.

— Там открыто, Лиз, заходи! — кричу я, окуная голову в воду, чтобы смыть пену с волос.

В коридоре звучат чьи-то шаги.

— Эм, Лана? — слышу я неуверенный голос Роберта. — Мама отправила меня забрать пирог твоей бабушки.

О, мой Бог. Я подскакиваю и захлопываю дверь в ванну, прежде чем он ошибочно решит зайти сюда.

— Да, верно, он на кухне, — кричу я, оборачиваясь в полотенце.

К сожалению, оно недостаточно большое и скрывает только самые важные части тела.

В голосе Роберта слышатся нотки веселья и любопытства, когда он спрашивает:

— А ты где?

Я выхожу из ванны, которая с тех пор как я живу в бунгало, находится прямо напротив двери в кухню. Мне уже хочется быстро убежать в спальню, но, оказывается, Роберт стоит прямо там. Он пожирает меня глазами от макушки до пальцев ног.

— Чёрт, — шепчет он.

Я хватаю полотенце в испуге, что оно может свалиться от его страстного взгляда.

— Ага, эм, я не знала..., — практически целую минуту я не могу подобрать слова и думаю только о том, что Роб бросил свою прошлую жизнь ради меня. — Закрой за собой дверь, когда будешь уходить, — выдавливаю я, убегая к себе.

Я в полном смущении прислоняюсь к стене. Невозможно представить ситуацию более неловкую... или возбуждающую. Дверная ручка дёргается, и дверь слегка приоткрывается.

— Можно мне войти? — спрашивает Роберт хриплым голосом.

— Думаю, тебе не стоит заходить, — отвечаю я, тяжело дыша.

Он просовывает голову, и нахальная улыбка озаряет его лицо.

— Честное слово, я не знал, что ты принимаешь ванну. Хотя не могу сказать, что сожалею об этом.

Не в силах удержаться я издаю короткий смешок и мотаю головой:

— Тебя здесь слишком много.

— Неужели? — в его голосе слышатся нотки флирта. — Думал, меня тебе вполне хватает, детка.

— Роберт! — восклицаю я.

— Что? — его усмешка чертовски сексуальна.

В следующую секунду я оказываюсь прямо перед ним, пихаю его по коридору и говорю, чтобы он забрал пирог и проваливал. К сожалению, я успеваю заметить все признаки эрекции в его штанах. Когда я выталкиваю Роба из дома, то случайно касаюсь этого бугорка. Он издаёт тихий стон, который я стараюсь игнорировать. Как только мужчина уходит, я возвращаюсь в комнату и ложусь на кровать, позволяя рукам проскользнуть между ног в попытке удовлетворить вызванное им желание.

Глава 21

Следующие две недели Роберт держится на расстоянии, шаг за шагом разбивая мои баррикады. Каждый второй или третий день он ждёт меня около библиотеки колледжа с двумя стаканами кофе для нас, иногда это фруктовый смузи или чай с шариками (который стал моим новым фаворитом). Я всегда принимаю их с благодарностью, не желая быть грубой, но всё же тронутая его стойкостью. Мы болтаем и прогуливаемся вокруг кампуса. Здесь чувствуется разница с нашим пребыванием в Лондоне, он не такой напористый и агрессивный.

Часто по пути из колледжа к станции я вижу его, чертовски притягательного. Он сидит в машине с опущенным окном и всегда приглашает отвести меня домой. Я отказываюсь, пугаясь перспективы оказаться рядом с ним в таком маленьком пространстве. Не уверена, что согласившись на поездку, смогу держать себя в руках.

В основном, мы говорим о Саше, и о том, как она справляется на своей новой работе, которой, несомненно, довольна. К тому же подруга перебралась из отцовского дома в Финчли и поселилась в собственной квартире. Он рассказывает о своих поисках квартиры поближе к городу, так как не хочет жить под крылом у матери, и нашёл квартиру в Доннибрук, в которую скоро собирается переехать. В глубине души чувствую печаль из-за того, что Роб больше не будет жить рядом со мной.

Ещё он рассказывает, как его отец был разозлен, что Роберт, далеко продвинувшись по службе, вдруг бросает работу, хотя сейчас они снова разговаривают. В общем, Роберт, кажется, прилагает все усилия, чтобы не затрагивать тему наших отношений, возможно, опасается, что только напугает меня.

Но всё это заканчивается во вторник вечером, когда я упорно тружусь в библиотеке, переписывая отрывок на древнегреческом, который позже мне предстоит перевести. Услышав звук отодвигаемого кресла, я поднимаю голову и вижу Роберта, усаживающегося рядом со мной.

Я продолжаю писать, а он, подперев подбородок кулаками, облокачивается на стол и

смотрит на меня.

— У тебя красивый почерк, — Роб смотрит, как я вывожу каракули на греческом.

Чуть улыбнувшись, я отвечаю:

— Спасибо.

Он шумно втягивает воздух и выдыхает.

Я перестаю писать.

— Что ты здесь делаешь, Роберт? Кажется, тебе скучно.

— Я совсем не скучаю, — говорит он, мягко кладя руку мне на бедро.

Дрожа, я откладываю ручку в сторону, но не могу заставить себя взглянуть на него.

Никто не дотрагивался до меня там уже несколько недель, и крепкая рука Роберта вызывает во мне странное покалывание. Он передвигает руку выше, и мои щёки покрываются румянцем, а дыхание учащается.

— Оу, только посмотрите на это, — мурлыкает Роб, — чувствуешь желание, детка?

Закрыв глаза, я пытаюсь привести мысли в порядок. Он не должен так сильно влиять на меня.

— Было немного, верно?

Я молчаливо киваю, но мои глаза всё ещё закрыты.

— Лана, чёрт побери, я дико хочу снова оказаться внутри тебя. Не касаться тебя — просто агония. Каждую ночь я мечтаю о твоей маленькой узкой киске, сжимающей меня, когда ты кончаешь.

— Роберт! Здесь нельзя такое говорить! — шепчу я ему в шоке, но уже возбуждённая.

— Никто не слышит, — говорит он, посмеиваясь и ныряя пальцами между ног.

— Не в этом дело.

Я сдвигаю ноги. Нужно убраться от Роба подальше, прежде чем сломаюсь под его напором. Поэтому встаю и собираю прочитанные книги в стопку. Пройдясь вдоль полок, я возвращаю их на место и иду искать другие нужные книги.

Стоя возле полки, где никого нет, чувствую, что Роберт стоит прямо за мной. Он настолько близко, что я ощущаю его дыхание на шее, и у меня по коже бегут мурашки. Прежде чем мужчина касается меня, я всхлипываю. Быстрым движением Роб заключает меня в объятия, обнимая мускулистыми руками — одна на груди, другая на бедре. Я касаюсь спиной его груди и опускаю голову на плечо. Моё тело просто кричит, что это то, чего я хочу, и плевать на доводы разума.

Долгое время мы стоим в такой позе. Она настолько уютная, что я не могу заставить себя двигаться. Боже, как я скучаю по той связи между нами. Как же я наказывала себя, когда отталкивала его все эти недели. Я хочу сказать, какой ещё мужчина может бросить отличную работу и переехать в другую страну из-за девушки? Влиться в студенческие будни, далекие от той богатой жизни, к которой он привык за эти годы. Если жизнь вдали от любимых людей, пусть и с недостатками, и не жизнь вовсе, почему же я всё ещё мучаю себя?

— Я люблю тебя, — шепчет Роб, медленно посасывая мочку моего уха.

— Кто-нибудь может увидеть, — взволнованно говорю я ему, неспособная вырваться из его объятий.

Я разворачиваюсь, чтобы обнять его, и моя грудь прижимается к его, он тихо вздыхает.

— Давай уйдём отсюда. Я хочу поужинать с тобой.

— Ужин — звучит здорово, — говорю я, вдыхая его аромат.

Не совладав с желанием, Роб сжимает мои рёбра, затем отодвигается и тащит меня к

столу. Он начинает складывать книги в мою сумку, останавливается, и тяжело дыша, поворачивается ко мне.

— Извини. Я вёл себя слишком нагло, верно?

— Нет, всё в порядке, но вещи я могу собрать сама, — смеюсь я.

Роб отходит и позволяет мне собрать вещи, периодически поглаживая мою спину. Я вся трепещу от его нежных прикосновений.

— Как ты себя чувствуешь в последнее время? Болела?

В его голосе слышится такая забота, и я тут же отвечаю:

— Ну, в любом случае, я хорошо заботилась о своём здоровье.

— А как во всём остальном? — тихо спрашивает Роб, поглаживая меня ещё нежнее.

— Во всём остальном, как-то дерьмово.

В ответ слышу смех, полный любви:

— Я во всем остальном тоже как-то дерьмово.

Мы покидаем кампус, и Роберт отвозит меня в ресторан на Доусон Стрит. Похоже, его интересует моя научная работа, и о чём я в ней пишу. Объясняю ему тему, но чувствую себя слишком смущённой, чтобы рассказать о том, что именно опыт наших отношений вдохновил меня на неё. По пронизательному блеску в его глазах, я понимаю, что Роб, в любом случае, догадался о своей роли в моей работе.

Пока мы наслаждаемся ужином, Роб рассказывает о своей учебе кинематографу, и насколько она интересная.

После ужина Роберт предлагает мне посмотреть новую квартиру, куда он скоро переедет. Прибыв туда, я понимаю, что это абсолютно новое здание с большим количеством высоких пышных деревьев неподалеку. Квартира Роберта на четвёртом этаже. Она очень большая, но почти пустая, и единственным предметом мебели оказывается диван из тёмно-коричневой кожи.

— Я, эм, работаю над тем, чтобы сделать её своей, — говорит он с досадой, — как видишь, мне ещё нужно купить кровать, ну, и всё остальное.

— Здесь очень мило. Вижу, что ты здесь счастлив.

Он улыбается и кивает, но что-то грустное мелькает в его глазах.

Я подхожу к окну и люблюсь открывшимся видом на деревья.

— Ты можешь приходить сюда когда угодно. Имею в виду, если ты засидишься в библиотеке и пропустишь последний поезд, здесь для тебя найдётся местечко.

Сглотнув комок в горле, я поворачиваюсь к нему и благодарно улыбаюсь. Здорово *было бы* иметь место возле колледжа, куда можно было бы зайти без приглашения.

— Спасибо, — шепчу я, и некоторое время мы смотрим друг на друга через пустую комнату.

Выйдя из здания, мы идём к припаркованной машине. Уже поздно, и я соглашаюсь, чтобы Роб довёз меня прямо до дома, вместо того, чтобы высадить на станции. Погружённые каждый в свои мысли, мы бесшумно несёмся по дороге. Чувствую, как Роб каждую пару минут украдкой бросает на меня взгляд, словно наслаждается моим присутствием в своей машине.

Мы уже почти дома, когда у меня возникает сильное желание нарушить тишину, в которой витают невысказанные слова. Но у меня не хватает храбрости заговорить, поэтому я прибавляю громкости радио. Динамики заполняет голос ди-джея и начинает играть моя любимая песня последних месяцев «Anything Could Happen» Эмили Гоулдинг. В этой песне

есть что-то радостное, из-за чего у меня всегда поднимается настроение. Если бы феи писали поп-музыку, она была бы именно такой.

Не задумываясь, я закрываю глаза и начинаю тихонько подпевать. В процессе Роберт берёт мои пальцы в свои. Когда песня заканчивается, я открываю глаза и вижу, что машина стоит у дома Лиз. Роберт выключает радио, нажимает кнопку и опускает стекло. За окном темно, и слышу только звук волн на пляже.

— Мне нравится, как ты поёшь, — шепчет Роберт ласковым голосом.

Мы откидываемся на сидения и поворачиваемся лицом друг к другу. Некоторое время смотрим друг другу в глаза, не в силах отвести взгляд. Я выдыхаю, а он вдыхает, символизируя, как сильно мы нуждаемся друг в друге.

Внезапно заволновавшись, я вырываю пальцы у него из рук и хватаю сумочку.

— Уже поздно. Лучше я пойду домой, пока мама не организовала поисковую экспедицию.

Он останавливает меня и забирает сумку из моих рук.

— Пожалуйста, давай не сейчас. Прогуляйся со мной немного. Ночь такая красивая.

Я не могу отказать, когда Роб так смотрит на меня, поэтому киваю и выхожу. Он обходит машину, подходит ко мне, накидывает своё пальто мне на плечи и снова берёт за руку. Несмотря на то, что уже середина октября, ночи ещё не слишком холодные. Воздух свежий и бодрящий, насыщенный солёным запахом моря. Мы спускаемся по песку к пляжу, на котором, к счастью, никого нет. Только мы вдвоём на несколько миль вокруг.

Я сажусь на песок, осторожно укутавшись в пальто Роберта. Оно истончает его аромат, который наполняет всё мое существо и заставляет тело гореть. Он опускается рядом со мной. Я люблюсь тёмным морем, позволяя рукам упасть в песок и чувствуя, как песчинки проскальзывают сквозь пальцы.

— Знаешь, когда в начале лета ты зашла к Саше на кухню, я и понятия не имел, как вести себя с тобой.

Я смотрю на него и улыбаюсь.

— Забавно, потому что я чувствовала то же самое.

— Чувствовал себя совершенным мудаком, когда называл тебя «Тампон», как делал в школе. Думаю, просто я привык играть роль задиры, единственную роль, которую знал. А когда я начал делать тебе комплименты, увидел, как что-то зажглось в твоих глазах — удивление и маленький проблеск счастья. Казалось, я всю жизнь ждал этого проблеска счастья. И в следующую секунду осознал, как просто быть милым с тобой, хотя всегда считал, что это очень сложно, ведь в моей природе просто не была заложена доброта. Я так обманулся. Жестокость — это просто, и она приносит только несчастье. Доброта гораздо труднее, и ты должен быть храбрым, чтобы дарить её окружающим. Быть жестоким — это значит, что ты можешь оставаться закрытым от всех, носить маску притворства, а быть добрым — значит показывать любовь, нужно стать ранимым, показать кому-то истинного себя и быть в состоянии принять отказ.

Его слова ошеломляют меня. Я знала, что у Роберта глубокий внутренний мир, но не догадывалась о глубине его чувств. И это невероятно, потому что его мысли почти полностью отражают мои собственные.

Каждый из нас стоит по разную сторону этого зеркала.

Несогласные, но зависимые друг от друга.

Такие разные, но гармоничные.

И как я только могла избегать этой связи, которая была между нами все эти годы? Я всегда говорила себе, что не позволю болезни управлять собой, но именно это и происходило с тех пор, как я вышла из комы. У меня могут быть и Роберт, и здоровье одновременно. Нужно лишь немного поработать, как сказал Роберт, доброта и любовь требуют храбрости.

Ничто не бывает лёгким. Это же относится и к людям. Те, кто с таким трудом и тщательностью прячутся от остальных, стоят прилагаемых усилий. Те, за кого ты должен побороться.

Всю нашу жизнь мы с Робертом боролись друг за друга. Мы просто не знали этого.

Воодушевлённая этими выводами, я вскакиваю на ноги.

— Давай поплаваем.

У него вырывается короткий смешок.

— Середина октября, Лана.

— И что такого?

Роб приподнимает один уголок рта вверх и рассматривает меня. Его тёмные глаза соблазнительно сверкают в лунном свете.

— Ты права, — отвечает он, встряхивая головой. — И что такого, пойдём.

Он встаёт и начинает стягивать с себя одежду, а я смотрю на него, поглощённая видом его красивой кожи. Поймав себя на этом, стряхиваю с себя пальто и одним движением снимаю платье через голову. Я с удовольствием вздрагиваю от холода, и моя белая кожа покрывается мурашками. Словно что-то вселилось в меня этой ночью. Вещи, которые я обычно считала сумасбродными, вдруг стали казаться невероятно привлекательными. Я была пьяна эмоциями и осознанием того, что собиралась дать шанс этому прекрасному мужчине.

И это моё собственное решение, на этот раз никто не давил на меня.

Я смотрю на свои ноги и погружаю их в песок.

Когда я поднимаю голову, то вижу, как Роберт пристально смотрит на меня.

— Ты само совершенство.

Я смеюсь и шепчу:

— Заткнись.

Затем поворачиваюсь и бегу в сторону моря. Несмотря на спокойную погоду, ледяная волна с силой ударяет меня по ногам и, задыхаясь, я иду, пока вода не достигает моей талии. Прищурившись и плотно закрыв рот, чтобы туда не попала солёная вода, прыгаю в волны и отскакиваю назад. Капельки стекают вниз по моему телу.

— Что на тебя нашло? — кричит Роберт, подплывая ко мне.

Покусывая губы, я отвечаю:

— Не знаю. Ты. Жизнь. Всё.

Забрызгивая всё вокруг, я кружусь в воде.

С его стороны звучит смех, полный лёгкости и радости. Он стремительно приближается ко мне, обвивает меня руками и тянет за собой в воду, затем плывёт обратно и тащит меня за собой. Я кладу голову на его грудь прямо напротив сердца.

— Я люблю тебя, сумасшедшая, — рычит он, кусая меня за шею.

— Я тоже тебя люблю, — отвечаю я, поворачиваясь так, чтобы можно было целовать его, как можно дольше и глубже.

Мы находимся довольно далеко, и нам приходится грести, чтобы удержаться на воде. В

ночной темноте мы — единственные под этими звёздами трогаем и ласкаем друг друга.

Мне настолько холодно, что я давно должна была захотеть вернуться на берег, но наслаждение от купания с Робертом перевешивает всё на свете.

Альтернатива гораздо хуже.

Наконец, Роберт вытаскивает меня на берег, хватая на руки и несёт на берег. Мы стоим лицом друг к другу, улыбаясь, как маньяки, и натягивая сухую одежду на мокрые тела.

Дорога домой занимает долгое время, потому что мы постоянно останавливаемся, чтобы поцеловаться и обняться, словно не делали этого несколько столетий.

— Мама сегодня помогает дяде Рику сидеть с ребёнком. Она сегодня не вернётся. Не хочешь переночевать у меня?

Кивнув, я пихаю его в палисадник, а он ищет в карманах ключи. Мы крадёмся через двери, как двое маленьких детей, нарушающих правила, и он ведёт меня к себе в комнату. Я лихорадочно набираю маме сообщение, в котором объясняю, что не приду домой сегодня вечером.

Секундой позже мы оказываемся обнажёнными. Я позволяю своему рту отправиться в путешествие по его телу, целуя и облизывая всё, до чего добираюсь.

Я сажусь бёдрами на его ноги. Роб смотрит на меня снизу вверх и светится обожанием, когда смахивает влажные волосы с моего лица.

— Ты понимаешь, что одна из моих подростковых фантазий воплощается в реальность?

Я тихо смеюсь и слегка касаюсь языком его соска, тем самым заставляя резко выдохнуть.

— Что вы имеете в виду, мистер Филипс?

Роб хватая моё лицо в ладони, притягивает к себе и страстно целует.

— Имею в виду тебя в моей кровати. Когда мы были младше, я часто об этом думал. А вообще, чего уж там, я всё время об этом думал.

— Неужели? И что ты хотел сделать со мной? — спрашиваю я жарким голосом.

Резким движением Роб переворачивает нас, нависая надо мной, и передвигает свою тёплую руку к пространству между моих ног, раздвигая их, как можно шире, сдирает с меня трусики, а мокрая ткань впивается мне в кожу. Затем он ласкает рукой мои изгибы, заставляя их увлажниться.

— Вот, это, — Роб тяжело дышит, прежде чем оказывается внутри меня своими пальцами, продвигаясь вперёд и назад.

Я постанываю и тяжело дышу, двигаясь ему навстречу в ожидании большего.

— Если бы сделал это со мной в то время, я бы просто умерла.

С любовью засмеявшись, Роб проводит языком дорожку от моей шеи до груди, захватывая её ртом, и нежно посасывает мой сосок. Чувствую его лёгкие покусывания и начинаю извиваться, пытаюсь нащупать член Роба и страстно желая, чтобы он оказался внутри меня.

Видимо Роберт точно знает, чего я хочу, поэтому вытаскивает пальцы и входит в меня, полностью заполняя моё естество. Я сжимаю простыни, возбуждённая тем, что мы занимаемся любовью в его старой комнате. Словно мы вернулись в исходную точку, в этот дом, где всё начиналось.

Роб двигается часто и быстро, крепко сжимая мою талию, а пот стекает по его шее. В какой-то момент он приподнимает меня за бёдра и входит ещё глубже. Слышу, как он шепчет мне пошлости, и ощущаю его хриплое дыхание.

Похоже, к концу ночи на мне не остается ни одной не обласканной части тела. Затем я оказываюсь сверху, двигаясь вверх и вниз, с нашими переплетенными руками. Роб смотрит на меня снизу вверх, приоткрыв рот в изумлении и вожделении.

— Выходи за меня, — резко выдыхает он, сжимая мои руки.

Я тут же перемещаюсь назад, но не прекращаю двигаться. Ни разу в жизни я не чувствовала себя такой уязвимой, как, в общем-то, и Роберт.

Я с трудом отметаю свои туманные похотливые мысли и шепчу:

— Окей.

Роб счастливо улыбается и секундой позже кончает. Я всё ещё сижу сверху, прижимаясь к нему, так как голос меня не слушается, и обхватываю его руками, в попытке показать, как сильно его люблю. Спустя некоторое время вижу, как блеск во взгляде Роба потухает, и он погружается в глубокую дремоту. Нежно погладив его волосы, я говорю в тишине пустого дома:

— Ты мой.

Никто не слышит меня, но блеск глаз Роберта снова вспыхивает, и я вижу, как он улыбается.

На следующее утро мы спим до десяти или одиннадцати часов. Кажется, мой мочевого пузырь вот-вот лопнет, поэтому я надеваю одну из футболок Роберта и бегу в ванную комнату. К сожалению, мне не удаётся остаться незамеченной, так как Лиз идёт прямо по коридору.

У женщины загораются глаза, когда она видит меня, а на губах появляется улыбка.

— Это значит то, что я думаю?

Я не могу сдержаться и улыбаюсь в ответ.

— Да, Лиз. Именно это.

Думаю, она чуть не плачет, так как потом вытирает глаза.

— Для моего сына ты стала удачей года, Лана Суини. И не думай, что я об этом забуду.

«Для меня он тоже стал удачей», — думаю я.

Смущённая её похвалой, я иду в ванную. Когда выхожу, то замечаю, что Роберт принёс мою сумку из машины, где я оставила её прошлой ночью. На завтрак Лиз готовит нам омлет, после которого, в поисках своей одежды, я иду в комнату Роберта.

Она лежит на полу сухая, но немного смятая. Я всё равно надеваю её, зная, что мне только потребуется пересечь поле, чтобы добраться до дома. Как только я заканчиваю одеваться, заходит Роберт, прижимает меня к двери, а затем целует долго и неторопливо. Едва он даёт мне глотнуть воздуха, я сообщаю ему, что мы увидимся позже, и ухожу домой.

На улице ветрено, но довольно тепло, поэтому я иду обходным путём через разросшуюся траву на заднем дворе Лиз на краю холма. Я сажусь на траву, по которой пробегает лёгкий бриз, словно оживляя её на пару мгновений. Ветерок чуть щекочет мои ноги. Обхватив колени руками, я сижу там довольно долго, вдыхаю запах моря и наблюдаю за умиротворённым перекатом волн.

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я слышу рядом чьё-то движение. И слева от меня усаживается Роберт.

— Я думал, ты пошла домой, — говорит он, мягко поглаживая мою кожу кончиками пальцев.

— Я уже шла, но потом решила немного посидеть здесь.

Роб улыбается и кладёт руку на мою ногу. Нагнувшись, мужчина проводит носом по

моему колену. Мы умиротворённо молчим, и он говорит:

— Прошлой ночью я попросил тебя выйти за меня замуж.

Слегка наклонив голову в его сторону, я улыбаюсь в ответ:

— Знаю, я помню. Это был не совсем обычный способ сделать предложение.

— Это верно, но ты всё равно сказала «да».

Глупо усмехнувшись, я отвечаю:

— Насколько я помню, я сказала «окей».

— Это одно и то же.

— Ага.

— Я не имел в виду, что ты должна начать планировать свадьбу и всё остальное, — хихикает Роб. — Просто хочу, чтоб ты знала, что однажды станешь моей женой. Понимаешь, зная это, я чувствую себя спокойнее.

Повернувшись к нему, я поднимаю наши ладони с переплетёнными пальцами.

— Я стану, Роберт. Однажды.

— Однажды, — отвечает он, откидывая нас на траву.

Глядя на яркое голубое небо, я понимаю, что наше будущее приобретает очертание. Будущее, совершенно отличное от прошлого. Оно будет ясным, и в нём не будет никаких масок. Никаких притворств и никакой лжи.

В этот момент моя душа парит, потому что очертания этого будущего успокаивают и меня.

Конец

Больше книг на сайте — Knigolub.net